

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

УО "ВТУ им. П.М. Машерова"

ТОМ 17

ВИТЕБСК 2014

Министерство образования Республики Беларусь
Учреждение образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

Ученые записки

УО «ВГУ им. П.М. Машерова»

Сборник научных трудов

2014 • Том 17

УДК 378.4(476.5)(060.55)
ББК 74.583(4Бей-4Вит)6я54
В54

Печатается по решению научно-методического совета учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова». Протокол № 6 от 25.06.2014 г.

Редакционная коллегия:

А.В. Егоров (*главный редактор*),
М.А. Слемнев (*зам. главного редактора*),
В.Ю. Боровко, П.А. Водопьянов, Е.В. Давлятова, А.Н. Дулов, В.С. Елисеев,
А.П. Косов, О.В. Лапатинская, И.В. Мандрик, В.А. Маслова, А.М. Мезенко, М.А. Можейко,
С.А. Моторов, С.В. Николаенко, Э.И. Рудковский, А.В. Русецкий, И.Р. Чикалова, В.М. Шорец

Редакционный совет:

София Абрамович (*Польша*), Зина Гимпелевич (*Канада*),
Эрик Екабсонс (*Латвия*), И.А. Королева (*Россия*), А.А. Михайлов (*Россия*),
В.Н. Никитин (*Россия*), Н.Л. Пушкарева (*Россия*), Т.А. Яценко (*Украина*)

Сборник научных трудов «Ученые записки УО «ВГУ им. П.М. Машерова»»
включен в Перечень научных изданий Республики Беларусь для опубликования
результатов диссертационных исследований
по историческим, филологическим
и философским наукам

В54

Ученые записки УО «ВГУ им. П.М. Машерова» : сборник научных трудов. –
Витебск : ВГУ имени П.М. Машерова, 2014. – Т. 17. – 167 с.

УДК 378.4(476.5)(060.55)
ББК 74.583(4Бей-4Вит)6я54

© ВГУ имени П.М. Машерова, 2014

Оглавление

История	
<i>Мандрик И.В.</i> Актуальные проблемы белорусской экономической модели развития	5
<i>Телепень С.В.</i> Семейное окружение и полководческий авторитет в Древнем Риме (эпоха становления системы принципата)	16
<i>Обуховская О.А., Стрелец М.В.</i> Магнус Вайнберг: жизнь и деятельность	23
<i>Яковчук В.И.</i> История развития Академии управления при Президенте Республики Беларусь: этап становления ..	33
<i>Телячий Ю.В.</i> Первый всеукраинский съезд деятелей изобразительного искусства (1918 г.)	39
<i>Адамский В.Р.</i> Становление национальной высшей школы в период деятельности Центральной Рады	44
<i>Кур'янович А.В.</i> Канстытуцыя Рэспублікі Беларусь: распрацоўка, практы, прыняцце (1990–1994)	50
<i>Кульчицкая Е.В.</i> «Во имя мира и прогресса»: украинская делегация на конференции в Сан-Франциско	59
<i>Косов А.П.</i> Политика США в отношении Китая в период первого президентства Дж. Буша-мл.	64
<i>Петрусевиц А.А.</i> Восстановление унии в Чехословакии во второй половине XX века	79
<i>Афанасенко Ю.Ю.</i> «Похвальное слово отцам Констанцского собора» Григория Цамблака: проблемы изучения	84
<i>Бучастая С.И.</i> Система обеспечения строительства рабочей силой в Слободско-Украинском (Украинском) военном поселении кавалерии в первой половине XIX века	90
<i>Киселев А.А.</i> Общая полиция Витебской губернии в конце XIX – начале XX в.	95
<i>Василицын А.Г.</i> Регистрация церквей, приходских общин и духовенства Русской православной церкви в БССР во второй половине 1940-х гг.: особенности применения законодательства	102
<i>Николаева И.В.</i> Повседневность	

Contents

History	
<i>Mandrik I.V.</i> Topical Issues of Belarusian Economic Development Model	5
<i>Telepen S.V.</i> Family Environment and Commander Authority in ncient Rome (the Epoch of the Principate System Formation)	16
<i>Obukhovskaya O.A., Strelets M.V.</i> Magnus Weinberg: Life and Activity	23
<i>Yakovchuk V.I.</i> History of the Academy of Management under the President of the Republic of Belarus: Stages of Formation ..	33
<i>Teliachyi Y.V.</i> First All Ukrainian Congress of Fine Art Artists (1918)	39
<i>Adamskyi V.R.</i> Forming National Higher School during the Activity of Central Council (Rada)	44
<i>Kurianovich A.V.</i> Constitution of Republic of Belarus: Development, Projects, Adoption (1990–1994)	50
<i>Kulchytska E.V.</i> “In the Name of Peace and Progress”: Ukrainian Delegation at the Conference in San Francisco	59
<i>Kosov A.P.</i> The U.S. Policy towards China during the First George W. Bush Presidency	64
<i>Petrusevich A.A.</i> Reconstruction of Unia in Chechoslovakia in the Second Half of the XX Century	79
<i>Afanasenko Yu.Yu.</i> “Eulogy to the Fathers of the Council of Constance” by Gregory Tsamblak: Problems of Study	84
<i>Buchastaya S.I.</i> Construction Provision System in Slobodsko-Ukrainian (Ukrainian) Military Settlement of Cavalry by Labor Force in the First Half of the 19 th Century	90
<i>Kiselev A.A.</i> General Police of Vitebsk Province in the Late XIXth – Early XXth Centuries	95
<i>Vasilityn A.G.</i> Registration of Churches, Parish Communities and the Clergy of the Russian Orthodox Church in Belorussian SSR in the Second Half of the 1940s: Features of the Application of Religious Law	102
<i>Nikolayeva I.V.</i> Everyday Life of the	

послеоккупационного периода Великой Отечественной войны: опыт различных социальных групп (на примере Витебской области)	109	Great Patriotic War Post-Occupation Period: Experience of Different Social Groups (on the Example of Vitebsk Region)	109
Философия		Philosophy	
<i>Александрова И.Н.</i> Постмодернизм о проблемах и противоречиях концепта социального прогресса	116	<i>Alexandrova I.N.</i> Postmodernism on the Problems and Contradictions of the Concept of Social Progress	116
<i>Адамович С.В.</i> Тенденции и перспективы развития института государства, выбор средств оптимизации его функционирования	121	<i>Adamovich S.V.</i> Trends and Prospects of Development of the Institution of State, Choice of Tools to Optimize its Operation	121
<i>Лисовский П.Н.</i> Социальный конфликт как объект философско-методологического исследования	128	<i>Lisovsky P.N.</i> Search of the Methodological Foundations of the Theory of Social Conflict	128
Филология		Philology	
<i>Крикливец Е.В.</i> Бездомность как социальная и экзистенциальная трагедия в прозе В. Астафьева и В. Козько	135	<i>Kriklivets E.V.</i> Homelessness as Social and Existential Tragedy in the Prose by V. Astafiev and V. Kozko	135
<i>Щербин В.К.</i> Дискурсообразующие концепты управленческого дискурса	141	<i>Shcherbin V.K.</i> Discourse Forming Concepts of the Administrative Discourse .	141
<i>Шеверина О.В.</i> Номинации лиц в художественном дискурсе как хранилище социокультурной информации	147	<i>Sheverinova O.V.</i> Nomination of Persons in Literary Discourse as Storage of Social and Cultural Information	147
<i>Лавицкий А.А.</i> Медиаконцепт «Витебск» в региональном газетном дискурсе	153	<i>Lavitskiy A.A.</i> The Media Concept of Vitebsk in the Regional Newspaper Discourse	153

ИСТОРИЯ

Актуальные проблемы белорусской экономической модели развития

Мандрик И.В.

*Учреждение образования «Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова», Витебск*

В статье в рамках разрабатываемой в ВГУ имени П.М. Машерова темы «Государственные и общественные институты в процессе становления белорусской модели социально-ориентированного государства (1991–2010)» (научный руководитель доктор исторических наук, профессор Мандрик И.В.), которая является составной частью государственной программы научных исследований на 2011–2015 гг. «Гуманитарные науки как фактор развития белорусского общества и государственной идеологии» (научный руководитель программы – доктор исторических наук, профессор А.А. Коваленя) подпрограммы № 1 «История, духовная и материальная культура белорусского народа (История и культура)» (научные руководители – доктор исторических наук, профессор А.А. Коваленя; кандидат исторических наук, доцент В.В. Данилович; доктор исторических наук, профессор В.С. Кошелев; член-корреспондент А.И. Лакотко), рассматриваются основные аспекты становления белорусской модели социально-экономического развития на этапе 1991–2010 гг. Раскрываются существенные особенности белорусской экономической модели развития в системе социальных государств. Анализируется содержание основных направлений государственной социальной политики и их практическое воплощение в ведущих социальных сегментах. Определяются отдельные причины структурного характера, которые снижают эффективность белорусской экономической модели развития на нынешнем этапе (несовершенство функционирующей в республике акционерной собственности, проблемы в подготовке и закреплении на производстве квалифицированных рабочих, снижение качества образования молодежи, связанное с массовостью высшей школы и др.) и могут, если их своевременно не устранять, оказывать негативное влияние на развитие республики в будущем. Выводы и предложения автора по существующим проблемам адресованы государственным и общественным организациям.

***Ключевые слова:** западная модель общественного развития, белорусская экономическая модель развития, концепция и методика оздоровления экономики, акционирование, проблемы в образовательном пространстве.*

(Ученые записки. – 2014. – Том 17. – С. 5–15)

Topical Issues of Belarusian Economic Development Model

Mandrik I.V.

Educational establishment “Vitebsk State P.M. Masherov University”, Vitebsk

Within the currently developed topic of “State and Public Institutions in the Process of Building Up the Model of Socially Oriented State (1991–2010)” (the supervisor is Dr.Sc.(History) Professor I.V. Mandrik), which is a constituting part of State Program of scientific research for 2011–2015 “Humanitarian sciences as a factor of the development of Belarusian society and state ideology”, (Program supervisor Dr.Sc.(History) Professor A.A. Kovalenia) Sub-Program № 1 “History, Spiritual and Material Culture of Belarusian People (History and Culture)” (Sub-program supervisors Dr.Sc.(History) Professor A.A. Kovalenia; PhD (History), V.V. Dankilovich; Dr.Sc.(History) Professor V.S. Koshelev; Correspondence Member A.I. Lakotko), basic aspects of building up the belarusian model of the social and economic development during 1991–2010 are considered. Essential features of belarusian economic development model within the system of social states are revealed. Contents of the basic directions of the government social policy as well as their practical implementation in leading social segments are analyzed. A few reasons of structural character are identified, which reduce the efficiency of belarusian economic development model at the present stage (imperfection of the current shares property, problems with training and employing qualified workers, reduction of the quality of education of young people, which is connected with the mass character of higher education etc.), and can, if not timely removed, do harm to the development of the Republic in future. The author’s conclusions and suggestions are addressed to governmental and social organizations.

***Key words:** western model of social development, belarusian economic development model, concept and methodology of economy recovery, share holding, problems in the educational space.*

(Scientific notes. – 2014. – Vol. 17. – P. 5–15)

Адрес для корреспонденции: e-mail: ivan_mandrik@mail.ru – И.В. Мандрик

С начала 90-х годов XX ст. в силу политической и экономической ситуации в объявившей о своем суверенитете республике сделан поворот от социалистических директивно-плановых методов хозяйствования к рыночным. В начале формирования новой модели социально-экономического развития у отдельных политиков и части населения республики возобладала наивно-утопическая вера в возможность быстрого создания либерально-демократического общества западного типа. Начался отход, а затем и демонтаж советской планово-административной системы управления. Участие государства в управлении экономикой и социальной сферой в это время было минимизировано. Трансформация промышленного и сельскохозяйственного производства сориентирована в направлении к западной либеральной модели общественного развития.

Сегодня отечественные исследователи задаются непростыми вопросами: по какой причине в стране до 1994 года не прижилась система, которая в полной степени опирается на рыночные регуляторы, а модель рыночных реформ методом «шоковой терапии», построенная на рекомендациях Международного валютного фонда, потерпела провал. Насколько своевременно в республике сделан переход к социально-ориентированной экономике? Является ли белорусская экономическая модель развития регулятором и стимулятором производства и потребления, средством достижения общественных целей, укреплением могущества Отечества, повышения уровня жизни народа? Эти вопросы в нашей литературе не игнорируются, но они, как ключевые и судьбоносные в развитии независимого белорусского государства, требуют к себе еще большего внимания.

Отвечая на данные вопросы, мы отмечаем, что Республика Беларусь при переходе к рынку не являлась исключением в поиске новой системы организации и регулирования экономики, а вместе с ней и социальной политики. В такой ситуации находились все страны, многие в силу быстро меняющейся международной экономической и политической обстановки продолжают делать это и сегодня. Решать вопросы выбора и обоснования оптимальной хозяйственной и социальной модели развития страны, овладеть механизмом маневренности для того, чтобы не допускать отставания от передовых стран, – это краеугольная задача, которая находится в компе-

тенции высшего руководства страны. Она формируется квалифицированными политиками и специалистами, которые могут не только определиться с моделью, но и способны своевременно скорректировать идеологию существующей модели экономического развития в верном направлении, найти рычаги усиления возможностей избранной модели к самонастройке с учетом вызовов мировой экономики. Сделать это возможно лишь на основе строгого научного анализа всех вопросов, связанных со становлением и укреплением в Республике Беларусь социального государства. При этом очень важно, чтобы постоянному научному анализу подвергалась проблема человеческого потенциала, включенности в этот процесс многомиллионных масс трудящихся. Только через их умелость, творчество, новаторство и причастность к собственности можно добиться лидерства в экономической и социальной сферах, сократить время перехода от начального этапа формирования социального государства к его зрелому этапу. В то же время следует учитывать, что целостная концепция развития государства, которое стремится к своему качественно новому состоянию, не может определяться без опоры на доминирующее отражение этого жизненно важного вопроса в массовом сознании и существующего плюрализма мнений.

В этой связи на первый план в научных исследованиях в нашей республике выдвигается проблема социально-политического и социологического состояния белорусского общества, составления объективной характеристики самых существенных сторон самосознания составляющих его социальных слоев и классов, политических партий и общественных организаций.

Как видно, разработка высокоэффективной модели социального государства и ее научно обоснованных перспектив развития в верном направлении не возможна без научных аналитических исследований реального положения текущих дел в республике и ее регионах. Все это говорит об актуальности и востребованности комплексного исследования деятельности государственных и общественных институтов в процессе становления белорусской экономической модели развития.

Цель данного исследования – изучить содержание фундаментальных решений, принятых Президентом, правительством, другими властными структурами Республики Беларусь, направленных на динамичное развитие

страны; объяснить историческую обусловленность перехода от либеральной модели рынка к социально-ориентированной модели рыночной экономики; показать ход реализации государственной социальной политики и имеющиеся при этом сложности в социальных сегментах, которые сдерживают развитие страны в избранном направлении.

Материал и методы. При проведении исследования изучены официальные государственные документы, принятые в 1990–2013 годах, статистические сборники и материалы научных изданий, в которых имеется характеристика белорусской экономической модели развития. Оценка успехов и недостатков формирования белорусского социального государства, закономерности современного этапа его становления сделаны в контексте отечественных и мировых событий на основе фундаментальных исторических источников. Мы в исследовании опирались на общенаучные и историко-системные методы.

Результаты и их обсуждение. В первой половине 1990-х годов в стране сложилась тяжелая ситуация: кризисные процессы только нарастали, шло постоянное и подспудное накопление социальных противоречий. Сложность и противоречивость ситуации не позволяли разрешать вставшие перед страной масштабные задачи последовательно и продуманно. Перед политиками и экономистами постоянно вставали все новые и новые проблемные вопросы, на которые разбалансированная политическая элита республики не находила адекватных ответов.

Управленческие структуры республики не смогли в тех условиях выработать внятную и последовательную внутреннюю политику, которая позволила бы учесть весь комплекс текущих исторических, политических, экономических, культурных и идеологических факторов. В силу непоследовательности действий «верхов» стали ослабевать (и до этого не слишком развитые) народное самоуправление и контроль за деятельностью аппарата. Осознание причин кризиса в стране шло медленно. Научные учреждения на этом этапе не смогли провести анализ тех тенденций, которые утверждаются в противоборстве нового и старого. Достичь планируемых экономических и социальных показателей не удавалось. Происходило обвальное разрушение экономики, омертвление колоссальных производительных сил. Темпы развития производства, по сравнению с советским периодом, резко упали,

возрос дефицит бюджета, серьезно сократился ВВП, что сопровождалось значительными издержками в социальной сфере. Наблюдалась высокая инфляция, продолжалось падение курса белорусского рубля и уровня жизни белорусов, разрастался разрыв в доходах населения. Все это вызывало глубокое разочарование и апатию в белорусском обществе и порождало синдром недоверия правительству Вячеслава Кебича.

В создавшейся обстановке перед обновленным руководством республики во главе с первым Президентом страны А.Г. Лукашенко остро встал вопрос о выводе страны из глубокого кризиса и выборе дальнейшего пути развития. В октябре 1994 года с учетом нового видения внутривластного развития проведена корректировка прежнего курса. Концепция и методика оздоровления обстановки в стране были определены в программе неотложных мер по выходу экономики Республики Беларусь из кризиса [1, с. 2]. В программе заявлена главная цель – строительство социально-ориентированной рыночной экономики, предусмотрен комплекс взаимоувязанных неотложных мер, направленных на остановку спада производства, торможение инфляции, удержание существующего уровня жизни. Государство намеревалось стимулировать экономический рост через жестко централизованные методы управления экономикой, одновременно смягчая социальные последствия того общественного неравенства, которое неизбежно для начального этапа рыночных отношений. Цены и тарифы на услуги населению предлагалось приближать к реальным издержкам поэтапно.

Отправным моментом перехода к социально-ориентированной модели рыночной экономики, в которой только частично использовался опыт становления рыночных отношений западного типа, стали «Основные направления социально-экономического развития Республики Беларусь на 1996–2000 годы». Было заявлено об отказе на этом этапе от либеральной модели рыночных отношений. Внутренняя политика страны стала осмысленно направленной на сохранение преемственности с политикой советского периода. При внедрении рыночных подходов не отбрасывались ранее оправдавшие себя социалистические приемы и методы хозяйственно-управленческой системы.

С этого времени социально-экономическое развитие белорусского общества пошло по

пути программно-целевого регулирования. Новая концепция экономического и социального развития предусматривала оздоровление социально-нравственной обстановки в стране, восстановление достоинства республики в глазах собственного народа и мирового общественного мнения. В этом, на сегодняшний день, историческом документе учитывалось, в частности, что переход к новой социально-экономической системе является крутым историческим поворотом и насаждать ускоренно рыночные отношения без необходимой для этого перестройки низших, базисных звеньев экономической структуры небезопасно.

Относительно ранее сложившейся в стране обстановки такой подход демонстрировал в последующем свою живучесть. Он активизировал производственную деятельность. Промышленное и сельскохозяйственное производство в 2000 году превзошли показатели 1991 года. ВВП за период 1996–2000 годов вырос на 36% [2, с. 8]. Остановлен процесс социального расслоения населения. До 2000 года кризисные проявления удалось преодолеть, социальное положение населения республики нормализовалось.

В дальнейшем, с 2000 по 2010 год, республика достигла двукратного роста ВВП, что дало возможность минимизировать негативные социальные последствия, вызванные распадом СССР, более целенаправленно решать проблемы социальной защиты трудящихся.

Как видно, период с 1995 по 2010 год отличался от предыдущего (1990–1994 гг.) тем, что в это время в большей мере учитывались сложившиеся новые исторические условия и восприятие белорусским обществом рыночных механизмов. В стране формировалась социальная экономика, где на приоритетное место выдвигалась забота о человеке.

Однако утрата устойчивости процесса динамичного развития экономики, существенный спад показателей, характеризующих социальное положение населения на завершении первого десятилетия нового столетия, свидетельствуют, что белорусскую экономическую модель развития не следует абсолютизировать. К объективным причинам снижения эффективности хозяйственного комплекса республики можно отнести общее состояние мировой экономики, которая время от времени попадает в глубокие кризисы. Республика Беларусь – небольшая по территории и бедная природными ресурсами страна – не может быть экономически самодостаточной. Она

тысячами нитей связана с внешним миром. От внешнего влияния, от состояния экономики и поведения соседних стран во многом зависит реализация государственных планов. В 2008 году из-за падения покупательной способности многих импортеров, в том числе российских, республика столкнулась с проблемой экспорта своей продукции. Многие предприятия страны по результатам года понесли значительные потери, уменьшив, тем самым, источники повышения благосостояния населения.

В то же время критический подход к происходящему позволяет выявить внутренние факторы, которые наряду с внешними оказывали отрицательное влияние на стабильное развитие республики. В числе фундаментальных внутренних причин, которые носили структурный характер и не позволяли в полной мере раскрыться белорусской социально-экономической модели, мы называем недостаточно глубокую проработку на предыдущих этапах (сложной, но, как свидетельствует мировой опыт, решаемой с пользой для всеобщего блага) проблемы развития в стране эффективно функционирующей акционерной собственности работников.

Изучение данного аспекта показало, что складывающиеся в республике производственные отношения при формировании рыночных механизмов (они же сохранились и после 2010 г.) не приблизили работника к собственности. Приватизация и развитие бизнеса, стремление к получению высоких доходов часто сопровождалось пренебрежением трудовыми и человеческими отношениями между наемным работником и нанимателем. Эгоизм работодателя, особенно в период первоначального накопления капитала, отсутствие инструментов регулирования социально-трудовых взаимоотношений на договорной основе порождали у наемного персонала частных предприятий недовольство своим статусом. На многих частных предприятиях не было профсоюзных организаций (на отдельных они не сформировались и сегодня), что исключало социальное партнерство. Партнерские отношения в процессе производства, та забота и внимание о человеке труда, имевшие место в советский период, с переходом к рынку вытеснялись патерналистскими. В широких слоях белорусского общества ощущалась (осталась и после 2010 года) неудовлетворенность исходом приватизации через именные чеки «Маёмасць». Имея значительное количе-

ство акций, трудящиеся (теперь уже больше всего пенсионеры) не являются совладельцами предприятий. Они так и не стали субъектами взаимодействия. Такое положение ограничивает инициативу и предприимчивость рабочих, инженерно-технических работников и служащих, является тормозом формирования у них основ добросовестного труда, активного и сознательного участия в осуществлении планов.

Отчуждение наемных работников от участия в управлении производством привело к изменению их психологического настроения. Нельзя не заметить снижения социальной ответственности у работников в изучаемые годы и на государственных предприятиях. Анкетный опрос показал, что более половины инженерно-технических работников Витебской области обеспокоены недостаточным вниманием к человеку труда в коллективе, отсутствием реальных условий собственной востребованности в производственной и общественной жизни. 12% опрошенных отметили, что им настолько плохо, что из-за этого они собираются менять место жительства [3, с. 10]. По их мнению, простые люди и в рыночной экономике способны играть более заметную роль в воздействии на экономические и социальные процессы в трудовых коллективах, принимать участие в управлении делами государства и общества в различных и доступных формах. Этому пока мешает весьма высокая централизация в управлении, контрактная форма найма на работу, другие бюрократические элементы системы.

Успеха в решении социально-экономических проблем (об этом свидетельствует далекое и не совсем далекое историческое прошлое) можно добиться лишь при правильной постановке задач и поиске наиболее оптимальных путей и средств их реализации, при активном, сознательном и заинтересованном участии в этом самих работников. По настоящему трудящиеся включаются в социальное творчество только тогда, когда сами постигают и осознают общественные идеалы, сопрягая их со своими личными интересами.

В контексте сказанного в стране в первую очередь предстоит решать проблему трудовой мотивации и социальной ответственности работников наемного труда. Без развитой способности к самоуправлению и контролю над «верхами» со стороны «низов» общество оказывается беззащитным перед всевластием государственных органов и владельцев бизнеса.

Ответственность трудовых коллективов за судьбы своих предприятий, инициатива в решении экономических и производственно-технических проблем могут многократно возрасти при изменении существующей системы акционирования, через массовое включение трудящихся в сферу труда и общественное самоуправление. Проблема реального включения масс в процессы преобразования собственности давно назрела, но оставалась в тени. В ноябре 2013 года во время встречи с премьером страны Михаилом Мясниковичем Глава государства А.Г. Лукашенко внес этот вопрос в число первоочередных, которые требуют серьезного, продуманного решения. По этому вопросу, как он считает, необходимо принимать решение. Государство обязано защищать интересы миноритарных акционеров. Президент дал поручение и ждет предложений на этот счет от правительства. Какими будут эти предложения, думается, осталось ждать недолго. Не лишним, на наш взгляд, при решении данной проблемы может быть опыт тех стран, которые освоили в этом деле эффективные подходы. В Швеции, ряде других стран, чтобы не допускать конфликтов между трудом и капиталом на предприятиях создаются ассоциированные социальные объединения, в которые входят участники производства, они же совладельцы предприятий. Органы рабочего представительства ассоциированных объединений добиваются от владельцев контрольных пакетов акций, обязательной квоты по количеству акций, которое руководство компаний обязано продать по номинальному курсу рядовым работникам для того, чтобы они могли на равноправной основе участвовать в распределении прибыли. В таком случае собственность здесь носит коллективно-кооперативную форму, меняется социальная роль наемного работника: из объекта воздействия он трансформируется в субъект взаимодействия. Так как часть этого производства принадлежит ему и приносит постоянный ощутимый доход, владелец акций, он же работник данного предприятия, заинтересован в высоких его достижениях.

Как видно, возрождать философию частной собственности лучше всего через ассоциации собственников, где собственниками выступают сами работники. Наиболее простой, доступной и понятной формой для этого являются акционированные предприятия, где имеется удачное сочетание личностных и общественных интересов, где доходы от трудовой деятельности меж-

ду трудом и капиталом приближаются к справедливому распределению.

Данная проблема является на сегодня насущной не только для нашей страны. Но в нашей республике, где, как показывает исследование, потенциальные возможности государства традиционно сопряжены с народовластием и коллективизмом, она требует особого научного анализа и практического решения с учетом национального и исторически сложившегося менталитета и стереотипа мышления населения. Поэтому возможность коренных экономических преобразований, переход к зрелому этапу социального государства в Республике Беларусь может осуществиться в более короткие сроки и с меньшими издержками только через активное поголовное включение в его строительство максимально большего числа людей.

Упорядочение акционерной собственности, реальная ощутимая материальная отдача от нее поднимут престиж добросовестного труда, изменят хозяйственный механизм, сделают его более эффективным, вселят в людей уверенность в завтрашнем дне.

К числу серьезных социальных проблем, которые имелись в республике, следует отнести проблему подготовки и закрепления на производстве высококвалифицированных творческих рабочих, способных поднять производительность труда на уровень высокоразвитых стран, выпускать высококачественную, технически сложную продукцию, имеющую спрос и в нашей стране, и за рубежом. На многих предприятиях (особенно в металлообрабатывающей, станкостроительной, в последние годы – строительной отрасли) остро встал вопрос неуккомплектованности штатного расписания квалифицированными специалистами и рабочими ведущих специальностей. Это же относится и к рабочим со средней квалификацией и обычной вооруженностью труда. Для производства не хватает токарей-универсалов, слесарей широкого профиля, фрезеровщиков, каменщиков, штукатуров, трактористов и т.д.

Сформированная в прежние годы система профтехобразования в республике сохранилась, но, как показывает анализ, престиж рабочих профессий в стране ощутимо снизился. Сократился прием в профессионально-технические училища, соответственно, и выпуск рабочих массовых профессий. В 2007 году профессионально-технические училища республики подготовили 48,7 тысяч рабочих

средней квалификации. Такое количество не покрывало даже их естественной убыли [4, с. 2]. Неудовлетворительно велась индивидуальная и курсовая подготовка рабочих на предприятиях. Совсем мало внимания уделяли подготовке рабочих предприятия частной собственности, недостаточно выделяли на эти цели финансовых средств.

Нельзя не заметить и такой фактор: в 2009–2010 гг. после девальвации национальной денежной системы усилился отток квалифицированных работников с отечественных предприятий и организаций, связанный с выездом на работу в другие страны. На промышленных и сельскохозяйственных предприятиях, в строительных организациях ощущается острый дефицит квалифицированных рабочих. На поиск рабочего нужной квалификации предприятия и организации тратят много времени. В отдельных отраслях рабочие места заполняются гастарбайтерами, которые не имеют соответствующей подготовки в высокотехнологичном для Беларуси производстве. Неуккомплектованность предприятий квалифицированными кадрами, их высокая текучесть сдерживают рост производительности труда. Опыт прошлых (советских) лет подтверждает, что сегодня для эффективной работы предприятий необходимо, как это было раньше, заняться формированием стабильных трудовых коллективов, закреплением на производстве рабочих с высоким общеобразовательным уровнем. В кадровой политике государства требуются системный подход и усиление его регулирующей и стимулирующей роли в подготовке специалистов для хозяйственного комплекса страны в средних специальных учебных заведениях и технических училищах. Здесь не лишним будет снова напомнить о существующей практике советского времени, когда каждое предприятие имело план профессиональной ориентации, приема и закрепления молодежи на производстве. В 1970–1980-х годах на Белорусской железной дороге (этот вопрос предметно исследовался нами) подготовка рабочих осуществлялась по 50 основным и 33 смежным специальностям. Строилась она на разработанной концепции, в которой излагались требования последовательного совершенствования профессиональных знаний, умений и навыков, роста мастерства по имеющейся у работника профессии в течение всей его трудовой деятельности. При этом ставилась цель – дать работнику комплекс органично связанных

теоретических и практических знаний, призванных помочь ему овладеть профессией от начального до высокого уровня квалификации. Для освоения новой техники и прогрессивных технологий открывались целевые курсы, велось обучение вторым специальностям, была организована работа школ по изучению передовых методов труда. Повышением квалификации кадров массовых профессий занимались тысячи инструкторов производственного и преподавателей теоретического обучения. Чаще всего обучение велось в подразделениях, где научные разработки и практическая деятельность находились во взаимосвязи, где была налажена высокоэффективная организация производства. Именно такой подход позволял многотысячному коллективу Белорусской железной дороги быть слаженным во всех звеньях транспортным конвейером в сети железных дорог СССР [5, с. 177–178]. Достаточно стройная система подготовки рабочих сложилась в это время во всех областях республики. В Витебской области только за 1966–1968 годы училища системы профтехобразования подготовили и выпустили более 22 тысяч квалифицированных рабочих. Непосредственно на производстве в течение 1968 года подготовлено 21,5 тысяч рабочих, 45 тысяч рабочих за это же время повысили свою квалификацию [6, с. 14].

Успешная реализация социально-экономической политики на последующих этапах, на наш взгляд, будет во многом зависеть от способности государства оптимально сбалансировать подготовку рабочей силы с учетом ее потребности и спроса на средне- и долгосрочную перспективу, как в общегосударственном, так и в территориальном, и в отраслевом масштабах.

Целесообразно было бы обратить внимание на комплекс вопросов, связанных с функционированием высшей школы. В XXI столетии Республика Беларусь вошла в число государств с высоким уровнем грамотности населения (уровень грамотности взрослого населения в республике – 99,6%). По этому показателю она опережает многие развитые страны. В республике функционирует широкая сеть высших учебных заведений (на 1 января 2010 г. – 53 вуза, обучалось более 420 тысяч студентов) [7, с. 204–205]. Но, вместе с ростом массовости в высшей школе, «накапливались» слабые места. Как метко заметил Глава государства А.Г. Лукашенко, образование, став массовым и легкодоступным, в чем-то

расплескало былой авторитет [8, с. 2]. Такой вывод Главы государства основан на знаниях реального положения в высшей школе страны. Действительно, за ее массовостью скрываются серьезные проблемы. Неоправданно завышенный количественный рост студентов высшей школы, что отражается в нынешней ситуации, нарушает пропорциональность в подготовке специалистов высшей и средней специальной квалификации, затрудняет работу по социальной ориентации и набору молодежи в учебные учреждения, которые готовят рабочих массовых профессий. Одновременно создается ситуация перегруженности студенческой аудитории, идет снижение такого важного критерия образовательного процесса, как обеспеченность вузов профессорским составом относительно студенческого контингента.

Используя легковесность испытательной системы, значительная часть людей вливается в студенческую аудиторию абсолютно не готовыми и с отсутствием заинтересованности в развитии своих познавательных способностей. С первого до последнего курса они сориентированы на получение диплома, не проявляют при этом усердия в усвоении дисциплин и приобретении практических навыков и умений в избранной профессии. В таком варианте отсутствует социальный заказ на образованность.

Абсолютизация финансовой составляющей, увеличение доли студентов, обучающихся на платной основе, что наблюдается в последние годы в образовательной системе, ставит в сложное положение не только руководство вуза, но и преподавателей. Профессор, исключая профанацию в образовании, выставляющий на экзамене студенту, получающему образование за счет собственных средств, неудовлетворительную оценку (что он делает сейчас очень редко), видит себя в роли человека, подрывающего финансовое состояние своего учреждения и своего личного бюджета.

Имеются серьезные затруднения в трудоустройстве выпускников вузов. В текущем периоде большое количество выпускников не были востребованы на рынке труда, не смогли реализовать себя с пользой для семьи и общества. Такое положение снижает престиж высшей школы, деформирует систему стимулов учебного процесса в ней, ослабляет профессионально-квалификационный уровень выпускаемых специалистов, который является основным фактором социально-эконо-

мического и культурно-технического роста общества в настоящем и будущем.

Пути решения назревших проблем высшей школы находятся, скорее всего, в совершенствовании системы отбора молодежи для учебы в высших учебных заведениях страны.

Как известно, путь к знаниям труден, учебный процесс в вузе ежедневно требует от человека высокой концентрации и основательной подготовки по предметам школьной программы. В странах Европейского союза и в Японии признано, что не более 40% выпускников общеобразовательных школ способны фундаментально осваивать программу высшей школы [9, с. 4]. В нашей стране эти данные, скорее всего, аналогичны. Такая же часть выпускников общеобразовательной школы (а скорее чуть больше, чем в Японии) не готовы к концентрированным действиям и преодолению трудностей в статусе студента.

Нынешняя демографическая ситуация в стране, взвешенный подход к оценке выпускников общеобразовательной школы приводят к следующему выводу: необходимо отказаться от сиюминутного интереса (чем больше, тем лучше). Требуется срочно изменить критерии отбора студенческого контингента. Показатели уровня знаний, приобретенных учащимися в средней школе и абитуриентами на вступительных испытаниях, нужно поднять выше тех, что существовали на протяжении последних 10–15 лет (хотя бы до 40–50 баллов по каждому предмету).

На первом месте при комплектовании студенческой аудитории может быть прогноз востребованности специалистов высшей квалификации в хозяйственном и социально-культурном комплексах, как на нынешнем этапе, так и в перспективе. Только такой подход (что подтверждается мировой практикой, эту же точку зрения разделяют научно-педагогические кадры, в том числе и ректоры ведущих вузов страны) означает готовность молодого человека, поступившего в вуз, к постоянной высокой нагрузке, самосовершенствованию через осознанное отношение к учебному процессу.

Смена технологического уклада в стране на более высокий требует ежегодного обновления специальностей и специализаций. Менеджмент образования высшей школы республики мог бы стать более соразмерным современным требованиям при более оперативной разработке и своевременном пересмотре классификатора специальностей.

Не решенным до конца вопросом на этапе 1991–2010 гг. оставалось отношение государства к тому социальному слою людей, которые занимаются интеллектуальным трудом. Имеющийся на сегодня уровень научно-технического прогресса в промышленности, как считают специалисты, решался в суверенной республике еще во многом за счет использования довольно мощного задела советского времени. В 1990 году расходы на развитие научной сферы в БССР составляли примерно 2,6% национального дохода. В течение последних 20 лет выделяемые средства на науку в республике находились в пределах 1% ВВП [10, с. 6]. Мировая практика признает такую дотацию научной сферы критической величиной для нормального воспроизводства научно-технического потенциала любой страны. Так, известный государственный деятель и политик Российской Федерации, академик Е. Примаков, подвергая критике правительство своей страны, назвал положение с финансированием науки крайне тревожным. В 2013 году государственные и частные расходы на науку в России на одного исследователя составляли 39 тысяч долларов, в то время как в Китае – 74 тысячи, в США – 293 тысячи. Такое состояние академик охарактеризовал серьезным разрывом. Без финансового вливания в образование и науку, подчеркнул он, не будет инновационного развития страны и модернизации. Не будет решаться и демографическая ситуация.

Согласно принятым фундаментальным документам, Республика Беларусь держит ориентир на передовые страны, где имеется постоянная нацеленность на ускоренное развитие экономики за счет долгосрочных факторов, к которым относятся новые и высокие технологии. Однако, положение, когда из 6 тысяч определяющих технологий, используемых в настоящее время в нашей экономике, 79% относятся к традиционным, 15,8% – к новым и только 5,2% – к высоким, подтверждает, что сегодня в стране имеется острая потребность в специалистах высокой квалификации, способных разрабатывать и внедрять в производство новые и высокие технологии [11, с. 67]. Для сокращения отставания от ведущих стран в производительности труда (показатель, наиболее полно характеризующий эффективность производства) Беларуси нужны компетентные специалисты и администраторы мирового уровня. Их могут и должны готовить вузы республики, вся система

образования и воспитания в которых должна быть пронизана культом учебы и знаний. Тогда в данном контексте более правильным подходом к деятельности высшей школы может быть ориентация не на количественные, а на качественные показатели, на конечный результат, на формирование глубоких и прочных знаний, высокой компетентности и организаторских способностей у своих выпускников. При таком подходе ежегодно в вузы республики, как показывает анализ, возможно было бы оптимально отбирать и зачислять примерно 35–45 тысяч студентов. 170–200 тысяч обучающихся в высшей школе с менее чем 10-миллионным населением стало бы разумным распределением имеющегося кадрового потенциала страны. Снижение общей численности студентов вузов устранило бы существующее непропорциональное соотношение в подготовке специалистов с высшим и средним специальным образованием, а также рабочих массовых профессий для высокотехнологического производства.

Не менее острым является и вопрос о формировании оптимальной государственной политики в обеспечении кадрами сферы образования. Хотя в среде интеллигенции, занимающейся образованием и воспитанием населения, осталось немало способных специалистов самого высокого класса, их ряды с каждым годом сокращаются. Ближайшая задача, на наш взгляд, – поставить народного учителя (в широком плане – это человек, осуществляющий образовательный и воспитательный процесс) на ту высоту, которая ему предназначалась еще в Российской империи, декларировалась на заре советской власти, осуществлялась, с небольшими сбоями, в СССР.

Оплата труда педагога не единственная проблема, которая требует неотложного решения. Плановая подготовка высокопрофессиональных учителей, преподавателей, возврат в учебные учреждения тех, кто их покинул (уехал за границу, ушел торговать на рынок, в другие сферы), произойдет при де бюрократизации системы образования, создании этим людям условий для качественного выполнения их чисто профессиональных обязанностей. Обеспечение качественного образования и воспитания в образовательных заведениях не совместимо с тенденцией увеличения учебной нагрузки преподавателя (что происходит в последние годы с целью роста зарплаты).

В высшей школе особенно бережно следует относиться к людям со статусом профессо-

ра, которые наиболее полно воплощают сущность образования и воспитания и, тем самым, являются надежной опорой государства. Несмотря на расцвет информационных технологий обучения, педагогика вуза никогда не обойдется без компетентного профессора, доцента, которые являются цементирующим ядром кафедрального состава, способного обеспечить требуемое высокое качество образования, сохранить и приумножить у своих выпускников традиционно присущие белорусскому народу духовные и нравственные идеалы.

Целесообразным и современным можно назвать предложение одного из ведущих ученых республики, доктора исторических наук, профессора Е.К. Новика о зачислении профессора, аттестованного этим званием государственной Высшей аттестационной комиссией, на кафедру вуза без формального конкурсного отбора и, конечно же, без искусственно создаваемого приложения – контракта [12, с. 91].

Государству во всех отношениях полезно закреплять в системе образования людей с высоким уровнем педагогической и научной квалификации. Поэтому даже в сложных финансово-экономических условиях государственная политика в области оплаты труда ученых, педагогических работников должна гарантировать им социальную защищенность и достойное материальное вознаграждение, что является важнейшим фактором повышения престижа и качества их труда, закрепления самых одаренных, компетентных и креативных людей в творческом процессе развития высокотехнологического сектора экономики, а также в образовательных и воспитательных учреждениях.

Изучение и анализ деятельности всех структур, составляющих образование, учет мнения людей, занятых в руководящем звене системы образования и самом образовательном процессе, приводят к выводу: в стране назрела ситуация для срочного принятия комплексной государственной программы по утверждению подлинного авторитета образования в обществе, а также закона о социальном статусе учителя. Самое главное, чтобы в данных документах были прописаны механизмы перевода декларированных положений о социальной справедливости по отношению к людям, которым отводится ведущая роль в реализации приоритетного направления внутренней политики Республики Беларусь, в плоскость

практических действий всех ветвей государственной власти в сотрудничестве с общественными институтами. С наделением педагога, народного учителя подобающим для них статусом возрастет эффективность национальной системы образования и воспитания молодого поколения, что и станет основой создания в стране инновационной экономики.

Имелись противоречия в рассматриваемый период и в других сегментах социальной сферы. Установившаяся еще в 80-х годах XX ст. тенденция малодетности семьи или откладывания рождения детей молодоженами на более позднее время с 1993 года стала в нашей стране преобладающе устойчивой, в том числе и по объективным причинам. Одной из них была низкая степень материальной обеспеченности многодетных семей. Среди семей, имеющих троих и более детей в возрасте до 18 лет, доля малообеспеченных в 2009 году составляла 32,8% [13, с. 129]. Важно отметить, что в республике данная проблема из поля зрения государства не упускалась. Разработана стратегия демографического развития страны, которая имеет практическую реализацию. Меры поддержки многодетных семей в Беларуси носят дифференцированный и долгосрочный характер. В 2012 году (что находится за пределами периода нашего исследования, но указывает на постоянное внимание и частичное решение этой проблемы) среднемесячный размер пособий на детей до трех лет вырос в два, а старше трех – в 3,3 раза. Родители, имеющие двоих детей и больше, получили право на повышенный размер стандартного налогового вычета, на детей до трех лет при наличии рецепта врача – обеспечение бесплатными лекарствами. К тому же на дальнейшее положительное решение вопроса о повышении жизненного уровня многодетных семей направлен и закон «О государственных пособиях семьям, воспитывающим детей», проект которого подготовлен и находится на стадии принятия. Закон предусматривает адресность государственной помощи и усиление защиты семей [14, с. 3]. Однако современная демографическая ситуация (снижение численности населения, увеличение в нем доли людей в возрасте 65 лет и старше) требует комплекса государственных мер, способных оказать существенное влияние на натуральный прирост населения страны. Важнейшим фактором здесь может быть выделение многодетным семьям из государ-

ственного фонда комфортного жилья, предоставление более значимых пособий и льгот.

Заключение. Безусловно, что в развитии белорусского общества не может быть шаблона. Как свидетельствует историческое прошлое, переход к другому общественному укладу ни в одной стране не проходил гладко и в короткие сроки. Подыматься по исторической лестнице и перепрыгивать через ступеньки не получалось еще ни у одного народа. Однако выверенный передовой отечественный и зарубежный исторический опыт позволяет утверждать, что только своевременное разрешение и устранение противоречий, извлечение уроков из недалекого прошлого и осознание вызовов будущего может стать гарантией формирования в стране более производительного и эффективного социально-экономического уклада.

В Китайской Народной Республике, где при переходе к рынку имелись высокие темпы экономического развития, в последние 2–3 года наступил спад производства, отмечается высокая дифференциация в доходах населения. Руководство КПК осознало объективную необходимость назревших перемен. Здесь признано, что стране нужна новая модель.

Не вызывает сомнения, что поступательное продвижение Республики Беларусь вперед, ее выход на высокие рубежи развития возможны при высокой социальной ответственности трудящихся через развитие эффективно функционирующей акционерной собственности, при сбалансированной подготовке и закреплении в отраслях производства, учреждениях образования и культуры высококвалифицированных рабочих и специалистов высшего и среднего звена, способных в короткие сроки обеспечить производительность труда на уровне высокоразвитых стран. Для этого от руководства страны потребуются гибкие творческие решения, от трудящихся – гражданская инициатива и массовый энтузиазм.

Литература

1. Постановление Верховного Совета Республики Беларусь от 30.09.1994 № 3249-ХП «О программе неотложных мер по выходу экономики Республики Беларусь из кризиса» // Советская Белоруссия. – 1994. – 2 нояб.
2. Медведев, Р.Н. Белорусская крепость / Р.Н. Медведев // Беларус. думка. – 2009. – № 12.
3. Мандрик, И.В. Социальная безопасность и роль профсоюзов в ее обеспечении / И.В. Мандрик // Труд. Профсоюзы. Общество. – 2008. – № 2(20).

4. Ключко, А. Сістэма адукацыі выканала ўсе сацыяльна-эканамічныя паказчыкі / А. Ключко // Настаўніцкая газета. – 2008. – 29 студз.
5. Мандрик, И.В. Развитие железнодорожного транспорта республики в 1970–1991 гг.: состояние, проблемы, уроки: монография / И.В. Мандрик. – Витебск: УО «ВГТУ», 2003. – 218 с.
6. Государственный архив Витебской области. – Фонд 1. – Оп. 119. – Д. 55.
7. Статистический ежегодник Республики Беларусь, 2009.
8. Крят, Д. А.Г. Лукашенко. Завтра твоей страны / Д. Крят // Советская Белоруссия. – 2013. – 30 окт.
9. Маскевич, С. Проходные баллы строят по ранжиру / С. Маскевич // Советская Белоруссия. – 2013. – 27 фев.
10. Сюзьжина, А. Плоды невиданных идей / А. Сюзьжина, И. Кириленко // Советская Белоруссия. – 2013. – 10 окт.
11. Бертош, Е.В. Воздействие международного трансфера технологий на национальную экономику: теоретический и практический аспект / Е.В. Бертош // Весн. БДУ. Сер. 3. – 2012. – № 1.
12. Новик, Е.К. О Болонском процессе и действительных проблемах образования / Е.К. Новик // Социалогия. – 2013. – № 3.
13. Сечко, Н.Н. Малообеспеченность белорусского населения как социальная проблема. Социальное знание и белорусское общество / Н.Н. Сечко // Право и экономика. – Минск, 2009.
14. Дранюк, В. Обыкновенное и великое чудо / В. Дранюк // Советская Белоруссия. – 2013. – 11 янв.

Поступила в редакцию 03.06.2014 г.

Принята в печать 21.07.2014 г.

УДК 93(075.5)

Семейное окружение и полководческий авторитет в Древнем Риме (эпоха становления системы принципата)

Телепень С.В.

Учреждение образования «Мозырский государственный педагогический
университет имени И.П. Шамякина», Мозырь

Результаты исследования, представленные в настоящей статье, основываются на анализе сочинений античных авторов. Наличный нарративный материал, составляя основную часть необходимых для изучения данной темы источников, позволяет установить такие тенденции социокультурного характера, как влияние семейного окружения на функционирование институтов римского армейского социума. Являясь объектом исследования, данный социум рассматривается в аспекте полководческого авторитета, во многом зависевшего от участия в командирских делах семейного окружения полководца.

В статье делается вывод, что при всей несомненной обусловленности полководческого авторитета успешностью действий военачальника в качестве командира и при всей значимости его аристократического статуса, роль семейного окружения полководца нельзя недооценивать: источниковый материал наглядно свидетельствует о прямой зависимости этого авторитета от результативного участия в командирских делах семейного окружения полководца.

Ключевые слова: Древний Рим, римская армия, полководческий авторитет, аристократический статус, социокультурный контекст, семейное окружение, *disciplina militaris*.

(Ученые записки. – 2014. – Том 17. – С. 16–22)

Family Environment and Commander Authority in Ancient Rome (the Epoch of the Principate System Formation)

Telepen S.V.

Educational establishment “Mozyr State Pedagogical I.P. Shamyakin University”, Mozyr

The findings of the research presented in the article, are based on the analysis of compositions of antique authors. The narrative material, which contains the basic part of sources necessary for studying the given topic, allows to establish tendencies of sociocultural character such as influences of the family environment on the functioning of institutes of the Roman Army society. Being object of the research, the given society is considered in the aspect of commander authority, in many respects depending on influence from the family environment of the commander.

Conclusion is made that at all doubtless conditionality of commander authority by the success of the military leader as the commander and at all importance of its aristocratic status, the role of the family environment of the commander cannot be underestimated: the sources visually testify to direct dependence of this authority on the productive participation in commander affairs of the family environment of the military leader.

Key words: Ancient Rome, the Roman Army, commander authority, the aristocratic status, sociocultural context, family environment, *disciplina militaris*.

(Scientific notes. – 2014. – Vol. 17. – P. 16–22)

Адрес для корреспонденции: e-mail: telepen_serg@tut.by – С.В. Телепень

В отечественной науке не столь много работ, специально посвященных изучению такого специфического явления, как семейное окружение представителей римского армейского социума [1–2]. Причем работы эти посвящены главным образом проблеме реального функционирования данного института, а его анализ осуществляется в основном вне широкого социокультурного контекста. В настоящей статье мы сосредоточимся на вопросе о влиянии данного окружения на полководческий авторитет в Древнем Риме в связи с традиционным римским пониманием военной дисциплины (*disciplina militaris*). Изучение же различных аспектов римской *disciplina*, как справедливо отмечает ведущий российский специалист в области римских военных традиций А.В. Махлаюк, неотделимо от исследования «римской идентичности» [3].

Целью нашего исследования является установление характера влияния семейного окружения римских командиров на дела военного командования и прежде всего – на полководческий авторитет.

Материал и методы. Результаты исследования основываются на анализе сочинений античных авторов. Наличный нарративный материал (сочинения Тацита, Ливия, Валерия Максима, Светония, Полибия и др.) содержит основную часть необходимых для изучения данной темы источников, позволяя установить тенденции социокультурного характера, в частности – влияние семейного окружения на функционирование институтов римского армейского социума. Являясь объектом нашего исследования, данный социум, таким образом, рассматривается в аспекте полководческого авторитета, во многом зависевшего от влияния со стороны семейного окружения полководца.

Результаты и их обсуждение. Как известно, основной массе римских воинов со времен императора Августа и вплоть до 197 г. было запрещено вступать в брак. Наиболее распространенным в науке объяснением запретов на солдатские браки является мысль о том, что отсутствие у солдат семей обеспечивало необходимую мобильность армии [4–5]. Такое объяснение предполагает, что практические соображения в данном вопросе играли главную роль, а это довольно спорно. Р.Е. Смит замечает, что после того как армия получила постоянные места дислокации (эпоха Принципата), не осталось уже практических причин сохранять запрет на солдатские браки. Ученый объясняет сохранение запрета «кинер-

цией» сознания римлян [6]. То есть сохранение запрета на солдатские браки отражает глубоко укоренившиеся представления о природе *disciplina militaris*.

Что же касается римских офицеров, то они продолжали призываться на службу лишь на время и, таким образом, запрет на браки по отношению к ним не был применим [7]. Офицерам из всаднического сословия и прежде было разрешено жениться. Брак сам по себе не был проблемой для представителей правящего слоя во время их военной службы. Однако проблема семейно-брачных отношений все-таки со временем становится актуальной и для командиров, причем именно в период Принципата. Причиной здесь было, во-первых, изменение в это время отношения к военной службе, приобретшей характер профессиональной деятельности и сосредотачивавшейся теперь в постоянных легионных лагерях, что вело к упрочению связей между полководцем и его войском, и, во-вторых, увеличение при Августе и Тиберии продолжительности службы провинциальных командиров (Tac. Ann. I. 80).

Более ранняя традиция предписывала оставлять жену (но не сыновей) дома, причем не только на время военной службы, но и вообще на время исполнения дипломатических или наместнических обязанностей, как это было у Цицерона и его жены Теренции, когда тот был наместником в Киликии (Cic. Ad Fam. III. 12. 2). Но переход от Республики к Империи изменил ситуацию, и упоминания о взятии старшими офицерами семей (с собой к войскам) становятся намного более частыми примерно со времени Цезаря и далее продолжают до эпохи Принципата. М.-Т. Рипсе-Шарле приводит 92 случая, когда жены или дочери сопровождали мужчин сенаторского ранга, направлявшихся в провинции [8].

Ко времени Августа присутствие в лагере жен командиров высшего ранга стало столь распространенным, что побудило Светония выдвинуть на первый план среди мероприятий Августа по восстановлению дисциплины именно ограничение императором такой практики: *Disciplinam severissime rexit: ne legatorum quidem cuiquam, nisi gravate hibernisque demum mensibus, permisit uxorem intervisere* (Suet. Aug. 24.1) – «Дисциплину он поддерживал с величайшей строгостью. Даже своим легатам он позволял свидания с женами только в зимнее время, да и то с большой неохотой» (пер. М.Л. Гаспарова).

Тем не менее, сам Август, должно быть, ослабил бдительность к концу своего правления: многие его офицеры помимо Германика брали с собой свои семьи в военный лагерь в Германию, и будущий император Калигула, как полагали, был рожден *in castris* (Тас. Анн. I.40.4, 41.3). Правда, А. Маршалл считает, что до 21 г. н.э. провинциальные наместники, не происходившие из семейства Юлиев-Клавдиев, не пользовались правом брать с собой в провинции жен, но пассажи, приводимые им же, показывают, что в целом здесь имел место либеральный подход [9].

Но, сопротивление этой тенденции в наиболее консервативных кругах римской аристократии сохранялось. Тацит сообщает о разгоревшемся в римском сенате в 21 г. н.э. споре о допустимости присутствия семей командиров в военном лагере: *Severus Caecina censuit ne quem magistratum cui provincia obvenisset uxor comitaretur* (Тас. Анн. III. 33. 1) – «Цецина Север предложил воспретить уезжающим в провинцию магистратам брать с собой жен» (пер. А.С. Бобовича).

Тацит представляет ситуацию так, как будто Цецина использовал момент, чтобы закрепить постоянные правила поведения для полководцев и наместников. В ходе разгоревшейся в сенате дискуссии сенатор Валерий привел доводы против предложения Цецины, полагая, что присутствие жены было бы облегчением, а не помехой управлению, и Друз, оканчивая дебаты, приводит в поддержку мнения Валерия примеры Ливии (жены императора Августа) и своей собственной жены. Предложение Цецины изображено Тацитом как непопулярное, поддержанное всего несколькими сенаторами: *Paucorum haec adsensu audita: plures obturbabant* (Тас. Анн. III. 34) – «Лишь немногие слушали эту речь с одобрением: большинство перебывало ее» (пер. А.С. Бобовича). Валериева речь представляет семейное окружение полководца как благо, но не имеющее отношения к военным делам. Действительно, присутствие женщин-аристократок, постепенно берущих на себя роль *duces feminae* («женщин-вождей») в военном лагере, беспокоило многих в это время, как, впрочем, и в более позднее (Juv. 6. 398, 8. 128; Mart. 2. 56).

Тацит, когда реконструирует речь Цецины, вероятно подразумевает негативный пример Фульвии, жены Марка Антония, и Планцины, также «прославившейся» в качестве злого гения своего мужа-наместника провинции [10]. Фульвия была первой римской женщиной, кто

принял на себя активную роль в командовании, за что она подверглась суровому осуждению. Правда, еще раньше в схожей роли выступила жена Суллы Цецилия Метелла, которая сопровождала своего мужа в 86 г. до н.э. в Афины [11].

Сильный характер и амбиции Фульвии делали ее для своего времени исключительным явлением – как жена Антония она принимала активное участие в его карьере, за что подвергалась критике (Cic. Phil. 5. 22, 13. 18). Роль Фульвии сильно приукрашена пропагандой Октавиана [12]. Но во всяком случае она взяла на себя совместное командование с братом Антония Луцием в Перузийской кампании 41 г. до н.э., что и сделало ее объектом нападок со стороны политических оппонентов. Октавиан написал о ней оскорбительный и весьма непристойный стишок, упоминаемый Марциалом (Mart. 11. 20. 3) (ср. Plut. Ant. 10.5). Данная пропаганда свидетельствует о сильной в то время негативной реакции в массах на роль Фульвии в этой войне, что подтверждается также обнаруженными в районе Перузии пулями от пращи, надписанными оскорблениями в адрес жены Антония (CIL. XI. 6721).

Присутствие Фульвии вредило армии антонийцев не только потому, что она оказалась в окружении мужчин, но еще и потому, что ее участие в военном командовании делало женщину как бы не соответствующей своему гендеру. Это демонстрируется описанием Веллея Патеркула Фульвии: *Fulvia, nihil muliebre praeter corpus gerens* (Vell. Pat. II. 72. 2) – «Фульвия, в которой не было ничего женского, кроме тела» (пер. А.И. Немировского, М.Ф. Дашковой), когда она командовала силами Антония. Здесь напрашивается параллель со словами Валерия Максима, который пишет о Мезии, женщине, которая держала речь в суде в свою защиту сама, что она была прозвана *Androgine: quia sub specie feminae virile animum gerebat* (Val. Max. VIII. 3. 1) – «Андрогиной (из греч. «мужеродная». – С.Т.), которая под обликом женщины имела душу мужчины» (перевод наш. – С.Т.). В свою очередь отметим, что ораторское искусство, применявшееся в суде, часто характеризовалось римлянами в военных терминах: это была «боевая ситуация» в гражданском окружении. Так, у Полибия Сципион Эмилиан определяет себя в качестве ἡσυχίος – «мирного», поскольку он не выступает в судах (Polyb.

XXXI.
23. 11).

Участие Фульвии в обеспечении римской воинской дисциплины ведет к логической инверсии в отношении солдат. Однако с установлением монархической власти, т.е. в эпоху Принципата, ситуация усложнилась, так как теперь присутствие в лагере *duces feminae* означало не столько ослабление *disciplina militaris*, сколько переориентацию ее с личности императора на семью и личность императорского полководца. Это видится в случаях с женой Германика, племянника и приемного сына императора Тиберия, Агриппиной и Планциной, женой наместника Сирии Гнея Пизона. Реакция императора Тиберия на действия Агриппины в основном провоцировалась стремлением Германика и его семьи увеличить свою популярность среди солдат. Об Агриппине Тацит сообщает: *potiorem iam apud exercitus Agrippinam quam legatos, quam duces; compressam a muliere seditionem, cui nomen principis obsistere non qui verit* (Тас. Ann. I. 69) – «Агриппина среди войска могущественнее, чем легаты, чем полководцы: эта женщина подавила мятеж, против которого было бессильно имя самого принцепса» (пер. А.С. Бобовича). О Планцине же он пишет: *Plancia se intra decora feminis tenebat, sed exercitio equitum, decursibus cohortium interesse..., quibusdam etiam bonorum militum ad mala obsequia promptis* (Тас. Ann. II. 55) – «Планцина не держалась в границах того, что прилично для женщин, но присутствовала на учениях всадников, на занятиях когорт..., причем кое-кто даже из добропорядочных воинов изъявлял готовность служить ей в ее кознях» (пер. А.С. Бобовича).

В контексте вышесказанного вопрос, поднятый в сенате Цециной, знаменует поворотный момент. Римские женщины высокого ранга начали появляться в лагере, но не в том качестве, в каком женщины здесь появлялись в более ранний период: этих женщин-аристократок уже нельзя было просто изгнать как *scorta*. Цецина изображает в своей речи худший тип жены наместника – тот, который характеризуется активным участием такой жены в военных делах мужа. Тон Цецины подразумевает, что присутствие женщины является нарушением правил поведения пола: *non imbecillum tantum et impari laboribus sexum sed, si licentia adsit, saevum, ambitiosum, potestatis avidum; incedere inter milites, habere ad manum centuriones* (Тас. Ann. III. 33. 3) – «этот пол не только слабосилен и не способен

к перенесению трудностей, но если дать ему волю, то и жесток, тщеславен и жаден до власти; они выступают перед воинами, приближают к рукам центурионов» (пер. А.С. Бобовича).

В дебатах Цецины – Валерия, как это изображает Тацит, имеет место обращение к той же теме, к которой обращается Ливий, когда сообщает об обсуждении *Lex Oppia*. Однако имеются и существенные различия в акцентах данных сообщений Тацита и, соответственно, Ливия: обсуждение *Lex Oppia* было сконцентрировано на вопросе о внутрисемейных делах, т.е. на вопросе об опасности выхода женщин из-под власти мужей, что создавало угрозу для нормального функционирования общества в целом, поскольку вело к снятию ограничений на семейные расходы, в частности – приобретение предметов роскоши. Женщины здесь не представлены еще в качестве переместившихся за пределы мира семьи, хотя они фактически поднимали вопрос о их месте в семье, участвуя в политическом протесте: *matronae nulla nec auctoritate nec uerecundia nec imperio uirorum contineri limine poterant* (Liv. XXXIV. 1. 5) – «женщин же не могли удержать дома ни увещания старших, ни помышления о приличиях, ни власть мужа» (пер. Г.С. Кнабе) (Ср. Liv. XXXIV. 2. 9).

Но спор Цецины с его оппонентами в сенате по сути затрагивает вопрос о более высокой степени свободы аристократок и шире – других членов семьи полководца: вместо того чтобы претендовать на авторитет в семье, женщины начали узурпировать власть в военном лагере, принимая непосредственное участие в управлении военными делами, чем особенно возмущается тацитов Цецина. Если жена военачальника будет сопровождать мужа к его войскам, то она, согласно Цецине, станет частью лагеря и будет дискредитировать командирский авторитет, злоупотребляя властью мужа. Валерий не отвечает на этот аргумент Цецины, ответ Валерия содержит лишь идею об устранении женщин от управления делами лагеря: *bella plane accinctis obeunda: sed revertentibus post laborem quod honestius quam uxorium levamentum?* (Тас. Ann. III. 34. 2–3) – «На войну, разумеется, нужно идти только тем, кто способен носить оружие, но есть для возвращающихся после бранных трудов более чистое и добродетельное отдохновение, чем даруемое супругой?» (пер. А.С. Бобовича), где словом *labores* обозначаются ратные дела наместника, а *levamentum*

является эвфемизмом для обозначения сексуального общения.

Видение Цециной провинциальной службы состоит в понимании таковой как ограниченной военным лагерем, что делает присутствие командирских жен и других членов семьи, таким образом, неизбежно деструктивным. Для Цецины территория, подвластная Риму за пределами Италии (в частности Африка), – это *militia* («зона военных действий»). Валерию провинциальная служба представляется более широкой, то есть не связанной лишь с военными делами. Для Валерия, как и для большинства сенаторов, границы Империи достаточно расширились, чтобы считать римской территорией земли не только в пределах Италии (которую Цецина считает единственной территорией, в пределах которой было приличным оставаться его жене – Tac. Ann. III. 34. 1), но и территории провинций. Провинции и располагавшиеся в них войска теперь были обустроены так, что, согласно Валерию, присутствие членов семьи полководца теперь не могло навредить дисциплине и порядку. Это как если бы вернулись времена старой Республики, когда войны, которые вел Рим, были столь близки от дома, что регулярное пребывание воина в семье было правилом. Но ирония состояла в том, что семьи командиров стали допустимым элементом *militiae* именно в связи с фундаментальным изменением смысла *militiae*. В этом суть аргументов Валерия в его ответе Цецине.

Как следует из содержания спора между Цециной и Валерием, речь в них ведется не о присутствии членов командирских семей в лагере вообще, а только о женском *comitatus* наместников и о влиянии этих групп на власть. Это было проявлением тенденции изображать присутствие женщин в лагере – со времен Фульвии и далее – относительно положения их мужей в структуре власти. Женщины аристократического статуса являют собой в лагере угрозу дисциплине ввиду особого характера власти, которой они пользуются фактически. Уровень влияния жен военачальников представляет собой параллель авторитету их мужей, и таким образом Планцина и Агриппина принимают участие в осуществлении командирских обязанностей своих мужей, включая такую обязанность, как подавать пример для подражания. Но в отличие от своих мужей, они не связаны присягой, а их неофициальное положение в лагере могло обернуться бесконтрольным использованием та-

кой власти, которая не подчиняется принятым стандартам военной дисциплины. Если брать шире, здесь в дебатах Цецины – Валерия имеет место беспокойство по поводу надлежащего применения власти в соответствии с военной иерархией: командирские жены своим вмешательством в дела командования диверсифицируют армейскую лояльность, которая по определению должна быть обращена только к субъектам власти, т.е. к императору и государству.

Цецина, возможно, не слишком преувеличивает, когда предполагает, что семейное окружение в итоге установит альтернативную иерархию, которая будет мешать функционированию официальной иерархии: как только женщине разрешают сопровождать ее мужа, отправляющегося в качестве военачальника в провинцию, *duorum egressus coli, duo esse praetoria* (Tac. Ann. III. 33. 4) – «торжественная встреча устраивается обоим (мужу-наместнику и его жене. – С.Т.), существуют два претория (т.е. два штаба – официальный мужа-наместника и неофициальный жены. – С.Т.)» (пер. А.С. Бобовича). Данное позднее по времени беспокойство тем не менее связано с республиканским видением дисциплины как формы разрыва (разумеется, временного и относительного) связей между полководцем и семьей.

И Планцина, и Агриппина берут на себя лидерскую роль в качестве помощниц своих мужей – полководцев, особенно в сфере формирования отношений *comitas*. У Тацита Агриппина представлена возлагающей на себя командование войсками, находящимися в лагере, пока Германик и прочие командиры выступают во главе других отрядов против германцев, перешедших Рейн (Tac. Ann. I. 69). Хотя Агриппина не ведет войско на битву, она явно берет на себя контроль за оставшимися в лагере солдатами, когда ложные слухи о грозящем нападении на лагерь достигают его. Она действует независимо и с достаточной уверенностью, чтобы добиться повиновения, в частности чтобы своим присутствием воспрепятствовать разрушению моста через Рейн: *ac ni Agrippina inpositum Rheno pontem solvi prohibuisset, erant qui id flagitium formidine auderent* (Tac. Ann. I. 69) – «и если бы не вмешательство Агриппины, был бы разобран наведенный на Рейне мост, ибо нашлись такие, которые в страхе были готовы на столь позорное дело» (пер. А.С. Бобовича).

В то время как женщины в лагере обычно изображаются Тацитом как воплощение сил хаоса, деструктивная сила, Агриппина, «женщина великой силы духа» (*femina ingens animi*), успокаивает солдат, поддавшихся страху. Они, а не Агриппина, оказываются во власти неконтролируемых эмоций. Она принимает на себя роль лидера, распределяя между воинами перевязочный материал и одежду в тех случаях, когда солдаты нуждались в этом (Тас. *Ann.* I. 69). Примеры такого образцового поведения полководцев известны: схожим образом ведет себя Папирий Курсор у Ливия (*Liv.* VIII. 36. 6), у Цицерона – Мурена (*Cic. Mur.* 38); о Тиберии у Веллея Патеркула пишется, что тот не просто заботился о солдатах, но даже предоставлял им свою походную баню (*Vell. Pat.* II. CXIV. 1–2), а Германик сам обходил раненых солдат (Тас. *Ann.* I. 71. 3).

Сын Германика и Агриппины Гай Калигула также представляет собой альтернативный источник власти – тот, который дает его (Калигулы) семье «незаконное» преимущество перед Тиберием, подлинным императором, единственным, кто назначает награды и наказания. Его (маленького Калигулу) родители одевают как солдата, чтобы тем добиться привязанности войска, специфическим образом обеспечивая идентификацию Калигулы с войском. Калигула, как это хорошо известно, получил свое прозвище от войск своего отца Германика потому, что его родители имели привычку одевать сына как рядового воина; *caligula* – это уменьшительная форма слова *caliga*, так называлась солдатская обувь (Тас. *Ann.* I. 41, 69; *Suet. Cal.* 9).

Таким путем Германик демонстрирует свои симпатии по отношению к войску, позволяя своему отпрыску выступать в качестве *commilito*, или соратника, – хорошо известный метод апелляции к эмоциям солдат. Светоний, кстати, сообщает, что Август запретил использование этого слова при обращении к войскам (*Suet. Div. Aug.* 25. 1). Но этот шаг (одевание Калигулы как солдата) позволил Германику продемонстрировать свой отеческий (патриархальный) авторитет по отношению к войску: поскольку Германик отец Гаю Калигуле, то он же и *pater legionem*.

Использование маленького Калигулы в качестве особого приема завоевания лояльности войска было для Тиберия другой частью проблемы. Иной частью была отнюдь не «семейственность» в делах военного командования. Если женщины и дети были средством завое-

вания симпатий солдат, то из этого следовало, что для настоящих полководцев уже не оставалось других средств добиться лояльности солдат. Германик «дошел» до того, что использовал офицерских жен и детей, и прежде всего Агриппину и Калигулу, в то время еще ребенка, чтобы унять солдатский мятеж на рейнской границе (Тас. *Ann.* I. 40. 4). И этот ход в сочетании с исполненной пафоса речью обеспечил Германику успех. Светоний приписывает перемену в настроении мятежных солдат появлению лишь маленького Гаю Калигулы (*Suet. Cal.* 9). Дион Кассий сохранил еще одну версию, согласно которой Гай и Агриппина были взяты солдатами в заложники. По Диону, солдаты отпустили Агриппину, когда поняли, что она беременна, но некоторое время удерживали при себе Гаю Калигулу (*Dio. LVII.* 5. 5–7).

Иначе говоря, в истории развития отношений внутри армейского социума Древнего Рима одним из решающих обстоятельств в формировании особых связей полководца с войском, в складывании специфических, имеющих выход на «римскую идентичность» с ее патриархальными установками, признаков полководческого авторитета мы видим всестороннее влияние как на самого полководца, так и на его воинов, семейного окружения, и прежде всего – полководческих жен. Реакция консерваторов вроде Цецины является тому наглядным примером.

Заключение. Таким образом, при всей несомненной обусловленности полководческого авторитета успешностью действий военачальника в качестве военного лидера и при всей значимости его аристократического статуса, роль семейного окружения едва ли стоит здесь недооценивать: источниковый материал наглядно свидетельствует о прямой зависимости этого авторитета от в своем роде результативного участия в командирских делах семейного окружения полководца, потенциально конкурирующего с императором в праве быть для своих солдат *pater legionem*. Вполне объяснимым в этом случае выглядит то, что императорская власть, как в лице Августа, так на примере Тиберия, все более направленно стремилась ограничить влияние семейного окружения командиров на дела военного командования, неотделимого у римлян от патриархальных представлений, составляющих саму суть «римской идентичности».

Литература

1. Колобов, А.В. Семейное положение римских легионеров в западных провинциях империи при Юлиях – Клавдиях / А.В. Колобов // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8, История. – 1990. – № 3. – С. 54–63.
2. Козленко, А.В. Походно-полевые жены римской армии / А.В. Козленко // Scriptorium. – 2010. – № 34. – С. 39–48.
3. Махлаюк, А.В. Духи предков, доблесть и дисциплина: социокультурные и идеологические аспекты античной военной истории в новейшей историографии / А.В. Махлаюк // ВДИ. – 2010. – № 3. – С. 141.
4. Keppie, L. The Making of Roman Army / L. Keppie. – London: New Fetter Lane, 2005. – P. 148.
5. Wells, C. Celibate Soldiers: Augustus and the Army / C. Wells // American Journal of Ancient History. – 1998. – № 14. – P. 180–190.
6. Smith, R.E. The Army Reforms of Septimius Severus / R.E. Smith // Historia. – 1972. – № 21. – P. 494.
7. Phang, S.E. The marriage of Roman soldiers (13 B.C.-A.D. 235): law and family in the imperial army / S.E. Phang. – Leiden: Brill, 2001. – P. 129–132.
8. Raepsaet-Charlier, M.-T. Epouses et Familles de Magistrats dans les Provinces Romaines aux Deux Premiers Sicles de L'Empire / M.-T. Raepsaet-Charlier // Historia. – 1982. – № 31. – P. 56–69.
9. Marshall, A.J. Roman Women and the Provinces / A.J. Marshall // Ancient Society. – 1975. – № 6. – P. 119.
10. Ginsburg, J. In maiores certamina: Past and Present in Tacitus' Annales / J. Ginsburg // Tacitus and the Tacitean Tradition / ed. T.J. Luce and A.J. Woodman. – Princeton, 1993: Princeton University Press. – P. 93.
11. Marshall, A.J. Tacitus and the Governor's Lady: A Note on Annals III. 33–34 / A.J. Marshall // Greece and Rome. – 1975. – № 22. – P. 11.
12. Delia, D. Fulvia Reconsidered / D. Delia // Women's History and Ancient History / ed. S.B. Pomeroy. – Chapel Hill and London: University of North Carolina Press, 1991. – P. 199.

Поступила в редакцию 31.03.2014 г.

Принята в печать 21.07.2014 г.

УДК 312.14

Магнус Вайнберг: жизнь и деятельность

Обуховская О.А., Стрелец М.В.

Учреждение образования «Брестский государственный технический университет», Брест

В отечественной германистике практически отсутствуют работы, посвященные истории евреев отдельных германских регионов. Авторы настоящей статьи попытались восполнить данный пробел, обратившись к роли раввина Магнуса Вайнберга в исследовании истории евреев Верхнего Пфальца.

Цель работы – осуществление системной реконструкции жизни и деятельности этого неординарного человека.

Материал и методы. *Статья написана на германских источниках, в ней активно используются работы Магнуса Вайнберга, материалы архива в Амберге, Центрального архива истории еврейского народа. Источниковый базис дает основание для принципиально новых выводов и оценок.*

В работе использованы идеографический, аксиологический, историко-сравнительный методы в органической связи с принципами объективности, историзма.

Результаты и их обсуждение. *Авторы показывают соответствующую деятельность раввина в контексте баварских и германских реалий конца XIX – первой половины XX в. Они анализируют публикации Вайнберга о еврейской типографии в Зульцбахе, специально подчеркивая их пионерский характер.*

В статье также отмечается, что весьма плодотворной была работа Вайнберга с мемуарами, которая продолжалась более 15 лет. В 1926 г. он опубликовал общую статью по теме в «Баварских Иудейских общинных газетах», на год позже в «Ежегоднике еврейского литературного общества» появилась статья о мемуаре Хагенбаха, который замечателен, прежде всего, обширным мартирологом. Мемуары Зульцбурга, Зульцбаха, а также других общин служили Вайнбергу в качестве важных источников для, опубликованной в 1927 г. в Верхнем Пфальце, истории евреев. Популярный трактат о мемуаре появился в 1928 г. в журнале «Менорах». Более того, Вайнберг исследовал в эти и последующие 10 лет многочисленные мемуары баварских общин и позже в своем большом опубликованном произведении «Мемуары еврейских общин в Баварии» он дает объяснение тому, что рассматривал. В числе публикаций Вайнберга во второй половине 1920-х годов нужно подчеркнуть, прежде всего, его описание еврейских рукописей государственной библиотеки Фульда.

Заключение. *Магнус Вайнберг является блестящим образцом летописца еврейской истории. Его изыскания по этой проблематике обязательно заинтересуют историков, культурологов, религиоведов.*

Ключевые слова: *антисемитизм, Верхний Пфальц, евреи, история, иудаика, летописец, Магнус Вайнберг, раввин, репрессии.*

(Ученые записки. – 2014. – Том 17. – С. 23–32)

Magnus Weinberg: Life and Activity

Obukhovskaya O.A., Strelets M.V.

Educational establishmenty “Brest State Technical University”, Brest

In home German studies there are practically no works on the history of Jews of some German regions. The authors of the present article have tried to bridge the gap and turned to the role of Rabi Magnus Weinberg in the study of history of Jews of Upper Palatinate.

The purpose of the article is implementation of a system reconstruction of the life and activity of this unusual man.

Material and methods. *The article is written on German sources, works by Magnus Weinberg as well as materials from the Amberg Archive, the central archive of the history of Jews, are used in it. The source basis makes it possible to draw principally new conclusions and assessments.*

Ideographic, axiological, historical and comparative methods in the organic link with principles of objectivity and historical approach are used in the paper.

Findings and their discussion. *The authors show the corresponding activity by the Rabbi in the context of Bavarian and German realities of the late XIX – early XX centuries. They analyze Weinberg’s publications about the Jewish Publishing House in Zultsbach, stressing their pioneer character.*

It is pointed out that Weinberg’s work with memoirs, which lasted during 15 years, was very fruitful. In 1926 he published a general article on the topic of Bavarian Jewish Community Newspapers, a year later in the Annual of the Jewish Literature Society an article about Hagenbach Memoir appeared, who was distinguished by a wide martyrologue. Zultsbach, Zultsbach memoirs as well as by other communities were an important source for Weinberg for History of Jews, which was published in 1927 in Upper Palatinate. A popular interpretation of the Memoir appeared in 1928 in Menorakh Journal. Moreover, during the following 10 years Weinberg studied a lot of memoirs of Bavarian communities and later on in his

Адрес для корреспонденции: e-mail: mstrelez@mail.ru – М.В. Стрелец

Memoirs of Jewish Communities in Bavaria, he explained what he had considered. Among Weinberg's publications of the late 1920-s attention should be paid first of all to his description of Jewish manuscripts at Fuld State Library.

Conclusion. *Magnus Weinberg is a brilliant sample of the chronicler of Jewish history. His findings are of interest for historians, scholars engaged in cultural and religious studies.*

Key words: *anti-Semitism, chronicler, Jewish history, Jewish studies, Magnus Weinberg, rabbi, repression, Upper Palatinate.*

(Scientific notes. – 2014. – Vol. 17. – P. 23–32)

В отечественной германистике практически отсутствуют работы, посвященные истории евреев отдельных германских регионов. Мы попытались восполнить данный пробел, обратившись к роли раввина Магнуса Вайнберга в исследовании истории евреев Верхнего Пфальца. Принципиально важно отметить, что предлагаемая статья является первой работой, посвященной изучению еврейской истории указанного региона. Этот регион на протяжении ряда веков был эпицентром еврейской жизни в Германии.

Постановка проблемы вытекает из предмета статьи. В ней содержится попытка выяснить, какой же проблемный комплекс еврейской истории Верхнего Пфальца снят М. Вайнбергом.

Цель работы – осуществление системной реконструкции жизни и деятельности этого неординарного человека.

Материал и методы. Статья написана сугубо на германских источниках. В ней активно используются работы Магнуса Вайнберга, материалы архива в Амберге, Центрального архива истории еврейского народа. Источниковый базис, на который мы опирались, дает основание для принципиально новых выводов и оценок.

Нами используются идеографический, аксиологический, историко-сравнительный методы в органической связи с принципами объективности, историзма.

Результаты и их обсуждение. Магнус Вайнберг – германец четырех эпох. Он родился еще до объединения Германии, осуществленного Бисмарком. Формирование его как личности происходило в кайзеровской Германии. Во вторую для себя эпоху, отличавшуюся от предшествующих периодов германской истории серьезным улучшением положения евреев, Магнус Вайнберг впервые реализовал себя как раввин и исследователь истории евреев. В этих двух качествах он продолжал самореализацию в Веймарской Германии, в которой впервые было закреплено на конституционном уровне равноправие титульного и нетитульных этносов. Политический Чернобыль, наступивший после прихода Гитлера к

власти, резко отрицательно повлиял на жизнь и деятельность Вайнберга, ставшего жертвой Холокоста.

16 марта 1951 года появилась заметка в главной еженедельной газете евреев в Германии, напоминающая о раввине Магнусе Вайнберге, который за 9 лет до этого в возрасте 75 лет попал в концентрационный лагерь.

Мордехай Бернштайн, имеющий польские корни, который во многих публикациях знакомил с прошлым Баварии, называет Вайнберга «знаменитым исследователем родины и истории» и не в последнюю очередь великим раввином [1, с. 11]. С большой вероятностью можно утверждать, что среди читателей вряд ли были люди, кому известно имя Магнуса Вайнберга и его работы, а тем более те, кто знал его лично. Потому что почти все общины, в которых он исполнял обязанности раввина и между тем находился под их попечением, были уничтожены, а подавляющее большинство живущих в послевоенной Баварии евреев были перемещены из Восточной Европы. Небольшая заметка вызывает воспоминание о человеке, который был прежде известен в качестве летописца еврейской жизни в Оберпфальце благодаря различным локальным и региональным историческим исследованиям. Во многих отношениях его работы положили основу, на которой могли бы строиться все дальнейшие статьи об истории евреев в этом регионе.

Магнус Вайнберг родился в 1867 году в гессенском Шенкленгсфельде, недалеко от Фульды, и был восьмым ребенком супружеской пары Хирша и Розалии Вайнберг. До его третьего дня рождения мать умерла при родах своего десятого ребенка, который, как и пять других детей, умер в первые три года жизни. Отец, по профессии торговец, женился через год на сестре своей умершей жены, с которой он вырастил оставшихся пятерых детей. До своего 10-летия Магнус посещал еврейскую начальную школу в Шенкленгсфельде, а его учителем был Герц Шпиро – ученик гелнхаузенской ешивы раввина Зекеля Вормзера. Затем он поехал в Фульду, где 10 лет провел в гуманистической курфюрсто-гессенской гим-

назии. Свое религиозное воспитание он получил от фульдаера раввина Михаэля Кана, а в примечаниях в школьном аттестате было внесено «хотел бы стать раввином». После получения сертификата бакалавриата в марте 1887 года Вайнберг переселился в Хальберштадт, где учился с благословенным Ауэрбахом и раввином Йозефом Нобелем, очевидно для подготовки к ортодоксальной семинарии раввина Эзриала Хильдесхайма в Берлине. В октябре этого же года он учился на факультете философии университета Фридриха-Вильгельма в столице. К изучаемым Вайнбергом дисциплинам относились как философия, психология, педагогика и этика, так и халдейский и сирийский язык и литература. Свой аттестат он получил в декабре 1890 года. Параллельно с учебой в университете Вайнберг обучался в гильдесхаймской семинарии раввинов, а в июле 1892 года получил подтверждение о прохождении десяти семестров в качестве прилежного слушателя. К его учителям относили Адольфа Барта, Абрахама Берлинера, Мейр Гильдесхайма и Давида Хоффманна.

Затем Вайнберг успешно защитил докторскую диссертацию. Местом защиты был университет имени Фридрихса Халле в Виттенберге. Соискатель ученой степени покорила тамошних ученых мужей интересной работой под названием «История Йозефа, якобы написанная Василиусом Великим согласно рукописи немецкой королевской библиотеки» [2]. Работа представляет сирийский текст пересказанной истории библейского Йозефа, сопровождается переводом Вайнберга на немецкий язык. Диссертация установила, что почерк, вероятно, не совсем соответствует живущему в 4-м столетии епископу и митрополиту Кападокии Василиусу Великому. Открытым является вопрос, идет ли речь в действительности о переводе с греческого языка. В январе 1893 года Вайнберг получил сертификат доктора. Свидетельство о его посвящении в раввина в гильдесхаймской раввинской семинарии не найдено, а также недостаточно известно о его деятельности в последующие два года. Начиная с этого времени вышла только одна статья в еврейской прессе в 1893 году под названием «Благотворительность местных церквей в эпоху Ветхого Завета».

В 1895 году начинается раввинский этап в биографии Вайнберга. Известно, что в феврале этого года умер доктор Майер Лёвенмауэр, который 57 лет был раввином в Зульцбурге.

Вайнберг выступил в качестве его преемника. Первые два года в должности предусматривали, что Вайнберг кроме своих обязанностей в Зульцбурге, членства в раввинате с численностью в 125 человек, должен будет также заботиться и о несколько большей иудейской общине Ноймаркта. Кроме того, на Вайнберга были возложены ответственность за вопросы религиозного права, проведение лекций в синагоге в шаббаты и праздничные дни, чтение молитв и обучение учеников религии. Он был принят в должность 5 ноября 1895 года посредством решения министерства, а в декабре 1895 года приведен к присяге, после чего вновь назначенный раввин провел инаугурационную проповедь в синагоге Зульцбурга.

Уже в июле следующего года Вайнберг провел переговоры с израильтянской еврейской общиной в Зульцбахе, которая хотела передать ему функции раввина на 3 года после смерти Виттельсхёфера – уполномоченного по Флосу раввина Израиля. Соглашение не было подписано, т.к. Вайнберг отклонял дальнейшее использование фисгармонии в синагоге Зульцбаха, от которого не могла отказаться община [1]. В ответ на это они заключили договор с раввином Байройта Саломоном Кузницки, который также принимал ответственность за общины в Вайдене и Флосе. До этого общины Амберга и Хама, находившиеся под опекой раввината Флоса, настроились против назначения Вайнберга в качестве нового раввина. Эта договоренность была оспорена правительством Верхнего Пфальца, которое хотело заменить раввинат Флоса и перенесло его в Амберг. После продолжительных противоречий только Амберг остался на попечении Магнуса Вайнберга, хотя он не принимал участия в открытии синагоги в декабре 1896 г. Подтверждение тому, что Вайнберг был верен своему воспитанию и своей учебе в гильдесхаймской раввинской семинарии, вел общину Зульцбаха по строго религиозным канонам, можно найти в статье из газеты «Израильтянин» для ортодоксальных евреев.

В апреле 1898 г. Вайнберг женился на Юдите Бамбергер, дочери Натана Бамбергера – раввина Бюрцбурга, который был сыном знаменитого раввина Зелигмана бер Бамбергера. В первые годы супружеской жизни у них появились на свет 3 ребенка.

В начале столетия Вайнберг начал исследования истории евреев в Верхнем Пфальце, о чем свидетельствует его первое письмо Королевскому Баварскому районному архиву в Амберге от июня 1900 года, в котором он про-

сит предоставить ему информацию о фактах и документах, касающихся истории и культурных отношений израильских общин Верхнего Пфальца [3]. В результате возникло плодотворное сотрудничество с архивом, которое длилось более 35 лет. Данные этого архива были важнейшими источниками его исследования.

Пристрастие к занятию местной и региональной историей было разделено многими немецкими раввинами того времени, и часто они были первыми, которые посвятили себя истории своих общин. Бамбергский раввин Адольф Экштайн опубликовал в 1898 году в Баварии свою историю евреев в тогдашней епархии Бамберга. Позже в 1907 году он опубликовал историю евреев в Маркграфстве Байрота, в то время как Леопольд Лёвенштайн, районный раввин в баденском Морсбахе, представил три эпизода истории евреев в Фюрте с 1909 по 1913 год – все эти писания служили Вайнбергу в качестве источников для его собственных исторических исследований. Его первая публикация в качестве районного раввина была, тем не менее, не об истории одной из общин Верхнего Пфальца, а об известной еврейской типографии в Зульцбахе. Эта статья появилась в 1903 году в первом томе «Ежегодника еврейского литературного общества» и считается первым углубленным изучением истории их знаменитых и продуктивных типографий [4]. Первая часть трактата в хронологической последовательности описывает биографии книгопечатников, а также историю их типографий и изданий. Большое место отведено разгоревшемуся в 1755–1763 годах спору о печатании Талмуда Мешуламом Сальманом Фрэнкелем в Зульцбахе. Вторая часть предлагает список печатаний Зульцбаха между 1669 и 1851 годами, который насчитывает 539 работ. Прорывным результатом исследования было установление того, что первым печатным изданием типографии в Зульцбахе была не книга «Зохар» («Память»), увидевшая свет в 1684 году, а написанное на идише морально-этическое эссе «Лев тов» («Доброе сердце») Исаака бен Эльякима из Познани, изданное Исааком Кон-Юдельсом в 1669 году. Сотрудничество Вайнберга с типографией Зульцбаха продолжалось десятилетиями; в 1923 и 1930 годах он опубликовал улучшения и дополнения к «Ежегоднику еврейского литературного общества» и между тем маленькую статью о настенных календарях Зульцбаха для Года сотворения 5483. Всего в Зульцбахе Вайнберг

опубликовал 701 печатное издание. Важно иметь в виду, что не все современники согласились с выводами и оценками Вайнберга. В рамках экспертизы, которую поддержал раввин Йозеф Прис, первой книгой типографии Зульцбаха был объявлен буклет «Биркат Хамасон», изданный в 1669 году. Эксперты почему-то не обратили внимания на упоминание об этом буклете в трактате Вайнберга. Последний вполне обоснованно утверждал, что в отличие от эссе буклет увидел свет несколькими месяцами позднее.

К работам о типографии Зульцбаха относят также две статьи в «Ежемесячном издании трудов по иудаике». Первая посвящена угрожающему положению евреев в Мюнхене и Амберге в ноябре 1790 г. после ошибочного газетного сообщения об эпидемии чумы в пражском еврейском городе. Вторая повествует о сыне печатника из Зульцбаха Арона Фрэнкеля. Первая из трех монографий Арона Фрэнкеля об истории евреев в Верхнем Пфальце была опубликована еще в 1909 году в его собственной типографии. Содержавшиеся здесь сюжеты относились к району Ротенберга с общинами Шнайттаха, Оттенсооса, Хюттенбаха и Форта. Как подчеркивает Вайнберг в предисловии, настоящая монография базируется преимущественно на ненапечатанных источниках, которые он нашел в районных архивах Амберга и Нюрнберга, а также в архиве общины Шнайттаха. Заметным фактом является то, что даже использованные акты и архивные источники нигде не указываются. Исследование описывает возникновение и развитие общин с начала 16-го столетия, обязанности евреев по отношению к земельному господину и условия их поселения до конца 17-го столетия. Следующая монография, разделенная на 11 глав, – это хронологически построенное время пребывания в должности тогдашних раввинов, сильно сфокусированное на людях и раввинате [5].

В своей первой статье о типографии Зульцбаха в «Ежемесячном издании трудов по иудаике» Вайнберг объявил о намерении предать гласности содержание соответствующих дел на евреев, которые содержались в фондах королевско-баварского районного архива Амберга. Накануне Первой мировой войны он написал статью, посвященную 70-летию своего учителя Давида Хоффманна: «Полемика раввина Тама с Раши».

Через несколько месяцев после начала войны появилось написанное Вайнбергом во-

енное благоговение для еврейских женщин и девочек. Вначале он объясняет, что это благоговение написано по требованию различных женщин после молитв в военное время. Книжка содержит мольбы за супругов, сыновей и братьев в бою, которые начинаются соответственно цитатой из псалма. Молитвам предшествует иллюстрированная заутреня, к которой у Вайнберга сильное патриотическое отношение, которое в свою очередь разделяли большинство немецких раввинов.

«Недовольство (неприязнь) и зависть соседних народов зажгло военный факел [...]. Необходимо высокое отношение к чести империи, защита его уважения и его силы. Прикрепляй победу к нашим знаменам и к союзникам, так чтобы будущее поколение рассказывало» [5, с. 3–4]. Во время войны Вайнберг как, наверное, и все раввины видел особенно важную цель в том, чтобы оказывать содействие матерям и женам солдат. Из его общины погибло 11 мужчин.

Во время войны Вайнберг не публиковал научные статьи, кроме военной книжки благоговения в «Немецкой иудейской газете» для духовной помощи иудейским военнопленным в лагере Верхнего Пфальца Графенвер [6]. Уже в сентябре 1914 г. Вайнберг обратился к генеральному командованию 3-го баварского армейского корпуса с просьбой разрешить оказание духовной помощи французским арестованным в Графенвер и провести богослужения, что впоследствии ему было позволено. В течение трех с половиной лет, вплоть до закрытия лагеря для военнопленных в марте 1918 года, Вайнберг активно заботился о религиозных потребностях еврейских пленников, которые были родом преимущественно из России. Наряду с проведением богослужений Вайнберг беспокоился о филактериях, талитах и книгах для интернированных, а также о мацот и хаггадот к празднику песах. Для этого он апеллировал не только к благотворительности своих собственных членов общины, а получил также поддержку нескольких раввинов и еврейских организаций.

Поражение Германской империи и вместе с тем последующий роспуск баварской монархии Вайнберг воспринял как настоящий патриот. В одном из своих писем от 13 ноября 1918 года, всего лишь через 2 дня после подписания Компьенского перемирия, он пытается дать утешение и надежду: «После более чем четырехлетней героической борьбы мы должны были сдать сопротивление и подчи-

ниться перемирию, которое делает нас беззащитными и беспомощными перед победой врагов. [...] Немецкий народ боролся против превосходящей мощи врагов с неслыханным мужеством». Он умоляет членов общины черпать уверенность из жизни патриарха Якова, который после бегства от своего брата Есау поверил в Бога и снова пробивал себе дорогу «усердием и целеустремленностью. [...] Также немецкий народ скоро снова будет верить в Бога и благодаря собственным силам поднимется к новым вершинам». Одновременно Вайнберг подчеркивает вескую необходимость послушного смирения. Тем не менее, его правильная оценка положения отражается в его заключительном желании, Бог «мог бы подарить нам мир в стране и сохранить нас от раздора и гражданской войны» [7].

В марте 1919 г. появилось письмо Вайнберга, обращенное к истории молодой еврейской общины в Ноймаркте, которая находилась под его надзором после его вступления в должность в Зульцбурге в 1895 г. Оно появилось как праздничный подарок к запоздалому юбилею общины, который не мог состояться на год раньше из-за войны, в письме прослеживается возникновение и развитие общины, от создания уставов общины, построения и торжественного открытия синагоги до установления уроков религии и основания благотворительных объединений. Особенно интересно в этом небольшом письме то, что оно показывает взгляды Вайнберга на свою собственную деятельность в качестве раввина этой общины. Это исходит из того, что он нередко находился против сопротивления, так как у общины было почти одинаковое количество как либеральных, так и ортодоксальных членов. Так, по мнению Вайнберга, могло бы быть основано в 1905 г. мужское благотворительное общество в качестве протеста. В своем письме раввин признавался, что часть общины за этот союз «сегодня» [8]. Также перенесение его местожительства из Зульцбурга в Ноймаркт в 1910 г. на основании слишком неудобных жилищных условий – 2 ребенка родились в 1908 и 1909 гг. – вызвало «сильное соперничество и обиду» части общины [8, с. 11]. Напротив, он подчеркивает свое хорошее отношение с продолжительным главой общины Исааком Вольфом, который, согласно Вайнбергу, «находился на религиозно либеральной земле», но который хвалился «что, согласно принципам, он никогда бы не препятствовал деятельности религиозного руко-

водителя» [8, с. 9]. Вместе с Вольфом Вайнберг провел несколько изменений в синагоге, которые среди прочего включали внедрение *Jom Kirpur Katans* четыре раза в год, а также называемый маленьким день примирения, который проводится накануне новолуния в качестве постного и искупительного дня. Однако Вольф в 1904 г. уже не был председателем общины, а Вайнберг с грустью указывает на трудности в «единодушном сотрудничестве», с которыми он должен был бороться в течение следующих лет. Сюда же относился и спор с исполнительным органом общины в 1913 г. вокруг Бар Мицва Зелегманна Вайнберга, старшего сына раввина [9]. Вайнберг хотел обеспечить чтение всех частей Торы в шаббате своему сыну. А между тем правление приводило аргумент, что это было в общине Усуса, который позволил бар мицве доносить одну из семи частей разделенного чтения. Требовалось мнение со стороны раввина Регенсбурга, который принял точку зрения Вайнберга. Острота этого конфликта, который не находит, само собой, упоминание в статье Вайнберга об истории общины, привела тем временем к отставке председателя общины. Тем не менее, длительные дискуссии в пределах общины отражаются в призыве Вайнберга в конце своего письма: «Пусть Бог продолжает, исключая все личные планы и намерения, направлять только строгую объективность руководства и членов общины, а также религиозных и мировых руководителей привносить нужное доверие и доброжелательность». Поистине благочестивое желание, которое разделяется многими раввинами вплоть до наших дней. Вопреки очевидно снова и снова появляющимся конфликтам 25-летний юбилей раввина Вайнберга прошел празднично: «После торжественного богослужения и после обращения господина Драйхлингера члены общины соревновались в передаче своих поздравлений духовнику. [...] День представлял картину гармоничной жизни общины. В честь юбиляра все присоединенные общины района устраивали большой праздник в Зульцбурге, где присутствовало духовенство, рыночный совет, а также кроме членов общины много граждан» [10, с. 6].

В Ноймаркте Вайнберг также принимал активное участие в историческом объединении города, архив которого он вел с 1920 года в течение 6 лет. В 1921 году он опубликовал короткую статью о чумной драме Ноймаркта, а также описание о состоянии архива

объединения. В том же самом году он издал короткую статью под заголовком «частицы после истолкования талмуда». Он относился к членам-учредителям местного шахматного клуба и был некоторое время в числе его первых председателей. В 1924 г. появилось в «Ежегоднике еврейского литературного общества» одно из самых важных писем Вайнберга: «Исследования о существовании мемуаров» [11]. Вайнберг еще раньше использовал различные мемуары в качестве источников информации в своих исторических учениях как о еврейской типографии в Зульцбахе, так и об истории евреев Верхнего Пфальца в районе Ротенберга. Здесь он предпринял попытку впервые разобрать литургический жанр мемуара в целом: историю возникновения и развития, структуру его построения, использование в богослужении и значимость в религиозной литературе. Все составные части мемуаров разъясняются подробно: литургические молитвы, общие и местные некрологи, а также мартирологи, из которых вообще произошли мемуары. Вайнберг уделяет большое внимание тому, что возникновение известного мемуара, или, как он его называет, древнего мемуара, должно быть приписано не общине Нюрнберга, как предполагает раввин Майнца и издатель Сигмунд Зальфельд в своей рукописи 1898 года, а Майнцу. Дискуссия продолжается и до наших дней, и также сегодня большинство считает, что эта рукопись происходит из Нюрнберга, но ее корни снова возвращают нас в Райнланд. Тем не менее, проведенный анализ Вайнберга содержит детальное описание без малого 30 мемуаров еврейских подданных баварского короля.

Работа Вайнберга с мемуарами продолжалась более 15 лет. В 1926 г. он опубликовал общую статью по теме в «Баварских Иудейских общинных газетах», на год позже в «Ежегоднике еврейского литературного общества» появилась статья о мемуаре Хагенбаха, который замечателен, прежде всего, обширным мартирологом [12]. Мемуары Зульцбурга, Зульцбаха, а также других общин служили Вайнбергу в качестве важных источников для опубликованной в 1927 г. в Верхнем Пфальце истории евреев. Популярный трактат о мемуаре появился в 1928 году в журнале «Менорах». Более того, Вайнберг исследовал в эти и последующие 10 лет многочисленные мемуары баварских общин и позже в своем большом опубликованном произведении «Мемуары еврейских общин в Баварии» он

дает объяснение тому, что рассматривал. В числе публикаций Вайнберга во второй половине 1920-х годов нужно подчеркнуть, прежде всего, его описание еврейских рукописей государственной библиотеки Фульда.

Весной 1931 г. состоялся 3-й переезд Вайнберга в качестве раввина в Верхнем Пфальце. Прекращению переездов способствовало объединение раввината Регенсбурга с Ноймарктом после отказа от исполнения должности раввина Регенсбурга Харри Леви. Резиденцию нового районного раввината Вайнберг перенес в Регенсбург, самую большую еврейскую общину Верхнего Пфальца примерно с 450 членами. Раввинату Регенсбург-Ноймаркт принадлежало большинство еврейских общин в Верхнем Пфальце, в том числе Амберг, Хам, Флос, Страубинг, Зульцбах, Зульцбург и Вайден.

Вайнберг был хорошо известен общине Регенсбурга: здесь в 1912 году он произнес торжественную речь при освящении новой синагоги, а также в 1926 году – при открытии расширенного кладбища общины. В Регенсбурге он снова возглавил общину, члены которой были расколоты на ортодоксальный и либеральный лагеря. Уже в первый год после своего вступления в должность либералы приняли председательство этой общины. Внутренние различия в общинном интерьере отходили на задний план по сравнению с репрессиями, которым были подвергнуты все евреи после прихода к власти национал-социалистов. Уже 30 марта 1933 года более 100 членов общины были арестованы за 1 день, в том числе Магнус Вайнберг и его сын Йозеф. Непосредственно после этого последовал бойкот деятельности евреев, а также их многочисленные увольнения из общественных учреждений. Таким образом, Вайнберг столкнулся – как и все немецкие раввины – в самое короткое время с полностью измененной ситуацией. Он должен был заботиться как об освобождении арестованных евреев общины, так и о необходимости привлечения новых членов. В наступающей первой волне эмиграции евреев Регенсбурга до конца 1933 года 108 членов общины покинули город. Кроме того, доходило до серьезных конфликтов между Вайнбергом и правлением. Так, в апреле 1934 года он отклонил заявление на концерты светской музыки в синагоге, однако это было сделано в его обычной манере: «Так как я симпатизирую Вашим стремлениям, это не запрещает мне, все же, из чувст-

ва ответственности дать свое согласие на использование синагоги для нерелигиозных целей, однако, в частности, не для концертов инструментальных и вокальных концертов банального вида» [13]. Но в 1935 году он не мог предотвратить преобразования молебного зала синагоги в гимнастический зал, после чего молебный зал был переоборудован во вспомогательное помещение. Также, не спросив его, баня общины была превращена в душевую для членов израильского спортивного объединения. Эти изменения повлияли на уход благочестиво-настроенных членов общины, и жалобы, которые должен был принять раввин, выразились в озлобленном письме, написанном председателю общины.

Изображенные инциденты и вместе с тем сопровождаемое неуважение его учреждения создали, наверное, причину для того, что 40-летний служебный юбилей Вайнберга по собственному желанию «и по взаимному согласию с представителями районного раввината [...] был проведен без какого-либо праздника» [14]. Ввиду многочисленных трудностей и испытаний, которые сопровождали его время пребывания в должности раввина в Регенсбурге, не поражает и то, что он ничего не опубликовал в то время, кроме 3 кратких статей.

31 декабря 1935 г. в возрасте 68 лет Вайнберг пошел в отставку и переселился со своей женой в их родной город Вюрцбург. Здесь он посвятил себя своему последнему большому исследованию: «Мемуары еврейских общин в Баварии», которые появились благодаря финансовой поддержке союза баварско-иудейских общин в 2 томах в 1937 и 1938 гг. в издательстве Нойманна во Франкфурте-на-Майне. Оба тома представляют большой интерес для исследовательского корпуса. В этой работе, посвященной его жене, описано в целом 50 франкских мемуаров во всех их составных частях, только меньшая часть из этого – рукописи, которые Вайнберг уже описывал в своих исследованиях о существовании мемуара. Началом послужило краткое примечание, которое было составлено после многолетнего исследования Вайнберга. Издание некролога осуществляется почти исключительно на немецком языке, как и в его более ранних статьях, и ограничено в большинстве случаев именами и данными о записанных умерших. Это объясняется следующим образом: «Само собой разумеется, мы не приводим записи оригинального текста. Это было бы дело, ко-

торое терпело бы неудачу только уже в цене и также не будило бы интерес при монотонности не изменяющихся обычных пустых фраз» [14, с. 17]. Записи редко разительно отличаются друг от друга. Однако, следует заметить, что для знаменитых людей они составлялись полностью на иврите. Следующие примечания и указания об отдельных умерших при случае добавляются, впрочем, как и отдельно взятые длинные экскурсы в историю евреев некоторых мест. Полезные рассуждения Вайнбергом особенностей некоторых рукописей с их публикацией становятся уникальным источником для исторического и особенного генеалогического исследования [14]. Вайнберг отмечал, что сам довольствовался случайно полученными заметками или литературными ссылками исходных источников, которые предоставляют полную оценку историкам.

Ухудшающееся состояние еврейского исследователя отражается в одной из составленных рецензий раввина Нюрнберга а.Д. Макса Фройдентала. По случаю 70-летия Вайнберга, который был признан в качестве эксперта в своей области, пожелал Фройденталь, чтобы ему было дано довести до конца издание баварских мемуаров. Инициация второго тома Вайнберга для второй поставки не содержит однозначное указание на то, считает ли он сам сочинение законченным. Но ввиду факта, что общее число баварских мемуаров оценено в 150 единиц и в первом томе говорилось о дальнейших изданиях, мы можем исходить из того, что он думал о продолжении работы. С одной стороны, это подчеркивается его ожиданием, что появятся «снова и снова новые мемуары», а с другой – его надеждой, что обнаруженные им мемуары еще не предоставлены соответствующими общинами.

Во время своей работы над баварскими мемуарами Вайнберг и его жена пережили возрастающее обострение мероприятий против еврейского населения Вюрцбурга, которое сопровождалось постоянным уменьшением общины, численность которой при переселении пары насчитывала 2200 членов. Преследования достигли наивысшего апогея погромом ноября 1938 года, при котором была опустошена синагога и известный учительский институт, еврейские дела, дома и квартиры были разграблены и разрушены, а многочисленные члены общины схвачены и отправлены в концентрационные лагеря Бухенвальд и Дахау. Последнее миновало Магнуса Вайнберга, но не обошло стороной находящегося в должности раввина общины

Зигмунда Ханновера, который был вынужден покинуть Германию после своего увольнения. Наконец, его место принял Вайнберг, который сопровождал общину до ее роспуска в сентябре 1942 года как последний раввин Вюрцбурга.

Несколько деталей об условиях жизни Вайнберга можно почерпнуть из его личного дела при Вюрцбургском гестапо, содержание которого частично передано Х.Г. Адлеру в появившемся в 1974 году эпохальном произведении «Управляемый человек». Из него следует, что за почтой Вайнберга следили уже в 1937 году, но, тем не менее, как устанавливает Адлер, этот факт оставался лишь «незначительным эпизодом». В ноябре 1939 года, уже довольно долгое время после взятия его под свой контроль, прослушивался телефонный разговор, который Вайнберг вел с Гамбургским раввином Йозефом Карлебахом и говорил на еврейском языке и якобы также на английском. За этим последовал вызов Вайнберга в гестапо, где он рассказал для протокола, что в разговоре шла речь о захоронении пепла одного из умерших евреев Захсенхаузена. На утверждения, что беседа заканчивается «Потом будет месть», Вайнберг отвечает, что он говорил бы, наконец «рахемонен лизлон», по-арамейски «Бог может спасти нас». Из допроса следует, что все 5 детей Вайнберга жили уже за границей, трое из них в Англии, а также по одному в Роттердаме и Брюсселе. С двумя он переписывался, также он мог поддерживать ограниченный контакт и с живущими детьми в Англии. В заключение Вайнберг говорит, что он живет уединенно, кроме сестры в Вюрцбурге у него ни с кем нет контактов. Двумя днями позже произошел обыск квартиры раввина, который не доказал причастности Вайнберга к противогосударственной деятельности.

О том, что Вайнберг предпринимал попытки эмигрировать в Палестину, также можно узнать из личного дела, но, тем не менее, других подробностей нет. После того как он был вынужден переселиться, он надеялся, что с прошением в гестапо он уклонится в мае 1940 г. от изменения своего местожительства. Вследствие принудительного переселения всех вюрцбургских евреев в начале 1942 года в так называемые ночлежки Вайнберг должен был покинуть свою квартиру.

Степень издевательства, которая была назначена раввинам, также отражается в отсутствии желания Вайнберга создать в качестве подарка литературные произведения одному из живущих внуков в Голландии в Бар Мицве.

Также сообщалось, что «определенные для письма и книги для вывоза по большей части могут служить для исследования еврейских дел». Письма конфисковались и передавались службе безопасности отдела Вюрцбурга. Сам Вайнберг в свои последние дни в Вюрцбурге упорядочивал различные конфискованные гестапо архивы еврейской общины. Принял ли он участие в захоронении 25 свитков Торы на еврейском кладбище за несколько дней до роспуска общины неизвестно.

22 сентября 1942 г. еврейская община Вюрцбурга официально прекратила свое существование. В тот же самый день Вайнберг написал последнее сообщение своему брату Зигфриду, живущему в Чикаго: «Дорогой брат! Здоровы. Покидаю завтра Вюрцбург и еду с Эпштайнами в Терезиенштадт и надеюсь, что там встречу Хермана. Привет Селигманну и другим родственникам». Это письмо Красного Креста конфисковали, и оно попало в личное дело Вюрцбургского гестапо. 23 сентября Магнус Вайнберг и его жена оказались в числе людей, которые были депортированы в Терезиенштадт. Юдит Вайнберг, девичья фамилия Бамбергер, умерла там 28 декабря 1942 г., Магнус Вайнберг – 12 февраля 1943 года. Их сын Йозеф был застрелен в апреле этого же года в Бельгии при переезде в Освенцим, эмигрировавшая в Нидерланды дочь Розали, ее супруг и двое из ее четырех детей погибли в Берген-Бельзене. Как сестра Магнуса Вайнберга, Зерлине Эпштайн, с которой он был депортирован, так и его сводный брат Херман умерли в Терезиенштадте.

У Магнуса Вайнберга нет наследства, завещание существует исключительно из его опубликованных писем. Уже примерно 25 лет его исследования об истории евреев в Верхнем Пфальце продолжают другие, частично гораздо более широким и подробным способом, все же почти каждая публикация в этой области указывает на его работы. Сам мемуар, который исследуется все больше, был заново открыт как важный литургический жанр и исторический источник. Статья о мемуарах 1926 года была вновь опубликована в 1999 году Еврейским музеем Франконии. Более новые работы по теме опираются на неоднократно опубликованные исследования Магнуса Вайнберга. Его 40-летняя деятельность, в конечном счете, является самым важным делом в течение всей истории евреев в Верхнем Пфальце, исследованию которой Магнус Вайнберг посвятил всю свою жизнь. Однако будучи ортодоксальным равви-

ном внутри общины с большей частью либерально настроенных членов он испытывал тяжелые времена. Наконец, при первом принятии Вайнберга в должность в качестве раввина в Зульцбурге, общины находились в упадке, в первую очередь из-за миграции членов деревенских общин в крупные города, а также эмиграции в национал-социалистическом периоде и, в конце концов, уничтожения еврейской жизни в Германии, жертвой которого он стал. *Jiskor elohim et nischnato*: Пусть Бог помнит о душе.

Заключение. Магнус Вайнберг прожил непростую по своему содержанию жизнь, что было детерминировано разным положением в его родном Отечестве того этноса, который он представлял. М. Вайнберг на протяжении четырех десятилетий образцово выполнял обязанности раввина, демонстрируя основательную теологическую подготовку, жестко ориентируясь на ортодоксальный иудаизм, перманентно вникая в нужды членов своей общины. Раввин Вайнберг всегда стремился цивилизованно договориться как с властями, так и представителями корпуса иудейских священнослужителей. За эти годы раввин трижды переезжал в пределах Верхнего Пфальца для того, чтобы выполнять свои обязанности в новых местах, сочетая их с перманентными историческими исследованиями. Несомненно, Магнус Вайнберг является блестящим летописцем еврейской истории. До настоящего времени никто не может сравниться с ним в плане той скрупулезности, с которой исследовалась история евреев Верхнего Пфальца. Соответствующий сегмент наследия раввина и историка отличается убедительной структурированностью, явной новизной исследуемых сюжетов, оригинальностью трактовок, образцовым стилем изложения. Центральное место в данном сегменте занимало освещение истории еврейской типографии в Зульцбахе, которую Вайнберг рассматривал в интерьере реалий нового времени. К числу творческих удач Вайнберга вполне можно отнести «Мемуары еврейских общин в Баварии». Его изыскания обязательно заинтересуют историков, культурологов, религиоведов.

Литература

1. Stiftung Neue Synagoge Berlin – Centrum Judaicum, Archiv (далее: CJA), I, IA. Su 1, Nr. 7, #8540, Bl. 10–15, 22–26.
2. Magnus Weinberg: Die Geschichte Josefs angeblich verfasst von Basilus dem Grossen aus Cäsarea, nach einer syrischen Handschrift der

- Berliner Kgl. Bibliothek mit Einleitung Uebersetzung und Anmerkungen herausgegeben, Teil I, Diss. Halle 1893.
3. Staatsarchiv Amberg. Altregistratur II-Weinberg, Brief vom 19.6.1900. Die Korrespondenz zwischen Weinberg und dem Archiv zwischen 1900 und 1936 umfasst insgesamt 71 Schriftstücke.
4. Magnus Weinberg: Die hebräischen Druckereien in Sulzbach. Ihre Geschichte, ihre Drucke, ihr Personal, in: Jahrbuch der Jüdisch-Literarischen Gesellschaft 1 (1903), S. 19–203.
5. Magnus Weinberg: Die auf Juden bezüglichen Akten des Kgl. Bayerischen Kreisarchivs der Oberpfalz, in: Mitteilungen des Gesamtarchivs der deutschen Juden 3 (1911/12), S. 85–141.
6. Magnus Weinberg: Jüdische Gefangenen-Seelsorge im Lager Grafenwöhr, in: Deutsche.; Israelitische Zeitung vom 29.7.1915. S. 2–4; vom 20.9.1915, S. 17–19; vom 30.12.1915.
7. CJA, 1, 75 A, Su 1, Nr. 7, #8540, Bl. 106.
8. Magnus Weinberg: Das erste halbe Jahrhundert der israelitischen Kultusgemeinde Neumarkt Opf. Ein kurzer geschichtlicher Überblick, Neumarkt 1919.
9. Rösch 2000 (wie Anm. 3), S. 28.
10. Der Israelit. Jg. 61, Nr. 49 vom 9.12.1920, S. 6.
11. Magnus Weinberg: Untersuchungen über das Wesen des Memorbuches, in: Jahrbuch der Jüdisch-Literarischen Gesellschaft 16 (1924), S. 253–320.
12. Magnus Weinberg: Das Memorbuch, in: Bayerische Israelitische Gemeindezeitung 1 (1926), S. 113–120.
13. Central Archives for the History of the Jewish People (далее: САНЖП), A 164, Brief von Weinberg an Dr. Eisemann vom 8.4.1934.
14. Magnus Weinberg: Memorbücher in den unterfränkischen Kultusgemeinden, in: Bayerische Israelitische Gemeindezeitung 5 (1931), S. 73; Ders.: Eine literarische Entdeckung. Bericht eines jüdischen Zeitgenossen aus den letzten Jahren der im Jahre 1519 vertriebenen jüdischen Gemeinde Regensburg, in: Deutsche Israelitische Zeitung vom 6.8.1931, S. 1f.; Ders.: Das ritterschaftliche Oberlandesrabbinat Würzburg [1748–1809], in: Würzburger Nachrichtenblatt 1935, S. 34f.

Поступила в редакцию 23.12.2013 г.

Принята в печать 21.07.2014 г.

УДК 378.4:378.1(476):94

История развития Академии управления при Президенте Республики Беларусь: этап становления

Яковчук В.И.

Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Минск

В статье рассматривается первый этап развития Академии управления при Президенте Республики Беларусь как специализированного учреждения образования для подготовки, переподготовки и повышения квалификации руководящих кадров. Исследуются процессы создания учебно-материальной базы, организационной структуры, развития учебного процесса, научной деятельности и международного сотрудничества. В течение первых лет становления Академией управления был реализован комплекс мероприятий по созданию особого учреждения образования для подготовки, переподготовки и повышения квалификации руководящих кадров для суверенной Беларуси. Усилиями руководства и всего коллектива была сформирована хорошая учебно-материальная база, определена и постоянно совершенствовалась организационная структура, открывались новые специальности и специализации, внедрялись в учебный процесс новые учебные дисциплины, формы и методы обучения. Происходило формирование профессорско-преподавательского состава, осваивались новые направления научных исследований, развивалось международное сотрудничество. Академия управления при Президенте Республики Беларусь заняла свое место в числе ведущих вузов Беларуси.

Ключевые слова: история, академия, образование, управление, кадры, государственные служащие.

(Ученые записки. – 2014. – Том 17. – С. 33–38)

History of the Academy of Management under the President of the Republic of Belarus: Stages of Formation

Yakovchuk V.I.

Academy of Management under the President of the Republik of Belarus, Minsk

This article examines the first stage of the development of the Academy of Management under the President of the Republic of Belarus as a specialized educational establishment of training, retraining and professional updating of managerial personnel. Processes of creating educational and material resources, organizational structure, development of the academic process, research activities and international cooperation are studied. During the first years the Academy of Management implemented a set of measures to create a special educational institution for training, retraining and professional leadership training for the independent Belarus. Efforts of the management and the entire team resulted in creation of good training facilities, defining and continuously improving the organizational structure, opening new fields of specialization and expertise, introducing new disciplines, forms and methods of teaching into the educational process. Faculty was formed, new lines of research as well as international cooperation were developed. The Academy of Management under the President of the Republic of Belarus has taken its place among the leading universities in Belarus.

Key words: history, academy, education, management, personnel, state officials.

(Scientific notes. – 2014. – Vol. 17. – P. 33–38)

Адрес для корреспонденции: e-mail: viyakovchuk@tut.by – В.И. Яковчук

В процессе исторического развития государства и государственного управления зарубежные и отечественные ученые и практики вновь и вновь обращаются к проблемам качества и эффективности функционирования государственного аппарата. При этом, как в прошлом (вспомним опыт российского императора Петра I по отправке дворян на обучение за границу), так и в настоящее время многие из них приходят к выводу, что человеческий потенциал государственной службы является главным ресурсом и движущей силой прогрессивного развития государства. В современных условиях динамичности и неопределенности многих факторов, влияющих на управленческую деятельность, ценность человеческого потенциала неуклонно растет. Подготовка, переподготовка и повышение квалификации управленческих кадров выступают в качестве одного из источников повышения эффективности человеческого потенциала государственного аппарата, позволяют целенаправленно развивать его и использовать в целях дальнейшего развития государственных органов, организаций, отраслей, регионов, государства в целом.

Цель статьи – рассмотрение отдельных вопросов и проблем подготовки, переподготовки и повышения квалификации управленческих кадров в 1991–1994 гг. в Академии управления при Совете Министров Республики Беларусь.

Материал и методы. Источниковую базу исследования составили материалы архива Академии управления при Президенте Республики Беларусь.

Методологической базой исследования являются принципы историзма, научной достоверности и объективности, системного рассмотрения изучаемых фактов и явлений в их зависимости и взаимообусловленности. Помимо общих методологических принципов при проведении исследования использованы специально-исторические методы. С помощью историко-системного метода исследованы основные направления работы Академии управления на протяжении 1991–1994 гг. Использование историко-сравнительного метода позволило определить прогрессивную динамику в развитии Академии управления в части укрепления материально-технической базы, набора студентов и слушателей, формирования профессорско-преподавательского состава.

Результаты и их обсуждение. После обретения Беларусью независимости, создания

суверенного государства, перехода к рыночной экономике значительно усилилась потребность в профессиональной управленческой деятельности, что, в свою очередь, поставило на повестку дня вопрос о подготовке, переподготовке и повышении квалификации управленческих кадров. Становление независимого белорусского государства в 90-е годы прошлого века сопровождалось существенными изменениями в приоритетах управления человеческим потенциалом, связанными с ускорением технологического прогресса, глобализацией и усилением конкуренции в экономической, политической и духовной сферах общественной жизни. Все чаще стал звучать призыв о необходимости непрерывной подготовки управленческих кадров.

Идея создания учреждения образования, призванного осуществлять подготовку, переподготовку и повышение квалификации управленческих кадров после длительного обсуждения во властных структурах была реализована 29 января 1991 г. Тогда постановлением Совета Министров Республики Беларусь «О первоочередных мерах по подготовке, переподготовке и повышению квалификации кадров органов государственного управления, руководителей и специалистов народного хозяйства для работы в условиях рыночной экономики» на базе упраздненного Республиканского межотраслевого института повышения квалификации руководящих работников и специалистов отраслей народного хозяйства была создана Академия управления при Совете Министров Республики Беларусь.

Большой личный вклад в создание и становление Академии управления внесли первый заместитель председателя Совета Министров М.В. Мясникович, председатель Госэкономплана С.С. Линг и другие должностные лица. Исполняющим обязанности ректора был назначен доктор экономических наук, профессор А.И. Безлюдов. А в сентябре 1992 г. первым ректором Академии был назначен доктор экономических наук, профессор А.Г. Шрубенко, который активно взялся за создание учреждения образования нового типа. Вместе с ректором эту нелегкую задачу решали проректор по учебной работе кандидат экономических наук, доцент Л.С. Костевич; проректор по научной работе доктор экономических наук, профессор А.И. Безлюдов; проректор по административно-хозяйственной части В.И. Бондарев; начальник учебно-методического отдела В.В. Герменчук и др. [1].

В октябре 1991 г. начало функционировать отделение повышения квалификации работников местных Советов и органов государственного управления (директор Ф.Ф. Кобяк). В январе 1992 г. было образовано юридическое отделение (директор Л.Л. Дедков). В феврале–марте начали функционировать научно-учебно-методический радиационно-экологический центр (далее – НУМЦ) и отделение повышения квалификации руководящих работников и специалистов отраслей народного хозяйства (директор А.В. Соусь). Был образован ряд новых кафедр: внешнеэкономической деятельности; государственного права; гражданского права; уголовного права; иностранных языков; промышленности; строительства; транспорта и городского хозяйства; проблем защиты экономической информации; гуманитарных дисциплин; радиационно-экологическая [2, с. 6–14].

В июне 1992 г. состоялся первый выпуск слушателей Академии управления. За год существования Академия подготовила на дневном отделении 88 профессиональных управленцев, первых выпускников, пополнивших ряды руководящих кадров республики. Из 88 выпускников-менеджеров 24 человека были подготовлены по специальности «Государственное управление», 24 – «Экономика и управление» и 35 – «Организация и управление внешнеэкономической деятельностью». По заочной форме первый курс закончили 180 управленцев. Переподготовку прошли 220 человек, в т.ч. по специальности «Организация производства» – 60; «Организация и управление внешнеэкономической деятельностью» – 24; «Бухгалтерский учет» – 136. Повысили квалификацию 4150 человек: в общеакадемических группах – 1551; на отделении повышения квалификации работников местных Советов и органов государственного управления – 1276; НУМЦ – 85; юридическом отделении – 172; отделении повышения квалификации руководящих работников и специалистов отраслей народного хозяйства – 1082 [3, с. 1–24].

Летом 1992 г. был сделан первый набор на обучение студентов факультета менеджмента (декан И.В. Балдин). Большая работа была проведена по набору студентов и слушателей в Академию. Из 466 человек, рекомендованных в 1992 г. министерствами и ведомствами на академическую подготовку, было зачислено 380 слушателей, а из 696 поступающих на факультет менеджмента зачислено 587 студентов.

Среди зачисленных на академическую подготовку 36 слушателей представляли коммерческие структуры, 57 человек имели экономическое образование, 243 – инженерное, 80 – гуманитарное. По результатам тестирования более 80% показали высокую оценку склонности к руководящей работе. Из 587 студентов: 195 зачислено на очное отделение, 140 – на заочное по специальности «Экономика и управление производством»; 124 – на очное и 128 – на заочное по специальности «Правоведение».

Значительно укрепилась материально-техническая база. Если на момент создания Академии все площади были арендованные, то к концу первого года на ее балансе были двенадцатизэтажный учебный корпус и три общежития (ул. К. Маркса, 22 и 22 А, Сурганова, 47) на 970 мест.

Не сразу удавалось укомплектовать кафедры. К началу второго учебного года они были укомплектованы лишь наполовину. Всего в 1992 г. в Академии работало 84 преподавателя (48 штатных и 36 совместителей), из них 20 докторов наук, 55 кандидатов наук и 9 без ученой степени. Не лучшее положение было в начале 1994 г., тогда учебный процесс обеспечивали 18 кафедр, на которых работали 20 докторов наук, профессоров, 70 кандидатов наук, доцентов, но штатных преподавателей было только 58, в том числе 7 докторов и 36 кандидатов наук. Кафедры были малочисленными, на кафедру в среднем приходилось 2,5 штатных преподавателей или 3,5 единиц вместе с совместителями. Поэтому в качестве лекторов приглашались руководители и ведущие специалисты Верховного Совета и Совета Министров, министерств и ведомств, ученые и педагоги других вузов г. Минска, представители научного и делового мира других стран. 27 января 1994 г. постановлением ученого совета Академии в практику подбора профессорско-преподавательских кадров было введено конкурсное замещение вакантных должностей [3, с. 25–34].

В начале 1992/93 учебного года была создана лаборатория информационного обеспечения. 26 ноября 1992 г. по инициативе ректора А.Г. Шрубенко было принято решение учебного совета о создании музея Академии. Была создана Ассоциация выпускников Академии. 29 апреля 1993 г. на заседании ученого совета был рассмотрен проект и одобрена Педагогическая концепция Академии управления, которая определила: основные цели и задачи Академии, ее статус в системе подго-

товки руководящих кадров; характер и направленность подготовки специалистов; методы обучения; новые направления переподготовки и повышения квалификации; принципы и методы комплектования ППС; приоритетные направления НИР, международных связей и делового сотрудничества.

Получали дальнейшее развитие подразделения Академии. Так, отделение повышения квалификации работников местных Советов и органов государственного управления, образованное в соответствии с постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 06.09.1991 № 346 (директор Ф.Ф. Кобяка), в 1992 г. провело 34 месячных и двухнедельных коллоквиумов, на которых повысили квалификацию 2249 человек, в их числе председатели и заместители, заведующие орготделами областных, городских, районных Советов народных депутатов, заместители председателей райисполкомов, председатели и секретари поселковых и сельских Советов, работники аппарата Правительства, министерств финансов, иностранных дел, энергетики и др. Только за 1992 г. отделение заработало свыше 5,5 млн руб., затраты при этом составили 3,5 млн руб. В 1992 г. перед слушателями отделения состоялось 68 выступлений председателей комиссий Верховного Совета, 84 раза выступали министры, председатели госкомитетов и их заместители. Неоднократно проводились встречи с председателем Верховного Совета С.С. Шушкевичем, его заместителем В.И. Шалодоновым, Председателем Совета Министров Беларуси В.Ф. Кебичем, его заместителями М.В. Мясниковичем, А.И. Бокачем, М.И. Демчуком, И.А. Кенником, С.В. Брылем, С.С. Лингом. Выступления практических работников обогащали учебный процесс, способствовали укреплению связи его с жизнью, с теми конкретными задачами, которые решала республика, давали возможность слушателям глубже разобраться в сложившейся социально-экономической ситуации, определить пути выхода из нее [3, с. 35–59].

Специфика учебного процесса и категорий обучаемых остро требовала такого соединения теории и практики в подготовке управленческих кадров. Так, среди 291 слушателя Академии, успешно завершившего его обучение в 1994 г., 5 слушателей обучались по направлению Совета Министров, 2 – СНГ, 34 – министерств, 25 – государственных комитетов и ведомств, 71 – облисполкомов, 9 – Минского горисполкома, 95 – предприятий и организаций, 31 – коммерческих структур, 11 –

по личным заявлениям. Среди выпускников – руководитель Администрации Президента Л.Г. Синицын, 3 начальника управлений Совета Министров, заместитель председателя Госкомитета – В.Г. Махно, заместитель министра транспорта – Д.А. Савицкий и др. 80% выпускников Академии защитили дипломные работы на «отлично», 35 были рекомендованы ГЭК для обучения в аспирантуре [4, с. 1–48].

Развивалась и совершенствовалась научная деятельность. В ноябре 1991 г. для подготовки научных и научно-педагогических кадров была создана аспирантура по специальности 08.00.05 – экономика, планирование, организация управления народным хозяйством и его отраслями. В ноябре 1992 г. в аспирантуру было зачислено 17 человек. А приказом ВАК СССР в мае 1992 г. был создан специальный Совет по защите докторских и кандидатских диссертаций по указанной специальности. В первый же год работы в Совете были защищены 2 докторские (В.И. Похабов, Э.М. Гайнутдинов) и 2 кандидатские диссертации (Л.М. Кравец, Т.Д. Вермеенко).

В 1991 г. был зарегистрирован научно-практический журнал «Ракурс: управление, теория, практика, поиск», сформирован его редакционный коллектив. В 1992 г. в Академии выполнялось 22 научные темы, из них 12 бюджетных и 9 хоздоговорных на общую сумму 14 млн руб. При этом, если общая численность научных работников (без кафедральных) в 1991 г. составляла 9 человек (в т.ч. 2 доктора наук), то в 1992 г. – 50 (в т.ч. 10 докторов наук) [3, с. 1–29].

28 ноября 1991 г. по решению правительства в Академии управления с целью реализации международных учебных и научных программ и проектов по подготовке кадров в сфере государственного управления, осуществления международного сотрудничества был образован Международный центр подготовки менеджеров и делового сотрудничества. Академией стали проводиться научные конференции и семинары. Так с 19 по 30 октября 1992 г. в Академии был проведен семинар Международного валютного фонда по проблемам макроэкономики и финансовой политики. Реализовывались программы сотрудничества с зарубежными частными и госучреждениями. Так, был заключен договор на 1 млн экю с Баварией с целью подготовки управленческих кадров для Беларуси. Деньги были потрачены на развитие материальной базы Академии.

Первый ученый, которому Академия присвоила звание Почетного члена, был немецкий профессор Винфред Бёттчер, директор Европейского Маас-Рейн-Центра, с которым были установлены тесные партнерские отношения по подготовке управленческих кадров, привлекались европейские профессора для чтения лекций [3, с. 30–56].

Руководство Академии не останавливалось на достигнутом, видело недостатки и предпринимало меры по совершенствованию учебного процесса. За три года существования Академии было организовано обучение слушателей по специальностям: государственное управление, экономика и управление производством, организация и управление ВЭД, экономика и организация предпринимательства.

В целях дальнейшего совершенствования подготовки руководящих работников и специалистов приказом ректора Академии от 13.06.1994 г. № 280 – ОД с нового учебного года было организовано обучение слушателей и студентов по новым специальностям и специализациям: «Государственное управление» со специализациями «Управление и организация государственной службы», «Стратегическое управление экономическими процессами», «Межгосударственные экономические отношения», «Организация связей с общественностью»; «Экономика и управление производством» со специализациями «Экономика и управление предприятием», «Маркетинг», «Информационное обеспечение управления»; «Организация и управление внешнеэкономической деятельностью»; «Международное право»; «Экономика и организация предпринимательства» со специализациями «Экономика и организация производственно-коммерческого предпринимательства», «Экономика и организация агробизнеса».

В соответствии с новыми направлениями подготовки руководящих кадров и в целях повышения уровня организации и научно-методического обеспечения учебного процесса многие кафедры были преобразованы, были созданы новые кафедры государственного управления и международно-правовых дисциплин. В учебных планах специальностей появились новые учебные дисциплины, направленные на повышение профессиональной подготовки студентов и слушателей, такие, как теория и практика государственного управления; прогнозирование социально-экономического развития; финансово-кредитный механизм и государственное регу-

лирование экономики; политическое лидерство и государственная власть и др.

Для обеспечения с 1994/1995 учебного года магистерской подготовки слушателей началась разработка положения о магистерской подготовке в Академии, методики и инструментария диагностики теоретических знаний и практических навыков соискателей на звание магистра, программ магистерской подготовки, критериев аттестации слушателей на звание магистра. Для этого была создана рабочая комиссия в составе Л.С. Костевича (председатель), А.С. Головачева, И.В. Балдина, В.К. Матюшевой, А.С. Гринберга, В.В. Герменчука, О.И. Приходченко, Г.З. Суши, В.Я. Хрипача, Г.Е. Ясникова (заместителя председателя), С.В. Кривцова [4, с. 49–126].

Важное значение в рассматриваемый период руководство Академии придавало формированию контингента слушателей и студентов. В.П. Ключков, докладывая ученому совету Академии о наборе слушателей и студентов на 1994/1995 учебный год, отметил, что в комплектовании контингента слушателей приняли участие 44 министерства и ведомства, все облисполкомы и Минский горисполком. Из 640 человек, подавших заявления, по результатам конкурсного отбора приемными комиссиями рекомендовано 580 человек, принято 564. Это на 140 человек больше, чем в предыдущем году. Из них на дневную форму обучения принято 118 человек, на заочную – 446, на платной основе – 296. За счет повышенных требований не смогли добрать 6 человек на очную форму обучения за счет бюджета. По специальности «Государственное управление» был зачислен 91 слушатель. Значительную работу по подбору и направлению на учебу руководящих кадров провели Госкомпром – 25 человек, Минюст – 12, Минтранс – 10, Кабинет Министров – 10, Минобороны – 10, КГБ – 10, Минжилкомхоз – 4 и др.

Среди зачисленных за счет бюджета 1 работник Верховного Совета, 3 – Кабинета Министров, 2 – заместителя председателей Госкомитетов, 28 начальников управлений и отделов, 48 специалистов министерств и ведомств, 2 заместителя председателей облисполкомов, 15 начальников управлений и отделов, 6 председателей районных и сельских исполкомов, 6 заместителей председателей, 38 начальников отделов и специалистов райисполкомов, 117 руководителей предприятий, 44 их заместителя, 110 начальников отделов предприятий.

На факультет менеджмента было принято 511 студентов, в том числе по специальности «Экономика и управление производством» – 133 (дневная форма обучения – 72 человека, заочная – 61); «Экономика и управление предприятием (фирмой)» – 136 человек (дневное – 73, заочное – 63); «Правоведение» – 242 человека (дневное – 93, заочное – 72, на базе высшего образования – 77) [5, с. 50–135].

Таких результатов по набору контингента слушателей удалось добиться благодаря ряду организационных мер, предпринятых ректоратом, отделом персонала, организационно-приемной комиссией: по предложению ректората Госсекретариат по территориям Совета Министров довел до сведения министерств и ведомств, облисполкомов примерный план направления на учебу в Академию управления руководящих кадров; в апреле–мае была подготовлена и направлена в госорганы, на предприятия и организации информация об условиях приема слушателей и студентов; на базе Академии было проведено совещание с руководителями кадровых служб министерств и ведомств; на период комплектования за каждым министерством и ведомством, облисполкомом были закреплены соответствующие работники Академии; условия приема были опубликованы в газетах «Советская Белоруссия» и «Вечерний Минск»; проведен ряд информационных сообщений по республиканскому радио; подготовлен и направлен более чем по 2 тыс. адресов информационный справочник для поступающих в Академию; оформлены и установлены в помещении и на улице щиты, информирующие об условиях приема слушателей и студентов.

Заключение. В течение нескольких первых лет становления Академией управления при Совете Министров Республики Беларусь был реализован комплекс мероприятий по созданию особого учреждения образования для подготовки, переподготовки и повышения квалификации руководящих кадров для суверенной Беларуси. Усилиями руководства и всего коллектива была создана хорошая учебно-материальная база, определена и постоянно совершенствовалась организационная структура, открывались новые специальности и специализации, внедрялись в учебный процесс новые учебные дисциплины, формы и методы обучения. Происходило формирование профессорско-преподавательского состава, осваивались новые направления научных исследований, развивалось международное сотрудничество. В комплексе все это позволило Академии управления занять свое место в числе ведущих вузов Беларуси.

Литература

1. Шрубенко, А.Г. Государственность и управленческая элита: человеческое измерение / А.Г. Шрубенко // Проблемы управления. – 2009. – № 2. – С. 4–13.
2. Академия управления при Президенте Республики Беларусь / под общ. ред. С.Н. Князева. – Минск: Академия управления при Президенте Республики Беларусь, 2006. – 172 с.
3. Архив Академии управления. – Оп. 1. – Д. 11. – Л. 1–59.
4. Архив Академии управления. – Оп. 1. – Д. 65. – Л. 1–126.
5. Архив Академии управления. – Оп. 1. – Д. 40. – Л. 1–135.

Поступила в редакцию 28.05.2014 г.

Принята в печать 21.07.2014 г.

УДК 061.3:73.03(477)“1918”(045)

Первый Всеукраинский съезд деятелей изобразительного искусства (1918 г.)

Телячий Ю.В.

Хмельницкая гуманитарно-педагогическая академия, Хмельницкий, Украина

В статье освещены действия украинской творческой интеллигенции по организации и проведению первого Всеукраинского съезда деятелей изобразительного искусства в г. Киеве (9–16 июня 1918 г.) во времена Украинской державы гетмана П. Скоропадского. На основе материалов периодической прессы революционного времени реконструирован общий ход и работа форума, проанализировано содержание главных докладов, резолюций съезда. Особое внимание уделено художественной выставке членов общества деятелей украинского пластического искусства, которая была важной составляющей этого съезда. Рассмотрены ключевые направления реформирования художественного образования в условиях национально-культурного возрождения, определяются роль и функции художников в условиях революции, значение национальных традиций в культурном развитии Украины. В статье характеризуется творчество наиболее ярких представителей украинского изобразительного искусства первых революционных лет.

Ключевые слова: первый Всеукраинский съезд деятелей изобразительного искусства, доклад, украинская культура, художники, выставка.

(Ученые записки. – 2014. – Том 17. – С. 39–43)

First All Ukrainian Congress of Fine Art Artists (1918)

Teliachyi Y.V.

Khmelnitsky Humanitarian-Pedagogical Academy, Khmelnytskyi, Ukraine

Activity of Ukrainian creative intelligentsia as for organization and holding the First All Ukrainian Congress of figures of fine art in the city of Kyiv (June 9–16, 1918) in the times of Ukrainian state of hetman P. Sagaidachnyi is presented in the article. On the basis of periodical press of the revolutionary times, general course and the work of the forum have been reconstructed, the content of the main reports, resolutions of the Congress have been analyzed. Special attention is paid to the art exhibition of the members of All Ukrainian society of the figures of plastic art, which was an important component of the congress. Key directions of artistic education reform in the conditions of national and cultural revival are examined, the role and functions of painters under the revolutionary conditions, the meaning of national traditions in cultural development of Ukraine is determined. Creative work of the most prominent representatives of Ukrainian fine art of the first revolutionary years is characterized in the article.

Key words: First All Ukrainian Congress of figures of fine art, report, Ukrainian culture, painters, exhibition.

(Scientific notes. – 2014. – Vol. 17. – P. 39–43)

Длительное время, несмотря на активизацию исторических исследований, связанных с Украинской революцией 1917–1921 гг., неизвестными остаются еще много ее страниц национально-культурной жизни. Завесой малоизвестности для современных историков покрыта культуротворческая деятельность украинской художественной интеллигенции в период гетманата Павла Скоропадского (1918 г.), когда наблюдался процесс активного строительства национально-культурной сферы, происходило открытие многих научных, культурно-образовательных учреждений и пр. Практическим реализатором реформ выступила творческая интеллигенция, по инициативе

которой еще в 1917 г. был создан ряд съездов, определен план национально-культурного строительства по разным отраслям. Изучением этих вопросов занимались как исследователи истории культуры Украины за рубежом (Д. Антонович [1], И. Крипьякевич [2]), так и современные отечественные ученые (Д. Розовик [3], В. Сидоренко [4]) и др.

Вне поля зрения исследователей оказалось такое важное историческое событие, как первый Всеукраинский съезд деятелей изобразительного искусства, работа которого проходила в г. Киеве 9–16 июня 1918 г. во время существования Украинской державы гетмана П. Скоропадского.

Адрес для корреспонденции: e-mail: yute70@ukr.net – Ю.В. Телячий

Несмотря на достаточно серьезные научные наработки в области историко-культурных преобразований в Украине революционного периода (1917–1921 гг.) до настоящего времени не существует специально-го труда на озвученную тематику.

Цель данной статьи – охарактеризовать предпосылки, ход, основные решения и значение первого Всеукраинского съезда деятелей изобразительного искусства в г. Киеве (июнь 1918 г.). Для этого необходимо проанализировать материалы украинской периодической прессы 1918 г., определить роль художественной интеллигенции в культуротворческих процессах революционного времени, сделать выводы о государственной политике правительства гетмана П. Скоропадского в сфере национальной культуры.

Материал и методы. Источниковую базу исследования составили работы украинских исследователей, освещающие историко-культурную проблематику периода Украинской революции 1917–1921 гг. Нами использованы материалы фондов Центрального государственного архива высших органов власти и управления Украины, периодической печати 1918 г., отдельные каталоги художественных выставок революционного времени. При написании статьи мы опирались на принципы историзма, системности, а также как общенаучные (анализ и синтез), так и специальные (историографический анализ, проблемно-хронологический, историко-ситуационный) исторические методы. В статье осуществлен междисциплинарный подход к проблеме исследования.

Результаты и их обсуждение. Вопросами подготовки и практической реализации идеи национально-патриотической интеллигенции совместно с культурными работниками, служащими аппарата Управления по делам национальной культуры Министерства народного образования и искусства (далее – МНОИ), представителями общества деятелей украинского пластического искусства, различных художественных организаций, с мая 1918 г. занималась специальная комиссия по делам высшей школы из состава указанного Министерства. Материалы периодической прессы («Нова Рада» и др.) сообщали о том, что «в присутствии гетмана Украины, старшин его штаба, министра образования Василенко, вероисповеданий Зиньковского и некоторых членов Центральной Рады произошло в воскресенье, 9 э. м. в 12 час. дня торжественное открытие Всеукраинского съезда деятелей

пластического искусства. Гетман Украины в поздравительной речи выразил надежду, что съезд будет способствовать развитию украинского искусства» [5].

Читатели имели возможность ознакомиться с краткой информацией о содержании докладов, выступлений и приветствий участников. В особенности, член организационного бюро Д. Антонович разъяснил задачи форума, который объединял «все артистические силы национального искусства». Председатель съезда профессор Г. Павлуцкий в приветственном слове от имени отдела пластических искусств МНО Украинской державы акцентировал внимание участников на том, что история искусства всегда доказывала, что искусство каждого государства, когда оно заинтересовано в эпохальном развитии, должно быть национальным – именно таким путем и должно пойти искусство Украины. Министр народного образования и искусства Николай Василенко указывал на актуальность внедрения искусства в систему школьного образования как особенного в деле воспитания детей и юношества. Министр вероисповеданий В. Зиньковский утверждал, что в тесной взаимосвязи с искусством находится религия, именно потому он и просил не забывать о духовной культуре края, обратить внимание на развитие сакрального искусства и архитектуры. Представитель православной церкви епископ Алексей утверждал, что искусство в своей основе должно иметь исключительно национальную почву. Истинный источник вдохновения художника, – по мнению докладчика, – содержится в родной природе, родной старине. С приветственной речью от имени Комитета охраны памятников старины и искусства к делегатам съезда обратился Н. Биляшівський, от Всеукраинского учительского союза – С. Русова, от Черниговского общества художников – Тарновский, от Полтавского земского музея – Д. Щербаківський, от Общества исследователей искусства – Мокульский, от Украинского общества архитекторов – В. Рыков и др.

В особенности, 9 июня 1918 г. с содержательным докладом «Главные задачи развития искусства на Украине» перед участниками съезда выступил А. Богомазов. Он четко сформулировал общую конструкцию искусства, охарактеризовал существующие различия между украинским и русским искусством, акцентировал внимание на фиксирующем материале изобразительного искусства, говорил об ориентации молодых сил художников, оп-

ределил пути реформирования художественного образования и др. Докладчик, в особенности, утверждал: «...Теперь директивы Севера отпали, но не иссяк тот дух, те тенденции в искусстве, которые, он повлек за собой. Наши школы переполнены им и впереди ждут непростые задачи оздоровления художественного образования, главные задачи которого должны направляться на определение богатства пластического искусства Украины, определение динамических основ, развитие художественного самосознания, самокритики и аналитического понимания элементов изобразительного искусства. Необходимо осознавать четкие ориентиры того, к чему мы стремимся, как мы понимаем развитие национального искусства, и тогда появится возможность очертить реальные пути...». Таким образом, все это свидетельствовало об общегосударственном признании, высоком и надлежащем представительском и организационном уровне съезда.

К сожалению, не все приглашенные смогли принять участие в его работе. Перед делегатами и гостями выступил художник Д. Ильченко с докладом о направлениях развития украинского искусства. «Все, – говорил докладчик, – кто может встать к культурной работе, вышли и работают не покладая рук. В это тяжелое время украинский художник должен приступить к труду на благо национального возрождения, проводить свою деятельность только в искренне национальном направлении; он должен следить за современной жизнью, не пропуская ни одного случая, переносить на холст как современный бытовой жанр, так и батальные зарисовки борьбы за волю Украины, с большим почетом должен одушевлять страницы истории Украины, как быт нашего времени, так и казатчину, все замечательные пейзажи, исторические строения, цитадели и руины...» [5].

11 июня в помещении Киевской художественной школы перед делегатами свои доклады озвучили Ф. Красицкий – о художественном образовании в Украине, Т. Сафонию – об эстетическом воспитании, С. Гиляров – о необходимости открытия высшей художественной научной школы – Института истории искусств в г. Киеве; Кузьмин, Д. Ильченко и др. [5]. (Малоизвестным остается факт участия в работе форума многих авторитетных деятелей искусства не только г. Киева, но и других регионов.)

Как концептуально-важные направления развития национального искусства характери-

зуются тематические, теоретические выступления Г. Стелецкого «Охрана украинской старины», Г. Александровича «О состоянии культурно-исторических памятников Украины», Д. Антоновича «Об организации Национальной галереи в Киеве», Е. Ильенко «Современные задачи украинского художника» и др. Съезд принял постановление об организации художественных выставок в Украине, расширении экспозиции действующей картинной галереи в г. Киеве и превращении ее в большую Национальную картинную галерею с выделением залов для призываний художников национальных меньшинств Украины [3, с. 273].

В периодической прессе периода гетманата П. Скоропадского печатались материалы о мобилизации антиукраинских сил и сообщалось о том, что «объявляется она частыми всеукраинскими съездами, которые только и имеют название «всеукраинские», а на самом деле есть абсолютно антиукраинские. Но той «общерусскости» не удастся задавить свежую, крепкую... украинскую культуру. Это культурное антиукраинство есть только временное [6]. «Наблюдая за теми частыми всеукраинскими съездами, которые своими постановлениями вбивали только московский клин в украинскую культурную работу, – указывалось в материале «Съезд земств и деятелей искусства» (газета «Видрождения», 22 июня 1918 г., ч. 69), – искренний украинский патриот начал сомневаться в том, есть ли у украинцев силы, на которые могли бы опереться украинская культура и государство» [7]. Автор писал, что съезд деятелей искусства занялся мобилизацией художественно-творческих сил и в своих решениях продемонстрировал «искренний демократизм», определил широкие организационные планы развития национального искусства.

Понимая необходимость последующей консолидации кадров национально-патриотической творческой интеллигенции, съезд принял постановление о создании «Центрального союза искусств» – своеобразной федерации всех художественных организаций, которые существовали в то время в Украине. Кроме этого, планировалось издание в органах печати материалов съезда (объемом 20 печатных листов и 50 таблиц) со статьями Г. Павлуцкого, К. Широцкого, Д. Щербакивского, В. Зумера, Ф. Эрнста, В. Модзалевского, Д. Антоновича и Ф. Шмита. Но для практической реализации в жизнь этого постановления не существовало надлежащих благоприятствующих условий. Кроме этого,

в силу военно-политических причин, в начале 1919 г. перестало функционировать и само общество деятелей украинского пластического искусства [4, с. 22].

В общем, проведение съезда содействовало консолидации художественных сил творчески работающих художников, художественных обществ. В особенности, наблюдалась активизация функционирования общества деятелей украинского пластического искусства в г. Киеве, члены которого на конец июня 1918 г. подготовили новую редакцию устава и подали ее на рассмотрение МНОИ. Также важной приоритетной задачей стало запланированное открытие Института пластических искусств в г. Киеве параллельно с уже существующей академией искусств Украины.

Важной составляющей Всеукраинского съезда художников стала презентация картин, инициированная членами общества деятелей украинского пластического искусства. Выставка функционировала на протяжении июня–июля 1918 г. в одном из помещений академии искусств Украины (ул. Подвальная, 38, помещение школы им. М. Терещенко) [8]. Ее торжественное открытие состоялось 15 июня [9]. Она презентовала 317 произведений 31 автора. Каталог выставки информирует о том, что Н. Бурачек представил 9 работ, Ю. Михайлив – 4, Ф. Красицкий – 16, И. Макушенко – 5, Е. Трипольская – 13 (в т.ч. 10 рисунков), К. Тимошук – 8, Т. Сафонив – 3, К. Трохименко – 11 (из серии «Эрзерумские этюды»), М. Козик – 12 (в т.ч. 1 в двух вариантах), П. Холодный – 33, В. Кричевский – 61, Ф. Кричевский – 5, В. Пастухов – 24, Б. Пастухов – 9, П. Носко – 4, А. Богомазов – 9, Ю. Павлович – рисунки к сказке «Ивасык-Телесык» и этнографические записи Полтавщины, Киевщины, В. Ищенко – 3, Л. Обозненко – 9, Г. Павлуцкий – 10, З. Подушко – 1, И. Хворостецкий – 20, К. Монастырский – 2, О. Судомора – 5, А. Прахова – 3, Н. Прахов – 1, Д. Ильченко – 5, Ф. Шаврин – 1, Д. Дяченко – 12, Д. Фидровский – 14, В. Коробцов – 3. По словам Н. Голубця, особенный интерес на выставке представлял отдел архитектуры с несколькими сотнями фотографий и рисунков наиболее характерных памятников архитектуры совместно с проектами новых строений в украинском стиле. Посетители имели возможность ознакомиться с материалами конкурса проектов Украинского народного дома, а также с фотокарточками старинной украинской архитектуры из коллекций Киевского

городского музея, из частных собраний проф. К. Широцкого, проф. Г. Павлуцкого, В. Леонтовича, Д. Щербакивского, Н. Биляшивского, Д. Аршеневского, Г. Нагеля, Ф. Красицкого. Особой оригинальностью характеризовались коллекции детских рисунков А. Богомазова, Д. Ильченко, М. Козика [10, с. 2–7].

Авторитетный искусствовед К. Широцкий в рецензии на выставку (за подписью «К. Суцанский») констатировал отсутствие в экспозициях произведений художников из городов Харькова, Чернигова, Екатеринослава, Одессы и др.: «К сожалению, внешние обстоятельства сложились таким образом, что добрым намерениям и желаниям не суждено было осуществиться. Пришлось, за небольшим исключением, ограничиться только местными художественными силами». Далее рецензент писал: «...Огромная заслуга инициаторов общества и выставки, что во время наибольшего кризиса украинской государственности обратились ко всем художественным силам украинского искусства приступить к работе в той же государственности. И откликнулись, так или иначе, все, кто чувствует себя настоящим сыном Украины. Выставка, которая открылась в эти дни для публики, для общественности имеет важное значение, не говоря уже о том, какой это вклад для специалистов в области искусства вообще» [11]. Автор акцентировал особое внимание на фотокарточках древней украинской архитектуры. Кость Широцкий не упустил из вида факт незначительного присутствия работ на военную тематику. Дальше искусствовед подробно указал на позитивные и негативные (по его мнению) черты творчества таких художников, как П. Холодный, братья Ф. и В. Кричевские, М. Козик, Ю. Михайлив, Л. Обозненко, К. Трохименко, Н. Бурачек, Г. Павлуцкий, О. Судомора, П. Носко, Ф. Красицкий, А. Богомазов, Ю. Павлович [11, с. 2–3]. Безусловно, что эта оригинальная авторская оценка даже такого авторитетного искусствоведа, как К. Широцкий, носит субъективный характер. К сожалению, нам не удалось обнаружить отзывы о художниках и их творчестве, сделанные другими критиками.

Заключение. Вышеизложенное дает основания утверждать, что Первый Всеукраинский съезд деятелей пластического искусства стал знаменательным событием в истории культурно-творческой деятельности украинской интеллигенции, всего украинского национально-культурного возрождения 1917–

1921 г., содействовал консолидации национально-патриотических сил, деятелей искусства. Съезд продемонстрировал поддержку государственного курса на развитие национальной культуры, определил перспективы и пути реформирования украинского изобразительного искусства.

В современной отечественной историографии Украинской революции 1917–1921 гг. вышеизложенный материал – одна из первых попыток реконструкции культурных мероприятий государственного значения, заслуживающая внимания и популяризации в среде исследователей истории и культуры Украины.

Литература

1. Українська культура: лекції за редакцією Дмитра Антоновича / Д. Антонович; упоряд.: С.В. Ульяновська; вст. ст. І.М. Дзюби; перед. слово М. Антоновича. – К.: Либідь, 1993. – 592 с.: іл.
2. Історія української культури / Д. Антонович; за заг. ред. І. Крип'якевича. – К.: Либідь, 1994. – 656 с.: іл.
3. Розовик, Д.Ф. Культурне удівництво в Україні у 1917–1920 рр. / Д.Ф. Розовик. – К.: «Аквілон-Плюс», 2011. – 544 с.
4. Нариси з історії образотворчого мистецтва України ХХ ст. / В. Сидоренко; редкол.: В. Сидоренко (голова) [та ін.]; Інститут проблем сучасного мистецтва Академії мистецтв України: в 2 кн. – К.: Інтертехнологія, 2006. – Кн. 1. – 544 с.: іл.
5. Всеукраїнський з'їзд діячів пластичного мистецтва // Нова Рада. – 1918. – 11 черв. – С. 1.
6. Інформація // Вісти краюї преси. – 1918. – 21 черв. – С. 3.
7. Інформація // Вісти краюї преси – 1918. – 22 черв. – С. 1.
8. Виставка Всеукраїнського з'їзду художників // Відродження. – 1918. – 22 черв. – С. 2.
9. Виставка т-ва діячів українського пластичного мистецтва // Нова Рада. – 1918. – 22 черв. – С. 2–3.
10. Каталог І виставки Товариства Діячів Українського Пластичного Мистецтва (червень–липень 1918 року). – К.: Друкарня А.М. Ленського, 1918. – 8 с.
11. Суцанський, К. [Широцький, К.] Виставка т-ва діячів українського пластичного мистецтва / К. Суцанський [К. Широцький] // Нова Рада. – 1918. – 22 черв. – С. 2–3.

Поступила в редакцію 28.05.2014 г.

Принята в печать 21.07.2014 г.

УДК 323.2:378.6(477.43/44)“1917/1920”(09)(045)

Становление национальной высшей школы в период деятельности Центральной Рады

Адамский В.Р.

Хмельницкая гуманитарно-педагогическая академия, Хмельницкий, Украина

В статье рассматривается комплекс важных вопросов, связанных с образованием Каменец-Подольского государственного украинского университета в период деятельности Центральной Рады. На основе анализа историографической литературы и мемуарных источников прослеживается роль правительственных структур и органов местного самоуправления в этом процессе. Отдельно сконцентрировано внимание на решениях городской думы, которая выступала инициатором открытия в губернском центре высшего учебного заведения. Также раскрывается деятельность выдающихся государственных, общественных и культурных деятелей на ниве развития национальной системы высшего образования. Особое внимание обращено на деятельность университетской комиссии и рады лекторов Киевского народного украинского университета, которым довелось решать практические вопросы по реализации образовательного проекта на Подолье.

Ключевые слова: Каменец-Подольский государственный украинский университет, И.И. Огиенко, профессорско-преподавательская корпорация, студенты, городское самоуправление, учебное заведение.

(Ученые записки. – 2014. – Том 17. – С. 44–49)

Forming National Higher School during the Activity of Central Council (Rada)

Adamskyi V.R.

Khmelnytsky Humanitarian Pedagogical Academy, Khmelnytsky, Ukraine

A complex of important issues, connected with the formation of Kamyanets-Podolsky State Ukrainian University during the activity of Central Council(Rada) is considered in the article. On the basis of the analysis of historiography literature and memoirs sources, the role of governmental structures and bodies of local self-government in this process is traced. Special the attention is concentrated on the decisions of the City Council, which was the initiator of opening a higher educational establishment in the province centre. Activity of the prominent state, public and cultural figures in the field of national system of higher education has been revealed as well. Special attention is paid to the activity of the University commission and the council of lecturers of Kyiv People's Ukrainian University, which had to solve practical tasks on the implementation of an educational project in Podillia region.

Key words: Kamyanets-Podolsky State Ukrainian University, I.I. Ohiyenko, professors and teachers' corporation, students, city self-government, educational establishment.

(Scientific notes. – 2014. – Vol. 17. – P. 44–49)

За время, прошедшее после обретения Украиной независимости, отечественная историография уделила немалое внимание проблеме становления Каменец-Подольского государственного украинского университета. Ничего удивительного в этом нет, поскольку данное учебное заведение не только стояло у истоков создания системы высшего образования на Подолье, но и в общегосударственном контексте стало практическим воплощением планов украинских правительств в вопросе

открытия национальных высших учреждений, что являлось органической составляющей культурно-образовательного строительства в период освободительной борьбы 1917–1920 гг. Из всего массива работ, раскрывающих разные стороны жизнедеятельности вуза, пожалуй, наибольшее количество относится именно к выяснению комплекса взаимодействий многочисленных факторов и латентных механизмов, которые, собственно, способствовали появлению высшей школы в Каменце-Подольском [1–3].

Однако предложенная к рассмотрению проблематика, несмотря на пристальное к ней внимание научного сообщества, продолжает оставаться весьма актуальной. Этому факту также есть понятное объяснение. Дело в том, что в отличие от Киевского государственного украинского университета, реализация проекта на Подолье была связана с необходимостью положительного решения ряда вопросов (от чисто теоретического обоснования целесообразности существования высшей школы на западных окраинах государства – и к применению практических шагов по материализации задуманной идеи), которые относились к компетенции различных государственных органов и должностных лиц. Следовательно, коллективный вклад в общенациональное образовательное дело каждой из структур, равно как и личностное отношение к этому вопросу их конкретных репрезентантов, учитывая исповедание последними отличных принципов, положенных в основу строительства государства, до сих пор не имеют однозначного толкования, оставаясь предметом научных дискуссий.

Цель статьи – анализ комплекса вопросов, связанных с образованием Государственного украинского университета в Каменце-Подольском в период деятельности Центральной Рады.

Материал и методы. При написании работы были проанализированы источники, хранящиеся в отделе зарубежной литературы Национальной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского Национальной академии наук Украины. В этом контексте следует выделить журнал «Наша культура», издававшийся И.И. Огиенком в Варшаве, и мемуары председателя Подольской губернской управы В.К. Приходько. Также использованы воспоминания О.М. Пащенко, опубликованные в газете «Свято Подолья», которая находится в фонде редкой периодики научной библиотеки Каменец-Подольского национального университета.

Методологическую основу исследования составили принципы историзма и объективности. В процессе написания статьи использовались методы, которые позволили раскрыть действие внутренних и внешних механизмов, способствовавших становлению национальной высшей школы. Среди них следует выделить методы эмпирического анализа (для накопления и анализа исторических фактов с разных аспектов рассматриваемой темы), аналитический (положен в основу анализа конкретных событий), историко-

сравнительный (использовался для характеристики действий правительственных структур и органов местного самоуправления).

Результаты и их обсуждение. Государственный украинский университет в Каменце-Подольском был основан благодаря большому желанию и неутомимой энергии, проявленной, прежде всего, представителями местной городской общественности. Именно от нее изначально исходила очень смелая инициатива по реализации на западных окраинах государства сверхсложного проекта. Объективность этого факта не ставилась под сомнение ни одним из современников, которые были причастны к делу культурно-образовательного строительства [4–5]. По признанию самих основателей высшей школы на Подолье [6–7], что авторитетно подтверждается и новейшими научными изысканиями [8], у истоков процесса стояли председатель городской управы А. Шульминский, председатель уездной земской управы О. Пащенко и председатель Подольской губернской организации «Просвита» К. Солуха.

Мысль об открытии высшей школы в Каменце-Подольском возникла осенью 1917 г. С большой долей вероятности можно предположить, что непосредственным толчком к ее появлению послужила обнаруженная в городе информация о переводе части университета св. Владимира как филиала в Ялту. В любом случае именно эта новость, по констатации О. Пащенко, вдохновила патриотов города и побудила местных культурно-образовательных и общественных деятелей «просить Министерство образовать филиал в Каменце» [9].

Понятно, что реальная ситуация 1917 г. не привела бы к появлению таких мыслей, которые, по признанию самих современников, «одних пугали своей исключительностью, других своей тяжестью по исполнению» [9], если бы город не имел определенной традиции в плане наработок культурно-образовательных проектов. Долгое время на местной почве достаточно продуктивно работали научные институты, представленные Подольским церковным историко-археологическим обществом, которое возглавлял известный в крае богослов и краевед Ю. Сецинский, и Подольским обществом естествоиспытателей и любителей природы во главе с профессором П. Бучинским.

А. Шульминский и О. Пащенко не только стояли у истоков рождения идеи по организа-

ции высшей школы на Подолье, собственно, им принадлежит выработка достаточно четкой стратегии по практической материализации задуманного. Учитывая важность проекта, который предусматривал не только принятие ответственного политического решения на уровне государства, но и решение ряда других принципиальных вопросов, которые затрагивали сферу финансов, материальных ресурсов и т.п., у инициаторов изначально не было никаких иллюзий на предмет того, кто именно должен поднять этот вопрос перед центральными властными структурами. «Ни от отдельной личности, ни от отдельной организации невозможно было обратиться с просьбой к Правительству – надо было поднять всех на это дело», – убедительно доказывала О. Пащенко [7, с. 335].

Среди региональных управленческих органов и общественных организаций, которые могли бы поддержать проект и авторитетно представить его в столице, выбор был сделан в пользу городской думы. Олимпиада Михайловна в свое время объясняла, что городское самоуправление тогда занимало наиболее прочные позиции в крае – «оно все время было, а во время войны выполняло все функции – хозяйственные, правовые, административные, вообще держало всю жизнь города в своих руках» [7, с. 335].

Однако позволим предположить, что не только это обстоятельство повлияло на их решение. Был целый ряд других факторов, которые в данной ситуации нельзя не принимать во внимание. Во-первых, в отличие от губернского или уездного земств, где гласные представляли интересы регионов, от которых избирались, вопрос создания высшей школы вызвал бы, по меньшей мере, много вопросов. Дело в том, что каждый уезд имел немало своих нерешенных проблем с организацией обучения в начальных и средних школах, не говоря об обеспечении других участков своей деятельности. В такой ситуации выделение средств на реализацию университетского проекта могло восприниматься большинством неактуальной проблемой. Вместе с тем Каменец в этом отношении, хотя бы теоретически, должен был быть более консолидированным и предсказуемым, ведь университет открывался собственно в городе, расширяя перед ним дополнительные возможности по развитию многих других сфер культурно-образовательного бытия. Во-вторых, в городской думе О. Пащенко возглавляла украинскую фракцию, а

А. Шульминский – польскую, что также было очень важно [7, с. 335]. В-третьих, самоотверженный труд супругов Шульминских на протяжении многих лет в пользу муниципальных дел не остался незамеченным, он принес последним большое уважение среди горожан и заслуженный авторитет. По крайней мере, как отмечал В. Приходько, «в последнее время каменчане даже не представляли себе Каменец без члена управы Александра Павловича» [10, с. 146–147], что также в деле инициирования образовательного проекта должно было сыграть не последнюю роль.

Не менее важным вопросом, требующим безошибочного решения, являлась выработка соответствующей тактики во взаимоотношениях с думой, которая обеспечивала бы успех дела. В этом плане, будучи знакомым с практикой прохождения документов в коридорах власти, А. Шульминский и О. Пащенко договорились «взять штурмом» постановление об открытии высшей школы, то есть внести соответствующее предложение непосредственно на заседании органа самоуправления. Так, собственно, и произошло 4 января 1918 г. при обсуждении думой болезненных вопросов обеспечения жизнедеятельности общественности и перспектив развития города [11, с. 6]. Несмотря на определенный скептицизм некоторых из присутствующих, дума единогласно проголосовала за внесенное тремя фракциями (украинской, польской и социалистического блока) постановление, которое не просто содержало просьбу к Центральной Раде открыть в городе филиал высшей школы, но и предусматривало выделение из местного бюджета средств в размере одного миллиона рублей в качестве займа Генеральному секретариату народного образования Украинской Народной Республики на обустройство учебного заведения [12, с. 38]. Кроме того, оперативно была сформирована делегация к правительству, которая должна была передать соответствующее ходатайство. В ее состав вошли представители еврейской (М. Систер) и польской (И. Нацкевич) фракций.

С целью усиления позиций уполномоченных думой представителей О. Пащенко обратилась за поддержкой к председателю Каменецкой «Просвиты» К. Солухе. Это было безошибочным решением, поскольку без него, так же как и без возглавляемой им общественной организации, не обходилось ни одно из более-менее существенных культурно-образовательных дел, которые организовыва-

лись в крае. Именно при участии К. Солухи делегации удалось сформулировать веские и мотивированные пункты, которые должны были стать убедительными аргументами в отстаивании проекта в министерских кабинетах. Их можно разделить как на те, которые имели четко выраженное политическое значение в деле организации университета, так и на те, что относились к сугубо образовательному аспекту проблемы.

6 января 1918 г. уполномоченные делегаты выехали в Киев. На месте они имели несколько деловых разговоров как с представителями правительственных структур (Сушицкий), так и со знакомыми из когорты научного сообщества и общественной среды (Саликовский, Моргулис).

После проведенных встреч делегаты 10 января передали Генеральному секретарю народного образования заявление, в котором просили о помощи в деле открытия университета в г. Каменце-Подольском. В нем лапидарно повторялись сформулированные К. Солухой тезисы.

Ознакомившись с документом, глава образовательного ведомства И. Стешенко собственноручно наложил резолюцию: «командировать делегата или двух осмотреть помещения» [12, с. 41]. Можно предположить, что решающую роль при принятии положительного решения по этому вопросу сыграли политические факторы, о которых неоднократно говорилось во время консультаций.

Как бы там ни было, но делегация возвращалась в Каменец с большими надеждами и неоспоримой верой в успех начатого дела. О результатах командировки в Киев И. Нацкевич доложил на заседании думы 15 января 1918 г. Его настроение и моральный подъем не могли не передаться коллегам. Как следствие, в этот же день по предложению гласного Г. Вольфмана орган самоуправления создал университетскую комиссию, которая непосредственно должна была заниматься реализацией проекта. Стараясь придать ее деятельности как можно большую эффективность, дума ввела в состав комиссии не только своих представителей, но и известных в крае своей культурной работой общественных деятелей и ученых – А. Шульминского, А. Прусевича, О. Пашенко, С. Систера, М. Зака, К. Солуху, П. Бучинского и Ю. Сицинского [9].

Впрочем, комиссии ни разу не удалось собраться на свое заседание, чтобы обсудить и выработать направления дальнейшей работы.

Причиной тому стали события военно-политического характера. 22 января 1918 г. власть в городе захватили большевики. Опыт их управления на Подолье в этот раз не был продолжительным, но, несмотря на это, имел крайне негативные последствия для многих важных сфер общественной жизни. Сфера образования не составляла исключения в этом плане. Но главный результат хозяйствования коммунистов заключался в создании специфического морально-психологического климата, который, по мнению многих современников, вел в тупик. Даже после освобождения территории Подолья от большевистского господства город еще некоторое время не мог наладить нормальной работы. Если говорить о продлении реализации университетского проекта, то, по убеждению О. Пашенко, «изуродованный город не мог бы, если бы пришлось ему, второй раз обговорить дело университета, не мог бы так легко решиться на тяжелое дело: ни средств, ни свободных целых домов, ни того подъема к труду» [9].

Однако дело с этим не пропало. Помощь пришла из столицы. Там не забыли прошение общественности г. Каменца, когда начали планировать мероприятия по открытию украинских народных университетов в разных регионах государства. 17 марта 1918 г. Ф. Сушицкий на заседании Совета лекторов Киевского украинского народного университета публично озвучил «притязания делегатов г. Каменца об учреждении в городе университета нормального... типа» [12, с. 41]. На этом этапе государственного строительства вопрос расширения сети национальных высших школ настолько созрел и актуализировался, что Совет украинского народного университета, не откладывая дела, в этот же день избрал специальную делегацию (Ф. Швец, И. Огиенко, К. Титаренко, В. Дубянский), которой поручил посетить город над Смотричем с целью выяснения обстоятельств основания здесь высшей школы [1, с. 84].

Государственные, общественные и культурно-образовательные деятели столицы, которые были причастны к развитию национальной системы образования, в частности ее университетской составляющей, не ошиблись в случае с Каменцем. Это авторитетно подтвердили О. Пашенко и Я. Дияченко, которых 24 марта 1918 г. пригласили на заседание комиссии по делу организации украинских народных университетов. Олимпиада Михайловна, отметив материальные и финансовые

проблемы, которые переживал город после большевистского господства, разрушение значительной части зданий, все же без всякого сомнения «доложила и о неизменном желании граждан на учреждение университета в Каменце» [9]. Она в очередной раз повторила ряд весомых аргументов, которые неопровержимо доказывали объективность требований подолжан о целесообразности основания высшей школы на западных окраинах государства.

После этого выступления комиссия приняла решение, которым доверяла делегатам, избранным 17 марта, срочно посетить Каменец и совместно с местными специалистами составить план дальнейшей деятельности [12, с. 42].

Не дожидаясь приезда киевлян, 28 марта 1918 г. на свое первое заседание собралась университетская комиссия, в состав которой вошли представители городской интеллектуальной элиты – П. Бучинский, Ю. Сецинский, К. Солуха, А. Прусевич, Ф. Саркисов, С. Систер, Д. Церман, Я. Гольденберг, И. Нацкевич и Я. Дияченко. С содержательной информацией о столичных переговорах выступила О. Пащенко, которую дополнили И. Нацкевич и Я. Дияченко. Все утвердительно заявили о благосклонном отношении правительства Украинской Народной Республики к вопросу создания университета и, следовательно, поддержке этого проекта. Такая постановка дела побудила членов комиссии, не теряя времени, перейти к решению вполне предметных вопросов, связанных с открытием учебного заведения. В результате обмена мнениями присутствующие согласились с тем, что по своим возможностям Подольская губерния способна заполнить будущий университет достаточным контингентом слушателей, равно как и не вызывал сомнений тот факт, что город располагает необходимыми помещениями для временного размещения учебного заведения. Как пример, назывались здания технического училища, духовного мужского и женского училищ, помещения окружного суда и т.п. Третья проблема, на которую обратили внимание члены комиссии, касалась необходимости предоставления финансовой помощи правительства на реализацию данного проекта. В частности, прозвучала сумма в размере одного миллиона рублей, для выделения которой предлагалось созвать заседание городской думы. Эти вопросы были поставлены на голосование, и по ним были приняты положительные решения. Кроме того, комиссия решила отнести расходы, связанные с приездом киев-

ской делегации, на счет городского бюджета [12, с. 43].

Вслед за этим практическая работа переместилась в стены городской думы. Последняя оперативно избрала новый состав университетской комиссии. Ее возглавил профессор П. Бучинский. 1 апреля дума приняла ряд ключевых решений в поддержку проекта по открытию университета, включая ассигнования одного миллиона рублей на данное дело [2, с. 68].

4 апреля 1918 г. в г. Каменец прибыла делегация киевлян во главе с ректором Киевского украинского народного университета И. Ганицким. В ее состав также входили И. Огиенко, В. Дубянский и К. Титаренко. Вместе с университетской комиссией они провели совместное совещание, на котором рассмотрели три комплекса проблем: о реализации идеи по открытию вуза в Подольской губернии, о временном помещении для университета и строительстве нового и о контингенте слушателей. Работа совещания отличалась повышенной активностью и была весьма плодотворной, хотя и не по всем вопросам удалось принять положительные решения.

Перед приходом к власти гетмана П. Скоропадского киевская делегация успела доложить о результатах поездки в город над Смотричем Раде лекторов народного университета [12, с. 45], а университетская комиссия еще раз собралась на свое заседание для того, чтобы принять решение о размножении проекта устава государственных украинских университетов. Растиражированный документ в количестве 1000 экземпляров был разослан в учебные заведения городских и земских самоуправлений.

Заключение. Таким образом, исторический анализ историографической и мемуарно-публицистической литературы и комплекса архивных источников показывает, что в административном центре Подолья представители местной интеллигенции, неравнодушные к национальным культурным делам, всегда занимались разработкой разноплановых мероприятий, которые способствовали бы духовному развитию общества. Воспользовавшись возможностями, которые открыл период национально-освободительной борьбы 1917–1920 гг., они инициировали грандиознейший за всю историю Каменца-Подольского образовательный проект – организацию в городе высшей школы. За весьма короткое время данная идея прошла достаточно стремитель-

ную еволюцію, трансформировавшись із желания створити філіал університета св. Володимира к пониманию необходимости учредить классический государственный украинский вуз. Это стало возможным благодаря активной поддержке проекта как со стороны общественности города, органов местного самоуправления, так и правительственных структур. Хотя в период Центральной Рады начатое дело не удалось довести до логического завершения, однако проведенная работа не была напрасной. Она стала хорошей основой для правительства Украинского государства в области развития системы национального высшего образования.

Литература

1. Завальнюк, О. Вогнище національної освіти і культури / О. Завальнюк, А. Копилов // Дивокрай: науково-краснознавчий альманах. – 1995. – Вип. 1. – С. 82–89.
2. Кукурудзяк, М.Г. 3 історії створення Кам'янець-Подільського державного українського університету / М.Г. Кукурудзяк, М.М. Собчинська // Поділля і Волинь у контексті історії українського національного відродження: наук. зб. / редкол. Л.В. Баженов (відп. ред.) [та ін.]. – Кам'янець-Подільський: Доля, 1995. – С. 66–73.
3. Даниленко, В.М. Кам'янець-Подільський державний український університет у часи гетьманату П. Скоропадського (1918 р.): хроніка основних подій / В.М. Даниленко, Ю.В. Телячий // Кам'янець-Подільський у контексті українсько-європейських зв'язків: історія і сучасність: зб. наук. праць за підсумками міжнар. наук.-практ. конф., 16–17 травня 2003 р. – Кам'янець-Подільський, 2004. – С. 104–108.
4. Огієнко, І. Моє життя (Автобіографічна хронологічна канва) / І. Огієнко // Рятування України; упорядник, авт. передм. і комент. М.С. Тимошик. – К.: Наша культура і наука, 2006. – С. 90.
5. Скоропадський, П. Спогади (кінець 1917 – грудень 1918) / П. Скоропадський. – К.: Інститут української археографії та джерелознавства ім. М.С. Грушевського, Інститут східноєвро-пейських досліджень НАН України; Філадельфія: Східноєвропейський дослідний інститут ім. В.К. Липинського, 1995. – С. 232–233
6. Приходько, В. Постановня українського державного університету в Кам'янці на Поділлі / В. Приходько // Наша культура. – 1935. – Кн. 5. – С. 308.
7. Пащенко, О. Заснування Кам'янець-Подільського державного українського університету / О. Пащенко // Наша культура. – 1936. – Кн. 5. – С. 334.
8. Копилов, А.О. Кам'янець-Подільський державний український університет: від ідеї заснування до ліквідації (1917–1921 рр.) / А.О. Копилов, О.М. Завальнюк // Український історичний журнал. – 1999. – № 4. – С. 41.
9. Пащенко, О. Як зародився Державний Український Університет у м. Кам'янці на Поділлі / О. Пащенко // Свято Поділля (видання Подільського українського товариства „Просвіта”). – 1918. – 22 жовт.
10. Приходько, В. Під сонцем Поділля. Спогади / В. Приходько. – Нью-Йорк–Мюнхен: Криниця, 1967. – Частина перша. – 184 с.
11. Телячий, Ю.В. Культурно-освітнє життя Поділля в період Центральної Ради (березень 1917 р. – квітень 1918 р.): з хроніки подій / Ю.В. Телячий // Освіта, наука і культура на Поділлі: зб. наук. праць. – Кам'янець-Подільський, 2006. – Т. 6: Матеріали другого круглого столу «Культура, освіта і просвітницький рух на Поділлі у XVIII – на початку XXI ст.». – С. 3–9.
12. Свято відкриття Кам'янець-Подільського державного українського університету: Дослідження. Документи. Матеріали / укладач, автор передн. слова і досліджень О.М. Завальнюк. – Кам'янець-Подільський: Аксіома, 2008. – 280 с.

Поступила в редакцію 28.05.2014 г.

Принята в печать 21.07.2014 г.

УДК 947.6“1990–1994”

Канстытуцыя Рэспублікі Беларусь: распрацоўка, праекты, прыняцце (1990–1994)

Кур'яновіч А.В.

Установа адукацыі Федэрацыі прафсаюзаў Беларусі
“Міжнародны ўніверсітэт «MITSO»”, Мінск

Пытанні гісторыі распрацоўкі і прыняцця Канстытуцыі незалежнай Беларусі ўжо сталі аб'ектам увагі даследчыкаў, у першую чаргу, навукоўцаў-юрыстаў, некаторых актывістых членаў Канстытуцыйнай камісіі Вярхоўнага Савета Беларусі XII склікання. Айчынная гістарычная навука толькі-толькі падступае да вывучэння дадзенай праблематыкі. Канстытуцыйны працэс у Беларусі перыяду 1990–1994 гг. яшчэ патрабуе ўважлівага вывучэння.

Мэта дадзенага навуковага артыкула – раскрыць цэласную карціну канстытуцыйнага працэсу перыяду 1990–1994 гг., яго арганізацыйны ўзровень, формы і спосабы абмеркавання канстытуцыйных праектаў, у тым ліку на аснове прапаноў і заўваг розных ведамстваў, арганізацый, прадпрыемстваў, устаноў, а таксама грамадзян.

Матэрыял і метады. Крыніцазнаўчую базу даследавання складаюць арыгінальныя дакументы фондаў Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь. У прыватнасці, гэта стэнаграмы пасяджэнняў сесій Вярхоўнага Савета Беларусі XII склікання, матэрыялы Канстытуцыйнай камісіі (пракалолы пасяджэнняў, праекты Асноўнага Закона, заўвагі і прапановы да іх).

Метадалагічную аснову даследавання склаў сістэмны падыход, паводле якога канстытуцыйны працэс 1990–1994 гг. можна ўявіць як пэўную сістэму з наступнымі элементамі (параметрамі): перадумовы новай Канстытуцыі; Канстытуцыйная камісія; праекты Канстытуцыі; заўвагі і прапановы; механізм і этапы прыняцця Канстытуцыі.

Вынікі і іх абмеркаванне. У навуковым артыкуле раскрываецца працэс распрацоўкі праектаў Канстытуцыі незалежнай Беларусі, наступнае іх абмеркаванне і, нарэшце, прыняцце Асноўнага Закона. Звяртаецца ўвага на тое, што канстытуцыйны працэс на ўсім працягу 1990–1994 гг. быў забяспечаны ў арганізацыйна-матэрыяльным, прававым і навукова-інтэлектуальным плане. Упершыню за ўсю гісторыю стварэння беларускіх канстытуцый ў 1990–1994 гг. былі прыцягнутыя высокакваліфікаваныя кадры, кандыдаты і дактары навук.

Публічнасць канстытуцыйнага працэсу, апублікаванне праектаў Канстытуцыі ў сродках масавай інфармацыі выклікалі даволі шырокі грамадскі інтарэс. Заўвагі і прапановы садзейнічалі паляпшэнню канстытуцыйнага праекта змястоўна і стылістычна.

Тым не менш, канстытуцыйны працэс у 1990–1994 гг. не пазбег калізій. Шмат у чым яны былі звязаны і са стылем работы Вярхоўнага Савета Беларусі XII склікання, які характарызаваўся зацягваннем прыняцця важных рашэнняў, бясконцымі кансультацыямі і ўзгадненнямі. Наглядна гэта выявілася ў наартыкульным абмеркаванні праекта Канстытуцыі. Экстраардынарны прыём – паіменнае галасаванне, да якога вымушаны былі звярнуцца дэпутаты, – сведчыў аб тупіковасці канстытуцыйнага працэсу.

Заклучэнне. Такім чынам, галоўная мэта канстытуцыйнага працэсу на Беларусі, пачынаючы з 1994 г., была дасягнута. Новы Асноўны Закон рэспублікі быў ухвалены Вярхоўным Саветам. Але шлях да Канстытуцыі незалежнай Беларусі аказаўся вельмі складаным. Сваю ролю тут адыгралі розныя фактары: недэцыплінаванасць многіх парламентарыяў, іх палітычныя і асабістыя ўзаемаадносіны, прафесійная непадрыхтаванасць і іншы. І ўсё ж дэпутаты Вярхоўнага Савета Беларусі XII склікання змаглі пераадолець амбіцыі і прыняць Канстытуцыю Беларусі. У гэтым іх безумоўна гістарычная заслуга.

Ключавыя словы: камісія, праект, дэпутат, галасаванне, дэбаты.

(Ученые записки. – 2014. – Том 17. – С. 50–58)

Constitution of Republic of Belarus: Development, Projects, Adoption (1990–1994)

Kurianovich A.V.

Education establishment of the Federation of Trade Unions of Belarus
“International University «MITSO»”, Minsk

Issues of history of development and adoption of the Constitution of the independent Belarus have already become object of attention of researchers, first of all, the scientists-lawyers, some active members of the Constitutional Commission of the Supreme Council of Belarus of the XII convocation. The domestic historical science is just approaching the study of this perspective. The constitutional process in Belarus of the period of 1990–1994 still demands careful studying.

Адрас для карэспандэнцыі: e-mail: deklaration@mail.ru – А.В. Кур'яновіч

The purpose of this scientific article is to reveal a complete picture of the constitutional process of the period of 1990–1994, its organizational level, forms and ways of discussion of the constitutional projects, including, those on the basis of offers and comments of various departments, institutions, enterprises, establishments, and also citizens.

Material and methods. The source study of the base of research is made by original documents of funds of National Archive of the Republic of Belarus. In particular, it is shorthand reports of meetings of sessions of the Supreme Council of the XII convocation, materials of the Constitutional Commission (minutes of meetings, drafts of the Basic Law, remarks and the offer to them).

The methodological basis of the research was made by system approach. According to such approach, the constitutional process of 1990–1994 can be presented as a certain system with the following elements (parameters): prerequisites of the new Constitution; Constitutional Commission; Constitution drafts; remarks and offers; mechanism and stages of adoption of the Constitution.

Findings and their discussion. In the scientific article process of the development of draft constitutions of the independent Belarus, the subsequent their discussion and, at last, adoption of the Country Constitution is revealed. Attention is drawn to the constitutional process throughout 1990–1994 which was provided in the organizational and material, legal and scientific and intellectual ways. For the first time in all the history of creation of the Belarusian Constitutions in 1990–1994 highly qualified personnel, PhDs and doctors of science were involved

Publicity of the constitutional process, publishing Draft Constitutions in mass media caused quite wide public interest. Remarks and offers helped to improve the constitutional project substantially and stylistically.

Nevertheless, the constitutional process in 1990–1994, didn't avoid collisions. In many respects they were connected and with style of work of the Supreme Council of the XII convocation. This style consisted in prolonging of adoption of important decisions, infinite consultations and coordination. Visually it was shown in discussion of the Draft Constitution on articles. Extraordinary technique of inundated vote to which the MPs were compelled to address, testified to the deadlock of the constitutional process.

Conclusion. Thus, the main goal of the constitutional process in Belarus, since 1994, was reached. The new Basic Law of the Republic was approved by the Supreme Council. But the way to the Constitution of the independent Belarus was very difficult. A role was played here by Different factors played the role: indiscipline of many parliamentarians, their political and personal relations with each other, professional unpreparedness, etc. And still deputies of the Supreme Council of the XII convocation could overcome ambitions and adopt the Constitution of Belarus. This is their unconditional historical merit.

Key words: commission, project, deputy, vote, debate.

(Scientific notes. – 2014. – Vol. 17. – P. 50–58)

Пытанні гісторыі распрацоўкі і прыняцця Канстытуцыі незалежнай Беларусі ўжо сталі аб'ектам увагі даследчыкаў, у першую чаргу, навукоўцаў-юрыстаў, актыўных членаў Канстытуцыйнай камісіі Вярхоўнага Савета Беларусі XII склікання Г.А. Васілевіча [1] і М.П. Чудакова [2]. Айчынная гістарычная навука толькі-толькі падступае да вывучэння дадзенай праблематыкі: маюць месца і манаграфічныя выданні [3], і асобныя публікацыі [4]. Тым не менш, як справядліва адзначыў адзін з вядучых беларускіх гісторыкаў А.А. Каваленя, канстытуцыйны працэс у Беларусі перыяду 1990–1994 гг. яшчэ патрабуе ўважлівага вывучэння [5, с. 13].

Мэта дадзенага навуковага артыкула – раскрыць цэласную карціну канстытуцыйнага працэсу перыяду 1990–1994 гг., яго арганізаваны ўзровень, формы і спосабы абмеркавання канстытуцыйных праектаў, у тым ліку на аснове прапанов і заўваг розных ведамстваў, арганізацый, прадпрыемстваў, устаноў, а таксама грамадзян.

Матэрыял і метады. Крыніцазнаўчую базу даследавання складаюць арыгінальныя дакументы фондаў Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь. У прыватнасці, гэта стэнаграмы пасяджэнняў сесій Вярхоўнага Саве-

та XII склікання, матэрыялы Канстытуцыйнай камісіі (пратакты пасяджэнняў, праекты Асноўнага Закона, заўвагі і прапановы да іх).

Метадалагічную аснову даследавання склаў сістэмны падыход, паводле якога канстытуцыйны працэс 1990–1994 гг. можна ўявіць у якасці пэўнай сістэмы з наступнымі элементамі (параметрамі): перадумовы новай Канстытуцыі; Канстытуцыйная камісія; праекты Канстытуцыі; заўвагі і прапановы; механізм і этапы прыняцця Канстытуцыі.

Вынікі і іх абмеркаванне. *Перадумовы новай Канстытуцыі.* Сярод перадумоў будучай Канстытуцыі незалежнай Беларусі можна вылучыць некалькі. Па-першае, гэта гарбачоўская «перабудова» і незваротны працэсы дэмакратызацыі і галоснасці, якія выявілі абуральны разрыў паміж палажэннямі Канстытуцыі СССР і саюзных рэспублік і рэальным становішчам спраў у грамадстве. Цэнтр і рэспубліканскія ўлады перайшлі да палітыкі «латання дзірак», г.зн. унясення ў канстытуцыю шматлікіх змяненняў і дапаўненняў. Напрыклад, у Канстытуцыю Беларускай ССР 1978 г. пачынаючы з 27 кастрычніка 1989 г. заканадаўцы ўнеслі звыш трох дзясяткаў змяненняў і дапаўненняў. Пры гэтым апошнія з іх былі

замацаваны 22 лютага 1994 г., г.зн. менш чым за месяц да прыняцця новага Асноўнага Закона. Бесперспектыўнасць такой практыкі станавілася ўсё больш яўнай, наспела неабходнасць іншай Канстытуцыі. Па-другое, Вярхоўны Савет Беларусі XII склікання абраны вясной 1990 г. на першых у гісторыі БССР альтэрнатыўных выбарах. Менавіта ў Вярхоўным Савеце гэтага склікання быў дадзены старт канстытуцыйнаму працэсу на аснове палітычнага плюралізму. Патрэбнае, прыняцце Вярхоўным Саветам Беларусі XII склікання шэрагу заканадаўчых актаў, якія заклалі падмурак незалежнасці рэспублікі, – Дэкларацыі аб дзяржаўным суверэнітэце БССР ад 27 ліпеня 1990 г., Закона аб асноўных прынцыпах народаўладдзя ад 27 лютага 1991 г., Закона аб наданні Дэкларацыі аб дзяржаўным суверэнітэце статуса Канстытуцыйнага Закона ад 25 жніўня 1991 г. і інш.

Канстытуцыйная камісія. Для распрацоўкі праекта Асноўнага Закона пастановай Вярхоўнага Савета ад 22 чэрвеня 1990 г. была створана Канстытуцыйная камісія на чале з кіраўніком Парламента М.І. Дземянцеем [6, арк. 207]. У састаў Канстытуцыйнай камісіі ўваходзіла 74 чалавекі: 63 дэпутаты Вярхоўнага Савета і 13 экспертаў.

Асноўнай формай працы камісіі сталі пасяджэнні, пратаколы якіх пачалі весціся з 10 чэрвеня 1991 г. Між іншым, М.П. Чудакоў сцвярджае, што першае пасяджэнне Канстытуцыйнай камісіі было 31 ліпеня 1990 г., а ўсяго адбылося 31 пасяджэнне [2, с. 222, 237].

Нягледзячы на тое, што Канстытуцыйная камісія ставіла даволі амбітную мэту, яна як орган мела слабыя бакі. Канстытуцыйная камісія не ажыццяўляла ніякіх кантрольных функцый, у яе адсутнічалі рычагі ўздзеяння і ўплыву. Нездарма многія дэпутаты канстатавалі, што «меркаванне Канстытуцыйнай камісіі не ўлічваецца нават на ўзроўні рэкамендацый» [7, арк. 36]. Яны прапаноўвалі павысіць статус Канстытуцыйнай камісіі, надзяліўшы яе правам канстытуцыйнага нагляду за законапраектамі, правам канчатковага голасу па спрэчках паміж дзяржаўнымі органамі і інш.

Наступная праца Канстытуцыйнай камісіі паказала немэтазгоднасць такой колькасці яе членаў. Ніколі склад Канстытуцыйнай камісіі не збіраўся цалкам. За выключэннем некалькіх выпадкаў колькасць складу Канстытуцыйнай камісіі практычна не збіраўся нават пры неабходным – 38 членаў – кворуме пры прыняцці рашэнняў.

Таксама вельмі часта меў месца такі парадокс: тыя дэпутаты, якія не ўдзельнічалі ў папярэднім пасяджэнні камісіі, прыходзілі на наступнае і пачыналі крытыкаваць ужо зацверджаныя палажэнні праекта Асноўнага Закона, што ўносіла пэўны элемент дэстабілізацыі ў канстытуцыйны працэс.

Акрамя таго, не быў дасканала прадуманы механізм узаемадзеяння паміж дэпутатамі і ўласна экспертамі. Справа ў тым, што з пачаткам канстытуцыйнага працэсу дэпутаты, за выключэннем В.Ф. Голубева і М.А. Толсціка, амаль цалкам адышлі ад працы над праектам, які ствараўся намаганнямі экспертаў. Калі ж, у сваю чаргу, праект выносіўся на разгляд парламентарыяў, тыя ўносілі такія праўкі, якія па многіх параметрах нівеліявалі праект.

Сур'ёзнай перашкодай на шляху да новай Канстытуцыі Беларусі было тое, што ў рэспубліцы адсутнічаў самастойны вопыт распрацоўкі падобных дакументаў. Раней праекты заканадаўчых актаў “спускаліся” ў Вярхоўны Савет альбо з ЦК КПБ, альбо з Масквы. Дэпутаты дзейнічалі ў якасці статыстаў, паслухмяна зацвярджаючы гэтыя праекты. Шмат каму з дэпутатаў увогуле не была вядома такая рэч, як законатворчая тэхніка ці праватворчы працэс.

На канстытуцыйны працэс негатыўна ўплывалі і палітычныя прычыны. І адна з іх была ў складзе Вярхоўнага Савета XII склікання. Абраны шляхам больш-менш дэмакратычных выбараў, гэты Вярхоўны Савет з-за адсутнасці моцных партыйных фракцый не быў класічнай парламенцкай структурай. У ім пераважалі дэпутаты, многія з якіх, будучы членамі Канстытуцыйнай камісіі, прытрымліваліся абсалютна супрацьлеглых поглядаў на дзяржаўны лад Беларусі. Пры такім варыянце перспектыва знайсці сярод гэтых парламентарыяў кампрамісны варыянт на конт таго ці іншага пытання па распрацоўцы новай Канстытуцыі была вельмі слабая.

З мэтай паляпшэння эфектыўнасці працы над праектам Асноўнага Закона ў Канстытуцыйнай камісіі былі створаны дзве падкамісіі з вызначанай фіксаванай колькасцю членаў. Абедзве падкамісіі істотна адрозніваліся па складзе. Па вобразным выразе М.І. Дземянцея, адна падкамісія была «адміністрацыйна-камандавая з былых камуністаў», іншая – «з прагрэсіўных людзей» [8, арк. 47].

У сваю чаргу, кожная падкамісія складалася з рабочай групы і групы экспертаў. Канчаткова такая структура была юрыдычна

зацверджана Вярхоўным Саветам 22 лістапада 1990 г. [9].

У працоўную групу першай падкамісіі ўвайшлі вядомыя і вопытныя юрысты-дзяржаўнікі: В.А. Бараўцоў (начальнік юрыдычнага аддзела Упраўлення справамі Савета Міністраў БССР), Г.А. Васілевіч (начальнік аддзела па пытаннях заканадаўства і правапарадку Сакратарыята Вярхоўнага Савета БССР), Б.М. Гадуноў (дэкан юрыдычнага факультэта БДУ), Н.А. Кудзінаў (начальнік кафедры дзяржаўна-прававых дысцыплін Мінскай вышэйшай школы МУС), В.Г. Ціхіня (народны дэпутат БССР, міністр юстыцыі БССР), І.А. Юхо (прафесар БДУ).

Не менш значным выглядаў і спіс экспертаў падкамісіі № 1. У яго ўвайшлі вядучыя юрысты рэспублікі, кандыдаты і дактары навук: А.А. Галаўко, В.А. Кучынскі, С.Ф. Сокал, А.Ц. Лейзераў, М.П. Чудакоў, В.І. Шабайлаў, А.В. Матусевіч, В.І. Семяноў.

Падкамісія № 2 выглядала наступным чынам – члены рабочай групы, народныя дэпутаты БССР: Я.М. Глушкевіч, Л.У. Зданевіч, В.Ф. Какоўка, М.К. Крыжаноўскі, М.А. Тоўцік. Група экспертаў: Л.А. Бейнаровіч, А.Я. Вашкевіч, Д.У. Драгун, С.Я. Леўшуноў, В.Я. Лубоўскі, М.І. Пастухоў, М.В. Пухонта, М.Н. Сатоліна, Д.Я. Тагуноў, А.Т. Шырокаў.

У ліпені 1991 г. на аснове двух падкамісій была створана адзіная Рабочая група Канстытуцыйнай камісіі. 20 ліпеня 1991 года адбылося першае – па архіўнай стэнаграме – пасяджэнне Рабочай групы Канстытуцыйнай камісіі ў абноўленым складзе. Усяго некалькі такіх пасяджэнняў прайшло да 24 ліпеня 1991 г. уключна, калі былі разгледжаны апошнія палажэнні праекта Канстытуцыі, якія адносіліся да фінансава-крэдытнай сістэмы рэспублікі, а таксама парадак дзеяння Канстытуцыі.

Адно з самых буйных пасяджэнняў Канстытуцыйнай камісіі прайшло 29 кастрычніка 1992 г. На ім сташынаваў новы кіраўнік – С.С. Шушкевіч, які быў абраны на гэтую пасаду 28 кастрычніка 1992 г.

Напачатку С.С. Шушкевіч даручыў высветліць узровень наведвальнасці пасяджэнняў Канстытуцыйнай камісіі. Калі разам звялі ўсе дадзеныя, карціна атрымалася сумная. З чэрвеня 1991 па кастрычнік 1992 г. усе трынаццаць пасяджэнняў камісій наведвалі В.А. Бараўцоў і Г.А. Васілевіч, дванаццаць пасяджэнняў – М.Ф. Чудакоў, В.А. Піскароў, адзінаццаць – В.Ф. Голубеў, дзесяць – Н.І. Дземянцей, В.І. Шаладонаў. Лідар парламенцкай

апазіцыі БНФ З.С. Пазыняк наведаў толькі адно пасяджэнне камісіі [10, арк. 105].

У лістападзе 1992 г. склад Канстытуцыйнай камісіі істотна абнавіўся па некалькіх прычынах. Па-першае, смерць некаторых членаў камісіі (Н.А. Кудзінаў, Г.Т. Мілаванаў); па-другое, датэрміновае складанне паўнамоцтваў шэрагу парламентарыяў (Я.Я. Сакалоў, С.М. Шабашоў); па-трэцяе, уласнае жаданне дэпутатаў, так як вызначыліся тыя, хто вырашыў сысці з яе і, наадварот, стаць новым членам.

Напрыклад, дваццаць пяць дэпутатаў Вярхоўнага Савета XII склікання падалі заявы аб выключэнні іх са складу Канстытуцыйнай камісіі. Дваццаць дзевяць дэпутатаў падалі заявы аб уключэнні іх у склад Канстытуцыйнай камісіі.

11 лістапада 1992 г. Вярхоўны Савет зацвердзіў пастанову «Аб змяненні ў складзе Канстытуцыйнай камісіі» [11, арк. 50–52]. Згодна з пастановай з 74 членаў камісіі выбыла 15 чалавек, увайшло ў склад камісіі 17 чалавек. Колькасць членаў Канстытуцыйнай камісіі склала 76 чалавек. Апошняе змяненне ў складзе адбылося ўвосень 1993 г. і было звязана са смерцю дэпутата Дз.А. Арцымені, які загінуў ад рук наёмнага забойцы. Месца Дз.А. Арцымені ў Канстытуцыйнай камісіі так і засталася вакантным.

Фармальна сваё існаванне Канстытуцыйная камісія скончыла 15 сакавіка 1994 г., калі і была прынята Канстытуцыя Рэспублікі Беларусь. Ніякай спецыяльнай пастановы на конт спынення паўнамоцтваў Канстытуцыйнай камісіі Парлантам прынята не было. Згодна з Часовым Рэгламентам Вярхоўнага Савета ад 31 мая 1990 г. часовая камісія, якой і з’яўлялася Канстытуцыйная камісія, аўтаматычна спыняла сваю дзейнасць, калі выканала сваю задачу.

Праекты Канстытуцыі. У фондах Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь маецца каля дзясятка канстытуцыйных праектаў са шматлікімі зменамі і праўкамі. У рамках дадзенага артыкула ўсе іх аналізаваць няма магчымасці, таму больш мэтазгодна спыніцца на ключавых палажэннях тых праектаў, якія публікаваліся для абмеркавання ў рэспубліканскім друку. Такіх публікацый было тры: у снежні 1991 г. [12], жніўні 1992 г. [13] і верасні 1993 г. [14].

«Снежаньскі» праект складаўся з прэамбулы, 9 раздзелаў, 9 главаў і 170 артыкулаў. «Жнівеньскі» праект меў прэамбулу,

10 раздзелаў, 6 главаў і 170 артыкулаў. Нарэшце, канструкцыя «вераснёўскага» праекта будавалася на прэамбуле, 8 раздзелах, 8 главах і 152 артыкулах.

Гэтыя праекты былі рознымі па якасці. У іх можна вызначыць як станоўчыя моманты, так і істотныя недахопы.

Відавочныя такія канцэптuallyныя перавагі праектаў над дзеючай Канстытуцыяй 1978 г., як больш стройная і лагічная структура, удалая фармулёўка раздзелаў і главаў, адпаведная групавая тых ці іншых палажэнняў, адсутнасць прапагандысцкай дэмагогіі.

Да недахопаў можна аднесці звышпільную ўвагу заканадаўцаў да правоў і абавязкаў грамадзян, і адпаведна меншую – да палажэнняў аб раздзяленні ўладаў, дзяржаўным ладзе рэспублікі, імкненне да кампіляцыі, а не да асэнсавання найбольш спрэчных і складаных момантаў канстытуцыйнага праекта, схільнасць не вырашаць гэтыя складанасці, хаваць іх пад адсылачнымі нормамаі кшталту таго, што тыя ці іншыя пытанні рэгулююцца законам.

Канстытуцыйныя праекты сведчылі пра сталае ваганне большасці дэпутацкага корпуса на конт прынцыповых палажэнняў, напрыклад, прэзідэнцтва. Так, «снежаньскі» праект уводзіў інстытут «моцнага» Прэзідэнта, які адначасова з'яўляўся кіраўніком дзяржавы і выканаўчай улады. Больш таго, Прэзідэнт абвешчаўся гарантам суверэнітэту, нацыянальнай бяспекі і тэрытарыяльнай цэласнасці, правоў і свабод грамадзян. Пункт 1 артыкула 105 праекта надзяліў кіраўніка дзяржавы правам рабіць заходы па ахове суверэнітэту, нацыянальнай бяспекі і тэрытарыяльнай цэласнасці рэспублікі.

А вось «жнівеньскі» праект адназначна замацаваў «слабага» Прэзідэнта, які з гэтага часу з'яўляўся толькі кіраўніком дзяржавы. Палажэнне аб тым, што Прэзідэнт прымае меры, накіраваныя на забеспячэнне нацыянальнай бяспекі, суверэнітэту і тэрытарыяльнай цэласнасці, было ўвогуле выключана.

Аўтары «вераснёўскага» праекта зноў вярнуліся да ідэі «моцнага» Прэзідэнта, надзяліўшы яго істотнымі паўнамоцтвамі. Прэзідэнт зноў станавіўся кіраўніком не толькі дзяржавы, але і выканаўчай улады. Была рэаніміравана норма аб мерах па ахове суверэнітэту, нацыянальнай бяспекі і тэрытарыяльнай цэласнасці рэспублікі. Прэзідэнт атрымліваў правы ствараць і касавачы міністэрствы, ведамствы і іншыя цэнтральныя органы кіравання. Пры Прэзідэнце ствараўся Урад – Кабінет Міністраў.

Канешне, толькі прэзідэнцтвам кола спрэчных пытанняў у канстытуцыйных праектах не абмяжоўвалася. Яно было вельмі шырокае і тычылася: прэамбулы (мэтазгоднасць пералічэння ў ёй перыядаў і заканадаўчых актаў у гісторыі Беларусі); адміністрацыйна-тэрытарыяльнага падзелу рэспублікі, статусу дзяржаўнай мовы, прафесійнага ці прафесійнага Парламента, яго колькасці і назвы, статусу і паўнамоцтваў Канстытуцыйнага Суда, механізму прызначэння суддзяў абласных, раённых і гарадскіх судоў, колькасці суб'ектаў, маючых права заканадаўчай ініцыятывы, права пракуратуры на следчыя дзеянні і інш.

Заўвагі і прапановы. На пасяджэнні Канстытуцыйнай камісіі 21 мая 1992 г. В.І. Шаладонаў заявіў, што пасля публікацыі першага праекта паступіла 3534 заўвагі і прапановы, з якіх 1892 насілі рэдакцыйны характар. Па словах В.І. Шаладонава, па прэамбуле праекта паступіла 35 прапановы і заўвагі [15, арк. 7–8].

Перад паартыкульным галасаваннем па праекце Канстытуцыі ў траўні 1993 г. С.С. Шушкевіч агучыў наступныя лічбы: усяго за 1991–1992 гг. паступіла 11 тыс. асабістых заўвагі і прапановы і 1 млн – калектыўных [3, с. 81]. Гэта была досыць высокая актыўнасць, улічваючы, што ўладамі не выкарыстоўваўся адміністрацыйны рэсурс. На жаль, няма статыстычных дадзеных аб колькасці заўвагі і прапановы у 1993 – пачатку 1994 г. Хутчэй за ўсё, іх было няшмат. Грамадская цікавасць да канстытуцыйнага праекта ў гэты час рэзка ўпала не ў апошнюю чаргу з-за самога Вярхоўнага Савета XII склікання, які імкліва губляў папулярнасць сярод насельніцтва.

Паступілі заўвагі і прапановы, якія можна ранжыраваць наступным чынам: заўвагі і прапановы дэпутатаў Вярхоўнага Савета, членаў Канстытуцыйнай камісіі, экспертаў Канстытуцыйнай камісіі; заўвагі і прапановы арганізацый, устаноў, прадпрыемстваў; заўвагі і прапановы палітычных партый, грамадскіх аб'яднанняў; заўвагі і прапановы асобных грамадзян Рэспублікі Беларусь. Якія ж палажэнні праектаў выклікалі найбольшую цікавасць?

Заўвагі і прапановы тычыліся назвы рэспублікі, прэамбулы, інстытута прэзідэнцтва, парламента, мовы, адміністрацыйна-тэрытарыяльнага падзелу, сістэмы мясцовага кіравання і самакіравання, судовай сістэмы, Канстытуцыйнага Суда, правоў і свабод грамадзян і інш. Нягледзячы на разнастайнасць

заўваг і прапаноў, можна зрабіць выснову: пераважная частка насельніцтва вельмі асцярожна ставілася да радыкальных новаўвядзенняў у будучай Канстытуцыі (асабліва інстытут прэзідэнцтва), выступала за захаванне тых сацыяльных стандартаў – бясплатнае жыллё, адукацыя і медыцына і г.д., якія былі прапісаны ў Канстытуцыі 1978 г.

Асцярожнасць выяўлялася нават у тэрміналогіі. Напрыклад, большасць прапаноў была скіравана на перайменаванне Вярхоўнага Савета ў Сойм, супраць сцвярджэння ў праекце тэрмінаў, запазычаных з замежных моў («унітарызм» і інш.).

У рамках артыкула немагчыма разледзець усе заўвагі і прапановы па канстытуцыйных праектах. Безумоўна, яны з'яўляюцца цікавым аб'ектам навуковага вывучэння, дазваляюць рэканструяваць грамадскія перавагі і настрой таго часу.

Механізм і этапы прыняцця Канстытуцыі. Механізм прыняцця Канстытуцыі меў іерархічны характар.

Першым захадам было зацвярджэнне праекта на пасяджэнні Канстытуцыйнай камісіі. Гэта адбылося 30 верасня 1991 г. [3, с. 51].

Другі крок – разгляд і зацвярджэнне праекта ў першым чытанні на пасяджэнні сесіі Вярхоўнага Савета. 11 лістапада 1991 г. праект у цэлым быў ухвалены большасцю дэпутатаў, у тым ліку і прадстаўнікамі парламенцкай апазіцыі Беларускага народнага фронту (БНФ). Дэпутаты не скупіліся на пахвалу праекта, які, на іх думку, адказваў узроўню сусветнай юрыдычнай думкі. 11 лістапада толькі адзіны дэпутат Вярхоўнага Савета Беларусі XII склікання – В.С. Трафіменка – выказаўся супраць зацвярджэння праекта Канстытуцыі ў першым чытанні і публікацыі яго ў друку [16, с. 66].

Абмеркаванне канстытуцыйнага праекта ў другім чытанні прайшло ў Вярхоўным Саветаце 23 і 27 кастрычніка 1992 г. Але ніякай пастановы парламентарыі ў гэтыя дні не прынялі, што было відавочным парушэннем Часовага Рэгламенту, згодна з якім законапраект у другім чытанні павінен быць ухвалены альбо не.

Толькі 29 кастрычніка 1992 г. Вярхоўны Савет прыняў спецыяльную заяву аб неабходнасці паскарэння канстытуцыйных пераўтварэнняў у рэспубліцы. Заява замацоўвала больш-менш дакладны – не пазней 1993 г. – тэрмін прыняцця Канстытуцыі [3, с. 44].

На падставе гэтай заявы 20 студзеня і 5 лютага 1993 г. ажыццявілі рэйтынгавае га-

ласаванне па найбольш спрэчных палажэннях канстытуцыйнага праекта. У свой час такі механізм прапанаваў дэпутат Вярхоўнага Савета, старшыня сталай камісіі па заканадаўстве Дз.П. Булахаў. Гэта дапамагло знайсці хісткі кансэнсус і найдалей працягнуць працу над праектам.

5 лютага 1993 г. была зацверджана пастанова «Аб праекце Канстытуцыі Рэспублікі Беларусь». Асноўныя палажэнні пастановы выглядалі наступным чынам: 1) дзяржава грунтуецца на прынцыпе падзелу ўлад; 2) вышэйшы орган дзяржаўнай улады – Вярхоўны Савет, частка дэпутатаў якога можа працаваць на пастаяннай аснове, а іншая сумяшчае дэпутацкія абавязкі з вытворчай або службовай дзейнасцю; 3) Беларусь – прэзідэнцкая рэспубліка, у якой Прэзідэнт – кіраўнік выканаўчай улады; 4) пяцігадовы тэрмін дзейнасці Вярхоўнага Савета; 5) мясцовае самакіраванне ажыццяўляецца грамадзянамі праз мясцовыя прадстаўнічыя органы, мясцовыя рэферэндумы, сходы грамадзян і іншыя формы прамога ўдзелу насельніцтва ў грамадскіх справах, у межах кампетэнцыі, прадстаўленай ім законам; 6) дзяржаўныя гарантыі ўсім грамадзянам роўных правоў для ажыццяўлення гаспадарчай і іншай дзейнасці, стварэнне аднолькавых умоў для развіцця ўсіх формаў уласнасці; 7) даступнасць бясплатнага медыцынскага абслугоўвання і бясплатнай адукацыі ў дзяржаўных установах [3, с. 82–83].

Лейтматывам пастановы праходзіла ідэя паартыкулярнага абмеркавання праекта Канстытуцыі, якое павінна было ажыццявіцца на працягу 1993 г. Паартыкулярным абмеркаваннем прынята лічыць механізм разгляду і зацвярджэння частак канстытуцыйнага праекта ў вызначаным парадку – прэамбула, раздзел, глава, артыкул – не менш чым 2/3 галасоў. Справа ў тым, што на момант пачатку паартыкулярнага абмеркавання Вярхоўны Савет XII склікання налічваў 345 дэпутатаў. Гэта значыць, што для станоўчага зацвярджэння новага артыкула патрэбна было набраць 231 голас. І гэта пры тым, што на пасяджэннях сесіі прысутнічала максімум 260–280 дэпутатаў.

Паартыкулярнае абмеркаванне падзяляецца на два этапы: з 19 па 27 мая 1993 г. і з 30 лістапада па 1 снежня 1993 г. Перад пачаткам паартыкулярнага абмеркавання дэпутаты дапусцілі сур'ёзны пралік, не апублікаваўшы адпаведны канстытуцыйны праект.

Сітуацыя ў Авальнай зале падчас майскага паартыкулярнага абмеркавання была напружана

вельмі моцна ў літаральным сэнсе гэтага слова. Кожнае палажэнне Канстытуцыі – ці то раздзел, ці то артыкул – зацвярджаліся з цяжкасцю. У гэтым сваю ролю выконвалі не толькі ідэйныя рознагалосці дэпутатаў, але і сапраўдны сабатаж з боку многіх парламентарыяў. Часта для зацвярджэння не хапала аднаго-двух галасоў. Дэпутаты зразумелі, што больш хуткае прыняцце Канстытуцыі азначае новыя выбары, а таксама страту мандата і звязаных з ім прывілеяў.

У выніку на майскім паартыкульным абмеркаванні было разгледжана 109 артыкулаў і цалкам зацверджаны 62 артыкулы, часткова – прэамбула і 22 артыкулы [3, с. 101]. Таксама былі зацверджаны назвы раздзелаў: «Асновы канстытуцыйнага ладу», «Асоба, грамадства і дзяржава», «Выбарчая сістэма, рэферэндум», «Заканадаўчая, выканаўчая і судовая ўлада», «Фінансавая сістэма», «Дзеянне Канстытуцыі і парадак яе змены».

17 чэрвеня 1993 г. рабочая група В.І. Шаладонова вынесла на галасаванне наступныя варыянты будучай Канстытуцыі: Беларусь – прэзідэнцкая рэспубліка, дзе Прэзідэнт – кіраўнік дзяржавы і выканаўчай улады; Прэзідэнт – кіраўнік дзяржавы, але не кіраўнік выканаўчай улады; Беларусь – парламенцкая рэспубліка. Большасць галасоў набраў першы варыянт [17, с. 166].

У адказ на гэта парламенцкая апазіцыя БНФ апублікавала спецыяльную заяву «Аб Канстытуцыі». На думку апазіцыі, будучая Канстытуцыя павінна адлюстроўваць наступныя палажэнні: парламенцкая рэспубліка, у якой Прэзідэнт – кіраўнік дзяржавы; нейтралітэт і бяз'ядзерны статус; Парламент, які дзейнічае на пастаяннай аснове, муніцыпальная сістэма мясцовага кіравання. Апазіцыя таксама настойвала на дзяржаўным статусе беларускай мовы, недапушчальнасці двухмоўя і таталітарнай палітыкі русіфікацыі, на неабходнасці ўвядзення прыватнай уласнасці на зямлю і нацыянальнай валюты, на вяртанні гістарычнай назвы сталіцы (Менск). Без гэтых палажэнняў, сцвярджала апазіцыя, Канстытуцыя «губляе ўсякі стваральны сэнс» [3, с. 102].

Складаная сітуацыя з паартыкульным абмеркаваннем прымусіла шукаць С.С. Шушкевіча новыя спосабы хутчэйшага зацвярджэння праекта Канстытуцыі. У верасні 1993 г. Старшыня Вярхоўнага Савета разаслаў кожнаму дэпутату спецыяльную запіску. У ёй С.С. Шушкевіч прапанаваў зацвердзіць праект

Асноўнага Закона на Канстытуцыйнай Асамблеі, якая складалася з 310 членаў, якія не з'яўляюцца дэпутатамі Вярхоўнага Савета і выбіраюцца насельніцтвам пры яўцы ў 25%. Канстытуцыйная Асамблея павінна была, на думку С.С. Шушкевіча, на працягу чатырох месяцаў прыняць Канстытуцыю [3, с. 102–103].

Прапанова С.С. Шушкевіча была парушэннем дзеючай Канстытуцыі 1978 г., якая прадугледжвала прыняцце Канстытуцыі выключна Вярхоўным Саветам. Ініцыятыва С.С. Шушкевіча не знайшла падтрымкі ў дэпутатаў, так як яго становішча пахіснулася. Большасць дэпутатаў толькі і чакалі моманту, каб адклікаць Старшыню з пасады.

На другім этапе паартыкульнага абмеркавання было зацверджана 26 артыкулаў праекта. У выніку колькасць прынятых артыкулаў складала 88 [3, с. 104]. Таксама былі прыняты назвы астатніх раздзелаў і кіраўнікоў, а таксама прэамбула. Не была зацверджана назва адзінай главы – аб Прэзідэнце. 1 снежня 1993 г. яна набрала 219 галасоў [3, с. 108].

Тады дэпутаты прапанавалі ідэю стварэння так званай Пагаджальнай камісіі. Яе члены павінны былі весці адпаведную прафілактычную працу з тымі дэпутатамі, якія выступалі супраць прэзідэнцтва. У склад Пагаджальнай камісіі, зацверджаны 2 снежня 1993 г., увайшлі: Б.Г. Гетц, М.Ф. Грынёў, І.М. Драбышэўская, В.І. Зяленін, Н.Я. Извалава, Г.Дз. Карпенка, М.А. Качан, У.П. Кулакоў, М.А. Мачуленка, З.С. Пазыняк, А.Ф. Спіглазаў, І.І. Сямашка, А.А.Трусаў, В.В. Чэпik [3, с. 109].

Праца Пагаджальнай камісіі практычна нічога не дала. Дэпутаты казалі аб поўным яе правале і канстатавалі тое, што канстытуцыйны працэс тармазіцца штучна, мае месца сітуацыя, калі «максімум калектыўнай дэмагогіі і мінімум індыўідуальнай адказнасці задавальняе кіраўніцтва» [3, с. 110].

Станавілася зразумела, што зацягваць канстытуцыйны працэс немэтазгодна. Паўнамоцтвы Вярхоўнага Савета міналі, а кіруючая эліта мела патрэбу ў такім прававым фармаце, які б дазволіў ажыццявіць уласны, спрыяльны сцэнарый выбараў. У гэтым асабліва быў зацікаўлены Прэм'ер-міністр В.Ф. Кебіч, які разглядаўся ў якасці рэальнага кандыдата на прэзідэнцкі пост.

19 студзеня 1994 г. кіраўнік дэпутацкага аб'яднання «Беларусь» Г.І. Казлоў выступіў з незвычайнай ініцыятывай. Ён прапанаваў прыняць найбольш спрэчныя палажэнні пра-

екта Канстытуцыі не электронным, а пайменным галасаваннем: кожнаму дэпутату пад роспіс выдаецца бюлетэнь з пытаннямі. Сам дэпутат можа на працягу некалькіх дзён абдумаць і здаць бюлетэнь [3, с. 111]. Гэтую ідэю падтрымала кіраўніцтва Вярхоўнага Савета ў асобе С.С. Шушкевіча і большасць дэпутацкага корпуса.

Супраць імяннага галасавання рэзка выступіла апазіцыя БНФ, якая даказвала, што галасаванне павінна быць бесперапынным [3, с. 116]. Аднак з юрыдычнага пункту гледжання ініцыятары імяннага галасавання мелі рацыю. Так, пункт другі артыкула 97 дзеючай Канстытуцыі БССР 1978 г. абвяшчаў, што Вярхоўны Савет правамоцны прыняць да свайго разгляду і вырашыць любое пытанне, якое знаходзіцца ў кампетэнцыі рэспублікі.

Непазбежнасць імяннага галасавання стала яшчэ больш відавочнай пасля адклікання С.С. Шушкевіча з пасады Старшыні Вярхоўнага Савета 26 студзеня 1994 г. і абрання на гэты пост 28 студзеня 1994 г. М.І. Грыба. 1 лютага 1994 г. М.І. Грыб стаў кіраўніком Канстытуцыйнай камісіі. М.І. Грыб ультыматыўна заявіў, што калі Канстытуцыя не будзе прынята Парламантам, ён ініцыіруе рэферэндум [3, с. 116].

Для арганізацыі паіменнага галасавання 22 лютага 1994 г. была сфарміравана Падліковая камісія. Камісія раздала дэпутатам імянныя бюлетэні, у якіх парламентарый павінен быў выказаць сваё стаўленне да главы 3 канстытуцыйнага праекта «Вярхоўны Савет Рэспублікі Беларусь», да главы 4 «Прэзідэнт Рэспублікі Беларусь» і да раздзела V «Мясцовыя кіраванне і самакіраванне» [18].

Паіменнае галасаванне адбылося 24, 25 лютага і 1 сакавіка 1994 г. 2 сакавіка 1994 г. былі абвешчаны вынікі. З унесеныя ў спіс 346 дэпутатаў бюлетэні ўзялі 296. У скрыні аказалася 288 бюлетэняў. 266 бюлетэняў – «за», 16 – «супраць». Яшчэ 6 бюлетэняў былі прызнаныя несапраўднымі [3, с. 119].

У Нацыянальным архіве захаваўся ўнікальны дакумент – спіс дэпутатаў з фіксаваным часам выдачы парламентарыю бюлетэня і вяртання яго ў камісію. Так, будучы Прэзідэнт А.Р. Лукашэнка ўзяў бюлетэнь 24 лютага 1994 г. у 12:00 і вярнуў яго ў 12:05 гэтага ж дня [3, с. 117].

Некаторыя дэпутаты не вярнулі ўзятыя імі бюлетэні. Не вярнуў бюлетэнь С.С. Шушкевіч. Пазней былы кіраўнік Парламента крытыкаваў паіменнае галасаванне, мяркую-

чы, што нельга «адным махам» прымаць 38 артыкулаў [3, с. 120].

Пасля паіменнага галасавання канстытуцыйны працэс выйшаў на фініш. Па словах В.І. Шаладонава, пасля імяннага галасавання засталіся непрынятымі 20 артыкулаў [3, с. 121]. З 2 па 4 сакавіка 1994 г. дэпутаты прынялі гэтыя артыкулы, прычым найбольш спрэчнымі былі тыя, што адносіліся да статусу беларускай мовы (арт. 17) і адміністрацыйна-тэрытарыяльнага падзелу (арт. 9). 4 сакавіка 1994 г. Вярхоўны Савет прыняў рашэнне, згодна з якім усе папраўкі да праекта Канстытуцыі ў пісьмовым выглядзе падаваліся да 5 сакавіка ўключна.

Гэтыя папраўкі разглядаліся дэпутатамі 15 сакавіка 1994 г. і тычыліся колькасці членаў Парламента (275 замест 260), надання Кантрольнай палаце права заканадаўчай ініцыятывы, абрання першага Прэзідэнта на тры гады і інш.

У разгар дыскусій М.І. Грыб прапанаваў прагаласаваць за праект Канстытуцыі цалкам. Для галасавання зарэгістраваліся 307 дэпутатаў пры кворуме ў 231 чалавек для прыняцця рашэнняў. З 250 тых, хто прагаласаваў, 236 выказаліся «за», 6 – «супраць», 8 устрымаліся, 57 не галасавалі наогул [3, с. 132–133].

Заклучэнне. Такім чынам, канстытуцыйны працэс на ўсім працягу 1990–1994 гг. быў забяспечаны ў арганізацыйна-матэрыяльным, прававым і навукова-інтэлектуальным плане. Упершыню за ўсю гісторыю стварэння беларускіх канстытуцый ў 1990–1994 гг. былі прыцягнутыя высокакваліфікаваныя кадры, кандыдаты і дактары навук.

Публічнасць канстытуцыйнага працэсу, апублікаванне праектаў Канстытуцыі ў сродках масавай інфармацыі выклікалі даволі шырокі грамадскі інтарэс. Заўвагі і прапановы дапамагалі паляпшэнню канстытуцыйнага праекта змястоўна і стылістычна.

Тым не менш, канстытуцыйны працэс у 1990–1994 гг. не пазбег калізій. Шмат у чым яны былі звязаны і са стылем работы Вярхоўнага Савета XII склікання. Гэты стыль характарызаваўся зацягваннем прыняцця важных рашэнняў, бясконцымі кансультацыямі і ўзгадненнямі. Наглядна гэта выявілася ў паартыкульным абмеркаванні праекта Канстытуцыі. Экстраардынарны прыём – паіменнае галасаванне, да якога вымушаны былі звярнуцца дэпутаты, – сведчыў аб тупіковасці канстытуцыйнага працэсу.

Галоўная мэта канстытуцыйнага працэсу на Беларусі, пачынаючы з 1994 г., была дасягнута. Новы Асноўны Закон рэспублікі быў ухвалены Вярхоўным Саветам. Але шлях да Канстытуцыі незалежнай Беларусі аказаўся вельмі складаным. Сваю ролю тут адыгралі розныя фактары: недысцыплінаванасць многіх парламентарыяў, іх палітычныя і асабістыя ўзаемаадносіны, прафесійная непадрыхтаванасць і інш. І ўсе ж дэпутаты Вярхоўнага Савета XII склікання змаглі пераадолець амбіцыі і прыняць Канстытуцыю Беларусі. У гэтым іх безумоўная гістарычная заслуга.

Літаратура

1. Василевич, Г.А. Создание новой Конституции – важнейший этап работы белорусского парламента / Г.А. Василевич // Вест. Конституционного суда Респ. Беларусь. – 1995. – № 2–3. – С. 133–149.
2. Чудаков, М.Ф. Конституционный процесс в Беларуси (от привилегия Казимира до Конституции Республики Беларусь) / М.Ф. Чудаков. – Минск: Академия управления при Президенте Респ. Беларусь, 2008. – 290 с.
3. Курьянович, А.В. Конституция независимой Беларуси: разработка, проекты, принятие / А.В. Курьянович. – 3-е изд. – Минск: Тесей, 2012. – 176 с.
4. Курьянович, А.В. Конституция независимой Беларуси: разработка, проекты, принятие / А.В. Курьянович // Иппокрена. – 2008. – № 2. – С. 96–107.
5. Каваленя, А.А. Рэспубліка Беларусь у даследваннях вучоных АДДзялення гуманітарных навук і мастацтваў Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі / А.А. Каваленя // Рэспубліка Беларусь. 20 год незалежнасці: зб. матэрыялаў міжнар. навук.-практ. канф. / Інстытут гісторыі НАН Беларусі, Мінск, 24–25 ліст. 2011 г.; рэдкал.: А.А. Каваленя [і інш.]. – Мінск: Беларус. навука, 2012. – С. 12–19.
6. Пратакол № 40, пратаколы рэгістрацыі і галасавання, стэнаграма, бюлетэнь № 40, саракавога паседжання 1-й сесіі Вярхоўнага Савета БССР дванацатага склікання ад 22 чэрвеня 1990 г. // Нац. архіў Рэсп. Беларусь. – Фонд 968. – Воп. 1. – Спр. 2775. – 299 арк.
7. Пратаколы № 1–5, стэнаграмы пасяджэння Канстытуцыйнай камісіі, 10 чэрвеня – 11 ліпеня 1991 г. // Нац. архіў Рэсп. Беларусь. – Фонд 968. – Воп. 1. – Спр. 3731. – 177 арк.
8. Пратакол № 11, пратаколы рэгістрацыі і галасавання, стэнаграма, бюлетэнь № 11 адзінацатага паседжання 10-й сесіі Вярхоўнага Савета Рэспублікі Беларусь XII склікання ад 28 кастрычніка 1992 г. // Нац. архіў Рэсп. Беларусь. – Фонд 968. – Воп. 1. – Спр. 3099. – 220 арк.
9. Аб зацвярджэнні рашэння Канстытуцыйнай камісіі па падрыхтоўцы праекта Канстытуцыі (Асноўнага Закона) Беларускай ССР «Аб рабочай групе і групе экспертаў для падрыхтоўкі праекта Канстытуцыі (Асноўнага закона) Беларускай ССР»: пастанова Вярхоўнага Савета Рэспублікі Беларусь, 22 ліст. 1990 г., № 407-XII // Вядомасці Вярхоўнага Савета Рэсп. Беларусь. – 1990. – № 1. – Арт. 3.
10. Пратаколы № 8–14, стэнаграмы пасяджэнняў Канстытуцыйнай камісіі і дакументы да іх, 22 мая 1992 г. – 25 мая 1993 г. // Нац. архіў Рэсп. Беларусь. – Фонд 968. – Воп. 1. – Спр. 3734. – 250 арк.
11. Законы і пастановы, прынятыя 10-й сесіяй Вярхоўнага Савета Рэспублікі Беларусь дванацатага склікання і дакументы да іх, 11–12 ліст. 1992 г. // Нац. архіў Рэсп. Беларусь. – Фонд 968. – Воп. 1. – Спр. 2648. – 267 арк.
12. Канстытуцыя (Асноўны Закон) Рэспублікі Беларусь. Праект // Народная газета. – 1991. – 3 снеж. – С. 1–3.
13. Конституция (Основной Закон) Республики Беларусь. Проект // Народная газета. – 1992. – 22 авг. – С. 3–5.
14. Конституция (Основной Закон) Республики Беларусь. Проект // Советская Белоруссия. – 1993. – 28 сент. – С. 1–3.
15. Пратакол № 7, стэнаграма паседжання Канстытуцыйнай камісіі і дакументы да іх, 21 мая 1992 г. // Нац. архіў Рэсп. Беларусь. – Фонд 968. – Воп. 1. – Спр. 3733. – 267 арк.
16. Сёмая сесія Вярхоўнага Савета Рэспублікі Беларусь дванацатага склікання. Бюлетэнь № 25. – Выданне Вярхоўнага Савета Рэспублікі Беларусь, 1991. – 83 с.
17. Василевич, Г.А. Парламент Республики Беларусь: конституционно-правовой аспект / Г.А. Василевич. – Минск: Право и экономика, 1995. – 358 с.
18. Аб правядзенні галасавання па асобных палажэннях праекта Канстытуцыі Рэспублікі Беларусь шляхам падачы імянных бюлетэняў: пастанова Вярхоўнага Савета Рэспублікі Беларусь, 22 лютага 1994 г., № 2802-XII // Вядомасці Вярхоўнага Савета Рэспублікі Беларусь. – 1994. – № 8. – Арт. 100.

Паступіў у рэдакцыю 05.06.2014 г.

Прыняты ў друк 21.07.2014 г.

УДК [94(477):327.700Н]“1945”

«Во имя мира и прогресса»: украинская делегация на конференции в Сан-Франциско

Кульчицкая Е.В.

Черноморский государственный университет имени Петра Могилы, Николаев, Украина

В статье показано участие украинской делегации на конференции в Сан-Франциско. Отмечены сложности, преодолеваемые делегацией на пути следования к месту проведения конференции, раскрыта общая атмосфера, в которой оказались представители Украинской Советской Социалистической Республики. Подчеркнуто участие представителей УССР во всех комиссиях и комитетах, занимающихся разработкой основных положений Устава Организации Объединенных Наций, сделан акцент на том, что предложенные украинскими дипломатами инициативы засвидетельствовали их актуальность и необходимость для всех народов мира, поскольку выдержали проверку десятилетиями и не утратили своего значения на современном этапе.

Автором делается важный вывод о том, что результаты конференции в Сан-Франциско следует рассматривать как победу послевоенной дипломатии, одержанную во имя мира и прогресса.

Ключевые слова: УССР, украинская делегация, конференция, Сан-Франциско, Устав, ООН, СССР, США.

(Ученые записки. – 2014. – Том 17. – С. 59–63)

“In the Name of Peace and Progress”: Ukrainian Delegation at the Conference in San Francisco

Kulchytska E.V.

Petro Mogila Black Sea State University, Nikolaev, Ukraine

The article shows participation of the Ukrainian delegation in the conference in San Francisco. It focuses on complexities to be overcome by the delegation on the way to the place of conference, discloses general atmosphere in which the representatives of the Ukrainian SSR found themselves. It underlines participation of the Ukrainian SSR representatives in all commissions and committees, engaged in the development of the UN Charter principal provisions with emphasis being placed on that the initiatives, put forward by their Ukrainian diplomats, showed their relevance and necessity for all the peoples of the world as they were tested by decades and did not lose their significance at present stage.

The author arrives at an important conclusion that the results of the conference, held in San Francisco, should be viewed as triumph of the post-war diplomacy, gained in the name of peace and progress.

Key words: the Ukrainian SSR, the Ukrainian delegation, conference, San Francisco, UNO, Charter, the USSR, the USA.

(Scientific notes. – 2014. – Vol. 17. – P. 59–63)

На современном этапе одной из важнейших проблем мирового сообщества остается проблема укрепления международного мира и безопасности. И сегодня ко многим политикам и дипломатам должно прийти осознание того, что именно мирное сосуществование народов различных государств должно лежать в основе межгосударственных отношений. В свое время миллионные жертвы времен Второй мировой войны и желание народов жить в мире и согласии объединили многие страны с целью создания международной организации, которая бы обеспечила развитие международного сотрудничества по охране и укреплению всеобщего мира и предотвращению новых войн.

Такая задача возлагалась на Организацию Объединенных Наций, основные принципы функционирования которой были разработаны и утверждены на конференции в Сан-Франциско, проходившей с 25 апреля по 26 июня 1945 г.

Проблеме создания и функционирования ООН в советской историографии было посвящено значительное количество научных трудов и публикаций, среди которых можно выделить работы С.Б. Крылова [1] и А.А. Рощина [2]. Несмотря на ценный фактологический материал, основной акцент в них делался на участии в конференции делегации СССР, а деятельность представителей союзных республик – УССР и БССР – освещалась вскользь.

Адрес для корреспонденции: e-mail: olenakulchitska@rambler.ru – Е.В. Кульчицкая

Несколько позже белорусские исследователи А.Е. Гуринович [3] и В.Е. Снапковский [4], а также украинские ученые С.В. Виднянский и А.Ю. Мартынов [5] ознакомили ученых, интересующихся данной проблемой, с участием УССР и БССР на конференции в качестве первоначальных членов-учредителей. Ценность этих работ заключается в том, что в них рассмотрены шаги, предпринятые представителями дипломатии, заложившие фундамент для работы в ООН многих независимых государств.

В то же время следует отметить, что ряд вопросов, связанных с деятельностью УССР в ООН, в момент ее образования, до сих пор еще не исследован полностью. В связи с этим мы поставили своей целью раскрытие малоизвестных фактов, позволяющих расширить представление об участии украинской делегации в работе Сан-Францисской конференции. Исходя из поставленной цели, были определены следующие задачи: показать общую атмосферу, царящую на конференции в Сан-Франциско; охарактеризовать практическую деятельность украинской делегации на конференции; показать значение участия советских дипломатов в конференции.

Материал и методы. В статье использованы архивные материалы из фондов Центрального государственного архива общественных объединений Украины, Центрального государственного архива высших органов власти и управления Украины и Историко-архивного управления МИД Украины. Методологическая основа данного исследования построена на принципах объективности, историзма, системности, ценностного подхода, а также сочетании общенаучных (анализ, синтез, аналогия, сравнение) и специально-исторических (историко-генетический, историко-типологический, историко-системный) методов, что позволило ознакомиться не только с деятельностью украинской дипломатии, но и увидеть результат согласованных действий мирового сообщества, объединившегося ради мира и прогресса, с целью создания ООН.

Результаты и их обсуждение. Вопрос об участии УССР в этой конференции был рассмотрен на совете «трех» в Ялте, после чего молодой аппарат НКВД УССР начал вести тщательную подготовительную работу по сбору необходимых материалов, составлению справок, меморандума, обращения к участникам конференции. В это же время в иностранной прессе развернулась большая дискуссия –

допускать или не допускать Украину и Беларусь на Сан-Францисскую конференцию в качестве членов-основателей будущей международной Организации Объединенных Наций.

Конференция в Сан-Франциско открылась в исторический день – 25 апреля 1945 г., когда войска 1-го Украинского фронта встретились в районе немецкого города Торгау с союзниками: американскими и британскими войсками.

27 апреля 1945 г. на заседании глав делегаций нарком иностранных дел СССР В.М. Молотов выступил с предложением о приглашении УССР и БССР на международную конференцию, передав при этом меморандумы обеих республик, в которых они обращались к представителям конференции с просьбой об участии в ее работе. При этом В.М. Молотов сослался на договор трех великих держав по данному вопросу, подчеркнув роль и вклад названных республик в разгром фашизма. Исполнительный комитет конференции, состоящий из представителей Австралии, Бразилии, Канады, Чили, Китая, Чехословакии, Франции, Ирана, Мексики, Нидерландов, Великобритании, США и Югославии, на своем заседании 30 апреля 1945 г. единогласно высказался за приглашение Украины и Беларуси в Сан-Франциско [6, л. 13].

Однако определенная работа, способствовавшая тому, чтобы УССР укрепила свои позиции на международной арене, была проведена заранее. Еще 1 февраля 1944 г. X сессия Верховного Совета СССР приняла закон о предоставлении союзным республикам права вступать в непосредственные отношения с иностранными государствами, заключать с ними соглашения, обмениваться дипломатическими и консульскими представителями, а также иметь свои республиканские военные формирования. В связи с этим Верховный Совет УССР принял закон о создании Народного комиссариата иностранных дел и Народного комиссариата обороны УССР. Проведенные мероприятия позволяли Украине иметь право голоса, а украинские делегаты могли самостоятельно представлять УССР на международной арене.

Отметим, что своевременно были подготовлены все необходимые материалы и документы, а также создана делегация, которая, правда, смогла отправиться в Сан-Франциско только после официального приглашения со стороны руководства конференции.

Накануне празднования 1 Мая Украинская Советская Социалистическая Республика получила официальное приглашение на Сан-

Францисскую конференцию, и украинская делегация срочно стала готовиться к отлету из Киева. В ее состав вошли следующие представители: Д.З. Мануильский – заместитель главы Совета народных комиссаров и народный комиссар иностранных дел УССР, глава делегации; И.С. Сенин – заместитель председателя Совнаркома УССР; академик А.В. Палладин – вице-президент АН УССР, директор Института биохимии АН УССР; профессор В.И. Бондарчук – ректор Киевского государственного университета имени Т.Г. Шевченко; профессор П.С. Погребняк – ученый секретарь Президиума АН УССР; профессор Н.Н. Петровский – директор Института истории Украины АН УССР. Кроме того, работу делегации обеспечивали секретарь делегации А.Д. Война и помощник главы делегации П.П. Удовиченко. Всего в состав украинской делегации входило 12 человек [7, л. 67].

Следует отметить, что полет в США был длительным и трудным, поскольку наблюдались неблагоприятные метеоусловия: проливные дожди и туман, а также было необходимо совершать несколько остановок для дозаправки самолета горючим в Омске, Новосибирске, Красноярске, Якутске, Фербенксе, Эдмонтоне. Тем не менее, 6 мая 1945 г. украинская делегация благополучно прибыла в Сан-Франциско.

На время работы конференции весь район центра города был закрыт для проезда и пешеходного передвижения посторонних лиц. В центр можно было попасть только имея специальный пропуск и значок члена делегации, а также на специальных автомобилях, что свидетельствовало о предусмотрении хозяевами конференции необходимых мер предосторожности для безопасности делегатов. Все пленарные заседания конференции проходили в здании оперы «Хауз». В зале размещалось приблизительно 3,5 тысячи человек. Созданные комиссии и комитеты, генеральный секретариат, представители крупных агентств, в том числе ТАСС работали в Доме ветеранов, где до начала конференции находился Музей изящных искусств, экспонаты которого на время были вывезены.

Все иностранные делегации размещались в 13 крупнейших отелях г. Сан-Франциско. На улицах города, в кинотеатрах и гостиницах можно было увидеть представителей 50 наций мира. Бросалось в глаза обилие национальных флагов в центре города, на больших площадях, на зданиях магазинов и кинотеатров [8, л. 77].

На нужном уровне было организовано обеспечение делегаций информационными материалами, необходимыми для работы в комиссиях, комитетах, объявления о заседаниях, всех изменениях в режиме конференции. Слаженно работали телефонная, телеграфная и почтовая связь.

Для эффективной работы конференции было создано 12 комитетов, каждый из которых рассматривал определенную часть проекта Устава ООН. Данные комитеты объединялись в 4 комиссии.

Первая комиссия состояла из двух комитетов. Один из них рассматривал цели и принципы организации, другой – состав членов организации и ее аппарата, в основном секретариата.

Во вторую комиссию входило четыре комитета, которые рассматривали проблемы, относящиеся к Генеральной Ассамблее: а) ее структуру и процедуру; б) ее политические функции и компетенцию; в) экономическое и социальное сотрудничество; г) международную опеку над некоторыми самоуправляющимися территориями.

Третья комиссия, состоящая из четырех комитетов, рассматривала вопросы, касающиеся Совета Безопасности: а) его структуру и процедуру, включая голосование; б) мирное урегулирование споров; в) принудительные мероприятия в случае агрессии; г) региональные мероприятия, т.е. взаимоотношения с региональными организациями безопасности.

Четвертая комиссия объединяла два комитета, к компетенции которых относились юридические вопросы.

Таким образом, основная работа по рассмотрению и согласованию проекта Устава международной организации была сосредоточена в этих 12 комитетах. Дипломаты получили статьи проекта Устава, которые рассматривались соответствующим комитетом конференции, а также тексты всех поправок и дополнений к основному документу Организации Объединенных Наций.

7 мая 1945 г. начали работать все комиссии и комитеты по рассмотрению многочисленных предложений и поправок для Устава ООН. Члены украинской делегации были представлены среди всех комитетов и комиссий. А поскольку делегация не была многочисленной, то представителям от УССР на этой конференции приходилось иногда подменять друг друга в комитетах [9, л. 53].

Следует отметить, что общественность Сан-Франциско проявляла определенный интерес к украинской делегации. Всюду можно было наблюдать, как взрослые, подростки и дети просили автографы у членов делегации. Кроме того, делегаты УССР получали десятки телеграмм и сотни писем с высказываниями симпатии от общественных организаций и частных лиц.

Основные усилия дипломатов на конференции были направлены на решение таких вопросов: о руководстве конференции, о региональных соглашениях, о процедуре голосования в Совете Безопасности и о праве вето. Указанным вопросам придавалось особое значение [9, л. 79–81].

Во многих комитетах и комиссиях представители украинской дипломатии проявили свою конструктивную деятельность. Например, следует отметить, что украинская делегация поддержала название Организация Объединенных Наций, выдвинутое на заседании I комитета I комиссии. Кроме того, в комитете I, где председательствовал глава украинской делегации Д.З. Мануильский, разрабатывали преамбулу, I главу (Задачи организации), II главу (Принципы). Украинские делегаты принимали участие в работе II (Политические функции и вопросы безопасности) и III (Экономическое и социальное сотрудничество) комитетов II комиссий (Генеральная Ассамблея) [10, л. 31].

Среди предложений, инициированных украинской делегацией, следует отметить те, которые не утратили своей актуальности для всех представителей современного международного сообщества. Например, украинский делегат А.В. Палладин настаивал на необходимости обсуждения особым пунктом в Уставе полного равноправия мужчин и женщин относительно возможности быть избранными во все органы международной организации, в том числе и на руководящие должности.

Заслуживает внимания также и вопрос о праве на труд, внесенный на рассмотрение М.Н. Петровским. В частности, украинский делегат предложил свой текст проекта с таким содержанием: «С целью создания стабильности и процветания, необходимых для мирных и дружественных отношений между нациями, которые базируются на соответствующих принципах равных прав и самоопределении народов, организация должна содействовать решению международных, экономических, социальных, культурных и других гуманитарных проблем и поддерживать уважение прав человека, право на труд и основные свободы

для всех наций без различия расы, языка, религии и пола» [11, л. 129].

Активная работа украинской делегации проявилась не только в деятельности комиссий и комитетов. Ее глава, Д.З. Мануильский, провел 25 мая 1945 г. пресс-конференцию для представителей массмедиа с той целью, чтобы об УССР, ее внешнеполитических позициях и взглядах на послевоенное устройство мира узнали представители мировой общественности.

Значительная часть вопросов, адресованных Д.З. Мануильскому, касалась дипломатических отношений между УССР и другими странами, а также взаимовыгодных внешне-торговых связей. Ответы главы украинской делегации были точны и понятны для аудитории. Они часто сопровождались шутками и точными замечаниями, что особенно нравилось присутствующим, и свидетельствовало о доброжелательной атмосфере, царившей на пресс-конференции. Д.З. Мануильский подчеркнул, что украинское правительство стремится обменяться дипломатическими и консульскими представителями с другими странами мира.

Таким образом, работа представителей 50 государств на конференции в Сан-Франциско засвидетельствовала огромное желание присутствующих делегаций с разными политическими убеждениями и социально-экономическим развитием объединить свои усилия и создать такую международную организацию, которая в соответствии с разработанным и принятым Уставом ООН содействовала бы укреплению мира и не допустила бы развязывания новой войны.

Представители украинской делегации, осознавая всю ответственность, возложенную на них во время конференции, показали свою готовность содействовать не только развитию мирных отношений с представителями различных наций, но и стремились наладить контакты по линии образования и науки, поскольку обмен научными достижениями только способствовал бы продвижению научного прогресса.

С этой целью группа делегатов конференции посетила Калифорнийский университет, где их гостеприимно встретил профессорско-преподавательский состав. Ученым УССР показали университетский ботанический сад и познакомили с работами по генетике и селекции растений. С обеих сторон был проявлен большой интерес к учебному процессу и научной деятельности, осуществляемых в университетах УССР и США. Украинские ученые ознакомились с программами и планами Ка-

лифорнийского университета, с работой кафедр, с организацией производственной практики студентов, а также с работой геологического факультета.

Сознавая потребность в международном сотрудничестве в сфере образования, гости и хозяева договорились о систематическом обмене научными изданиями, напечатанными в УССР и США. Делегаты-ученые А.В. Палладин, М.Н. Петровский, П.С. Погребняк и В.Г. Бондарчук по поручению Украинского общества культурных связей (УОКС) провели переговоры о культурном сотрудничестве с Американо-русским институтом в Сан-Франциско.

12 июня 1945 г. была утверждена программа сотрудничества, направленная на всестороннее содействие экономическому, политическому и культурному сближению обеих стран на основании деловых взаимоотношений. Предусматривалось изучение русского языка в США (в школах, университетах) и английского языка в СССР и УССР; организация научных поездок для профессоров и студентов; содействие изучению истории, культуры и традиций между странами [12, л. 45–46].

Кроме того, предусматривалось осуществлять взаимный обмен новинками литературы, науки и техники; обмениваться журналами и книгами; содействовать взаимному обмену между странами делегациями ученых, писателей, деятелей искусств, осуществлять кинопрокат фильмов и т.д.

Таким образом, видно, что украинская делегация внесла не только свои рациональные предложения в работу комитетов и комиссий Сан-Францисской конференции, но и стремилась наладить контакты в сфере образования и культуры.

Однако, пожалуй, самым масштабным событием для всего мирового сообщества на конференции в Сан-Франциско стало подписание Устава ООН. 26 июня 1945 г. под основным документом Организации Объединенных Наций была поставлена и подпись УССР.

Заключение. На примере деятельности украинской делегации, активно принимающей участие в работе Сан-Францисской конференции, были продемонстрированы конкретные шаги послевоенной советской дипломатии, направленные на формирование дружествен-

ных отношений с представителями всего мирового сообщества.

Предложенные делегатами УССР в комиссиях и комитетах международной конференции инициативы засвидетельствовали их актуальность и необходимость для всех наций. Они выдержали проверку десятилетиями и не утратили своего актуального значения и на современном этапе.

Самым важным результатом конференции в Сан-Франциско стало создание ООН и ее Устава. Поэтому данный факт следует рассматривать как действительную победу послевоенной дипломатии, одержанную во имя мира и прогресса всего человечества.

Литература

1. Крылов, С.Б. История создания Организации Объединенных Наций / С.Б. Крылов. – М.: Изд-во ИМО, 1960. – 342 с.
2. Рошин, А.А. Конференция в Сан-Франциско 1945 г. Из воспоминаний советского дипломата / А.А. Рошин // Новая и новейшая история. – 1978. – № 1. – С. 68–78.
3. Гуринович, А.Е. Участие Белорусской ССР в деятельности ООН / А.Е. Гуринович. – Минск: Беларусь, 1982. – 143 с.
4. Снапковский, В.Е. Белорусская ССР в ООН (1945–1985 гг.) / В.Е. Снапковский. – Минск: Наука и техника, 1985. – 104 с.; Снапковский, В.Е. Путь Беларуси в ООН. 1944–1945 гг. / В.Е. Снапковский. – Минск: Навука і тэхніка, 1994. – 141 с.
5. Віднянський, С.В. Україна в Організації Об'єднаних Націй: 60 років участі у розв'язанні найважливіших міжнародних проблем / С.В. Віднянський, А.Ю. Мартинов. – Київ: Генеза, 2006. – 240 с.
6. Центральный государственный архив общественных объединений Украины (далее – ЦГАОО Украины). – Фонд 1. – Оп. 25. – Д. 432.
7. Историко-архивное управление МИД Украины (далее – ИАУ МИД Украины). – Фонд 10. – Оп. 2. – Д. 84.
8. ИАУ МИД Украины. – Фонд 10. – Оп. 2. – Д. 3.
9. ИАУ МИД Украины. – Фонд 10. – Оп. 2. – Д. 84.
10. ЦГАОО Украины. – Фонд 1. – Оп. 23. – Д. 1447.
11. ИАУ МИД Украины. – Фонд 10. – Оп. 19. – Д. 3. – Л. 129.
12. Центральный государственный архив высших органов власти и управления. – Фонд 1. – Д. 33.

Поступила в редакцию 03.06.2014 г.

Принята в печать 21.07.2014 г.

УДК 327(73;510)“2001/2005”

Политика США в отношении Китая в период первого президентства Дж. Буша-мл.

Косов А.П.

*Учреждение образования «Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова», Витебск*

В статье рассматривается эволюция внешней политики США в отношении Китая в период первого президентства Дж. Буша-мл. Анализируются основные факторы и причины относительной успешности китайского вектора внешней политики Соединенных Штатов Америки в 2001–2005 гг. Особое внимание обращается на основные движущие силы внешнеполитического курса Вашингтона, в частности на внутривнутриполитическую борьбу в американском истеблишменте по «китайской проблеме». В первую очередь освещаются подходы американской администрации и Конгресса к Китаю. В статье характеризуются политическая и военно-политическая составляющие стратегического курса Вашингтона в отношении КНР, рассмотрено торгово-экономическое взаимодействие, а также существующие проблемы между двумя государствами. Подчеркивается, что внешняя политика Соединенных Штатов в 2001–2005 гг. довольно эффективно сочетала в себе элементы вовлечения Китая в мировые дела и одновременно его сдерживания в военно-политической сфере. Делается вывод об относительной успешности внешней политики США на китайском направлении в рассматриваемый период.

Ключевые слова: США, Китай, Тайвань, Буш, Конгресс, внешняя политика, американо-китайские отношения, торгово-экономическое сотрудничество, терроризм, соперничество, права человека.

(Ученые записки. – 2014. – Том 17. – С. 64–78)

The U.S. Policy towards China during the First George W. Bush Presidency

Kosov A.P.

Educational stablishment “Vitebsk State P.M. Masherov University”, Vitebsk

The article considers evolution of foreign policy of the USA towards China during the first George W. Bush presidency. The major factors and reasons of relative success the Chinese vector in the U.S. foreign policy in 2001–2005 are analyzed. Special attention is focused on basic motive forces of Washington foreign policy, especially, on internal political fight in the American establishment on “the Chinese problem”. First of all approaches of the U.S. administration and the Congress to China are presented. Political and military-political components of the strategic course of Washington concerning the People’s Republic of China are characterized, trade and economic interaction, as well as existing problems between the two states, is considered. It is emphasized that the foreign policy of the United States in 2001–2005 quite effectively combined elements of involvement of China in world affairs and at the same time its control in the military-political sphere. Conclusion is made about relative success of foreign policy of the USA on the Chinese direction during the considered period.

Key words: the USA, China, Taiwan, Bush, Congress, foreign policy, U.S.-Chinese relations, trade and economic cooperation, terrorism, rivalry, human rights.

(Scientific notes. – 2014. – Vol. 17. – P. 64–78)

В XXI век США вступили на пике своего могущества. После окончания «холодной войны» они оказались на вершине своего роста, опередив другие страны мира по всем совокупным параметрам развития. Оставшись единственной сверхдержавой, Америка заняла ведущие позиции в современной системе международных отношений. Осознавая свое могущество и преследуя глобальные политичес-

кие интересы, Вашингтон пытался закрепить в роли доминантного игрока во всех регионах планеты, что вызвало неприятие со стороны ведущих государств мира, в том числе и поднимающегося Китая. Поэтому представляется целесообразным охарактеризовать политику Соединенных Штатов в отношении КНР в период первого президентства Дж. Буша-мл.

Адрес для корреспонденции: e-mail: alekos1979@mail.ru – А.П. Косов

Тема американо-китайских отношений рассматриваемого периода получила довольно полное освещение в мировой историографии. В первую очередь к ней обратились американские исследователи – Дж. Айкенберри, Ф. Бергстен, Зб. Бжезинский, Г. Киссинджер, К. Либерталь, Д. Лэмптон, Т. Кристенсен, К. Менгес, У. Оверхолт, Н. Фергюсон, А. Фридберг, Д. Шамбо и др.

В китайской историографии американо-китайские отношения в XXI в. проанализированы в работах Ван Сюедун, Ван Цзисы, Гуй Юнтао, Лю Миньфу, Лю Фуго, Пань Жуя, Сун Сяоцзюня, Сунь Чжиция, У Цяна, Фу Мэнцзы, Хо Цзюня, Цзянь Цзюньбо, Чжу Фэна, Юань Пэн и др.

В российской историографии различным аспектам американо-китайских отношений в период президентства Дж. Буша-мл. посвящены исследования Л.Г. Арешидзе, К.Н. Брутенца, А.С. Давыдова, Г.В. Зиновьева, Н.Н. Котлярова, Я.В. Лексютиной, В.В. Михеева, О.А. Тимофеева, С.М. Труша и др. К сожалению, в белорусской историографии работ по данной проблематике практически нет. Исключение составляет лишь диссертационное исследование С.М. Витковского. Поэтому представляется весьма актуальным и своевременным в какой-то мере восполнить данный пробел.

Цель данной статьи заключается в раскрытии сущности внешней политики США на китайском направлении в период первого президентства Дж. Буша-мл. на основе выявления ее ведущих тенденций и особенностей. Для этого необходимо проследить борьбу мнений и оценок американского истеблишмента по вопросу отношений с Пекином, охарактеризовать ключевые аспекты внешней политики Вашингтона в отношении Китая, выявить факторы, содействовавшие сближению Вашингтона с Пекином и улучшению двусторонних отношений, определить факторы, влияющие на ужесточение позиций Соединенных Штатов по отношению к КНР и обострение соперничества двух держав в мире, обратить внимание на основные события в американо-китайских отношениях.

Материал и методы. Данная статья основывается на материалах, почерпнутых из исследований российских и американских авторов. Было изучено большое количество информации, содержащееся в проанализированных источниках, а также различные авторские концепции и подходы к рассматриваемой проблеме, представленные в мировой исто-

риографии. В частности, монографии известных американских (Г. Киссинджер, Д. Лэмптон, Зб. Бжезинский, К. Менгес, П. Хеллер) и российских (Я.В. Лексютина, М.И. Крупянко, О.А. Тимофеев, К.Н. Брутенц, С.М. Труш) авторов. Кроме того, важная информация была почерпнута из известных периодических изданий – «Washington Quarterly» (2001), «Foreign Affairs» (2000, 2005), «Политэкс» (2009). Для написания статьи использовались как общенаучные (анализ, синтез, индукция, дедукция, сравнение, обобщение), так и специально-исторические методы исследования (историко-генетический, историко-сравнительный, историко-типологический), а также нарративный метод и метод системного анализа, которые позволили раскрыть сущность политики США в отношении Китая в рассматриваемый период.

Результаты и их обсуждение.

Первые шаги администрации Дж. Буша-мл. на китайском направлении

Победа в 2000 г. Дж. Буша-мл. на президентских выборах открыла новый этап в истории американо-китайских отношений. В повестке дня перед новой администрацией стояли обозначенные в 1990-е гг. актуальные проблемы взаимоотношений США и КНР. В первую очередь, это – тайваньская проблема; проблема Тибета; вопросы торгово-экономического и финансового взаимодействия; проблема соблюдения прав человека в КНР и т.д. Однако администрация Буша-мл. решила по-новому подойти к их решению, нежели команда Клинтона. Кроме того, появились такие новые проблемы, как начавшееся возвышение Китая и ответные действия Америки, ведущие к нарастанию противоречий между ними в мире; односторонний выход США из Договора по ПРО и планы создания американской ПРО ТВД, которые в КНР расценивались как антикитайская политика.

Как известно, в ходе предвыборной кампании республиканцы критиковали политику администрации Клинтона на китайском направлении и, придя к власти, намеревались проводить в отношении КНР довольно жесткий курс, обусловленный недовольством действиями пекинских властей по целому ряду актуальных международных проблем, а также внутривнутриполитическим положением в Китае. По мнению внешнеполитического советника Дж. Буша-мл. К. Райс, Китай стремился изменить баланс сил в Азии в свою пользу, что делало его стратегическим соперником Соединенных Штатов [1, р. 56]. Поэтому в пер-

вые месяцы президентства Дж. Буша-мл. китайская политика Вашингтона характеризовалась достаточно жесткой риторикой со стороны республиканской администрации в адрес Пекина. Правда, периодически звучали заявления американских официальных лиц о намерении продолжать стратегический диалог с Китаем, начатый в 1990-е гг. Это объяснялось отсутствием единства во взглядах среди американского руководства относительно китайской политики Соединенных Штатов. Так, вице-президент Р. Чейни и министр обороны Д. Рамсфельд выступали за более жесткий подход к Пекину в рамках политики сдерживания, предполагавшей расширение американского военного присутствия в АТР, увеличение помощи Тайваню, укрепление военно-политических связей со странами региона и т.д. Д. Рамсфельд был раздражен политикой КНР в области распространения ОМУ и жесткостью пекинских властей в тайваньском вопросе.

Сторонником жесткого подхода в администрации Буша-мл. был известный специалист по Восточной Азии, заместитель госсекретаря Р. Армитидж. Он придерживался жесткой позиции в отношении КНР. Еще в сентябре 2000 г. он назвал Восточную Азию ключевым регионом с точки зрения интересов доминирования Америки в мире, поэтому Вашингтону необходимо здесь минимизировать любые риски и угрозы. При этом наиболее опасным для американских интересов в регионе Р. Армитидж считал быстрый экономический и военный рост Китая [2, с. 65]. Подобной точки зрения придерживался и заместитель министра обороны, один из лидеров неоконсерваторов П. Вулфовиц.

Наряду со сторонниками жесткого подхода в руководстве США было немало сторонников сближения с КНР, которые рассматривали тесные американо-китайские отношения в качестве более предпочтительных для долгосрочных интересов страны, нежели конфронтация с Китаем.

Госсекретарь К. Пауэлл, несмотря на поддержку отдельных положений Чейни–Рамсфельда, считал, что Соединенным Штатам следует постараться снизить уровень недоверия между державами. Примером может служить выступление генерала К. Пауэлла 17 января 2001 г. на слушаниях по его утверждению на должность госсекретаря в сенатском комитете по иностранным делам, в котором он заявил о том, что Китай не является стратегическим партнером для Америки, но при этом не является и неизбежным и непри-

миримым противником. По словам генерала, с одной стороны, Китай – это конкурент и потенциальный соперник в АТР, а с другой – торговый партнер, согласный сотрудничать по всем взаимовыгодным направлениям. Поэтому задача США – развивать американо-китайское сотрудничество. Считается, что в своей речи К. Пауэлл обозначил философию развития сотрудничества Соединенных Штатов с КНР на ближайшее время – «шаг вперед и два назад», т.е. развивать стратегическое сотрудничество с Китаем через элементы его сдерживания [2, с. 210].

Среди сторонников стратегии вовлечения Китая в коллективное сотрудничество в АТР можно назвать командующего 7-м флотом США адмирала Д. Блэра. По его мнению, включение КНР в систему «коллективной безопасности» в Восточной Азии, в которой Пекин играл бы важную роль, но оставался бы под американским контролем, было весьма выгодно для Вашингтона [3].

Выразителем прагматичных взглядов в администрации Дж. Буша-мл. был помощник госсекретаря по делам Восточной Азии и Тихого океана Дж. Келли [2, с. 66]. В 2001–2005 гг. он осуществлял регулярные неофициальные консультации с Пекином по важным для Вашингтона вопросам использования энергетической и продовольственной политики в рамках деятельности координационного Совета по сотрудничеству в АТР. Зачастую его деятельность была эффективнее официальных переговоров [2, с. 88].

Большое влияние на президента Дж. Буша-мл. в вопросах китайской политики Вашингтона оказывал его отец – экс-президент Дж. Буш-ст. В первые годы работы сына на посту президента он много сделал для формирования эффективной политики в отношении КНР [2, с. 66].

В марте 2001 г. в Вашингтоне состоялась первая встреча Дж. Буша-мл. с представителем пекинского руководства – вице-премьером Госсовета КНР Цянь Циченем. Она обозначила существенные расхождения между двумя государствами по целому ряду вопросов. Несмотря на то что в ходе переговоров китайского представителя с президентом Дж. Бушем-мл. и госсекретарем К. Пауэллом было продемонстрировано стремление к поступательному развитию двусторонних отношений, выявилась неспособность сторон устранить разногласия по ключевым вопросам – проблеме прав человека, Тайваню и ПРО [4, с. 200].

Жесткий подход к Китаю проявился и в активной работе американских представителей в Женеве над резолюцией Комиссии ООН по правам человека, осуждающей КНР, а также яростные протесты против ареста в КНР двух американских профессоров китайского происхождения.

Весной 2001 г. в сенатских комиссиях прозвучали довольно жесткие заявления госсекретаря К. Пауэлла и директора ЦРУ Дж. Тенета о том, что именно КНР представляет наиболее серьезную угрозу интересам Соединенных Штатов, являясь ключевым фактором в нарушении режима нераспространения ОМУ и возможным источником дестабилизации в Восточной Азии. Антикитайские выпады представителей администрации были подкреплены и призывом американских конгрессменов к Международному олимпийскому комитету отклонить заявку КНР на проведение летней Олимпиады в Пекине в 2008 г. [4, с. 200].

Показателем жесткого подхода республиканской администрации стала американская позиция во время «воздушного инцидента» вблизи острова Хайнань 1 апреля 2001 г., когда в результате столкновения американского разведывательного самолета EP-3 с китайским истребителем произошла гибель китайского летчика, а американский самолет был вынужден приземлиться на острове [5, р. 299–300]. Этот инцидент стал самым серьезным между Вашингтоном и Пекином с момента бомбардировки авиацией США посольства КНР в Белграде весной 1999 г. Стороны обвинили друг друга в происшедшем. В итоге разразился громкий дипломатический скандал. Китайское руководство заявило, что американцы в мирное время осуществляли разведку над экономической зоной КНР, нарушая тем самым основные принципы международного права. В свою очередь, Белый дом указал на то, что самолет осуществлял полет в международном воздушном пространстве над Южно-Китайским морем, где Соединенные Штаты имеют полное право осуществлять любые полеты, в том числе и разведывательного характера.

Как бы то ни было, но экипаж американского самолета из 24 человек был задержан китайскими властями на одиннадцать дней, что вызвало резкое недовольство Вашингтона. И только получив официальное извинение госдепартамента США с выражением сожаления о происшедшем, китайская сторона позволила экипажу самолета отбыть на родину [6, с. 157].

Одним из последствий «воздушного инцидента» стало решение министра обороны Д. Рамсфельда о приостановке военных контактов с КНР. Кроме того, глава Пентагона несколько раз предлагал использовать метод «дипломатии канонерок», т.е. демонстрацию военной силы у берегов КНР [2, с. 214]. Дж. Бушу-мл. пришлось даже «усмирять» пыл «ястребов» в своем окружении, которые настаивали на принятии жестких мер по отношению к Китаю [2, с. 212]. По этой причине неоконсерваторы (Р. Каган, У. Кристол и др.) даже обвинили президента в том, что он привел США к «национальному унижению» и продемонстрировал на китайском направлении политику «слабости и страха» [6, с. 157].

Находясь под влиянием неоконсерваторов, администрация Дж. Буша-мл. попыталась отказаться от уже ставшей для Вашингтона традиционной политики «стратегической неопределенности» в пользу более однозначной поддержки Тайбэя. В частности, 24 апреля Вашингтоном после длительного периода отказа по причине их наступательного характера была одобрена поставка крупной партии вооружений Тайваню (на сумму порядка 5 млрд долл.) [7, с. 95]. Вашингтон намеревался продать Тайбэю несколько эсминцев, подводных лодок, вертолетов, противокорабельные ракеты, торпеды и другое оружие.

Свидетельством жесткой линии стало заявление 25 апреля 2001 г. Дж. Буша-мл. о том, что Америка будет всеми доступными средствами препятствовать попыткам Пекина по овладению Тайванем. Следует отметить, что с момента разрыва в конце 1970-х гг. Договора о взаимной обороне между США и Тайванем ни один американский президент не делал такого громкого заявления в поддержку защиты Тайваня. Несмотря на поспешные заявления представителей Белого дома и госдепартамента о том, что высказывания Дж. Буша-мл. не означают какого-либо изменения американской политики в отношении тайваньской проблемы, в Пекине усилились подозрения относительно желаний республиканской администрации сблизиться с Тайбэем [8, с. 199–200]. Тем более, Вашингтон давал и иные поводы Пекину думать о том, что американские власти сознательно избрали путь на обострение двусторонних отношений. Так, в начале мая президент Дж. Буш-мл. распорядился пересмотреть имевшиеся межправительственные программы американо-китайского сотрудничества. А в конце мая

американский президент встретился с Далай-ламой, что пекинские власти расценили как вмешательство во внутренние дела Китая [9, р. 118]. Это был довольно смелый шаг Дж. Буша-мл., поскольку Б. Клинтон за все свои восемь лет президентства избегал столь откровенных антикитайских действий и официально не приглашал Далай-ламу в Белый дом, поручая встречи с буддистским лидером рядовым сотрудникам своей администрации [2, с. 214].

В рамках жесткой линии Вашингтона были разрешены визиты тайваньских высокопоставленных должностных лиц в Америку, в том числе транзитные остановки президента Тайваня Чэнь Шуйбяня по пути в Латинскую Америку. В результате, 21–23 мая и 2–3 июня 2001 г. состоялись его встречи с американскими конгрессменами и мэром Нью-Йорка Р. Джулиани [9, р. 117]. По этой причине Дж. Буша-мл. даже стали называть самым протайваньским президентом США со времен Р. Никсона [8, с. 197–198]. Такие действия президента страны вызвали одобрение у многих граждан США. Согласно опросам общественного мнения 46% американцев поддерживали его линию. Правда, 34% при этом заявили, что Дж. Буш-мл. слишком мягок в своей китайской политике [10, р. 385].

Таким образом, в первые месяцы президентства Дж. Буша-мл. идеологические установки неоконсерваторов взяли верх над прагматической линией во внешней политике США, что отразилось на охлаждении американо-китайских отношений.

Однако, несмотря на жесткую риторику и откровенно недружественные шаги Вашингтона в отношении Китая, объективные факторы все же заставили американское руководство несколько смягчить свою позицию. Главной причиной стала экономическая взаимозависимость, к началу XXI в. уже достаточно крепко связавшая США и КНР торгово-экономическими отношениями. Еще в разгар «самолетного» кризиса 5 апреля 2001 г. Дж. Буш-мл. в своем выступлении в Американском обществе редакторов газет отметил, что сферой плодотворного сотрудничества США и КНР может быть экономика [7, с. 95].

Неудивительно, что 1 июня 2001 г. Дж. Буш-мл., осознавая выгоды американо-китайского торгово-экономического сотрудничества, обратился к Конгрессу с предложением продлить КНР режим наибольшего благоприятствования в торговле [8, с. 201]. В итоге 19 июля Конгресс одобрил это решение

[6, с. 159]. Торгово-экономические интересы США и КНР стали настолько тесно связаны друг с другом, что Вашингтон оказался не способен на стратегию сдерживания в отношении Китая, подобную той, которую он проводил против СССР в период «холодной войны».

Исходя из объективной заинтересованности США в Китае, в июне 2001 г. советник президента по национальной безопасности К. Райс сделала заявление о том, что Вашингтон будет стремиться к установлению конструктивных отношений с Пекином [7, с. 96]. Изменение позиции Соединенных Штатов нашло свое подтверждение и в дальнейших шагах американского руководства. В июле 2001 г. США не стали возражать в МОК против кандидатуры Пекина в качестве места проведения летней Олимпиады-2008, к чему ранее призывали отдельные американские политики. Тогда же в целях снятия напряженности в американо-китайских отношениях Вашингтон пошел на назначение в Пекин нового посла – бывшего предпринимателя К. Рэндта. Таким образом США внушали пекинским властям мысль о том, что считают приоритетными в своих отношениях с Китаем торговлю и инвестиции [2, с. 156]. В конце июля состоялся визит в КНР К. Пауэлла, положивший начало так называемому «этапу улыбок» в американо-китайских отношениях. Госсекретарь охарактеризовал итоги своих встреч с пекинским руководством как «весьма продуктивные», хотя и признал наличие ряда «нерешенных вопросов», в том числе в области соблюдения режима нераспространения ОМУ [4, с. 204]. В частности, он подчеркнул, что США не будут характеризовать Китай ни как «стратегического партнера», ни как «стратегического соперника» [7, с. 96]. А 30 июля 2001 г. в американском посольстве в Канберре К. Пауэлл и Д. Рамсфельд сделали заявление о том, что Соединенные Штаты не будут использовать термин «стратегический соперник» для характеристики КНР [7, с. 96].

Таким образом, с лета 2001 г. подходы Вашингтона к Китаю постепенно стали меняться. Существует мнение, что смягчение американской позиции во многом произошло благодаря усилиям Дж. Буша-ст., остававшегося убежденным сторонником дружественных отношений между странами [4, с. 203].

В то же время Д. Рамсфельд акцентировал внимание на намерении КНР увеличить производство ракет. Поэтому США должны были защитить себя путем развертывания ПРО ТВД

в Восточной Азии [2, с. 149]. На это в июне 2001 г. обращал внимание и председатель сенатского комитета по иностранным делам сенатор Дж. Байден, который заявил, что КНР буквально в течение нескольких лет увеличит количество своих МБР с 24 до 300–400 носителей [11, с. 475].

Приняв решение о выходе из Договора по ПРО и создании системы противоракетной обороны, американская сторона в октябре 2001 г. планировала провести двусторонние консультации, в ходе которых рассчитывала убедить китайцев, что американская НПРО пойдет на пользу стабильности в Азии и мире в целом. Следует отметить, что неоконсерваторы в администрации Дж. Буша-мл. считали, что размещение системы ПРО в Восточной Азии является жизненно необходимым фактором для обеспечения безопасности США в этом регионе. В частности, активными сторонниками размещения элементов ПРО в Восточной Азии были Р. Армитидж и П. Вулфовиц [2, с. 65].

Такие планы Вашингтона вызвали протест со стороны Пекина. Суть проблемы заключалась в том, что власти США не делали различий в трактовке понятий «национальная ПРО», предназначенная для защиты собственно американской территории, и «ПРО ТВД», предназначение которой состоит в защите союзников Америки в разных частях мира. А вот Пекин их четко разграничивал. Если китайское руководство не имело ничего против НПРО, то в отношении ПРО ТВД в Восточной Азии оно занимало для США крайне отрицательную позицию [2, с. 61]. Однако, несмотря на это администрация Дж. Буша-мл. приступила к размещению элементов системы ПРО ТВД в регионе [2, с. 64].

Таким образом, уже летом 2001 г. американские власти признали, что политика сдерживания КНР стала малоэффективной и поэтому акценты были перенесены на политику вовлечения. Тем более, что вскоре основополагающим фактором во внешней политике США стала борьба с международным терроризмом, для которой требовались союзники и партнеры.

Фактор 11 сентября и его влияние на китайскую политику США

Сентябрьские теракты в США поспособствовали дальнейшему пересмотру китайской политики Вашингтона в сторону улучшения взаимоотношений. После трагических событий в американской внешней политике в от-

ношении Китая возобладал подход К. Пауэлла, который и лег в основу китайской политики республиканской администрации. Его принял не только президент Дж. Буш-мл., но даже вице-президент Р. Чейни [4, с. 205]. Правда, страхи, связанные с возвышением КНР, полностью из умов американского истеблишмента не исчезли. Например, 30 сентября 2001 г. в одном из официальных документов было сказано о вероятной возможности противостояния с Китаем в Восточной Азии. Однако, в целом настроения в Вашингтоне относительно Китая в постсентябрьский период заметно отличались от настроений полугодичной давности.

Известно, что уже ночью 11 сентября Цзян Цзэминь направил Дж. Бушу-мл. послание, в котором говорилось об осуждении террористических атак и желании расширить двустороннее сотрудничество [12, с. 525]. Это же китайский лидер подтвердил и на следующий день в телефонном разговоре с президентом США [7, с. 96–97].

20–21 сентября 2001 г. состоялся визит в Вашингтон министра иностранных дел Китая Тан Цзясюаня, в ходе которого были достигнуты договоренности об антитеррористическом сотрудничестве двух стран. Стороны договорились об обмене разведывательной информацией по террористам и включении в список террористических организаций Фронта освобождения Восточного Туркестана, угрожающего стабильности северо-западных районов КНР [7, с. 96].

Несмотря на отмененное турне по странам Восточной Азии в связи с сентябрьскими терактами, в октябре 2001 г. Дж. Буш-мл. все же принял участие в саммите АТЭС в Шанхае. 19 октября во время первой личной встречи американского президента с председателем КНР Цзян Цзэминем было достигнуто соглашение о развитии конструктивного сотрудничества между двумя странами [7, с. 97]. Американский президент также подчеркнул, что будет способствовать скорейшему вступлению КНР в ВТО [2, с. 217]. В ходе переговоров стороны обменялись мнениями по проблеме борьбы с международным терроризмом, по ситуации на Корейском полуострове и в АТР в целом, а существующие между странами противоречия были упомянуты лишь вскользь. Другими словами лидерам двух стран не удалось существенно продвинуться ни по одному проблемному вопросу двусторонних отношений [6, с. 160].

В целом, Вашингтон был удовлетворен позицией Пекина по вопросу борьбы с международным терроризмом, когда эта проблема оказалась ведущей в повестке дня для Америки. Импонировал американцам и китайский подход к ситуации в Афганистане. Правда, Соединенным Штатам не понравилась реакция китайского руководства на расширение американского присутствия в Центральной Азии. Известно, что Пекин выразил обеспокоенность в связи с появлением американских военных баз в этом регионе, небезосновательно считая, что борьба с международным терроризмом стала лишь предлогом для решения Америкой своих геополитических задач в мире, в том числе и за счет ущемления интересов КНР [4, с. 206]. Тем не менее, в феврале 2002 г., выступая на слушаниях в Конгрессе, госсекретарь К. Пауэлл достаточно высоко оценил дипломатическую поддержку, оказанную Пекином Вашингтону после 11 сентября [13, с. 102]. В своем выступлении он озвучил новую политику США на китайском направлении, которая получила название «политики трех С» (от англ. candid – «открытая», constructive – «конструктивная», cooperative – «согласованная»), которая, по его словам, лучше отвечала вызовам времени, нежели прежний курс. Правда, это не означало, что Вашингтон отказался от элементов сдерживания Китая [2, с. 217].

Итогом нормализации двусторонних отношений стал и рабочий визит президента Дж. Буша-мл. в Китай 21–22 февраля 2002 г., в ходе которого в очередной раз было подтверждено, что США и КНР не просто испытывают острую необходимость друг в друге, а фактически стали торгово-экономическими «заложниками» друг друга. Однако главной темой переговоров стали «не торгово-экономические проблемы, которые в целом находили решение, а поиск взаимоприемлемых подходов к реализации глобальных и региональных стратегических задач, представляющих обоюдный интерес, и выстраивание на этой основе модели двустороннего поведения, которую стороны охарактеризовали как «отношения конструктивного сотрудничества» [4, с. 209]. Президент США с подчеркнутым уважением назвал КНР региональной сверхдержавой и отметил важность для Америки сотрудничества с ней [2, с. 217]. Однако при этом Дж. Буш-мл. высказал недовольство продолжающимся экспортом китайских ракетных технологий в нарушение достигнутого

в ноябре 2000 г. между Вашингтоном и Пекином двустороннего соглашения о том, что КНР обязуется не экспортировать ракеты, способные нести ядерные боезаряды, и соответствующие технологии для их производства. Американский президент обратил внимание также и на вопросы обеспечения свободы вероисповедания в Китае. Что касается тайваньской проблемы, то вопреки ожиданиям китайского руководства получить уступки на этом направлении в ответ на участие КНР в антитеррористической кампании, Дж. Буш-мл. предпочел не акцентировать внимание на том, что Америка выступает против независимости острова [6, с. 160–161]. Он лишь несколько смягчил свои прежние жесткие формулировки о «защите острова любой ценой», признал приоритет мирного диалога в решении тайваньского вопроса, подтвердил приверженность республиканской администрации политике «одного Китая», но при этом не отказался от данных ранее обязательств защищать Тайвань и продолжать поставки Тайбэю вооружений. Поэтому, по мнению многих экспертов, отсутствие официальных итоговых документов, обтекаемые формулировки в отношении достигнутых договоренностей, перенос решения многих проблем на будущее характеризовало данный визит как «не принесший реальных результатов» [4, с. 210].

Тем не менее, после 11 сентября Вашингтон существенно скорректировал свою политику в отношении Тайваня. Можно согласиться с мнением о том, что, нуждаясь в поддержке КНР для борьбы с терроризмом, администрация Дж. Буша-мл. пошла на сближение с Пекином в ущерб американо-тайваньским отношениям [8, с. 202]. Тем более, что сами тайваньские власти нередко давали Вашингтону повод быть недовольными действиями Тайбэя. Поэтому даже известный неоконсерватор П. Вулфовиц в своих публичных выступлениях в мае 2002 г. неоднократно подчеркивал, что у американской администрации нет намерения изменять статус-кво в Тайваньском проливе [8, с. 204].

В ходе посещения Дж. Бушем-мл. Китая стороны договорились о предстоящих в 2002 г. визитах китайских руководителей в Соединенные Штаты. В итоге, 27 апреля – 3 мая 2002 г. состоялся официальный визит в США заместителя председателя КНР Ху Цзиньтао [4, с. 210]. Правда, события, случившиеся в марте 2002 г., чуть было не сорвали этот визит. Дело в том, что в это время во Флориде в

ходе организованной Американско-тайваньским торговым советом конференции по стратегическим вопросам произошла неформальная встреча заместителя министра обороны П. Вулфовица с министром обороны Тайваня Тан Яомином. Она усилила подозрения Пекина относительно расширяющихся масштабов военного сотрудничества США и Тайваня. Китайский МИД выразил категорический протест Вашингтону, запретил на какое-то время американским военным кораблям заходить в порт Гонконга. Однако в конечном итоге Ху Цзиньтао все же прибыл в США, где встретился с Дж. Бушем-мл., Р. Чейни и Д. Рамсфельдом. Приглашение Ху Цзиньтао в Пентагон свидетельствовало о крайней заинтересованности Соединенных Штатов в возобновлении и укреплении между двумя странами военных связей [8, с. 203–204].

Тем временем в Конгрессе по-прежнему были очень сильны антикитайские настроения. В обнародованном в июле 2002 г. Докладе комиссии Конгресса по проблемам национальной безопасности на китайском направлении Китай назывался не только потенциальным военным и экономическим соперником США, но и объектом американского ядерного удара в случае попытки Пекина использовать силу для изменения статус-кво в Тайваньском проливе. Примечательно, что впервые американские законодатели, а не только военные, назвали КНР «объектом потенциальной ядерной атаки» [2, с. 140–141].

Несмотря на антикитайскую позицию Конгресса администрация, занятая борьбой с международным терроризмом, была заинтересована в улучшении отношений с КНР. Осенью 2002 г. Вашингтон пошел навстречу Пекину и внес в официальный список террористических организаций Фронт освобождения Восточного Туркестана, а все его американские счета заморозил. КНР с благодарностью восприняла это решение Соединенных Штатов, в то время как ряд западных экспертов расценили его как прагматический ход американского руководства [6, с. 162].

В таком же ключе можно трактовать и переговоры лидеров двух стран во время совершенного 22–25 октября 2002 г. рабочего визита в США председателя КНР Цзян Цзэминя. Встреча лидеров прошла на семейном ранчо президента в Техасе, куда приглашались только близкие Дж. Бушу-мл. иностранные гости. Особое отношение к китайскому лидеру было продиктовано желанием американ-

ского руководства не только продемонстрировать уважение к уходящему с поста председателю КНР Цзян Цзэминю, но и необходимостью заручиться поддержкой Пекина в выдвинутых американцами международных инициативах. На повестке дня переговоров основными вопросами стали проблемные ситуации вокруг Северной Кореи и Ирака. Вашингтону было крайне важно заручиться поддержкой Китая, имевшего влияние на Пхеньян, для решения северокорейской ядерной проблемы. И хотя на октябрьском саммите Цзян Цзэминь не дал Дж. Бушу-мл. никаких обязательств оказать давление на КНДР, но подчеркнул значимость сохранения безъядерного статуса Корейского полуострова и готовность продолжать консультации с американской стороной с целью решения данной проблемы [6, с. 163–164].

По иракскому вопросу в ходе прошедшей встречи обе стороны пришли к мнению о необходимости строгого выполнения Ираком принятых СБ ООН резолюций. Кроме того, Дж. Буш-мл. выразил надежду на то, что Пекин поддержит новую резолюцию, предписывающую Ираку ликвидировать ОМУ. В итоге в ноябре 2002 г. Пекин проголосовал за принятие резолюции № 1441, требовавшей от Багдада полного уничтожения ОМУ и прекращения его разработок [6, с. 164].

В процессе октябрьской встречи лидеров США и Китая стороны договорились о проведении регулярных американско-китайских форумов по безопасности на уровне заместителей министров с особым акцентом на вопросах нераспространения ОМУ [6, с. 164]. Можно отметить, что на переговорах Дж. Буша-мл. и Цзян Цзэминя в октябре 2002 г. наметился настоящий прорыв в двусторонних отношениях. В частности, президент США опроверг слухи о том, что рано или поздно Америка признает независимость Тайваня, и вновь подтвердил, что по-прежнему придерживается принципа «одного Китая» [4, с. 211].

В целом, 2002 г. ознаменовался дальнейшим сближением США и КНР. В соответствии с достигнутыми договоренностями, в декабре 2002 г. после двухлетнего перерыва возобновились двусторонние военные обмены на высшем уровне. В декабре также прошли американско-китайские переговоры по проблеме соблюдения прав человека. Считается, что восстановление между Вашингтоном и Пекином официального диалога стало возможным в результате выполнения китайской стороной

американского требования, состоявшего в освобождении ряда политзаключенных [6, с. 164].

Администрация Соединенных Штатов отошла от практиковавшегося американскими лидерами ранее подхода к проблеме прав человека в Китае. Отныне американское руководство было склонно рассматривать отдельно взятые вопросы на основе избирательного подхода. В отдельных случаях, основываясь на общих принципах защиты прав человека, религиозных и гражданских свобод, Вашингтону удавалось оказывать весьма ощутимое давление на Пекин. Так, в декабре 2002 г. из китайской тюрьмы был освобожден соучредитель Демократической партии КНР Сюй Вэньли [13, с. 104].

Весной 2003 г. администрация Дж. Буша-мл. отказалась от решения инициировать, как это делалось ранее, резолюцию по правам человека в Китае на очередной апрельской сессии Комиссии ООН в Женеве, несмотря на опубликованный госдепартаментом доклад о существенных нарушениях прав человека в КНР в 2002 г. [6, с. 167].

Следует отметить, что антикитайское лобби в Конгрессе постоянно подвергалось острой критике администрацию Дж. Буша-мл. за двойные стандарты и непоследовательность в вопросе прав человека в КНР. В результате в качестве компромиссного варианта была создана специальная Комиссия по китайской правовой проблематике, состоящая из представителей как исполнительной, так и законодательной власти. Первым и при этом весьма раздражающим пекинское руководство шагом данной комиссии стало создание «Базы данных по политическим заключенным в Китае» [13, с. 104].

Таким образом, перенос Вашингтоном во внешней политике акцентов на борьбу с международным терроризмом привел к более благоприятному отношению администрации США к КНР, несмотря на ряд имевшихся разногласий.

Влияние имперских притязаний Вашингтона на американско-китайские отношения

Проявившаяся в 2002 г. готовность США идти на сближение с КНР в силу имевшихся общих интересов все же имела и свои пределы. В первую очередь это было связано с нарастанием противоречий по ряду актуальных проблем мировой политики. Среди них можно назвать северокорейскую ядерную проблему, ситуацию вокруг Ирака, усиление влияния Китая в Юго-Восточной Азии и Центральной

Азии. Кроме того, существовали и противоречия, касающиеся тайваньской проблемы, а также политической, военной, экономической сфер взаимоотношений.

Несмотря на то, что по северокорейской ядерной проблеме США и КНР разделяли общую уверенность в необходимости сохранения Корейского полуострова в качестве безъядерной зоны, по вопросу серьезности создавшейся ситуации и путях ее разрешения единства мнений между ними не было. Пекинское руководство достаточно скептически относилось к утверждению Вашингтона, что Пхеньян уже обладает ядерным оружием. Поэтому в начале 2003 г. по мере того, как напряженность вокруг северокорейской проблемы увеличивалась, росло и недовольство Вашингтона по поводу бездействия Пекина в деле предупреждения превращения проблемы в полномасштабный кризис [6, с. 165–166].

Однако в конце апреля 2003 г., благодаря активной позиции пекинского руководства, выступившего с инициативой проведения трехсторонней встречи, а также убедившего Пхеньян принять в ней участие, состоялись переговоры США, КНР и КНДР по северокорейской ядерной проблеме. В Соединенных Штатах активность Пекина была оценена по достоинству. Официальные лица США были удовлетворены высокой значимостью активного включения КНР в процесс урегулирования данной проблемы [6, с. 165–166]. Следует отметить, что на протяжении всего 2003 г. северокорейская ядерная проблема являлась центральной в американско-китайском взаимодействии. По этой причине в это время существенно возросло количество двусторонних визитов на разных уровнях, а также увеличилась интенсивность контактов на высшем уровне [6, с. 167]. Правда, окончательно согласовать свои позиции по этому вопросу сторонам так и не удалось.

Определенное воздействие на американско-китайские отношения оказала и ситуация по иракскому вопросу. Как известно, Китай выступал против использования силы в отношении Ирака. Однако КНР оказалась настроена заметно менее конфронтационно в отношении Соединенных Штатов в ООН, нежели, например, Франция, Германия и Россия [12, с. 525].

18 марта 2003 г. Дж. Буш-мл. позвонил недавно избранному председателю КНР Ху Цзиньтао и, поздравив его, высказался за дальнейшее развитие конструктивного партнерства. Китайский лидер с ним согласился.

Другими словами, стороны продемонстрировали всему миру, что иракский кризис не сказался на отношениях между США и КНР. Несколькими днями позже китайские представители заявили, что ситуация вокруг Ирака не помешает запланированному на 19–20 апреля визиту Р. Чейни в Китай. Правда, визит вице-президента США в конечном итоге был отложен, но сделано это было тихо, без излишней огласки.

После того как 20 марта 2003 г. началась военная операция США с целью свержения режима С. Хусейна, пекинское руководство выступило с рядом официальных заявлений, в которых выражалась глубокая озабоченность ходом развития событий в Ираке. Пекин призывал прекратить военную кампанию и сесть за стол переговоров [6, с. 166].

Однако, хотя Китай и выступил против американской военной операции в Ираке, сделал он это более сдержанно, нежели Россия, Франция и Германия. Поэтому в принятой в конце марта резолюции палаты представителей Конгресса США относительно послевоенного восстановления Ирака, в которой российским, немецким, французским и сирийским компаниям было отказано в праве получения подрядов, китайские компании упомянуты не были.

Гораздо более серьезной проблемой в американо-китайских отношениях была проблема ПРО. В декабре 2002 г. администрация Дж. Буша-мл. объявила о своих планах развертывания систем ПРО в Восточной Азии, оправдывая данный шаг необходимостью перехвата северокорейских ракет [2, с. 55]. Однако истинная причина ее развертывания – это намерение Соединенных Штатов обеспечить стратегическое превосходство над КНР и Россией в зоне своего влияния в АТР [2, с. 57]. Тем более, что еще в декабре 2001 г. в одном из докладов ЦРУ подчеркивалось, что КНР потенциально способна подвергнуть территорию США ракетной атаке.

Правда, открыто официальный Вашингтон избегал говорить об угрозе нападения со стороны Китая. Однако некоторые американские политики (например, выступление 19 марта 2003 г. сенатора Л. Ворцзеля в сенатском комитете по внешней политике) открыто указывали на необходимость развертывания ПРО в Восточной Азии в целях нейтрализации наступательной мощи КНР [2, с. 61]. Правда, следует отметить, что далеко не все страны региона безоговорочно поддерживали планы

Вашингтона. Многие небезосновательно считали, что это может привести к накалению атмосферы в АТР и развертыванию ненужной гонки вооружений. Из всех союзников Вашингтона наиболее определенной и последовательной в отношении данных планов была позиция Тайваня, который получал самые большие выгоды от наличия в регионе американской системы ПРО [2, с. 59].

Поддержание баланса сил являлось основной стратегической целью США в АТР. В годы первого президентства Дж. Буша-мл. Вашингтон продолжил классическую стратегию укрепления двусторонних отношений со своими союзниками в АТР [2, с. 87]. После начала стремительного подъема Китая укрепление военных союзов в регионе под своей эгидой рассматривалось республиканской администрацией в качестве ключевого момента, способствующего сохранению США здесь своего контроля и доминирования [2, с. 43]. В первую очередь Вашингтон рассчитывал на тесное сотрудничество с Японией, Южной Кореей, Тайванем, Филиппинами, Сингапуром, Индонезией, Таиландом, Австралией и даже Вьетнамом, которые потенциально могли бы играть роль противовеса Пекину в АТР.

Можно согласиться с мнением о том, что, расширяя американо-китайское сотрудничество, Вашингтон преследовал цель отвлечь Пекин от сближения с другими державами, особенно с Россией [2, с. 209]. В российско-китайском союзе Соединенные Штаты небезосновательно усматривали антиамериканскую направленность, поскольку и Москва, и Пекин выступали против американской гегемонии в мире на основе совпадающих геополитических интересов. По словам Зб. Бжезинского, внешнеполитические курсы Пекина и Москвы по самым актуальным вопросам мировой политики ближе друг к другу, нежели каждого из них к Вашингтону [14, с. 148]. При этом американские власти были заинтересованы в проведении Китаем активной экспансионистской политики на российском Дальнем Востоке, исходя из того, что данный регион нуждается в притоке китайского капитала и китайских трудовых мигрантов [2, с. 113].

Особо следует сказать о развитии отношений США с Тайванем. Наибольшую активность в углублении американо-тайваньского сотрудничества проявил Пентагон. Во многом это была инициатива неоконсерваторов, пытавшихся использовать представившийся им шанс в целях укрепления позиций Америки в

мире. Среди них в первую очередь следует назвать П. Вулфовица, выступавшего за интенсификацию американо-тайваньского военного сотрудничества. Вашингтон, втягивая Тайбэй в сферу военно-технического сотрудничества, преследовал цели устрашения КНР. К тому же Пентагон получал немалые выгоды от продажи современной техники [2, с. 60]. Во время официального визита в США 7–10 декабря 2003 г. премьера Госсовета КНР Вэнь Цзябао Дж. Буш-мл. подтвердил приверженность трем коммюнике [12, с. 525]. Кроме того, он сделал неожиданное заявление о том, что односторонние действия президента Тайваня Чэнь Шуйбяня идут вразрез с мнением Вашингтона относительно сохранения статус-кво в Тайваньском проливе [13, с. 103]. Это высказывание президента США стало самым сильным публичным упреком в адрес тайваньского лидера и отразило растущее недовольство американского руководства дестабилизирующими в Тайваньском проливе инициативами Чэнь Шуйбяня [6, с. 169]. Таким образом, с декабря 2003 г. Вашингтон фактически начал сотрудничать с Пекином по сдерживанию попыток Чэнь Шуйбяня по нарушению статус-кво в Тайваньском проливе путем проведения общенародного референдума по вопросу о статусе Тайваня [15]. Вашингтон дал понять как Пекину, так и Тайбэю, что если кто-либо из них нарушит стабильность в регионе, то это автоматически будет означать ухудшение их отношений с США [16, р. 57].

Поэтому Вашингтон и Пекин в целях стабилизации ситуации в Тайваньском проливе стали координировать позиции по отношению к правительству Тайваня, пытаясь сдерживать его порывы к «независимости». В то же время в США посчитали, что принятый в конце декабря 2004 г. в КНР «Закон о предотвращении раскола страны», не исключающий возможности применения силы для воссоединения острова с материком, не способствует поддержанию мира и стабильности в регионе.

Не вызывает сомнений, что США не были заинтересованы в возвращении Тайваня в лоно Китая, поскольку это нанесло бы ощутимый удар по стратегическим интересам Соединенных Штатов в Восточной Азии и существенно повысило бы потенциал КНР. В США были убеждены, что, укрепляя военный потенциал Тайваня, Вашингтон укрепляет свои позиции в переговорах с Пекином [2, с. 193].

Так, в середине мая 2004 г. США стали активно продвигать идею участия Тайваня в статусе наблюдателя во Всемирной ассамблее

здравоохранения. Было также озвучено намерение Вашингтона оказать поддержку Тайбэю в обретении статуса наблюдателя в Организации американских государств. Кроме того, все отчетливее стали проступать черты активизации военного сотрудничества между США и Тайванем. Например, в конце марта 2004 г. Пентагон объявил о своих планах продажи Тайбэю радаров дальнего действия раннего предупреждения. Значительно возросло количество взаимных визитов американских и тайваньских высокопоставленных военных и должностных лиц министерств обороны [6, с. 170]. Данные действия Америки вызвали сильное раздражение Пекина, что не преминуло отразиться на двусторонних отношениях.

Администрация Буша-мл. предприняла ряд шагов в сторону улучшения отношений с Индией. С самого начала Дж. Буш-мл. видел в Индии союзника в решении ряда геополитических задач [17, с. 334]. Вашингтон принял одностороннее решение отказаться от противодействия индийской ядерной программе, не требуя от Дели принятия Договора о нераспространении ядерного оружия. Американская администрация мотивировала свои действия желанием создать более действенную коалицию для борьбы с исламским терроризмом, но тем самым подорвала усилия международного сообщества, направленные на борьбу с распространением ОМУ [14, с. 149]. Неудивительно, что после таких действий США Пекин стал рассматривать обвинения Вашингтона в свой адрес в нарушение режима нераспространения ОМУ как надуманные и предвзятые.

В рамках стратегии сдерживания США попытались окружить КНР кольцом американских баз. Поэтому одной из задач американской политики в Центральной Азии стало осуществление стратегии военно-политического окружения КНР [17, с. 199].

Кроме того, Вашингтон предпринял ряд попыток скоординировать свою стратегию сдерживания с Европой. Для этого активно использовались спекуляции на европейско-китайских экономических противоречиях [17, с. 323]. Следует сказать и о действиях Вашингтона по противодействию попыткам ЕС снять запрет на торговлю оружием с КНР. Так, в мае 2004 г. Конгресс принял «Акт о национальной обороне», который содержал положения о применении санкций против зарубежных компаний и лиц, которые будут поставлять военные технологии Китаю.

В итоге Европа, которая сама зависима от импорта высокотехнологичных компонентов с США, была вынуждена продлить эмбарго на продажу вооружений КНР [18, с. 316]. Несмотря на это ЕС сумел найти определенные ниши для сотрудничества с Китаем в других весьма важных для обеих сторон сферах.

При этом следует отметить, что растущая мощь КНР помогла Соединенным Штатам оправдать присутствие своих сил передового базирования в регионе, сохранить имеющихся здесь союзников и привлечь новых стратегических партнеров. Поэтому возвышение Китая в дипломатическом плане стало благом для Вашингтона, поскольку позволило укрепить и расширить соглашения по безопасности в АТР.

Не исчезла с повестки дня американо-китайских отношений и проблема прав человека в Китае. В 2004 г. Вашингтон снова достаточно жестко подошел к ней. Так, в начале года было обнародовано намерение США представить резолюцию о положении с правами человека в КНР на очередной сессии Комиссии по правам человека ООН, запланированной на 15 марта – 23 апреля 2004 г. Американцы обосновали свою позицию невыполнением со стороны Китая взятых на себя в ходе американо-китайских переговоров по правам человека в декабре 2002 г. обязательств, а также заявленных в 2003 г. намерений о расширении сотрудничества в области прав человека [6, с. 170–171].

Американские власти всячески поощряли процесс демократизации китайского общества. Однако порой на этом направлении Вашингтон встречал существенные трудности. Например, попытки США изменить систему судебного наказания в КНР путем улучшения условий содержания заключенных в лагерях и тюрьмах, отказа от пыток в тюрьмах и т.д. Однако Пекин незамедлительно истолковал такое давление со стороны США как вмешательство во внутренние дела суверенного государства [2, с. 247].

В ответ на действия США Пекин в конце мая 2004 г. предпринял беспрецедентные усилия в Совете Безопасности ООН по ограничению американского присутствия в Ираке. А накануне третьего раунда шестисторонних переговоров по северокорейской ядерной проблеме Китай раскритиковал бескомпромиссную политику Америки в отношении КНДР [6, с. 171].

С середины 2004 г. обострились американо-китайские противоречия в вопросе урегу-

лирования региональных конфликтов. В частности, КНР не поддержала выдвинутых США в СБ ООН резолюций относительно введения санкций в отношении Судана, охарактеризовав их как усугубляющие и без того сложную ситуацию в Дарфуре [6, с. 172].

Американская администрация называла свою китайскую политику «сбалансированной». Наряду с элементами сотрудничества она подразумевала наличие сильных раздражителей для пекинского руководства, которые побуждали бы Китай охотнее подчиняться давлению Соединенных Штатов [2, с. 213]. Так, комиссии Конгресса ежегодно публиковали отчеты слушаний по вопросам защиты окружающей среды, борьбы китайских властей со СПИДом, состояния религиозных свобод, нарушений КНР правил ВТО и т.д. [2, с. 248].

Все дело в том, что, как заявил в сентябре 2003 г. К. Пауэлл, повышение глобальной роли Китая выгодно США до тех пор, пока он проводит политику глобальной ответственности, которая совпадает с американскими интересами в мире [2, с. 235].

Несмотря на существовавшие противоречия руководство Соединенных Штатов продолжило осуществлять контакты с китайскими представителями, что свидетельствовало о сочетании стратегии сдерживания со стратегией вовлечения. Новые встречи Дж. Буш-мл. с новым лидером КНР Ху Цзиньтао, состоявшийся в апреле 2004 г. визит вице-президента США Р. Чейни в Пекин, а также визит 8–9 июля 2004 г. советника президента США по национальной безопасности К. Райс в Китай подтвердили наметившуюся в двусторонних отношениях линию, хотя и не сумели снять имевшиеся между Америкой и Китаем разногласия [4, с. 211]. В первую очередь американская сторона постаралась вновь заверить Пекин, что Соединенные Штаты придерживаются политики «одного Китая» и выступают против нарушения статус-кво в проливе. Но при этом Вашингтон отказался прекратить продажи американских вооружений Тайбэю, мотивируя свое решение смещением военного баланса сил в Тайваньском проливе в пользу КНР [6, с. 171].

На саммите АТЭС в 2004 г. Дж. Буш-мл. согласился с предложением Ху Цзиньтао запустить механизм общеполитического диалога на высоком уровне по актуальным глобальным и региональным проблемам [7, с. 114]. Ведение Соединенными Штатами сра-

зу двух войн – в Афганистане и Ираке – вынудило руководство страны активизировать свои действия по вовлечению Китая в глобальную систему международных отношений, главная роль в которой принадлежала Вашингтону.

Нельзя не отметить, что проводимая Америкой политика приносила свои плоды. В какой-то мере политическое сотрудничество США с КНР способствовало разложению идеологического фундамента властной элиты КПК. Вашингтон смог добиться того, что внутри китайского руководства стала раздаваться критика в адрес тех в политическом истеблишменте, кто выступал за сдерживание процессов политических реформ в стране [2, с. 238].

Состоявшиеся в ноябре 2004 г. президентские выборы в США, на которых победу вновь одержал Дж. Буш-мл., свидетельствовали о сохранении заданного курса китайской политики Вашингтона. В ряду существующих двусторонних противоречий на первом плане оставалась тайваньская проблема, вопросы ПРО и нераспространения ОМУ. Что касалось правозащитной проблематики и противоречий в торгово-экономической сфере, то они были на втором плане внешней политики Соединенных Штатов в отношении КНР [6, с. 172].

Таким образом, в контексте стратегии США на установление мирового господства проявились существовавшие противоречия в американо-китайских отношениях. Однако, считая приоритетным борьбу с терроризмом, Вашингтон особо не шел на их обострение, зачастую делая упор на сотрудничество.

Экономическое сотрудничество как элемент американской стратегии вовлечения Китая

Наряду с попытками Вашингтона вовлечь Пекин в глобальную систему международных отношений под эгидой США в сфере безопасности, важным элементом американской стратегии вовлечения КНР стало экономическое сотрудничество двух стран.

Следует отметить, что в 2001–2005 гг. наблюдалась тенденция весьма динамичного развития торгово-экономических отношений между США и Китаем. Быстро расширяющиеся связи, а также возрастающая роль Китая в регионе и мире побудили администрацию Дж. Буша-мл. содействовать принятию этой страны в ВТО. После чего 27 декабря 2001 г. президент США подписал указ, официально объявив о предоставлении Китаю

режима нормальных торговых отношений на постоянной основе с 1 января 2002 г. [8, с. 201]. В официальном заявлении Белого дома решение президента, ставшее возможным после официального вступления КНР в ВТО в 2001 г., было названо «последним шагом в нормализации американо-китайских отношений и приглашением КНР в международную торговую систему» [4, с. 208].

В результате к концу первого президентского срока Дж. Буша-мл. КНР стала третьим по важности торговым партнером Америки. Так, в 2004 г. товарооборот составил порядка 232 млрд долл. при торговом дефиците для США в 162 млрд долл. [13, с. 104].

В этот период наблюдался не только рост товарооборота, но продолжался и рост американских прямых инвестиций в экономику КНР. Так, если в 2001 г. они составили 7,5 млрд долл., то в 2004 г. – уже 12,2 млрд долл. [19, с. 119]. При этом в развитии сотрудничества были заинтересованы обе стороны. Например, в Пекине четко понимали, что приток иностранных инвестиций и передовых технологий, а также доступ китайского экспорта на американский рынок напрямую зависят от стабильных и мирных отношений с США [2, с. 92]. Создаваемые Пекином благоприятные условия для ведения бизнеса в стране способствовали тому, что в начале XXI в. целый ряд американских компаний перебрались в Китай. Только за первый квартал 2004 г. это сделало 58 американских фирм [20, р. 273].

По мере углубления экономических отношений происходила и дальнейшая институционализация двусторонних связей. В 2003 г. начал свою работу Американо-китайский диалог по экономическому развитию и реформам между госдепартаментом США и государственной комиссией по делам развития и реформ КНР [7, с. 111]. Во время визита в США в декабре 2003 г. премьера Госсовета КНР Вэнь Цзябао Дж. Буш-мл. согласился с пятью принципами обеспечения устойчивого развития торгово-экономических отношений между двумя странами, выдвинутыми китайской стороной.

В 2004 г. начались заседания Диалога по энергетической политике между министерством энергетики США и государственной комиссией по делам развития и реформ КНР, а также была достигнута договоренность о проведении раз в два года саммитов по безопасности потребительских товаров [7, с. 111].

В целом, можно отметить, что Вашингтон пытался вовлечь Китай в процессы междуна-

родного экономического обмена для получения дополнительных рычагов воздействия на внешнеполитическое поведение Пекина.

Однако, как и в политической сфере, экономическое сотрудничество США и КНР также было наполнено рядом нерешенных проблем и противоречий. Среди основных претензий Вашингтона в адрес Пекина в области экономического сотрудничества необходимо назвать недовольство Соединенных Штатов заниженным курсом юаня и невыполнением китайскими властями всех требований ВТО; неудовлетворенность безопасностью и качеством китайских потребительских товаров; несоблюдение в Китае авторских прав и т.д.

Хватало в сфере экономических взаимоотношений и проблем политического характера, инициируемых американской стороной. Так, негативное воздействие на торгово-экономические отношения США и Китая оказывала американская политика санкций в целях давления на Пекин. Особую активность на этом направлении проявлял Конгресс США. В начале 2000-х гг. политика санкций в отношении КНР была связана, прежде всего, с работой Комиссии по расследованию влияния двусторонних американо-китайских торгово-экономических отношений на национальную безопасность США. Так, в 2002 г. был опубликован доклад, который содержал ряд предложений Конгресса, направленных на применение экономических санкций. В частности, предлагалось: обязать Комиссию по ценным бумагам требовать от компаний, размещающих свои активы в Америке, информацию об их деятельности в странах, против которых Соединенные Штаты применяют санкции; обязать Казначейство исследовать, не причастны ли китайские компании к распространению ОМУ или ракетных технологий, и передавать эту информацию инвесторам, а также в другие соответствующие структуры. Кроме того, предлагалось принять закон, которым запрещалось бы китайским компаниям, находящимся в «черном списке» госдепартамента, размещать свои бумаги на американском рынке. Правда, в конечном итоге данные рекомендации не были воплощены в жизнь [18, с. 308–309].

В январе 2002 г. президент Дж. Буш-мл. два раза отменял санкции для осуществления поставок в КНР контейнеров для боезарядов и оборудование для утилизации химического оружия на территории Китая. 24 сентября 2003 г. президент Дж. Буш-мл. в обход эмбар-

го дал разрешение на экспорт в Китай сенсоров QRS-11, которые использовались корпорацией «Боинг» [18, с. 307]. В администрации США стали понимать, что американские санкции способны породить в Китае общенациональное противостояние США, еще более усилить антиамериканизм в стране.

Тем не менее, в мае–июне 2003 г. Вашингтон ввел жесткие санкции в отношении пяти крупных государственных компаний Китая, работающих в сфере ВПК по причине обвинения их в продажах ракетных технологий Ирану [6, с. 167].

В 2000-х гг. одним из распространенных видов применения Соединенными Штатами санкций на ограничение инвестиций КНР в американскую экономику стало внесение отдельных китайских компаний, обвиненных в поддержке международного терроризма, в список госдепартамента. И наоборот, для ограничения экспорта двойных технологий через прямые американские инвестиции в КНР правительство США поручило государственным структурам выдавать инвесторам экспортные лицензии только в том случае, если госдепартамент подтвердит, что инвестиции не противоречат интересам национальной безопасности США [18, с. 310].

Вместе с тем можно констатировать, что применение финансово-экономических санкций в отношении КНР носило непоследовательный характер. Все дело в том, что в годы президентства Дж. Буша-мл. Вашингтон больше руководствовался прагматическими соображениями получения временных выгод от сближения с Пекином [2, с. 236]. Администрация Дж. Буша-мл. пришла к выводу о том, что подъем Китая неизбежен, но может быть управляемым со стороны Америки. Поэтому торгово-экономические отношения стали одним из важнейших элементов сотрудничества США и КНР.

Заключение. Таким образом, китайская политика США в период первого президентства Дж. Буша-мл. сочетала в себе как элементы вовлечения, так и сдерживания и имела зигзагообразный характер. В процессе ее формирования отчетливо проявились различия подходов к отношениям с КНР представителей исполнительной и законодательной ветвей власти в Америке. После проявления довольно жесткой линии республиканской администрации в отношении Китая в первые месяцы ее пребывания у власти последовал период нормализации двусторонних отношений. Постепенно они вышли на тот уро-

вень, который во второй половине 1990-х гг. поддерживала администрация Клинтона. С одной стороны, в связи со стремительным подъемом Китая Вашингтон был вынужден учитывать фактор его возвышения как потенциально-го соперника с чуждыми США идеологией, системой ценностей и моделью развития в региональном и глобальном масштабе, а с другой – набирающего вес партнера в политической, торгово-экономической, научно-образовательной и других сферах. Поэтому первая администрация Дж. Буша-мл. в своей китайской политике активно использовала элементы как жесткого (сдерживание), так и мягкого (вовлечение) подхода. При этом Конгресс США традиционно придерживался более жесткой линии в отношении КНР.

В целом, первой администрации Буша-мл. удалось наладить конструктивное сотрудничество с Пекином по ряду вопросов в различных сферах, но при этом Вашингтон не смог устранить все имевшиеся разногласия и противоречия из американо-китайских отношений по причине того, что США психологически трудно было вести диалог с КНР как с равным партнером.

Литература

1. Rice, C. Promoting the National Interest / C. Rice // Foreign Affairs. – 2000. – Vol. 79, № 1. – P. 45–62.
2. Крупянко, М.И. США и Восточная Азия. Борьба за «новый порядок» / М.И. Крупянко, Л.Г. Арешидзе. – М.: Международные отношения, 2010. – 448 с.
3. Blair, D. From Wheels to Webs: Reconstructing Asia-Pacific Security Arrangement / D. Blair, J. Hanley // Washington Quarterly. – 2001. – Vol. 24, № 1. – P. 7–17.
4. Давыдов, А.С. Идеология и прагматизм в китайской политике США: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03 / А.С. Давыдов; Ин-т Дальнего Востока РАН. – М., 2005. – 246 с.
5. Heller, P. Oracle bones: a journey between China's past and present / P. Heller. – New York: Harper, 2006. – 512 p.
6. Лексютина, Я.В. США и Китай: линии соперничества и противоречий / Я.В. Лексютина. – СПб.: СПбГУ, 2011. – 230 с.
7. Тимофеев, О.А. Американо-китайские отношения на современном этапе: события, процессы, тенденции / О.А. Тимофеев // Современный Китай в системе международных отношений / А.А. Киреев [и др.]; отв. ред. Д.В. Буяров. – М.: Либроком, 2013. – С. 82–127.
8. Лексютина, Я.В. Политика США по отношению к Тайваню в контексте американо-китайских отношений в начале XXI века / Я.В. Лексютина // Политэкс. – 2009. – Т. 5, № 1. – С. 197–220.
9. Levin, M.L. The next great clash: China and Russia vs. the United States / M.L. Levin. – Westport: Praeger Security International, 2008. – 216 p.
10. Lampton, D.M. Same Bed, Different Dreams: Managing U.S. – China Relations, 1989 – 2000 / D.M. Lampton. – Berkeley: University of California Press, 2001. – XIII+498 p.
11. Менгес, К. Китай: нарастающая угроза / К. Менгес. – М.: Изд-во «Независимая газета», 2006. – 608 с.
12. Киссинджер, Г. О Китае / Г. Киссинджер. – М.: Астрель, 2013. – 640 с.
13. Труш, С.М. Китайская политика администрации Буша: лидерство, противоборство, вовлечение / С.М. Труш // Проблемы лидерства во внешнеполитической деятельности США. Итоги первого срока администрации Буша / В.А. Кременюк [и др.]; отв. ред. Т.А. Шаклеина. – М.: Ин-т США и Канады РАН, 2005. – С. 97–110.
14. Бжезинский, Зб. Еще один шанс. Три президента и кризис американской сверхдержавы / Зб. Бжезинский. – М.: Междунар. отношения, 2010. – 192 с.
15. Shambaugh, D. The US and China: Friends or Foes? – Part I / D. Shambaugh // YaleGlobal [Electronic resource]. – 2006. – 18 April. – Mode of access: <http://yaleglobal.yale.edu/content/us-and-china-friends-or-foes-part-i>. – Date of access: 27.04.2014.
16. Lieberthal, K. Preventing a War over Taiwan / K. Lieberthal // Foreign Affairs. – 2005. – Vol. 84, № 2. – P. 53–63.
17. Брутенц, К.Н. Закат американской гегемонии / К.Н. Брутенц. – М.: Междунар. отношения, 2009. – 512 с.
18. Седляр, Ю.О. Міжнародні санкції у світовій політиці: теорія і практика / Ю.О. Седляр. – Миколаїв: Чорноморський державний університет ім. П. Могили, 2013. – 412 с.
19. Тимофеев, О.А. Фактор США в нормализации российско-китайских отношений / О.А. Тимофеев // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: материалы междунар. науч.-практ. конф., Благовещенск–Хэйхэ, 10–12 июня 2011 г. / отв. ред. Д.В. Буяров. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2011. – С. 116–122.
20. Fishman, T. China, Inc. How the Rise of the next Superpower Challenges America and the World / T. Fishman. – N.Y.: Scribner, 2005. – 368 p.

Поступила в редакцию 13.06.2014 г.

Принята в печать 21.07.2014 г.

УДК 271.4(437)“195”

Восстановление унии в Чехословакии во второй половине XX века

Петрусеви́ч А.А.
Свято-Покровский храм, Жабинка

В данной статье предлагается анализ отношений между государственной властью Чехословакии и церквями (Греко-католической и Православной) в указанный период. Особое внимание автора уделяется межконфессиональным имущественным спорам и предлагается анализ сложившейся внутригосударственной ситуации второй половины XX века. В истории восстановления унии в Чехословакии после ее насильственной ликвидации в 1950 г. автор выделяет два этапа, связанных с принятием законов в пользу Греко-католической церкви, но направленных против деятельности православно-го духовенства, которое в этот период прошло через горнило испытаний вплоть до постановки вопроса о существовании Православной церкви в государстве. Имущественные споры между церквями, которые продолжались около 50 лет, были окончательно решены только в 2000 году через подписание Православной церковью, Греко-католической церковью и правительством Словацкой республики официального документа о полном урегулировании имущественных споров в соответствии с правовыми положениями Словацкого Национального Совета.

Ключевые слова: уния, Чехословацкая республика, Греко-католическая церковь, Православная церковь.

(Ученые записки. – 2014. – Том 17. – С. 79–83)

Reconstruction of Unia in Chechoslovakia in the Second Half of the XX Century

Petrusevich A.A.
Saint Pokrovskaya Church, Zhabyinka

Analysis of the relations between the state authorities of Chechoslovakia and the Churches (the Greek Catholic and Orthodox) during the indicated period is presented in the article, Special attention is paid to interconfessional property; analysis is presented of the current inner state situation of the second half of the XX century. In the history of the reconstruction of the unia in Chechoslovakia after its abolishment by force in 1950 the author points out two stages, which are connected with the adoption of laws in favour of the Greek Catholic Church but directed against the activity of Orthodox clergy, which in that period went through tests, up to questioning the existence of the Orthodox church in the country. Property arguments between the Churches, which lasted for about 50 years, were finally settled in only in 2000 through signing by the Orthodox Church, by the Greek Catholic Church and the government of the Republic of Slovakia of an official document about a complete settling property disputes in accordance with the legal provisions of Slovak National Council.

Key words: Unia, Chechoslovak Republic, Greek Catholic Church, Orthodox Church

(Scientific notes. – 2014. – Vol. 17. – P. 79–83)

В истории восстановления унии в Чехословакии (в большей степени на территории Словакии, где находилось большинство унитатских приходов) можно выделить два этапа, связанных с принятием законов в пользу ГКЦ: первый относится к 1968 г., когда был принят закон, разрешающий деятельность ГКЦ (после запрета 1950 г.), а второй этап – к 1990 г., когда был принят закон, согласно которому недвижимое имущество на территории Словакии, принадлежавшее до 28 апреля 1950 г. ГКЦ и переданное государством Православной церкви, возвращалось ГКЦ.

Цель статьи – рассмотреть и проанализировать проблему восстановления унии в Чехо-

словакии в указанный период.

Материал и методы. Основой для написания данной статьи стали архивные материалы Митрополичьего Архива Православной церкви в Чешских землях и Словакии в г. Мост (Mitropolitní Archiv Pravoslavné církve v České země a na Slovensku v Moste (MA Most)), Национального архива в г. Прага (Národní archiv v Praze (NA Praha)), Архива Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата. Также стоит отметить, что особое значение по теме унии имеет исследование словацкого богослова Имриха Белеканича – «Unionizmus ako ekleziologický problém» («Унионизм как эклезиологическая проблема»).

Адрес для корреспонденции: e-mail: a-petrusevich@mail.ru – А.А. Петрусеви́ч

Результаты и их обсуждение. После Второй мировой войны ЧСР попала в сферу влияния СССР, и к власти в стране пришли коммунисты. Некоторые черты коммунистического режима в ЧСР напоминали сталинскую политику, проводимую в самом СССР, что вызывало недовольство в обществе и среде элиты. Именно поэтому пришедший к власти в 1968 г. новый лидер чехословацких коммунистов Александр Дубчек получил массовую поддержку, объявив о своем стремлении построить в стране «социализм с человеческим лицом», так началась «Пражская весна». В апреле 1968 г. была принята программа демократических реформ, но уже в августе в ЧСР вошли войска Варшавского договора. После ввода войск Варшавского договора в ночь с 20 на 21 августа 1968 г. на территорию ЧСР общественная жизнь в стране практически замерла, начались репрессии.

В связи с восстановлением унии Православная церковь в Чехословакии прошла через горнило многих испытаний. Особенно бурно развивались события в Восточной Словакии, где антисоциалистические экстремистские силы особенно упорно стремились враждебно настроить местное население по отношению к Православию. Еще до официального разрешения деятельности ГКЦ начались повсеместные притеснения православных, имели место случаи изгнания под угрозой физической расправы православных священников с семьями из приходских домов; случаи насильственного захвата церковных зданий и т.д. События развивались настолько стремительно, что над Православной церковью нависла угроза ее существования. В связи с этим 30 апреля 1968 г. в Прешове под председательством митрополита Дорофея (Филиппа) прошло Собрание духовенства, где было принято решение организовать 12 мая 1968 г. в Праге съезд православного духовенства, а также обратиться в Министерство культуры и информации специальным письмом [1] с просьбой урегулировать ситуацию. Но на просьбу православных не отреагировали.

В результате крупных политических волнений и социальных изменений в ЧСР 13 июня 1968 г. постановлением правительства [2, s. 153] была разрешена деятельность ГКЦ. Интересен тот факт, «что один и тот же политик (Густав Гусак), который в 1950 году одним росчерком пера ликвидировал ГКЦ в Словакии, впоследствии, как представитель нового политического возрождения, таким же

одним росчерком пера ее восстановил» [3]. Правительством было предложено использовать храмы совместно православным и униатам. Но руководящие деятели Комитета по возобновлению ГКЦ требовали возвращения Униатской церкви всех принадлежавших ей ранее приходов, независимо от желания православных верующих, бывших униатов, не желающих возвращения в унию.

В результате начавшейся компании против Православия многие священнослужители с семьями были высланы, а некоторые даже подвержены физическим нападениям. Так описывает положение Православной церкви в то нелегкое время священник И. Белеканич: «Совместное использование храмов было шизофреническим решением, которое удовлетворяло лишь коммунистический атеистический режим. Из-за различных причин происходили конфликты на приходах, которые использовала атеистическая государственная машина для достижения своих целей. Коммунистический режим держал эту ситуацию под контролем. Не допускали строительства храмов или приходских зданий. Большинство наших священников жили со своими семьями в недостойных для человека условиях. Об этих фактах сегодня не пишут и не говорят» [4, s. 93].

До 1968 г. на территории Словакии Православная церковь осуществляла свою деятельность в тех религиозных общинах, где этого желали сами верующие, что составляло около 90% приходов. В связи с событиями 1968 г. в религиозных общинах возникали серьезные споры между греко-католическими и православными верующими. Усложняло проблему еще и то, что государственные власти по этому вопросу не имели единого мнения. Решение правительства зачастую зависело от того, чья сторона была более неподатливой [5]. В период 1968–1989 гг. православные верующие утратили возможность совершать богослужения в 285 храмах. Усугублял положение и тот факт, что правительство не позволяло православным совершать богослужения вне храмов и не давало разрешения на строительство новых православных храмов [6, s. 24].

Второй этап восстановления ГКЦ в Чехословакии связан с серьезными политическими и экономическими реформами, наступившими в ЧСР в конце 1980-х гг., через два с лишним десятилетия после разгрома Пражской весны. В ноябре 1989 г. в Праге произошла так называемая «бархатная революция», в результате

которой власть была передана народу. 26 февраля 1990 г. было подписано соглашение о полном выводе из ЧСР советских войск. А в июне 1990 г. состоялись первые демократические выборы, на которых победу одержала оппозиция. В ЧСР стала активно осуществляться политика либерализации.

В водовороте политических событий продолжался спор между ГКЦ и Православной церковью об имуществе и собственности оставшихся храмов. Необходимо отметить, что Православная церковь с надеждой приняла «бархатную революцию» в ноябре 1989 г. Верующие надеялись, что дождались религиозной свободы. Воспользовавшись сложившейся ситуацией, Православная церковь выступила с инициативой решения религиозной проблемы с ГКЦ, которая продолжалась 21 год.

21 декабря 1989 г. Православная церковь в письме к правительству Словакии предложила справедливо разделить имущество между обеими церквями на основании соглашения. Было предложено создать смешанную комиссию при правительстве Словакии, которая бы справедливо и объективно решила все спорные вопросы между Православной церковью и ГКЦ [7].

Стоит отметить, что имущество, которым пользовалась ГКЦ в 1649–1950 гг., было насильно отобрано у первоначального владельца – Православной церкви. Подобная ситуация, но справедливая по своей сути, произошла в 1950 г., когда имущество было возвращено Православной церкви, которая им обладала до 1968 г., в котором народ разделился на униатов и православных. И одни, и другие являлись наследниками и собственниками имущества. ГКЦ категорически требовала возвращения всего недвижимого имущества, которое ей принадлежало до 1950 г. Это требование было неприемлемо для Православной церкви, так как исторически недвижимое имущество принадлежало Ей [7].

3 января 1989 г. состоялась официальная встреча заместителя председателя правительства ЧСР И. Громадки и представителей Православной церкви, которые информировали председателя правительства о религиозной ситуации в Восточной Словакии и просили разрешить проблему между Православной церковью и ГКЦ по принципу разделения имущества. Было предложено создать при правительстве смешанную комиссию, в которую бы входили представители двух церквей [7].

23 марта 1990 г. были организованы переговоры между представителями обеих церк-

вей. Участвующие стороны пришли к общему выводу о необходимости решения права собственности обеих церквей на демократическом основании, в согласии с волей верующих обеих церквей. Православная церковь передала униатам здание Епархиального управления в Прешове, что должно было стать началом дальнейших конструктивных переговоров. Далее Православная церковь предложила в первую очередь решить проблему так называемых «чистых приходов», причем было отмечено, что чистыми религиозными приходами считались те, которые после 1968 г. построили и использовали или одна, или другая церковь. Из 70 деревень ГКЦ посчитала православными только 7 храмов. Но Православная церковь была готова положительно решить эту проблему: путем признания за чистые приходы те, в которых до 1968 г. совершала богослужения только ГКЦ. Греко-католическая церковь не приняла такое предложение [7].

10 мая и 15 мая 1990 г. Православная церковь письмами к правительству выразила протест против возврата имущества ГКЦ и просила прекратить насилие и решить религиозную проблему таким образом, чтобы при «решении имущественных вопросов между Православной и Греко-католической церквями учитывались потребности обеих церквей» [8]. С целью привлечь внимание правительства к насильственным действиям греко-католиков против православных верующих 16 мая 1990 г. православные организовали в Праге манифестацию священников и некоторых верующих, представителей отдельных православных приходов [8].

Просьбы и протесты православных ни к чему не привели, и на основании правовых мер Словацкий Национальный Совет распоряжением от 29 мая 1990 г. о владении собственностью и отношениях между ГКЦ и Православной церковью постановил, что то недвижимое имущество на территории Словакии, которое было до 28 апреля 1950 г. во владении ГКЦ и которое указом Государственного управления по делам церкви в Праге было передано в собственность Православной церкви, возвращается ГКЦ [9, s. 44]. Стоит отметить, что государственная власть в первую очередь способствовала тому, чтобы все действующие православные приходы оказались без права на владение церковным имуществом. Речь шла о полной ликвидации законными мерами всех православных приходов.

В связи с решением Словацкого Национального Совета началась новая волна гонений на православных со стороны униатов. С еще большей агрессией и ненавистью униаты с угрозами физической расправы изгоняли священников и верующих из храмов, в периодической и ежедневной печати постоянно публиковались статьи клеветнического содержания, православные получали анонимные письма с угрозами.

К тому же власти полностью поддержали униатов и требовали в течение трех месяцев передать греко-католикам храмы, до этого использовавшиеся совместно. В случае если обе церкви в течение установленного времени не достигали понимания, то решить вопрос использования храма должен был государственный уполномоченный. В тех местах, где имелось недвижимое имущество, при принятии решения уполномоченный должен был учитывать число униатов и православных. Причем должно было быть обеспечено совершение богослужений для обеих церквей. Но уполномоченный спорные вопросы, а порой и не спорные, решал в пользу униатов. Так было, например, в приходе Русский Грабовец, район Михайловце, в котором проживало 430 православных и 40 униатов. Уполномоченный решением постановил, что Православная церковь может использовать храм только 2 часа в неделю, а после 1 января 1992 г. должна будет полностью освободить храм. При этом униаты не проявили интерес к использованию этого храма [10].

Закрытие храмов не прекращалось, из храмов продолжали выгонять православных верующих и выбрасывать священные предметы [11]. Ситуация была настолько тяжелой, что 17 апреля 1990 г. Православная церковь в Чехословакии обратилась с Воззванием к христианам всего мира, с просьбой помолиться о Православной церкви в Чехословакии, которая «переживает свою скорбь».

Таким образом, Православная церковь потеряла около 80% своей собственности, которой Она пользовалась до 1990 г. Государство в стремлении смягчить тяжелую ситуацию, в которой оказались верующие не по собственной вине, и в целях устранения обид, которые были вызваны вследствие административных решений предыдущих политических режимов по отношению к обеим церквям, некоторым общинам помогло финансовыми субсидиями для приобретения новых церковных помещений [9, s. 44].

Вскоре правительство, после многочисленных обращений представителей Православной церкви, предложило в качестве компенсации за все отданные униатам храмы 60 миллионов крон. 5 мая 1992 г. в Братиславе между правительством Словакии и Прешовской епархией было подписано соглашение о постепенной передаче храмов ГКЦ.

Часть духовенства очень негативно отреагировало на подписание соглашения о передаче храмов, считая этот шаг изменой Православной церкви. Некоторые, очень агрессивно выступая против мирного урегулирования вопроса, обвиняли руководство Прешовской епархии в том, что оно предало православную веру.

Несмотря на то, что согласие было достигнуто, в целом процесс передачи храмов был не так прост. Руководство и сотрудники Епархиального управления и Епархиального Совета в Прешове понимали, что только через подписание соглашения возможно решение имущественного спора с униатами. Большинство верующих согласились отдать храмы и выразили желание строить новые, на которые Ватикан не будет иметь никакого права. Но духовенство, в большинстве своем, вело себя пассивно и выступало против передачи храмов. С правительством заранее было оговорено, что если какой-либо приход отказывался передать храм, то он не причислялся к соглашению [4, s. 104]. Таким образом, договор был изменен в соответствии с реальной ситуацией, и как следствие этого на территории Словакии началось активное строительство новых православных храмов.

Заключение. Таким образом, подводя итог рассмотрению проблемы унии в описываемый период, необходимо отметить, что православие в ЧСР всегда ассоциировалось у народа с Россией, а появление советских танков на улицах чехословацких городов еще более утвердило народ в ненависти к коммунистам и соответственно к Православию. Это и явилось одной из причин массового ухода верующих из Православной церкви после событий 1968 г.

Но многие верующие остались верны Православной церкви и терпели притеснения и унижения со стороны правительства и униатов. Униаты всеми силами пытались захватить храмы, в чем их поддерживала государственная власть, закрывая глаза на происходящие бесчинства. А в 1990 г. правительство открыто вступало на сторону униатов и издало закон о передаче церковной недвижимости

греко-католикам. Но благодаря неустанным трудам видных представителей Православной церкви, таких, как митрополит Дорофей, священники И. Белейканич, С. Пружинский и др., удалось урегулировать имущественный вопрос путем передачи храмов униатам и строительства новых храмов для православных при финансовой поддержке правительства Словакии.

Стоит отметить, что имущественные споры с ГКЦ были решены только в 2000 г. 20 декабря 2000 г. Православной церковью, ГКЦ и правительством Словацкой республики был подписан официальный документ о полном урегулировании имущественных споров между ГКЦ и Православной церковью в соответствии с правовыми положениями Словацкого Национального Совета [9, с. 45].

Перечень сокращений:

ГКЦ – Греко-католическая церковь.

ЧСР – Чехословацкая республика.

МА – Mitropolitní Archiv.

НА – Národní Archiv.

SUC – Státní urad pro věci církevní.

Литература

1. NA Praha. SÚC. Č.j. 350/1968, 4. V. 1968. – Собрание духовенства Прешовской и Михайловской епархий.
2. Šturák, P. Dejiny Gréckokatolíckej cirkvi v Československu v rokoch 1945–1989 / P. Šturák. – Prešov, 2008. – 199 s.
3. MA Most, složka «R. 1991». – Rozhovor s biskupa Čestmíra poľština vydanie (typizácia).
4. Belejkánič, I., protojerej. Unionizmus ako ekleziologický problém. / protojerej I. Belejkánič. – Prešov: Pravoslávna bogoslovecká fakulta Prešovskej univerzity v Prešove, 1999. – 188 s.
5. MA Most, složka «R. 1988–1989». – Слово М. Дорофея на открытие пленума Митроп. Совета, Прага от 23.10.1989 г.
6. Gerka, M., protojerej. Pravoslávna cirkev na Slovensku / protojerej M. Gerka // Odkaz sv. Cyrila a Metoda. Prešov. – 1998. – № 6. – S. 19–28.
7. MA Most, složka «R. 1991». – Rozborová správa o náboženskej situácii medzi Pravoslávnu a Gréckokatolíckou cirkvou na vyhodnom Slovensku.
8. MA Most, složka «R. 1990». – Protest duchovných a veriacich Pravoslavnej cirkvi v Česko-Slovensku z oboch slovenských eparchii prešovskej a michalovskej.
9. Gerka, M., protojerej. Slovinský anjel. Z dejn pravoslavnej cirkevnej obce Slovinky / protojerej M. Gerka. – Prešov, 2009. – 88 s.
10. MA Most, složka «R. 1991». – Stažnosť pre porušenie zákona.
11. MA Most, složka «R. 1990». – Zakonné opatrenie Predsedníctva SNR o usporiadané majetkových vzťahov medzi Gr.kat. a Pravoslávnu cirkvou zo dna 29.05.1990 – žiadosť o jeho prehodnotenie.

Поступила в редакцию 11.03.2014 г.

Принята в печать 21.07.2014 г.

УДК 821.16.09(093.2)(092) “14/15”+322(4-11)“14”+341.215.11

«Похвальное слово отцам Констанцского собора» Григория Цамблака: проблемы изучения

Афанасенко Ю.Ю.

Государственное учреждение образования
«Республиканский институт высшей школы», Минск

Посвящается Ю.К. Бегунову
(20.10.1932–18.01.2014)

Григорий Цамблак – одна из ключевых фигур церковно-политической истории Великого княжества Литовского и Восточной Европы начала XV в. Среди творческого наследия этого известного проповедника есть произведение, которое занимает важное место с исторической точки зрения. Речь идет о «Похвальном слове отцам Констанцского собора». Оно является одним из немногих исторических источников на славянском языке о Констанцском соборе.

Цель статьи – историко-парадигмальный анализ «Похвального слова отцам Констанцского собора» и концептуальное рассмотрение спорных вопросов, связанных с изучением произведения.

Материал и методы. Анализ произведения и исторического контекста пребывания Григория Цамблака в Констанце позволяет выдвинуть гипотезу о хронологии и возможном использовании данного произведения: Григорий Цамблак – автор «Слова», но оно было произнесено на одном из православных богослужений в Констанце, а не на аудиенции у римского папы. Из-за своего «проуниатского» заглавия произведение могло быть использовано составителем или переписчиком сборника Супрасльского монастыря XVI в., предположительно Иосафатом Кунцевичем.

Для анализа текста «Слова» использован историко-критический метод, а также парадигмальный подход, который позволил рассмотреть обозначенные проблемы в контексте разных историографических концепций и подходов.

Результаты и их обсуждение. В представленной статье проанализирован один из славянских источников по истории Констанцского собора – «Похвальное слово отцам Констанцского собора» известного проповедника и церковного писателя митрополита киевского Григория Цамблака. Дается историко-критический анализ произведения, изложены основные подходы к его изучению, сформировавшиеся в историографии. Поднимаются новые исследовательские задачи по изучению «Похвального слова». Актуализируется и дополняется аргументация об авторстве Григория Цамблака. Поднимается проблема «единственности» произведения. Рассматриваются предположения о возможном использовании «Слова» на аудиенции у папы Мартина V. Выдвигается концепция о возможном участии в формировании сборника XVI века, содержащего «Слово», Иосафата Кунцевича. Подчеркивается исключительная историческая важность источника и необходимость дальнейшего изучения данного произведения.

Заключение. Проведенный анализ «Слова» дал дополнительные аргументы в пользу авторства Григория Цамблака. В целом остается не выясненной проблема «единственности» рукописного варианта произведения. Также гипотетичными выглядят предположения о возможном использовании «Слова» на аудиенции у папы Мартина V. Наиболее вероятно использование произведения как проповеди, во время православного богослужения в Констанце (возможно 18, 19, 21 февраля 1418 г.). Требуется дальнейшей верификации судьба рукописного сборника, содержащего «Слово», а также вопрос отношения к нему Иосафата Кунцевича.

Ключевые слова: Великое княжество Литовское, Киевская митрополия, Констанцкий собор, церковная уния, Витовт, Ягайло, Григорий Цамблак.

(Ученые записки. – 2014. – Том 17. – С. 84–89)

“Eulogy to the Fathers of the Council of Constance” by Gregory Tsamblak: Problems of Study

Afanasenko Yu.Yu.

State educational establishment “National Institute for Higher Education”, Minsk

Gregory Tsamblak is one of the key figures of church and political history of the Grand Duchy of Lithuania and Eastern Europe in the early XV century. Among the creative heritage of this famous preacher there is a work that takes an important place in historical terms. This is “Eulogy to the Fathers of the Council of Constance”. It is one of the very few historical sources in the Slavic language about the Council of Constance.

Адрес для корреспонденции: e-mail: a.yurij@mail.ru – Ю.Ю. Афанасенко

The purpose of the article is historical and paradigmatic analysis of “Eulogy to the Fathers of the Council of Constance” and conceptual consideration of controversial issues connected with the research of this work.

Material and methods. The analysis of the work and the historical context of Gregory Tsamblak’s staying in Constance allows to put forward a hypothesis about the chronology and the possible use of this work: Gregory Tsamblak is the author of “Eulogy”, but it was pronounced at one of the Orthodox services in Constance, rather than at the audience with the Pope. Because of its “pro-uniatic” title the work could be used by Jehoshaphat Kuntsevich, the author or copyist of the collection of Suprasl monastery of the XVI century.

The historical-critical method was used to analyze the text of “Eulogy” as well as a paradigmatic approach, which allowed considering certain problems in the context of different historiography concepts and approaches.

Findings and their discussion. This article analyzes one of the Slavic sources of the history of the Council of Constance “Eulogy to the Fathers of the Council of Constance”, which was written by one of the famous preacher and ecclesiastical writer Gregory Tsamblak, Metropolitan of Kiev. The article gives a historical-critical analysis of the “Eulogy”, describes the main approaches to its study, formed in historiography. The paper represents new research tasks of “Eulogy” study, and also updates and complements the argument about the authorship of Gregory Tsamblak. The issue of uniqueness of the work is considered. The article examines the assumptions about the possible use of the “Eulogy” for an audience with Pope Martin V; extends the concept of the possible contribution of Jehoshaphat Kuntsevich in the formation of the corpus of the XVI century, containing the “Eulogy”. The article emphasizes the exceptional historical importance of the source and the need for further study of this work.

Conclusion. The analysis of the “Eulogy” has given additional arguments in favor of the authorship of Gregory Tsamblak. In general, the problem of the uniqueness of the handwritten variant of the work remains unknown. Also the assumptions about the possible use of the “Eulogy” at an audience with Pope Martin V seem hypothetical. Most probably the work was used as a sermon, during the Orthodox service in Constance (possibly the 18, 19, 21 of February 1418). The fate of the handwritten collection, containing the “Eulogy”, as well as the issue of the relation to it of Jehoshaphat Kuntsevich, requires further verification

Key words: Grand Duchy of Lithuania, Kiev metropolitan, the Council of Constance, church union, Vytautas, Jagiello, Gregory Tsamblak.

(Scientific notes. – 2014. – Vol. 17. – P. 84–89)

Григорий Цамблак – одна из ключевых фигур церковно-политической истории Великого княжества Литовского и Восточной Европы начала XV в. Среди творческого наследия этого известного проповедника есть произведение, которое занимает важное место с исторической точки зрения. Речь идет о «Григория архиепископа и всяя Руси Слове похвальном, иже у Флорентии и у Константис собору галатом, италом и римляном и всем галатом» (краткое название, принятое в науке «Похвальное слово отцам Констанцского собора»). Оно является одним из немногих исторических источников на славянском языке о Констанцском соборе.

Текст этого «Слова» находится в Сборнике житий святых XVI в., в лист, написанных полууставом (в описании Ф.Н. Добрянского 105(199)) из Супрасльского монастыря. Сборник попал 1 мая 1852 г. в Рижскую семинарию, а в 1877 г. в Виленскую Публичную Библиотеку и был описан Ф.Н. Добрянским [3, с. 226]. В настоящее время данный Сборник хранится в отделе рукописей Библиотеки Академии наук Литвы имени Врублевских в Вильнюсе (F-19/105). Известны несколько публикаций славянского варианта «Слова»: дважды Н.К. Никольским в «Известиях отдела русского языка и словесности» (далее: ИОРЯС) в 1903 г. [6], 2-е изд. в «Сборнике Отделения русского языка и словесности им-

ператорской Академии наук» (далее: СОЛЯСАН) в 1907 г., в 1981 г. К. Мечевым [5], в 1990 г. Ю.В. Пелешенко [7], Д. Кенановым в 2000 г. [4], Ю.К. Бегуновым в 2005 г. [1]. Кроме того были сделаны переводы на болгарский язык: М. Спасовой в 1995 г., он же в сборнике Избранных сочинений 2010 г. Перевод на белорусский язык выполнил И.В. Саверченко в «Беларускай літаратуры X–XV стст.» 2010 г.

«Слово» неоднократно становилось объектом исследования. При анализе историографии можно выделить следующие подходы к изучению «Слова»:

- автором «Слова» является Григорий Цамблак; «Слово» было произнесено в феврале 1418 г. после произнесения приветственной речи папе Мартину V (А.И. Яцимирский, К. Мечев, Ю.К. Бегунов, Д. Кенанов и др.). Анализ текста этими авторами дал основание атрибутировать стиль «Слова» как типический стиль Григория Цамблака. Язык произведения содержит много калек с греческого языка, свойственных произведениям церковного писателя, что также доказывает, что произведение принадлежит Григорию Цамблаку [5, с. 86–90; 7, с. 54–63; 12, с. 89–98; 4, с. 48–56];

- «Слово» использовалось сначала на Констанцском соборе Григорием Цамблаком, а затем на Ферраро-Флорентийском соборе

митрополитом Исидором, либо автор слова Григорий Болгарин, сподвижник митрополита Исидора (Н.К. Никольский, К.Ф. Радченко);

- автор «Слова» некто Григорий Молдавский (гипотеза Е.Е. Голубинского).

До настоящего времени остается спорным вопрос обстоятельств и места произнесения «Слова» на Констанцском соборе. Тот факт, что «Слово» сохранилось в единственном списке XVI в., не дает достаточной уверенности для использования его как полноценного источника по истории начала XV в. Не замеченными исследователями остается факт возможного участия в формировании сборника со «Словом» Иосафата Кунцевича. Все указанные вопросы мы попытаемся кратко осветить в данной статье.

Цель статьи – историко-парадигмальный анализ «Похвального слова отцам Констанцского собора» и концептуальное рассмотрение спорных вопросов, связанных с изучением произведения.

Материал и методы. Для анализа текста «Слова» использован историко-критический метод, а также парадигмальный подход, который позволил рассмотреть обозначенные выше вопросы в контексте разных историографических концепций и подходов.

Анализ произведения и исторического контекста пребывания Григория Цамблака в Констанце позволяет выдвинуть еще гипотезу-уточнение к хронологии и возможному использованию данного произведения: Григорий Цамблак – автор «Слова», но оно было произнесено на одном из православных богослужений в Констанце, а не на аудиенции у римского папы. Из-за своего «проуниатского» заглавия произведение могло быть использовано составителем или переписчиком сборника Супрасльского монастыря XVI в., предположительно Иосафатом Кунцевичем (обоснование данной точки зрения см. ниже).

Результаты и их обсуждение. Стоит несколько подробнее остановиться на атрибуции данного произведения именно Григорию Цамблаку. Согласно распространенному в историографии мнению «Слово» произнесено на Констанцском соборе в феврале 1418 г. после произнесения приветственной речи на латинском языке. Эту позицию обосновал А.И. Яцимирский, его доказательства были приняты многими исследователями.

Первым шагом в изучении «Слова», с литературной точки зрения, можно считать филологический анализ произведения М.А. Да-

мянковой в 14 выпуске «Проблемы слов'янознавства» 1978 г.

В 1981 г. к «Слову» обратился известный болгарский исследователь К. Мечев, где попытался дать новую оценку доказательствам А.И. Яцимирского в пользу авторства Григория Цамблака. Для этого он проанализировал текст «Слова» в сопоставлении со сходными компонентами основного произведения Григория Цамблака «Похвального слова Евфимию Тырновскому» [5, с. 86–90].

В 1990 г. подобное попытался осуществить Ю.В. Пелешенко. Исследователь кратко рассмотрел проблемы атрибуции слова (опроверг версии об авторстве Исидора, Григория Молдавского и Григория Болгарина) [7, с. 55–57]. Затем исследователь провел анализ художественно-стилистических особенностей произведения и пришел к достаточно неожиданному выводу о том, что «Слово» было взято за основу Андреем ХризOVERгом для «латинской» речи Григория Цамблака на аудиенции у папы Мартина V [7, с. 59].

Одним из последних исследователей, кто занимался изучением «Слова», был Д. Кенанов в 2000 г. Автор проанализировал структуру и риторические обороты произведения и обнаружил аналогии с произведениями патристической традиции, в частности с произведениями Иоанна Златоуста. Так же, как и К. Мечев, он увидел стилистические и образные совпадения с «Похвальным словом Евфимию Тырновскому». На вопросе авторства исследователь подробно не останавливался [4, с. 48–49].

Уместным будет сказать и о полемике вокруг сочинения А.И. Яцимирского о Григории Цамблаке, вышедшего в 1904 г. Как отмечает П.А. Лавров в своей рецензии в СОРЯСАН в 1905 г. (см. т. 81, с. 23–40) на рукопись А.И. Яцимирского, его предшественники на «Похвальном слове» подробно не останавливались. В то время, когда печаталась книга А.И. Яцимирского (1904), «Слово» было впервые издано профессором Н.К. Никольским в ИОРЯС в 1903 г. [6, с. 52–75]. Тогда существовали разные мнения относительно авторства произведения. Н.К. Никольский в преамбуле к издаваемому «Слову» отмечал, что на поле против этого слова в рукописи старинной скорописью замечено: *«Мнится, сие слово есть Исидора митрополита Киевского, бо бе на сем соборе во Флорентии»*. Однако Н.К. Никольский не рискнул сделать однозначный вывод об авторстве «Слова».

По его мнению, автором слова мог быть один из Григориев: или Цамблак, или же протодиакон и ученик митрополита Исидора, разделявший его убеждения [6, с. 52–53].

Аргументацию в пользу принадлежности Григорию Цамблаку «Похвального слова» подверг критике К.Ф. Радченко в рецензии на опубликованную книгу А.И. Яцимирского [8, с. 425]. Рецензент посчитал сомнительным, что «Слово» было вторично использовано митрополитом Исидором [8, с. 425]. Впрочем, позже А.И. Яцимирский, отвечая на рецензию, написал следующее: «Моя аргументация в пользу принадлежности Цамблаку «Слова похвального иже у Флорентии и у Костентии собору» не может быть названа довольно слабой уже потому, что основана на целом ряде черт, общих «Слову», и приветственной речи папе» [11, с. 423]. В свою очередь К.Ф. Радченко упрекал А.И. Яцимирского в невнимательности и отметил: «Я вовсе и не думаю относить к Григорию Униату слов: «киевского и всея Руси» (из заглавия похвального Слова). Откуда это взял г. Яцимирский» [9, с. 433]. Таким образом, уже на рубеже XIX–XX вв. вопрос об авторстве «Слова» был решен исследователями в пользу Григория Цамблака.

Современный исследователь Ф.Дж. Томсон (1998 г.) отметил, что упоминание Флоренции в заметке на поле возле заглавия («*мнится, сие слово есть Исидора митрополита Киевского, бо бе на сем соборе во Флорентии*»), предполагает, что «Слово» Григория Цамблака было использовано позднее митрополитом киевским Исидором на Ферраро-Флорентийском соборе (1438–1442) [10, с. 197]. Однако текст совершенно не похож ни на одну из пяти сохранившихся проповедей Исидора. По этой причине предположение о том, что оно было произнесено во Флоренции, но другим Григорием, который был одним из сопровождавших Исидора [6, с. 52–53] или же таинственным митрополитом Григорием Молдавским [2, с. 386], являются, по мнению Ф.Дж. Томсона, несостоятельными.

Однако Ф.Дж. Томсон не развивает мысль о заглавии более обстоятельно. Ограничиваясь замечанием о том, что оно, возможно, было искажено переписчиком, поскольку система «наций» не применялась на соборе во Флоренции [12, с. 90]. Ю.В. Пелешенко также отмечает лишь, что слова в заголовке «*иже у Флорентии и у Костентии*» вставлены позднее в XVI в. [7, с. 55]. Следует обратить внимание, что адресация «Похвального слова»

«*<...> у Костентии собору галатом, италом и римляном и всем галатом*», вероятнее всего соответствует французской, итальянской, германской и «всем галатом» – английской и испанской нациям. Такое деление как раз характерно для Констанцского собора. Данное заглавие также свидетельствует об осведомленности иерарха о ситуации на соборе, а, возможно, и о консультировании с послами по данному вопросу.

Если обратиться к «Слову» как историческому источнику, то нас могут заинтересовать некоторые места, которые проникнуты духом «концилиаризма» (соборности), господствовавшего тогда на Констанцском соборе (1414–1418 г.). Свидетельством тому могут служить следующие места из «Слова»: «*<...> иже толкое и таковое добро смирения вашим собранием церкви исходатавиших<...>*» [1, с. 438], «*<...> съ мнозем прецением сънидем ся оубо, о господие и отци, и стяжем ся добрым истязанием<...>*» [1, с. 441], «*<...> Бог... да подвигнет обоя страны въ собрание<...>*» [1, с. 441]. Но не только «концилиаризм» подвиг автора на данные риторические пассажи. В них видится православное видение решения всех вопросов «соборным» путем.

В тексте присутствуют также скрытые намеки на унию: «*<...> потщитесь ся молящю ми вас, тем же оусердием, и тем же действием доуха, съединити растоящая ся и во единомъ събрати по первому оустроению и отечскому преданию, ... расцепленное тело церковное<...>*» [1, с. 440], «*<...> да по первому отцу преданию обновете благочестивое исповедание веры<...>*» [1, с. 441]. В этих словах видится также попытка реализации миссии посольства, хотя бы на уровне декларирования, о заключении локальной церковной унии.

Наиболее яркой особенностью произведения, на наш взгляд, является использование в тексте ветхозаветных образов-символов **Финееса** и **Ильи**. Аналогичные образы встречаются в других произведениях Григория Цамблака, например, как в «*Похвальном слове святому и славному великомученику и мроточу Димитрию*» [4, с. 143], «*Похвальном слове Великомученику Георгию*», «*Похвальном слове Евфимию Тырновскому*» и в «*Слове похвальном отцам, в посте просиявшим, в субботу сыропустную*» [4, с. 122]. Причем с последним произведением текстуальных совпадений больше, чем с другими, поэтому его можно даже назвать прототипическим для

«Слова». Данный аспект свидетельствует о том, что «Слово» с высокой долей вероятности принадлежит руке одного и того же лица – Григория Цамблака.

Что же касается места произнесения «Слова», то наиболее вероятным видится его произнесение на одном из православных богослужений, возможно даже 19 (также 18 либо 21) февраля согласно Олендорфскому кодексу «Хроники Констанцского собора» Ульриха Рихенталя [1, с. 169–170]. Известия хроники разнятся относительно дня, когда происходило православное богослужение, совершенное Григорием Цамблаком и его православной делегацией в Констанце. Но этот эпизод произвел большое впечатление на хрониста. Он зафиксировал это богослужение во всех подробностях. У. Рихенталь отметил, что оно было совершенно практически сразу по прибытии в Констанц. На каком из богослужений могло быть произнесено «Слово» точно установить не представляется возможным. Сам хронист лишь добавляет, что «таких служб делал он (Григорий) в Констанце много, все время, пока он там был» [1, с. 175]. Впрочем, распространенная версия (см. выше) тоже не подкреплена никакими данными. Например, в «Послании» Петра де Пулки в Вену от 1 марта 1418 г. [1, с. 190–191], где он отмечает, что после передачи 25 февраля «архиепископом рутенов» письма от короля Польши и его брата герцога Литвы: «сам архиепископ в личной речи через переводчика выразил, что надо бы подготовить созыв генерального собора обеих церквей» [1, с. 190]. В чем видится скорее упоминание о латинской речи на аудиенции у папы Мартина V. Ни в одном из источников ничего не говорится о повторном выступлении уже перед собором с какой-то речью.

В данном контексте ценным является замечание Ф.Дж. Томсона относительно «латинской» речи Григория Цамблака [1, с. 179–184]. В частности он критикует мнение о том, что «Речь» была на самом деле произнесена в Констанце на латинском языке от имени Григория Цамблака Андреем Хризвергом. Но после того как ее латинская версия была найдена в *Codex Monacensis latinus* № 13421 XV в. fol. 312–318 Баварской государственной библиотеки в Мюнхене, ученый сделал вывод об ошибочности данного мнения [12, с. 91]. Латинская проповедь Андрея Хризверга была произнесена на соборе 3 октября 1417 г. по поводу текста *Divites facti estis in illo* («Потому что в Нем вы обогатились всем <...>»

(1 Кор. 1:5)). В этой проповеди он побуждал слушателей, что грядущие выборы папы 11 октября должны быть единодушными. Также исследователь отмечает, что нет никаких доказательств сотрудничества с А. Хризвергом или кем бы то ни было в работе над текстом «Речи». Подобный вывод относится и к еще одной проповеди Андрея Хризверга этого же кодекса fol. 166–169, ранее считавшейся латинским переводом «Похвального слова отцам Констанцского собора» [12, с. 88, 90–91; также см. 1, с. 73–75].

Отметим еще одно немаловажное обстоятельство. При описании сборника Ф.Н. Добрянский приводит приписку скорописью на поле л. 472: «сие писание житие и страсти Св. Иоанна Предтечи списано блаженным епископом **Иосафом** священномучеником иже пострадал в граде Витенску от тамо сущих граждан, року (1623)» [3, с. 228]. Данная заметка ценна тем, что может пролить свет и на датировку составления (или списания) самого сборника и возможного составителя (или переписчика). Во-первых, приписка говорит о «блаженном» Иосафе (Иосафате Кунцевиче), следовательно она была сделана после 1643 г., когда он был признан папой Урбаном VIII блаженным. Во-вторых, если одним из переписчиков или составителей был сам Иосафат Кунцевич, то создание сборника нужно относить к рубежу XVI–XVII вв., поскольку с 1604 г. начинается его активная униатская деятельность и связана она была первоначально с Вильно. Сам Супрасльский монастырь стал униатским в 1635 г., следовательно, сборник мог попасть в монастырь не раньше середины XVII в. из Вильно. Примечательно, что уже в 1668 г. в описи Супрасльской библиотеки среди «Списания книг русских» есть некий документ «Оборона собору Флорентского», что указывает на формирование соответствующей «духу униатства» библиотеки. Но кроме указанного упоминания о чем-либо более конкретном говорить не приходится, данный вопрос требует более детальной проработки.

Заключение. Таким образом, проведенный анализ «Слова» дал дополнительные аргументы в пользу авторства Григория Цамблака. В целом остается не выясненной проблема «единственности» рукописного варианта произведения. Также гипотетичными выглядят предположения о возможном использовании «Слова» на аудиенции у папы Мартина V. Наиболее вероятно использование произведения как проповеди, во время православного

богослужения в Констанце (возможно 18, 19, 21 февраля 1418 г.). Требуется дальнейшей верификации судьба рукописного сборника, содержащего «Слово», а также вопрос отношения к нему Иосафата Кунцевича.

Литература

1. Бегунов, Ю.К. Творческое наследие Григория Цамблака / Ю.К. Бегунов. – Женева: Буй Турь. – Велико Търново: ПИК; Изд-во Великотърновского университета им. Св. Кирилла и Мефодия, 2005. – 731 с.
2. Голубинский, Е.Е. История Русской церкви / Е.Е. Голубинский. – М.: Крутицкое патриаршее подворье; Об-во любителей церковной истории, 1997. – Т. 2. – 919 с.
3. Добрянский, Ф.Н. Описание рукописей Виленской публичной библиотеки, церковно-славянских и русских / Ф.Н. Добрянский. – Вильна: Тип. А.Г. Сыркина, 1882. – 533 с.
4. Кенанов, Д. Озареният Григорий Цамблак / Д. Кенанов. – Велико Търново: Изд-во ПИК; Пловдив: ИК, ЖАНЕТ, 2000. – 199 с.
5. Мечев, К. Речь Григория Цамблака на Церковном соборе в Констанце / К. Мечев // *Bulgarian Historical Review*. – София: Институт за исторически изследвания; Българска академия на науките, 1981. – Т. 9, № 4 – С. 86–93
6. Никольский, Н.К. Материалы для истории древнерусской духовной письменности. V–VIII / Н.К. Никольский / ИОРЯС имп. АН. – СПб., 1903. – Т. 8, кн. 2. – С. 52–75.
7. Пелешенко, Ю.В. Розвиток української ораторської та агіографічної прози кінця XIV – початку XVI ст. / Ю.В. Пелешенко. – К.: Наук. думка, 1990. – 142 с.
8. Радченко, К.Ф. А.И. Яцимирский. Григорий Цамблак. Очерк его жизни, административной и книжной деятельности. СПб. 1904 / К.Ф. Радченко // *ЖМНП*. – СПб.: Сенатская тип., 1904. – Ч. 355 (CCCLV), кн. 10 (Октябрь). – С. 419–435.
9. Радченко, К.Ф. По поводу «Ответа» г. Яцимирского / К.Ф. Радченко // *ЖМНП*. – СПб.: Сенатская тип., 1905. – Ч. CCCLVIII (358). Апрель. – С. 432–437.
10. Яцимирский, А.И. Григорий Цамблак. Очерк его жизни, административной и книжной деятельности / А.И. Яцимирский. – СПб.: Тип. Вайсберга и Гершунина, 1904. – 501 с.
11. Яцимирский, А.И. Ответ К.Ф. Радченку / А.И. Яцимирский // *ЖМНП*. – СПб.: Сенатская тип., 1905. – Ч. CCCLVIII (358). Апрель. – С. 419–431.
12. Thomson, F.J. Gregory Tsamblak the man and the myths / F.J. Thomson // *Slavica Gandensia* / Ed. Dr. J. Vereecken. – Gent: Department of Slavonic and East European Studies, 1998. – 25/2 – 149 s.

Поступила в редакцию 31.03.2014 г.

Принята в печать 21.07.2014 г.

УДК 94(477.54)

Система обеспечения строительства рабочей силой в Слободско-Украинском (Украинском) военном поселении кавалерии в первой половине XIX века

Бучастая С.И.

Государственное высшее учебное заведение «Переяслав-Хмельницкий государственный педагогический университет имени Григория Сковороды», Украина

*В статье анализируется состав рабочих сил, участвовавших в процессе строительства объектов инфраструктуры Украинского (Слободско-Украинского) военного поселения с 1817 до 1857 год. Автор исследует в хронологическом порядке факты использования на работах как непрофессиональных валовых рабочих, так и военно-рабочих подразделений. Главным источником комплектования рабочей силы являются коренные жители округов, по какой-либо причине не занятые в земледельческих работах и не состоящие на действительной службе. На основе архивных документов устанавливаются строительные специальности и способы обучения мастеровых. По мере развития военных поселений отмечается тенденция к освобождению поселян – хозяев от повинностей по строительству за счет использования внешних и внутренних ресурсов. В статье раскрывается особая роль военно-рабочих батальонов в округах как полифункциональных производственных комплексов. Кроме того, рассматривается роль в строительстве таких подразделений, как фуриштатские и временные рабочие роты, парки гужевого транспорта. **Ключевые слова:** военные поселения, строительство, инфраструктура, рабочие силы, поселяне, пехотные батальоны, военно-рабочий батальон, временные рабочие роты, конно-рабочая команда, воловий парк.*

(Ученые записки. – 2014. – Том 17. – С. 90–94)

Construction Provision System in Slobodsko-Ukrainian (Ukrainian) Military Settlement of Cavalry by Labor Force in the First Half of the 19th Century

Buchastaya S.I.

State higher educational establishment “Pereyaslav-Khmelnytsky Hryhoriy Skovoroda State Pedagogical University”, Ukraine

The article analyzes the structure of labor force involved in the process of building infrastructure in Ukrainian (Slobodsko-Ukrainian) military settlement from 1817 to 1857. The author in chronological order investigates facts of involving into the building works unprofessional workers as well as military working units. Natives of districts, who for some reason are not engaged in agricultural work and active service, are the main source of labor force manning. On the basis of archival documents we find out construction specialties and ways of training craftsmen. With the development of military settlements there is a tendency to release settlers-owners from building duties through the use of external and internal resources. The article reveals a special role of military labor battalions in the districts as polyfunctional manufacturing complexes. Besides, the role in the construction of such units as furschtatt and temporary working companies, parks of animal-drawn transport is examined.

Key words: military settlements, building and construction, infrastructure, labor forces, settlers, infantry battalions, military labor battalion, temporary working companies, horse-working team, ox park.

(Scientific notes. – 2014. – Vol. 17. – P. 90–94)

Адрес для корреспонденции: e-mail: buchasta@rambler.ru – С.И. Бучастая

Историография проблемы военных поселений в Российской империи в первой половине XIX века достаточно обширна. Исследования, проведенные в 1980–2000-е годы К.М. Ячменихиным, Т.Н. Кандауровой, Б.В. Луговым, А.А. Колеватовым, Ю.А. Блашковым и др., позволили рассмотреть социально-экономическое развитие военнопоселенной системы комплексно, на основе широкого спектра архивных материалов [1].

Округа военных поселений развивались как территории, обособленные в хозяйственно-экономическом плане. Новые экономические задачи по содержанию и размещению армейских частей требовали создания специальной инфраструктуры как комплекса зданий и сооружений. Объемы строительства по всем поселениям поглощали большую часть средств на обустройство поселений и требовали больших трудовых ресурсов.

Цель статьи – рассмотреть состав рабочих сил, участвовавших в процессе строительства объектов инфраструктуры Украинского (Слободско-Украинского) военного поселения с 1817 до 1857 года, уровень их профессиональной подготовки, способы комплектования и обучения.

Материал и методы. Материалом исследования послужили преимущественно впервые вводимые в научный оборот архивные документы из фондов местных и центральных органов управления военными поселениями, хранящиеся в Центральном государственном историческом архиве Украины в г. Киеве и Российском государственном военно-историческом архиве. Используются преимущественно методы анализа, синтеза, сравнения, обобщения.

Результаты и их обсуждение. Наиболее типичным для феодального государства методом обеспечения государственного строительства рабочей силой было использование натуральной трудовой повинности населения. Кроме того, сама идея создания военных поселений предполагала всеобъемлющую экономию государственных средств. «Учреждение о военном поселении регулярной кавалерии» 1817 года предполагало привлечение к несению таких повинностей военных поселян. Реформа военных поселений 1827 года также закрепляла в обязанностях поселян приготовление строительных материалов для устройства округа, устройство и поддержание в исправности общественных зданий, дорог, мостов, гатей, перевозов и других заведений «взамен выгод», которые им были пре-

доставлены. Виды и объемы работ определялись социальным статусом военного поселянина. Так военные поселяне-хозяева и их помощники, главным занятием которых были сельскохозяйственные работы, привлекались к работам ограниченно. С 1 апреля по 1 октября, во время проведения полевых и сенокосных работ, было запрещено использовать поселян на общественных работах, однако, часто это правило нарушалось.

Наиболее обременительными были общественные подряды с подводами для перевозки строительных материалов и иных грузов. Нормы нарядов устанавливались на местах. В 1820 году по расчетам специально созданного комитета комплектное число хозяев составляло 573 в одном полковом округе, в дивизии – 2292. Кроме того числился 821 сверхкомплектный хозяин, т.е. всего 3113 хозяев с подводами, которые в течение 26 недель 2 раза в неделю должны были работать с подводой. Общее число нарядов составляло 161 876 подвод/дней за весь период. Однако это оказалось недостаточным для покрытия числа тягловых дней, обозначенных в сметах по всем работам по округу. Кроме того, период работ был сокращен до 5 месяцев в связи с мартовской распутицей. Нормы устанавливались приказом начальника дивизии на основании общего по дивизии расчета и были увеличены до 3 дней в неделю, из которых 1 день по 2 подводы и 2 дня по 4 пароволовые подводы [2]. Но, даже при таких высоких нормативах поселянского транспорта не хватало, часть работ исполнялась вольнонаемными подводами. Только в 1828 году количество общественных нарядов уменьшилось, была отменена фронтальная служба, что значительно улучшило положение поселян.

Другой, не менее тяжелой повинностью для поселян-хозяев и членов их хозяйства были валовые работы на строительстве. Специального жилья для военных поселян в Слободско-Украинской губернии было построено немного – 166 каменных домов с надворными строениями в одном эскадроне Чугуевского уланского полка. Однако перепланировка селений и массовое переселение жителей для уравнивания экономического потенциала населенных пунктов приводили к тотальному переносу и частичной перестройке существующих домов поселян. Обычно перестройка и перевозка дома на новое место возлагались на обязанности военных поселян без платы денег, но в отдельных случаях этого ресурса не хватало. Так, по смете на строительство одной усадьбы из двух домов и надворных

построек полагалось 336 валовых рабочих. Стоимость валовых работ составляла 10 коп. в день на человека [3]. Чтобы освободить время для полевых работ, хозяева и резервные готовы были платить эту плату из заемного денежного капитала солдатам пехотных батальонов. В 1823 году Совет Главного над военными поселениями начальника разрешил использовать пехотных солдат для перестройки крестьянских домов [4].

Большие объемы земляных и строительных работ на первом этапе развития военных поселений привели к необходимости использовать дополнительно, в качестве рабочей силы для валовых работ, солдат вторых батальонов пехотных полков 13-й, 14-й, 15-й дивизий. Начиная с 1819 года они вводились на территорию военного поселения 2-й уланской дивизии, но оседлости не получали [5]. Батальоны считались в командировке и не выходили из состава своих полков. В марте 1824 года вторые батальоны были переименованы в третьи.

Следует отметить, что опыт привлечения нижних чинов к строительным работам начал широко применяться после наполеоновских войн, так как другой возможности быстро восстановить разрушенные города правительство не видело. Дневная плата солдат составляла 10 копеек и была в 5–10 раз меньше, чем у наемных рабочих. Заработанные деньги перечислялись в артельные суммы на улучшение пищи солдат.

Требования к личным и профессиональным качествам людей соответствовали требованиям к кандидатам в поселяемые батальоны. Предпочтение отдавалось женатым, физически здоровым, дисциплинированным солдатам – местным уроженцам, имеющим опыт сельскохозяйственного труда. Правила производства работ и составления годовых рапортов о работах были установлены специальными положениями. Батальон с зимних квартир должен был перейти в назначенный округ поселения, и расселиться бивуаком до 1 мая. Много внимания уделялось организации дисциплины, здравоохранения. Работы велись 5 дней в неделю по 13 часов в сутки, исключая субботу (для ротных учений) и воскресенье (церковные парады до обеда, после обеда отдых). Пехотным батальонам было строго запрещено помогать поселянам в их заботах (косить и т.д.), если они не стоят у них постояльцами. Инструменты закупались или изготавливались за счет казны, выдавались по прибытии батальонов на работы и сдавались в конце сезона. Основное количество строительных материалов также заготавливали солдаты.

С 1819 до 1828 года в округах военного поселения на территории Слободско-Украинской губернии находилось от 14 до 18 батальонов и 3 артиллерийские резервные роты. Численность рядовых в батальонах в 1825 году составляла 5775 человек, всего чинов в батальонах состояло 8372 [6]. В декабре 1828 года пехотные батальоны были выведены из округов военного поселения Слободско-Украинской губернии для формирования резервов 2-го пехотного корпуса. Объем работ в поселении значительно уменьшился [7].

С момента поселения войск кроме валовых рабочих в округах требовались мастера разной квалификации и специалисты по организации строительства. На первых порах привлекали вольных мастеров за плату. Для создания мастеровых подразделений привлекались рекруты или местные жители, не вошедшие в состав поселенных или действующих частей, которых было достаточное количество. Так, например, в сентябре 1818 года в округе Чугуевского уланского полка такого резерва было 3645 человек [8].

Определенное участие в обустройстве округов военных поселений принимали солдаты фуражеческих рот, созданных в каждом полку вместо полковых обозов. Их основной обязанностью было формирование обоза во время военных походов полка, в мирное же время чины роты использовались на различных ремонтах и строительстве. 108 лошадей фуражеческого батальона были задействованы для перевозки строительных материалов к объектам строительства, чтобы «уменьшить тем наряды поселянам» [3]. По штатному расписанию в роте числились: фельдфебель, 3 унтер-офицера, 48 рядовых и 2 жандарма.

Сверхкомплектные нижние чины действующих эскадронов, неспособные к строевой службе, не вошедшие в состав эскадронов или фуражеческую роту, собирались во временные рабочие роты, положение о которых было принято 14 марта 1825 года. Люди зачислялись в действующие эскадроны как сверхкомплектные и считались находящимися в командировке. Их число согласовывалось начальником дивизии с А.А. Аракчеевым. Роты использовались четыре дня в неделю в работах по переносу и постройке новых домов для военных поселян. К строительству каменных домов чины временных рот допускались только по приказу начальника дивизии. Для обучения людей в этих ротах командировалось в каждую на один год из военно-рабочего батальона нужное число мастеровых.

В июне 1825 года по согласованию с А.А. Аракчеевым было создано во 2-й уланской дивизии 5 рот, в каждом полку по одной и две в Чугуевском полку, по причине большого количества сверхкомплектных. Численность рот по полковым округам составляла: Таганрогского полка – 180 человек, Чугуевского – 401, Борисоглебского – 178, Серпуховского – 104. Всего по дивизии 863 человека [9]. Численный состав рот не был постоянным.

Каждая рота должна была иметь в своем составе 45 плотников, 32 пильщика, 10 столяров, 60 каменщиков, 15 печников, а всего 162 человека. В эту роту собирались все, кто владел каким-либо мастерством: ложники, столяры, плотники, оружейные ученики, токари, коновальские ученики, кузнецы, седельщики, переплетчики, серебрянники, типографщики, портные [10]. Для обучения мастерству солдат посылали в Москву. На месте они также осваивали новые умения. Роты существовали до отмены военных поселений.

Военно-рабочие батальоны были созданы по образцу подразделений, созданных в Москве для отстройки города после пожара 1812 года. Первый военно-рабочий батальон для военных поселений под № 5 был создан в 1818 году для строительства в Новгородских поселениях пехоты, был утвержден штат. Батальон состоял из четырех рот, первые две из которых предназначались для строительства полковых штабных зданий, а вторые – для постройки домов военным поселянам-хозяевам. Численность рот составляла по 240 мастеровых. Среди специальностей мастеровых видим камнеломщиков, камнетесов, кирпичников, каменщиков, штукатуров, печников, плотников, пильщиков, столяров, маляров, стекольщиков, кузнецов, слесарей, кровельщиков. Для управления мастеровыми во время работы в штате числились архитектурские помощники, старшие и младшие мастеровые. Цейхвартеры обеспечивали хранение и использование инструментов. Всего в батальоне состояло 1035 человек.

В 1818 году создан военно-рабочий батальон № 8, две роты которого были задействованы в Херсонском военном поселении и две – в Слободско-Украинском. 7 июня 1823 года вышел указ о сформировании в каждом из отрядов военного поселения по одному полному рабочему. Для сформирования этих батальонов назначалось 1000 человек. За время своего существования военно-рабочий батальон в округах поселения кавалерии в Слободско-Украинской (Харьковской) губернии несколько раз менял номер: с 1823 года – № 7, с 1833 года – № 5, с 1842 года – № 4, с 1843 года – № 2. В 1853 году

в Украинском военном поселении числились военно-рабочие батальоны № 2 и 3. В апреле 1855 года упразднили военно-рабочий батальон № 1, и бывший 2-й стал 1-м, бывший 3-й – 2-м.

В 1818–1819 годах из округов поселения 3-й (позже 2-й) уланской дивизии были отправлены кантонисты большого возраста, неспособные к строевой службе, для обучения мастерству седельника, басонщика, обойщика, маляра, лакировщика, кровельщика, паяльщика, шорника, слесаря, кузнеца в Москву, слесаря и кузнеца – в Тулу, столяра – в Харьков. Портные, сапожники и плотники, токари, медники обучались при полку [11]. Таким образом, готовились мастера не только строительных специальностей, но и весь перечень ремесленников для обслуживания хозяйства военных поселений.

Со временем военно-рабочий батальон становится полифункциональным производственным комплексом. Здесь были представлены такие виды мастерства, как столярное и мебельное, токарное, слесарное, кузнечное, гончарное, канатное (в т.ч. для добычи угля), живописное, иконописное, резное, делание музыкальных труб и пожарных инструментов [12]. Комплексы казарм, мастерских, складов военно-рабочих батальонов получали название делового двора, очевидно, по аналогии с инженерными дворами в крепостях. Изделия мастеров батальона неоднократно участвовали в выставках сельскохозяйственных произведений Вольного экономического общества в Санкт-Петербурге. Военно-рабочий батальон в составе 4 рот оставался главным строительным подразделением до отмены военных поселений.

Общее число рабочих и мастеровых к концу 1825 года составило около 8,5 тыс. человек. С выводом из округов пехотных полков уменьшилось до 2,5–3 тысяч. Колебания численности происходили за счет изменения числа временных рабочих рот и привлечения к строительным работам инвалидов рот. По сравнению с Новгородскими военными поселениями, где только солдат пехотных батальонов было около 18000 человек, это была небольшая численность. Херсонские военные поселения были обеспечены рабочей силой на том же уровне, что и Слободско-Украинские [5].

Для организации подвозки строительных материалов создавались конно-рабочие команды. В 1822 году при 2-й уланской дивизии такая команда была сформирована из трех артиллерийских резервных батарейных рот № 5 артиллерийских бригад №13, 14, 15. При каждой роте полагалось 66, а всего 198 рабочих лошадей. Люди в команду назначались на

постоянной основе из рот. За работу они получали 10 копеек в день поденной платы. В зимнее время команда занималась перевозкой бревен, а летом – подвозила к месту строений извести, доски и другие материалы сверх того количества, которое должно было вывозиться военными поселянами. Если батальоны выступали в поход, то лошади им возвращались со сбруею.

Для перевозок с 1 июля 1820 года в Чугуевском уланском полку был образован воловий парк из 60 пар волов с обозом. Его создание было личной инициативой начальника дивизии Д.М. Юзефовича, так как он считал недопустимым нагружать наряды на общественные работы и без того бедное население округа. Эта инициатива не нашла одобрения у А.А. Аракчеева, поскольку по его мнению объем строительства в округе не был значительным. Однако, опыт оказался успешным, и в ноябре 1821 года было высочайше утверждено «Положение о воловьем подвижном парке при 3-й Уланской дивизии». Такие же транспортные подразделения были созданы в других полковых округах. Воловьи парки исполняли свои функции до отмены военных поселений в 1857 году.

Заключение. Таким образом, для строительства объектов инфраструктуры военных поселений кавалерии в Слободско-Украинской (Харьковской) губернии использовался как неквалифицированный труд валовых рабочих, так и труд специально подготовленных мастеров с соответствующими умениями и навыками. Низкооплачиваемый труд способствовал сокращению расходов казны, но снижал эффективность работ. Главным источником комплектования были коренные жители округов, по какой-либо причине не занятые в земледельческих работах и не состоящие на действительной службе. Использование привлеченной извне рабочей силы происходит только на первом наиболее интенсивном этапе строительства. По мере развития военных поселений наблюдалась тенденция к освобождению поселян-хозяев от повинностей по строительству за счет использования внешних и внутренних ресурсов. Обучение кадров происходило путем передачи опыта на месте или на выезде в центрах ремесел. Постепенно военно-рабочие батальоны превращались в производственные подразделения, которые полностью покрывали потребности округов в инженерных и строительных специальностях,

что можно рассматривать как проявление натуральности хозяйства.

Литература

1. Ячменихин, К.М. Армия и реформы: военные поселения в политике российского самодержавия / К.М. Ячменихин. – Чернигов, 2006. – 442 с.; Кандаурова, Т.Н. Херсонские военные поселения. 1817–1832 гг. (Административно-хозяйственная структура): автореф. дис. ... канд. ист. наук: спец. 07.00.02. «История СССР» / Т.Н. Кандаурова. – М., 1989. – 25 с.; Луговой, Б.В. Військові поселення на Правобережній Україні (1836–1866): дис. ... канд. іст. наук: 07.00.01 / Б.В. Луговой; Терноп. нац. пед. ун-т ім. В. Гнатюка – Тернопіль, 2009. – 204 арк.; Колєватов, О.О. Слобідсько-Українські військові поселення російської армії в 1817–1832 рр.: адмін.-господар. структура: дис. ... канд. іст. наук: 07.00.02 / О.О. Колєватов; Чернігів. держ. пед. ун-т ім. Т.Г. Шевченка. – Чернігів, 2007. – 271 арк. – Бібліогр.: арк. 175–210; Блашков, Ю.А. Военные поселения на территории Белоруссии в первой половине XIX века: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Ю.А. Блашков. – Минск, 1984. – 218 с.
2. Центральный государственный исторический архив в г. Киеве (далее – ЦГИА Украины в г. Киеве). – Фонд 1352. – Оп. 1. – Д. 36. – Л. 144–146 а.
3. Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). – Фонд 411. – Оп. 1. – Д. 1953. – Л. 80.
4. РГВИА. – Фонд 405. – Оп. 1. – Д. 174. – Л. 1205–1216.
5. ЦГИА Украины в г. Киеве. – Фонд 1352. – Оп. 1. – Д. 23. – Л. 258.
6. Столетие Военного министерства: 1802–1902 / гл. ред. ген. от кавалерии Д.А. Скалон. – СПб.: Тип. т-ва М.О. Вольф, 1902–1914. – Т. 7: Главное инженерное управление, ч. 1: Царствование Императора Александра I: исторический очерк / сост. И.Г. Фабрициус, Г.С. Габаев. – СПб.: Тип. СПб. акц. о-ва печ. и писчебум. дела в России «Слово», 1902. – 652 с. – Приложение СШ. Рапорт о состоянии отдельного корпуса военных поселений.
7. РГВИА. – Фонд 405. – Оп. 2. – Д. 847. – Л. 44.
8. ЦГИА Украины в г. Киеве. – Фонд 1352. – Оп. 2. – Д. 14. – Л. 11.
9. ЦГИА Украины в г. Киеве. – Фонд 1352. – Оп. 1. – Д. 399. – Л. 27–28.
10. ЦГИА Украины в г. Киеве. – Фонд 1323. – Оп. 1. – Д. 97. – Л. 53–71 об.
11. ЦГИА Украины в г. Киеве. – Фонд 1352. – Оп. 1. – Д. 11. – Л. 3; Там же. – Д. 22. – Л. 215–216.
12. ЦГИА Украины в г. Киеве. – Фонд 1353. – Оп. 1. – Д. 736. – Л. 3.

Поступила в редакцию 05.06.2014 г.

Принята в печать 21.07.2014 г.

УДК 94(476):351.741“1900/1917”

Общая полиция Витебской губернии в конце XIX – начале XX в.

Киселев А.А.

Учреждение образования «Военная академия Республики Беларусь», Минск

В статье анализируются изменения в структуре общей полиции в Витебской губернии в конце XIX – начале XX в. Утверждается, что полиция не могла использоваться для эффективного политического контроля над населением. Модернизация полицейских институтов отставала от экономического роста и социальных изменений. Политический кризис 1905–1907 гг. стимулировал преобразования в организации полиции. В частности, в Витебской губернии была оперативно создана полицейская уездная стража, увеличена численность городских полицейских команд. Однако общая реформа полиции не была проведена. Накануне войны в Витебской губернии были созданы сыскные отделения для уголовного розыска, конная полицейская стража. Первая мировая война не привела к усилению полицейского аппарата в губернии. Накануне российской революции 1917 г. был утвержден новый состав городских и уездных полицейских управлений. Однако эта мера принципиально не изменяла положение полиции и не соответствовала политическим условиям страны.

Ключевые слова: полиция, реформа, уездные и городские полицейские управления, полицейская стража, внутренняя политика, министерство внутренних дел.

(Ученые записки. – 2014. – Том 17. – С. 95–101)

General Police of Vitebsk Province in the Late XIXth – Early XXth Centuries

Kiselev A.A.

Educational establishment “Belarusian Military Academy”, Minsk

The article analyses the changes in the structure of general police in Vitebsk Province in the late XIX th – early XX th centuries. It is claimed that the police could not be used for effective political control over the population. Modernization of police institutions was far behind the economic growth and social changes. The political crisis of 1905–1907 stimulated some reorganization in the police structure. In particular, in Vitebsk Province the uyezd (provincial) police watch was quickly established and the number of city police units was increased, too. However, major police reform was not carried out. On the eve of the war, criminal investigation department and mounted police watch were created in Vitebsk Province. World War I didn't lead to strengthening of the police apparatus in the Province. On the eve of the Russian Revolution of 1917, new structure of city and county police departments was approved. However, this measure did not change fundamentally the police status and did not meet the political conditions of the country.

Key words: police reform, uyezd(provincial) and city police departments, police watch, internal policy, the Ministry of Internal Affairs.

(Scientific notes. – 2014. – Vol. 17. – P. 95–101)

Исследование структуры полицейских учреждений Министерства внутренних дел на местном уровне представляет значительный интерес не только для истории государственного аппарата в белорусских губерниях в контексте внутренней политики российского правительства, но и для характеристики политического режима и политической системы в целом. Как известно, до революции

1917 г. местные учреждения общей полиции МВД были представлены городскими и уездными полицейскими управлениями, которые осуществляли не только правоохранительную деятельность, но являлись основным исполнительным органом губернского управления. Это придавало им особое место в системе местных государственных учреждений разных ведомств.

Адрес для корреспонденции: e-mail: kiselev_aa@list.ru – А.А. Киселев

В российской историографии изучение деятельности и организации общей полиции как государственного института в масштабе отдельной губернии или региона превратилось в развитое научное направление, свидетельством чего являются многочисленные исторические и историко-юридические диссертационные исследования. В отечественной историографии данная проблематика все еще остается на периферии научных интересов исторического сообщества.

Целью данной статьи является анализ изменений в структуре общей полиции Витебской губернии в конце XIX – начале XX в. в контексте подготовки полицейской реформы.

Материал и методы. Основным источником для изучения истории общей полиции являются материалы официального делопроизводства местных и центральных структур МВД: служебная переписка (рапорты, отчеты), циркуляры Департамента полиции. Этот источник позволяет охарактеризовать взгляды полицейских чинов и администрации Витебской губернии на проблемы в организации общей полиции, проследить реализацию замыслов Министерства внутренних дел по подготовке общероссийской полицейской реформы, содержит обобщенные данные о численности аппарата. Кроме того, анализируется законодательство, юридически оформлявшее основные изменения в аппарате общей полиции. Использованная в статье ведомственная документация не потребовала разработки новых источниковедческих методов для выявления и интерпретации содержащейся в ней информации. В теоретическом плане структуры местной общей полиции рассматриваются как институт, посредством которого государство осуществляет властный контроль над населением и управление, поддерживает административный и правовой порядок, включая репрессивные функции.

Результаты и их обсуждение. Вопрос об общероссийской полицейской реформе после создания в 1862 г. городских и уездных полицейских управлений неоднократно обсуждался на уровне Министерства внутренних дел и в составе нескольких государственных комиссий. Необходимость обсуждения обуславливалась тем, что учрежденные 25 декабря 1862 г. полицейские управления действовали на основании «Временных правил об устройстве полиции в городах и уездах губерний, по общему учреждению управляемых». Окончательное устройство полиции откладывалось

до реформы суда и местного самоуправления. Однако вплоть до начала XX в., несмотря на отдельные изменения в устройстве общей полиции и проведение судебной и земской реформ, российское правительство так и не осуществило системных полицейских преобразований.

В процессе подготовки реформы Министерство внутренних дел практиковало обращение к губернаторам с целью сбора информации о состоянии полицейских учреждений губернии и мнений о необходимых преобразованиях. В частности, 3 июля 1900 г. соответствующее распоряжение получил витебский губернатор И.И. Чепелевский (1899–1904). В течение нескольких месяцев витебское губернское правление собирало рапорты полицеймейстеров и исправников с затребованными сведениями и предложениями, которые затем были обобщены и от имени губернатора направлены 14 декабря 1900 г. в Департамент полиции МВД.

К началу XX в. в составе уездных полицейских управлений (УПУ) Витебской губернии должностные обязанности исполняло 11 исправников, 11 помощников исправника, 11 секретарей и 22 столоначальника, 11 регистраторов, 38 станowych приставов, 2 полицейских пристава и 2 их помощника, 9 полицейских надзирателей, 136 полицейских урядников и 112 городских в уездных городах. В своей деятельности полицейские урядники опирались на выборных от крестьянских обществ десятских и сотских. Комментируя приведенные статистические данные, витебский губернатор И.И. Чепелевский констатировал, что «наличный состав полиции далеко не в состоянии обеспечить спокойствие и безопасность жителей» [1, л. 2]. Этот вывод обуславливался тем, что «в среднем... на каждый стан приходится 568 населенных пунктов, 1057 квадратных верст и 34483 души, на уряднический участок 148 населенных пунктов, 298 квадратных верст и 9706 душ и на каждого сотского и десятского 2 населенных пункта, 4 квадратных версты и 132 души» [1, л. 1]. Конфигурация и площадь стана были таковы, что в отдельных случаях станovou квартиру от уездного полицейского управления разделяло «84 версты» [1, л. 2]. Среднее расстояние между местом пребывания станowego пристава и уездным городом колебалось от 20 до 50 верст. Приблизительно такое же пространство отделяло полицейских урядников от станowych квартир. Такие площади и

расстояния существенно затрудняли управление и повседневную полицейскую деятельность чинов уездной полиции.

В этой связи витебский губернатор предлагал, во-первых, изменить административные границы, увеличив количество станов и участков полицейских урядников. На основании рапортов исправников были разработаны оптимальные средние размеры площади станов, участков и количество проживающего на их территории населения. В частности, в итоговом документе указывалось, что на каждого станового пристава должно приходиться «по 25000 жителей и 750 квадратных верст», на полицейского урядника – «по 6000 жителей и 200 квадратных верст» [1, л. 4]. Соблюдение этих пропорций требовало, по мнению губернатора, увеличения количества станов с 38 до 54, а должностей полицейских урядников – с 136 до 216. Во-вторых, витебский губернатор считал необходимым заменить выборных десятских и сотских, которые «несут свои обязанности крайне небрежно», «особыми наемными сельскими стражниками» [1, л. 2]. Эти полицейские стражники, по мысли губернатора, получили бы статус «наравне с полицейскими городскими, с подчинением стражников непосредственно полицейским урядникам» [1, л. 2]. В результате этой меры планировалось ввести должности 994 стражников, в том числе 864 участковых и 130 при уездных полицейских управлениях. Вместе с тем губернатор советовал сохранить традиционные полицейские обязанности сельских старшин и волостных правлений. На этих представителей сельской администрации возлагалось расследование преступлений на бытовой почве, мелких административных правонарушений. В-третьих, каждому становому приставу из-за возросшего объема дел и частых разъездов было необходимо назначить по «одному штатному письмоводителю, с правами государственной службы» [1, л. 5]. Письмоводителю поручалось бы ведение служебной переписки в канцелярии. Кроме того, витебский губернатор рекомендовал упразднить должности полицейских приставов и их помощников в Лепеле и Режице, а вместо этих полицейских чинов учредить по одному полицейскому надзирателю в Лепеле, Городке, Дриссе, Себеже и Люцине, а по два надзирателя – в Режице, Велиже и Невеле.

Интересно, что крайне низкая оценка дееспособности полиции в сельской местности была также сделана представителями местных

властей, землевладельцами в период работы уездных и губернского Комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. В числе прочих вопросов, вынесенных в 1902 г. на их обсуждение, ставилась и проблема обеспечения имущественной и личной безопасности. Члены губернского комитета единогласно признали необходимость замены выборных сотских и десятских на назначаемых «людей, способных нести полицейскую службу, преимущественно из отбывших воинскую повинность» [2, с. 41]. Это нововведение обуславливалось тем, что «в настоящее время выборные десятские и сотские являются совершенно бесполезными, хотя повинность эта одна из наиболее тягостных для населения» [2, с. 36]. По мнению членов Дриссенского комитета, на эти должности «выбираются не люди дельные, а напротив того люди, которых общество почему-то недолюбливает или желает им напасть» [2, с. 294]. В своем докладе о мерах по защите частной собственности член двинского комитета гр. Г.Х. Брозель-Платер предлагал пойти по пути «всех европейских государств», где «для охраны полей, лугов, вод и лесов существует установленная правительством стража, которая оказывает большие услуги в охране сельскохозяйственной собственности» [2, с. 252].

При характеристике губернской администрации положения в городских полицейских управлениях (ГПУ) отмечалось, что их штаты в Витебской губернии не пересматривались с 25 декабря 1862 г. В конце XIX в. стало очевидным несоответствие между штатной структурой городских полицейских управлений и возросшей численностью населения городов, площадью городской застройки, количеством промышленных предприятий и объектами сферы услуг и развлечений: от гостиниц до трактиров. Например, если в 1862 г. в губернском Витебске проживало 29455 человек на площади 5 кв. верст, то в 1898 г. городское население составляло уже 70624 чел. на площади чуть более 15 кв. верст. Еще больше жителей насчитывалось в Двинске (бывший Динабург) – 72000 человек. Сам город раскинулся на площади в 17,5 кв. верст. Вместе с тем во всех 3 городских полицейских управлениях Витебской губернии (Витебск, Двинск, Полоцк) служило 3 полицеймейстера, 2 помощника полицеймейстера, 3 секретаря, 7 частных приставов и 14 помощников частных приставов, 249 городских. Приблизительная плотность полиции в городах составляла 1,7 чел. на 1000 жителей.

В качестве проекта реорганизации городской полиции предлагалось увеличить штатный состав чинов полицейских управлений. В Витебске и Двинске следовало учредить должности 4 приставов, 4 помощников пристава и 4 письмоводителей, а также ввести пост помощника пристава «для заведывания сыскною частью» и добавить 12 околоточных надзирателей. Кроме того, предлагалось довести число нижних полицейских чинов в каждом городе до 141 человек (28 старших и 113 младших городских) и учредить по 5 конных стражников. Увеличение количества городских мотивировалось тем, что «в этих двух городах не имеется специальных дворников», а создание конной полицейской стражи «является необходимым в целях быстрого преследования преступников, и успешного обнаружения преступлений, а также для предупреждения их» [1, л. 6]. Обязанности конной стражи заключались не только в борьбе с уголовной преступностью, но и в предотвращении массовых политических беспорядков с участием рабочих. Конные разъезды «по окраинам города, особенно могли бы содействовать к предупреждению разного рода скопищ и к водворению порядка и общественной безопасности» [1, л. 6]. В городском полицейском управлении Полоцка предполагалось добавить лишь письмоводителя к приставу. В каждом из трех полицейских управлений проектировались должности 2 столоначальников и регистратора.

Таким образом, администрация Витебской губернии на рубеже веков осознавала несоответствие между штатной структурой местных полицейских учреждений и возросшим объемом полицейских обязанностей, обусловленное ростом сельского и городского населения, развитием промышленности и торговли. Слабость полицейских учреждений требовала неотложных мер по усилению штатной численности чиновников и нижних чинов полиции.

В полной мере недееспособность полиции проявилась в период массовых политических беспорядков 1905–1907 гг. в Витебске и других городах губернии. Борьба с террористами и незаконными вооруженными формированиями в северо-западных уездах Витебской губернии, политизированным и радикально настроенным рабочим движением, крестьянскими волнениями на аграрной почве требовала широкого привлечения армейских подразделений русской армии, введения чрезвычайного и военного положения (Двинск).

Применение этих крайних мер было прямым следствием слабости полицейских структур МВД, которые оказались не в состоянии самостоятельно предотвратить или подавить беспорядки и деятельность боевых организаций социалистических партий или отдельных групп. В частности, в двинском уезде, по словам губернатора Б.Б. Гершау-Флотова в отношении от 22 декабря 1905 г., «полиция совершенно сбита, не имея в течение последних двух месяцев ни нравственного, ни физического отдыха и находясь в постоянной опасности, так как головы станových приставов оценены мятежниками» [3, л. 242]. Политический кризис 1905–1907 гг. потребовал спешного усиления сил и средств местной полиции. В частности, полицейскую стражу в Витебской губернии предполагалось ввести согласно закону от 5 мая 1903 г. в течение 1905–1908 гг., но политические события вынудили ускорить процесс по формированию стражи в пределах губернии и внести изменения в ее организацию. Так, официально решение о безотлагательном создании подразделений полицейской стражи в империи было утверждено 29 декабря 1905 г. Однако на местном уровне к созданию стражи приступили еще до юридического оформления этого решения. Так, витебский губернатор отдал соответствующий приказ уже 9 декабря 1905 г. Первоначальный штат полицейской стражи состоял из 197 урядников, 513 пеших и 128 конных стражников. По мере комплектования стражи губернские власти столкнулись с необходимостью решения целого ряда вопросов: от перевооружения стражников до трудностей с отбором кандидатов на службу. Так, оказалось, что винтовки системы «Бердана» необходимо было заменить на винтовки казачьего или драгунского образца, что согласно циркуляру от 24 февраля 1906 г. требовало обращения к командованию Виленского военного округа. Не хватало денег на приобретение в кредит лошадей для чинов стражи. В целях первоначальной подготовки чины стражи пришлось направлять в Витебск на краткосрочные полицейские курсы. Спешно создаваемая стража нуждалась в сотрудниках, но далеко не всегда удавалось сразу отобрать кандидатов. Например, по сведениям полиции в Двинском уезде отдельные священнослужители римско-католической церкви были замечены в агитации «против правительства». В этой связи предполагалась возможность того, что «земские стражники из католиков будут

покрывать такого рода деятельность своих пастырей» [4, л. 46]. В целях недопущения конфликта между служебным долгом и религиозными чувствами двинский исправник просил назначать в пределах уезда стражниками «исключительно лиц православных и старообрядцев» [4, л. 46]. Губернской администрацией и начальниками УПУ были распределены конные и пешие отряды по уездам, отработаны вопросы взаимодействия на случай массовых беспорядков. К 1913 г. в уездной страже Витебской губернии служило 197 урядников и 549 стражников, причем уменьшение штата было обусловлено тем, что вся стража с 1 января 1912 г. стала конной [5, л. 101].

Из-за ограниченности полицейских сил в сельской местности 6 декабря 1905 г. помещикам было разрешено нанимать на собственные средства стражников для охраны местности с ее подчинением начальнику уездного полицейского управления. Разрешение на формирование дополнительных полицейских должностей давалось губернатором. Однако нельзя сказать, что такая практика получила в Витебской губернии широкое распространение. По крайней мере, к 1914 г. частная стража существовала в имениях Беловск и Русково Люцинского уезда, имении Плетни Невельского уезда и имении Адамово Режицкого уезда. Кроме того, владельцами фабрики «Двина» был нанят урядник для охраны [6, л. 3, 5а, 6а, 9–10], а также в Городке в 1912 г. была учреждена на средства города должность околоточного надзирателя.

Однако изменения коснулись не только полицейского контроля над сельским населением. В частности, в чрезвычайном порядке были усилены полицейские команды во всех городах губернии. Так, с 31 января 1906 г. количество городских в Витебской губернии выросло с 338 до 527 человек, т.е. на 56%. В структуре полиции появлялись новые подразделения. 6 июля 1908 г. в рамках общеперских преобразований при Витебском и Двинском ГПУ были открыты сыскные отделения, которые имели одинаковый штат: начальник отделения, 3 полицейских надзирателя и 4 городских. По инициативе начальника Витебского сыскного отделения А.И. Чернявского в 1909 г. в уголовном розыске стали впервые применяться собаки, а к 1912 г. в городе даже действовал питомник полицейских собак [7, л. 257]. Для контроля над движением городского населения 25 апреля 1913 г. в Ви-

тебске был учрежден Адресный стол при Витебском ГПУ. Решение было принято после того как витебский полицеймейстер А.Н. Грузинов в своем рапорте констатировал, что при населении в 105000 человек невозможно «вести точно явочные книги в полицейских частях» [8, л. 2].

Вместе с тем силы общей полиции в Витебской губернии оставались сравнительно незначительными. К 1 июля 1913 г. в Витебской губернии согласно штатам было 1295 нижних чинов (городовых и стражников) и 183 классных чина от полицеймейстера до регистратора. Всего в Витебской губернии проживало в 1913 г. 1861552 человек, а значит, приблизительная плотность полиции составляла 0,8 чел. на 1000 населения. Обращает на себя внимание тот факт, что по-прежнему невысокой оставалась плотность полиции в городах: приблизительно 1,8 чел. на 1000 жителей. Начальники полицейских управлений сталкивались с трудностями при комплектовании стражи и городских. Основной проблемой можно назвать «текучесть кадров» среди нижних чинов, т.е. высокий процент увольнявшихся со службы по истечении непродолжительного периода времени. Так, в 1912 г. по разным причинам службу покинуло 333 чина, или каждый четвертый. В 1913 г. 874 стражника и городских имели служебный стаж до 5 лет (70% от всего фактического состава). Анализ причин увольнений показал, что поводом в большинстве случаев являлись «домашние обстоятельства» (46%) и «переход на другую службу» (22%), а собственно несоответствие служебным обязанностям и пьянство стали основанием для 17% всех увольнений. Как представляется, под «домашними обстоятельствами» скрывались все же не чисто семейные проблемы, а поиск более высокого заработка. Так, двинский полицеймейстер констатировал, что «нижние чины полиции получают настолько незначительное жалование..., что часто меняют полицейскую службу на частную». Если старший городской получал 24 руб. 91 коп. в месяц, то «чернорабочий в летнее время зарабатывает до 35 рублей в месяц» [9, л. 89].

Только незадолго до начала российской революции 1917 г. в качестве первого шага по реализации полицейской реформы было принято решение об увеличении штата и денежного содержания полицейских управлений. В частности, 10 ноября 1916 г. были утверждены штаты для Витебской губернии [10, л. 23].

Уездная полиция состояла из 11 исправников, 11 помощников исправника, 45 станowych приставов, 1 старшего и 3 офицеров стражи, 3 помощников станowych приставов (в Велижском, Городокском, Дриссенском УПУ), 196 урядников, 77 старших стражников и 704 стражников. Все чины стражи от урядников до рядовых стражников должны быть конными. Состав канцелярских чиновников практически не изменился: 11 секретарей, 22 столоначальника и 11 регистраторов. В городах, подчиненных уездным исправникам, теперь должны были служить 8 приставов, 3 помощника пристава, 14 полицейских надзирателей, 8 полицейских служителей, 8 рассыльных, 8 письмоводителей и 184 пеших городских. Если сравнить новые штаты с проектами витебского губернатора И.И. Чепелевского образца 1900 г., то можно отметить существенное усиление состава полиции в городах, подчиненных надзору уездных полицейских управлений. Конная полицейская стража гарантировала мобильность полицейских сил в сельской местности, что позволяло отчасти мириться с тем, что количество станowych не было доведено до 54, а численность стражников не достигала предложенной в 1900 г. Необходимость увеличения штата была более чем актуальной, поскольку в январе 1917 г. в Витебской губернии насчитывалось всего 436 нижних чинов конно-полицейской стражи, что значительно уступало штатам, спроектированным в МВД [11, л. 8].

В губернии сохранялось 3 городских полицейских управления: Витебское, Двинское и Полоцкое, причем первые два были причислены к третьему разряду, а последнее к четвертому. Общая численность сотрудников этих ГПУ согласно новым штатам предполагалась следующая: 3 полицеймейстера, 3 помощника полицеймейстера, 10 приставов, 12 помощников приставов, 62 полицейских надзирателя, 3 смотрителя арестантского помещения, 482 городских, 26 полицейских служителей, 15 рассыльных, 3 секретаря, 8 столоначальников, 3 журналиста, 2 бухгалтера, 12 письмоводителей, 2 начальника сыскных отделений, 2 помощника начальника сыскного отделения, 2 чиновника, заведующие регистрацией и 2 фотографа. Можно отметить, что новые штаты вводили более многочисленную команду городских (после января 1906 г. – 380 нижних чинов), усиливали канцелярии управлений и увеличивали количество полицейских офицеров.

Однако запоздавшее расширение штатов не означало существенного увеличения состава

общей полиции. Новое штатное расписание рассматривалось как крайняя необходимость «ныне же принять меры хотя бы к приближительному доведению численного состава полиции до норм, установленных проектом и одобренных комиссией Государственной думы» [12, с. 3], т.е. ориентировалось на довоенные реалии, которые не совпадали с политическими обстоятельствами и потребностями управления во время Первой мировой войны. Достаточно упомянуть, что даже оклады жалования полицейским чиновникам должны были выплачиваться в суммах, размеры которых «устанавливались до войны, когда не было той дороговизны, которую приходится переживать ныне» [12, с. 4].

Заключение. Таким образом, на рубеже XIX–XX вв. структуры общей полиции, очевидно, были не в состоянии обеспечивать надежный полицейский контроль над населением Витебской губернии. Как представляется, это свидетельствует о том, что в Российской империи степень государственного вмешательства в жизнь общества посредством полицейских институтов была сравнительно низкой. Достаточно указать на то, что большая часть населения страны, проживавшая в сельской местности, имела выборных полицейских нижних чинов, которые фактически не имели ни авторитета, ни средств для поддержания полицейского контроля в сельской общине. Необходимость количественного и качественного усиления состава полиции осознавалась как местными властями, так и чиновниками центрального аппарата МВД. Политический кризис 1905–1907 гг., выявивший неспособность общей полиции справиться с массовыми протестными акциями и революционным террором, вынудил правительство ускорить проведение задуманных мероприятий. В частности, в спешном порядке была сформирована уездная стража, увеличены команды городских. В процессе разработки полицейской реформы были осуществлены отдельные меры по модернизации полицейской организации. Например, в 1908 г. в Витебске и Двинске в составе городских полицейских управлений стали действовать сыскные отделения, которые специализировались на уголовном розыске. Однако российское правительство до начала Первой мировой войны не успело провести полицейской реформы. Только накануне революции было решено увеличить штаты, взяв за основу проект, разработанный еще в довоенное время.

Вместе с тем это запоздавшее решение, как представляется, принципиально не усиливало полицейский аппарат, что в условиях мировой войны и внутреннего политического кризиса ослабляло государственное управление империи в целом.

Литература

1. Национальный исторический архив Беларуси (далее – НИАБ). – Фонд 1416. – Оп. 2. – Д. 19788.
2. Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности: в 58 вып. – СПб.: Тип. В. Киришбаума, 1903. – Вып. V: Витебская губ. – 534 с.
3. НИАБ. – Фонд 1430. – Оп. 2. – Д. 3786.
4. НИАБ. – Фонд 1416. – Оп. 2. – Д. 21510.
5. НИАБ. – Фонд 1416. – Оп. 2. – Д. 24301.
6. НИАБ. – Фонд 1416. – Оп. 2. – Д. 24976.
7. НИАБ. – Фонд 1430. – Оп. 1. – Д. 47418.
8. НИАБ. – Фонд 1416. – Оп. 2. – Д. 24905.
9. НИАБ. – Фонд 1416. – Оп. 2. – Д. 24282.
10. НИАБ. – Фонд 1416. – Оп. 2. – Д. 25591.
11. Национальный архив Республики Беларусь. – Фонд 622. – Оп. 2. – Д. 83.
12. Об усилении полиции в 50 губерниях империи и об улучшении служебного и материального положения полицейских чинов от 23 декабря 1916 г. Департамента полиции МВД по 7 делопроизводству за № 137160 // Российский государственный исторический архив. – ПЗ 483.

Поступила в редакцию 05.06.2014 г.

Принята в печать 21.07.2014 г.

УДК 271.2(476)“194”:348.31

Регистрация церквей, приходских общин и духовенства Русской православной церкви в БССР во второй половине 1940-х гг.: особенности применения законодательства

Василицын А.Г.

**Учреждение образования «Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова», Витебск**

В статье освещаются особенности регистрации церквей, приходских общин и духовенства Русской православной церкви в БССР во второй половине 1940-х гг. На основе анализа архивных материалов, дающих представление о правоприменительной практике, рассматривается процедура оформления действующих церквей, открытия храмов по заявлениям общин, возврата общественных зданий, занятых общинами в годы оккупации. Освещен процесс создания и регистрации церковных исполнительных органов, заключения договоров на передачу приходам молитвенных зданий и культового имущества. Раскрыта процедура регистрации духовенства. Автором отмечено значение «Положения об управлении РПЦ 1945 г.», проанализировано его применение на приходском уровне. Сделан вывод о том, что советское законодательство при регистрации церквей, приходов и духовенства в БССР применялось с учетом сложившихся местных условий церковной жизни.

Ключевые слова: Русская православная церковь, государственно-церковные отношения, правовая база, законодательство, приходы, духовенство.

(Ученые записки. – 2014. – Том 17. – С. 102–108)

Registration of Churches, Parish Communities and the Clergy of the Russian Orthodox Church in Belorussian SSR in the Second Half of the 1940s: Features of the Application of Religious Law

Vasilitsyn A.G.

Educational establishment “Vitebsk State P.M. Masherov University”, Vitebsk

The article highlights the features of the registration of churches, parish communities and the clergy of the Russian Orthodox Church in BSSR in the second half of the 1940s. Based on the analysis of legal acts of the Soviet government and archival materials, the procedure of registration of churches, the opening of temples due to applications of the communities, the return of public buildings occupied by communities during the occupation are demonstrated. The author also reports about the process of creating and registration of the church executive organs and about contracts on transferring prayer houses and church property to parishes. The article deals with the procedure of registration of the clergy. The author notes the value of “Regulations on the Administration of the Russian Orthodox Church in 1945”, analyzes its application in the parishes. Conclusion is made that while the registration of churches, parishes and the clergy in Belorussian SSR, Soviet legislation was applied considering local conditions of church life.

Key words: Russian Orthodox Church, the state-church relations, legal framework, legislation, parishes, the clergy.

(Scientific notes. – 2014. – Vol. 17. – P. 102–108)

Адрес для корреспонденции: e-mail: vasilitsyn@tut.by – А.Г. Василицын

Взаимоотношения государства и Русской православной церкви (РПЦ) в современной Беларуси являются значимым фактором общественной жизни. Изучение особенностей формирования правовой базы государственно-церковных отношений и ее применения на различных исторических этапах позволит учесть накопленный опыт для усовершенствования религиозного законодательства и его практического применения.

Правотворческая деятельность советских органов власти и правоприменительная практика в отношении церквей, общин и духовенства РПЦ на общесоюзном уровне в исследуемый период освещались в работах российских ученых О.Ю. Васильевой, М.И. Одинцова, М.В. Шкаровского, В.Н. Якунина, Т.А. Чумаченко, В.И. Подгорного. В последние годы устойчивый научный интерес вызывают темы, связанные с проблемами реализации советского законодательства о культурах на региональном уровне, которые раскрывались в исследованиях А.И. Перельгина, А.А. Федотова, Н.В. Зин, О.Н. Петюковой. Вместе с тем, вопросы применения религиозного законодательства в отношении РПЦ в БССР в послевоенный период только начинают получать освещение в публикациях отечественных исследователей В.И. Новицкого, И.И. Янушевича, А.О. Горанского, Е.В. Савчик, Н.В. Довгяло. Среди работ, охватывающих хронологические рамки исследования, наиболее последовательно освещены проблемы правового регулирования хозяйственной деятельности приходских общин РПЦ. Вместе с тем, требуют более глубокого раскрытия особенности правоприменительной практики при регистрации церковных институтов.

Цель статьи – выявление особенностей применения религиозного законодательства в процессе регистрации церквей, приходских общин и духовенства РПЦ в БССР во второй половине 1940-х гг.

Материал и методы. Источниковую базу исследования составили нормативно-правовые акты правительства СССР и БССР; документы Совета по делам Русской православной церкви; «Положение об управлении РПЦ 1945 г.». В работе использовались материалы фондов уполномоченного Совета по делам РПЦ при СНК (СМ) СССР по БССР (Фонд 951), ЦК КП(б)Б (Фонд 4п) Национального архива Республики Беларусь и Совета по делам религий при Совете Министров

СССР (Фонд Р6991) Государственного архива Российской Федерации. Фонды содержат обширный комплекс источников: законодательные акты (постановления и распоряжения) правительства СССР и БССР; региональные правотворческие акты – решения исполкомов областных и районных Советов депутатов трудящихся; документы Совета по делам РПЦ: инструкции, постановления, циркулярные письма; материалы уполномоченных Советов: отчетно-информационные доклады, справки, информационные письма.

Методологическую основу исследования составили принципы историзма и объективности. В работе применялись общенаучные методы анализа и синтеза, индукции и дедукции и специально-исторические – историко-системный, сравнительный, ретроспективный.

Результаты и их обсуждение. Правовой статус РПЦ в Советском государстве определял декрет СНК РСФСР от 23 января 1918 г. «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». Для урегулирования государственно-церковных отношений на территории Беларуси 11 января 1922 г. было принято постановление СНК ССРБ, которое повторяло положения Декрета от 23 января 1918 г. В соответствии с ним религиозные общества лишались прав юридического лица и права владеть собственностью. Вся собственность церковных общин национализировалась, а используемое богослужбное имущество по решению местных органов власти передавалось религиозным обществам в бесплатное пользование. Декрет 1918 г. не предусматривал особой процедуры для основания и регистрации общин и духовенства. Согласно ему все церковные и религиозные общества подчинялись принятым общим положениям о частных обществах и союзах и не должны были пользоваться никакими преимуществами от государства [1, с. 286–287].

В последующий период советское правительство принимало нормативно-правовые акты, которые уточняли и регулировали применение положений Декрета 1918 г. В соответствии с Инструкцией НКВД и НКЮ «По вопросам, связанным с осуществлением декрета об отделении церкви от государства в БССР» от 5 мая 1928 г. все религиозные объединения и организации в БССР могли получать доход только от богослужбной деятельности и не могли преследовать торговые и промышленные цели. Запрещалась всякая

благотворительная деятельность как со стороны религиозных организаций, так и в их пользу. Инструкция предписывала предоставлять местным органам власти подробные сведения о церковном активе и верующих, лишала духовенство функций настоятеля храма, определив его полномочия обслуживанием религиозных потребностей прихода и получением от него материальной помощи [2, с. 79].

Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г. «О религиозных объединениях» утвердило принятые ранее положения о запрещении религиозным обществам получать доходы от внебогослужебной деятельности, проводить благотворительные сборы и жертвовать, организовывать обучение религии, настоятелям исполнять функции руководителя прихода. Вместе с тем, оно определило новый порядок регистрации, деятельности и снятия с регистрации религиозных общин и функции органов власти в этом процессе. Согласно постановлению, религиозная община должна была подать заявление о регистрации, подписанное не менее чем 20 совершеннолетними верующими, в исполком вместе с другими документами. Решение о регистрации или отказе в регистрации принималось исполкомом областного Совета по согласованию с Советом по делам религиозных культов. После регистрации община передавала в исполком сведения о составе религиозного актива, исполнительных и ревизионных органах и служителях культа. Верующие могли получать по договору в бесплатное пользование молитвенные здания или арендовать соответствующие техническим требованиям помещения и предметы религиозного предназначения. Постановление 1929 г. стало основным нормативным актом Советского государства в отношении религиозных организаций и легло в основу законодательства о религиозных культах последующего периода [3, с. 83–97].

С началом Великой Отечественной войны Русская православная церковь заняла активную позицию, которая выразилась в широкой помощи фронту. Патриотическая деятельность церкви, ее консолидирующий фактор и перспективы дальнейшего использования церковного авторитета в международных отношениях предопределили изменение государственной религиозной политики. Для осуществления нового курса по инициативе И.В. Сталина постановлением СНК СССР от 14 сентября 1943 г. был создан Совет по делам РПЦ при СНК СССР. Цели и задачи Со-

вета были определены в «Положении о Совете по делам Русской православной церкви при СНК СССР», утвержденном постановлением Совнаркома № 1095 от 7 октября 1943 г. [4, д. 1, л. 1–2]. При облисполкомах вводилась должность уполномоченных Совета, которые проводили государственную политику в отношении РПЦ на местах и осуществляли контроль над ее выполнением. Правовое положение и должностные обязанности уполномоченных определяли «Положение о Совете по делам РПЦ», «Инструкция Совета по делам РПЦ при СНК СССР для уполномоченных Совета при СНК союзных и автономных республик и при облисполкомах» от 5 февраля 1944 г. (далее – «Инструкция Совета для уполномоченных»), инструктивные письма Совета. После утверждения уполномоченные приступали к взятию на учет и регистрации действующих церквей и молитвенных домов, духовенства и церковных органов [5, д. 1, л. 3; д. 4, л. 23–23 об.; 6, д. 217, л. 137].

Процедура регистрации, на которую ориентировало действующее религиозное законодательство, предполагала несколько этапов. На начальном этапе группа верующих (актив, учредители) подавала заявление на открытие церкви или молитвенного дома в местные органы власти или на имя уполномоченного Совета по делам РПЦ при облисполкоме. После рассмотрения заявления и принятия положительного решения происходила регистрация общины верующих в установленном порядке. Община заключала договор с местными властями о передаче ей в пользование молитвенного помещения и культового имущества. Одновременно с регистрацией общины происходила регистрация священнослужителя.

Документом, на основании которого осуществлялась практическая работа уполномоченного, являлась «Инструкция Совета для уполномоченных», которая определяла порядок открытия, учета и закрытия церквей и молитвенных домов, регистрации и ликвидации общин и их исполнительных органов, регистрации служителей культа. Ее применение уполномоченными в БССР имело ряд особенностей. Например, разделы 1–3 документа отражали порядок и правила работы уполномоченного исходя из начального этапа создания общин, открытия церквей и молитвенных домов, что было характерно для восточных областей СССР. В БССР, где церкви в основном были открыты в годы оккупации в Восточной Беларуси и не закрывались после при-

соединения Западной Беларуси в 1939 г. в западных областях, началом практической деятельности уполномоченных Совета являлись учет, регистрация и заключение договоров с уже действующими общинами. «Инструкция Совета для уполномоченных» не учитывала практику существования приписных приходов, распространенную в западных областях БССР. В первые послевоенные годы руководство Совета не давало уполномоченным четких указаний относительно имеющегося положения о приписных церквях, вынуждая последних самостоятельно, с учетом действующего религиозного законодательства, разрабатывать процедуру регистрации. Например, уполномоченный по Брестской области те приписные церкви, которые подавали списки учредителей, исполнительных церковных органов, и данные об обслуживающем их священнике регистрировал отдельным регистрационным делом. Если приходские церкви не имели общины, то они включались в один договор со штатной церковью с приложением отдельной описи культового имущества [4, д. 6а, л. 1–7; 5, д. 5, л. 202–203].

Открытие храмов по заявлениям верующих как вновь открывающихся осуществлялось на основании Постановления СНК СССР № 1325 от 28 ноября 1943 г. «О порядке открытия церквей». В соответствии с ним для регистрации было необходимо наличие ходатайства от группы верующих в количестве не менее 20 человек («двадцатки»), молитвенного помещения и священнослужителя. Заявление об открытии проверялось на местах, решение об удовлетворении или отклонении ходатайств верующих принимали облисполкомы. Если облисполкомы отклоняли заявления, то уполномоченные посылали в Совет по делам РПЦ копию принятого на заседании решения об отклонении с указанием причин, а собранные на церковь материалы оставались на местах. При удовлетворении заявления все материалы, вместе со своим заключением, уполномоченные высылали в Совет, который, рассмотрев вопрос, выносил предварительное решение и представлял его на утверждение в СНК. Решение Совнаркома сообщалось местным властям и заявителям. Таким же образом рассматривались заявления тех общин, в храмах которых богослужение не производилось свыше года [5, д. 1, л. 2 об., 7, д. 1, л. 93].

Многоуровневая процедура открытия предопределила противоречия в отношениях между участниками этого процесса. Со стороны

местных властей обозначилось стремление препятствовать открытию церквей. Основная масса заявлений отклонялась на основании неправильного оформления или участия заинтересованной стороны (духовенства). В свою очередь, основной причиной неправильного оформления являлись недоступность нормативно-правовых актов для заявителей, незнание ими своих прав. Все пояснения по процедуре регистрации верующие получали от уполномоченных устно. Секретность религиозного законодательства являлась мерой, направленной на сдерживание количества открытых храмов [5, д. 4, л. 22]. Не находя поддержки у местных властей и уполномоченных, верующие жаловались в другие инстанции и учреждения. Например, община г. Осиповичи подала жалобу председателю Президиума Верховного Совета СССР М.И. Калинину на изъятие церкви и уничтожение церковного инвентаря заведующим районом и директором местной школы [7, д. 1, л. 62–62 об.]. Дело Осиповичской церкви рассматривалось на бюро ЦК, где председатель СНК БССР П.К. Пономаренко предупредил руководство Бобруйской области о недопустимости подобных действий [5, д. 2, л. 19–20]. Некоторые общины верующих самостоятельно без уведомления уполномоченных и подачи заявлений строили церкви и молитвенные дома. В таких случаях им предлагалось либо зарегистрироваться, как, например, общине д. Занарочь Мядельского района, либо по требованию местных властей, как произошло в д. Манча Березинского района, строительство прекращалось, а строительный материал и здание передавались в собственность колхоза [5, д. 14, л. 5; д. 13, л. 245].

Регистрация церквей усложнялась тем, что во время войны стихийно возрождающиеся общины занимали под молитвенные цели общественные помещения, которые в прошлом принадлежали церкви и в 1920–1930-х гг. были переданы в пользование государственных учреждений и организаций. После освобождения республики и возвращения к мирной жизни вернувшиеся из эвакуации или восстанавливающие свою работу советские органы власти и общественные организации требовали возврата принадлежавших им зданий. Подобное положение в большей степени было характерно для восточных областей БССР. Например, по этой причине в Полесской области на 1 июля 1945 г. из 23 действующих церквей регистрацию прошли только 8

[5, д. 3, л. 130–131, 136–137]. Правовое урегулирование положения было призвано обеспечить постановление СНК СССР № 1643–486с от 1 декабря 1944 г. «О порядке открытия церквей и молитвенных зданий на территории, освобожденной от немецкой оккупации». Согласно ему, если общественное здание когда-либо использовалось под церковь или было занято общиной во время оккупации, вопрос о его освобождении должен был разрешаться по согласованию с Советом по делам РПЦ. Местные власти ходатайствовали перед облисполкомом о закрытии церкви и передаче здания, обязываясь одновременно сообщать свои предложения о возможности предоставления общине другого помещения на условиях договора. Облисполком выносил решение и всю документацию вместе с заключением уполномоченного направлял для согласования в Совет. После получения разрешения исполком объявлял свое решение под расписку выселяемой общине с предоставлением ей месячного срока на выселение или переселение в другое помещение и передачей на условиях аренды другого помещения (если оно имелось), а при отсутствии помещения предлагал подыскать его частным образом. Последнее обстоятельство в послевоенных условиях разрушений жилищного фонда затрудняло или делало невозможным приобретение общинами молитвенного помещения [7, д. 3, л. 248; 5, д. 1, л. 7].

Совет настаивал, чтобы изъятие государственных и общественных зданий производилось постепенно, по мере потребности в этих зданиях, а не в порядке кампании. Несмотря на то что самовольное закрытие храмов до окончательного разрешения вопроса запрещалось, значительное количество нарушений фиксировалось именно со стороны местных властей. Например, с 14 августа 1944 г. по 1 июля 1945 г. республиканским уполномоченным было рассмотрено 14 заявлений о неправильном закрытии церквей. Из них 12 относилось к изъятию местными властями общественных зданий, занятых общинами под молитвенные цели в годы оккупации, и 2 случая самовольного изъятия типовых церковных зданий. Только 2 церкви за истекший период были закрыты с санкции Совета по делам РПЦ.

Из-за задержек с регистрацией церквей в республике (на 1 июля 1945 г. было зарегистрировано всего 209 церквей из 705 учтенных) Совет в нарушение Постановления № 1325 и инструкций разрешал уполномоченным регистрировать общины без священнослужителей.

Тем не менее, точных сведений о количестве действующих и зарегистрированных церквей по БССР не было еще в 1947 г. [5, д. 1, л. 6; д. 2, л. 19, 22, 56; д. 3, л. 18 об.; 7, д. 9, л. 22].

Основополагающим документом, определившим внутреннее устройство РПЦ в послевоенные годы, стало «Положение об управлении РПЦ», принятое Поместным собором 31 января 1945 г. и утвержденное постановлением СНК СССР от 28 января 1945 г. Положение установило иерархический строй РПЦ. Настоятелям предоставлялось право руководства и контроля над приходом и его исполнительным органом. Согласно «Положению об управлении РПЦ 1945 г.» приходская община управлялась «двадцаткой», которая после учреждения прихода заменялась приходским собранием. Функции исполнительных органов распределялись между церковным советом и ревизионной комиссией, которые избирались приходским собранием. В состав церковного совета входили настоятель, который являлся его председателем, староста, его помощник и казначей. Церковный совет вел приходское хозяйство, распоряжался средствами прихода и осуществлял их учет, производил отчисления в патриархию и епархиальное управление. Ревизионная комиссия состояла из 3 членов прихода и осуществляла наблюдение за церковным имуществом, проводила ревизии денежных сумм и произведенных расходов [8, с. 141–142].

Необходимость проведения выборов церковных исполнительных органов для регистрации общины вызвала неоднозначную реакцию. Духовенство Западной Беларуси отрицательно отнеслось к созданию церковных советов и ревизионных комиссий, рассматривая их как способ контроля над деятельностью настоятеля и ущемление прав в части распоряжения церковными средствами. Резкое недовольство проявляли верующие в связи с необходимостью предоставлять составленные по форме списки учредителей и церковных исполнительных органов, оформлять договора на передачу имущества, которое находилось в их собственности. Распространялись слухи, что списки нужны для того, чтобы выслать наиболее активных или обложить их дополнительным налогом. Выполняя директиву Совета № 1651 от 5 мая 1945 г. «О наблюдении за проведением в жизнь «Положения об управлении РПЦ 1945 г.», уполномоченный по Брестской области констатировал, что избранные церковные советы и ревизионные

комиссии с «Положением» не были ознакомлены и им не руководствовались [5, д. 2, л. 17–20, 117; д. 3, л. 111 об.].

Несмотря на сложности в применении «Положения об управлении РПЦ 1945 г.» его издание засвидетельствовало признание руководством СССР церковной иерархии, церковная структура в отношениях с государством стала представляться объединенной организацией, что отменяло положения постановления 1929 г. «О религиозных организациях».

После регистрации приходские общины заключали с райисполкомами или сельсоветами договора на передачу в бесплатное и бессрочное пользование молитвенных зданий и культового имущества. Процедура проводилась в соответствии с «Инструкцией Совета для уполномоченных» и на основании постановления № 404 от 17 апреля 1943 г. «Об утверждении положения о порядке учета и использования национализированного, конфискованного, выморочного и бесхозяйного имущества», которое было дополнено постановлением № 801 от 30 июня 1944 г. «О дополнении ст. 5 Положения о порядке учета и использования национализированного, конфискованного, вымороченного и бесхозяйственного имущества». В договоре оговаривалось использование церковного здания только по назначению, содержание церкви за счет верующих. За пропажу и порчу культового имущества, которое передавалось общинам по описи безвозмездно, предусматривалась материальная ответственность. Государство оставляло за собой право периодически осматривать имущество. В западных областях БССР до проведения национализации церковного имущества договор на передачу зданий и культового имущества с общинами не заключался, регистрировались только священнослужители и церковные исполнительные органы – церковный совет и ревизионная комиссия. За общинами сохранялись причтовые дома, которые составляли собственность приходов. Также сохранялось прежнее правовое и имущественное положение монастырей. Передача культового имущества в безвозмездное пользование входила в противоречие с постановлением СНК ССРБ 1922 г., но не отменяла его [7, д. 1, л. 57, 90, 93].

Регистрация духовенства производилась уполномоченным после предоставления указа о назначении на приход от правящего архиерея и заполнения анкеты по установленной инструкцией форме. Зарегистрированным

священнослужителям выдавались справки о регистрации, которые полагалось ежегодно продлевать, с указанием населенных пунктов, на которые распространялась деятельность священника. На начальном этапе значительная часть духовенства уклонялась от регистрации, так как имела указы о назначении от епископов, управлявших в оккупационный период, и опасалась снятия с приходов новым управляющим. Некоторые священники сознательно не признавали Московский патриархат. Были и те, кто не мог представить указов о назначении. В последующий период частыми были случаи, когда духовенство, особенно западных областей, не являлось к уполномоченному для обмена регистрационных справок и служило на приходах без регистрации [7, д. 1, л. 93; 5, д. 2, л. 144].

Процедура регистрации православных церквей, приходских общин и духовенства в БССР была в основном завершена к концу 1940-х гг. Именно в этот период наметился поворот в государственно-церковных отношениях на союзном уровне, который выразился в более жестком отношении правительства к религиозным организациям, и в частности к РПЦ, стремлении повсеместно ограничить церковное влияние. Власти перестали удовлетворять ходатайства верующих об открытии храмов, что приостанавливало действие постановления СНК СССР № 1325 «О порядке открытия церквей», которое, тем не менее, не было отменено. Участились случаи администрирования и изъятия молитвенных помещений. Так, Гомельский облисполком с начала 1948 г. до августа 1949 г. поставил перед Советом вопрос об изъятии у религиозных общин 22 церковных зданий. В некоторых случаях изъятие зданий было произведено до получения согласия Совета. Обозначилась тенденция к ограничению хозяйственной деятельности приходов при сохранении действующих норм законодательства [6, д. 68, л. 455–457].

Заключение. Таким образом, основу советского религиозного законодательства составляли нормативно-правовые акты, принятые в довоенный период. Изменение правовой базы государственно-церковных отношений стало результатом произошедшего в годы Великой Отечественной войны пересмотра государственной политики в отношении РПЦ на союзном уровне. Применение религиозного законодательства при регистрации церквей, общин и духовенства РПЦ в БССР во второй половине 1940-х гг. осуществлялось на осно-

вании общесоюзных постановлений, но имело ряд особенностей. Большинство церквей в БССР на момент освобождения республики функционировали и не требовали первоначальной процедуры открытия, а регистрировались уполномоченными как действующие. Уполномоченные самостоятельно разрабатывали инструкции по регистрации приписных церквей, о которых не упоминало действующее законодательство. Открытие храмов по заявлениям верующих было усложнено многоуровневой процедурой. Со стороны местных властей обозначилась тенденция к отклонению заявлений на формальных основаниях. Реализовать право на открытие церквей в сложившихся условиях секретности религиозного законодательства и идеологического фактора смогли не многие общины. Регистрация и возврат общественных зданий, занятых общинами верующих под молитвенные цели в годы войны, происходили по согласованию с Советом по делам РПЦ. Процедура неоднозначно воспринималась местными органами власти, которые не регистрировали общины, применяли практику административного нажима, выселяя общины в обход действующего законодательства.

«Положение об управлении РПЦ 1945 г.», которое зафиксировало признание государством иерархической структуры РПЦ, определило порядок избрания и функции церковных органов власти, среди духовенства Западной Беларуси вызвало противодействие из-за необходимости передачи части полномочий в управлении приходом церковным исполнительным органам. Со стороны приходского актива недовольство было связано с необходимостью заключать договора и предоставлять органам власти именные списки. В пер-

вые послевоенные годы уполномоченные фиксировали многочисленные нарушения «Положения» со стороны церковных органов и духовенства.

Общины в процессе регистрации получали в бесплатное и бессрочное пользование молитвенные помещения и культовое имущество, что отменяло положения постановления СНК ССРБ 1922 г. В западных областях БССР до национализации церковного имущества за ними сохранялась вся имеющаяся собственность.

С конца 1940-х гг. некоторые постановления Советского правительства послевоенного периода перестали выполняться, не будучи отменены, что стало следствием изменений в отношениях Советского государства и РПЦ.

Литература

1. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. – М., 1942. – 1483 с.
2. Довгяло, Н.В. Законодательные основы политики БССР в области религии в 1924–1939 годах / Н.В. Довгяло // Вестн. ПГУ. – 2012. – № 1. – С. 77–81.
3. Законодательство о религиозных культах: сб. материалов и документов. – М.: Юридическая литература, 1971. – 335 с.
4. Государственный архив Российской Федерации. – Фонд Р6991. – Оп. 1.
5. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Фонд 951. – Оп. 2.
6. НАРБ. – Фонд 4 п. – Оп. 62.
7. НАРБ. – Фонд 951. – Оп. 1.
8. Православная церковь на Витебщине (1918–1991): док. и материалы / редкол.: М.В. Пищуленок (гл. ред.) [и др.]; сост. В.П. Коханко (отв. сост.) [и др.]. – Минск: НАРБ, 2006. – 365 с.

Поступила в редакцию 04.06.2014 г.

Принята в печать 21.07.2014 г.

УДК 94(476.5)“1944/1945”

Повседневность послеоккупационного периода Великой Отечественной войны: опыт различных социальных групп (на примере Витебской области)

Николаева И.В.

Учреждение образования «Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова», Витебск

Возрастание сегодня исследовательского интереса к истории «человека на войне» определяет актуальность анализа роли военного фактора в повседневной жизни белорусского общества и его влияния на положение различных социальных групп населения.

Цель работы – проанализировать изменения в демографическом и социальном составе жителей Витебщины после нацистской оккупации и охарактеризовать материально-бытовые условия жизни городского и сельского населения региона, положение женщин и детей после освобождения территории области и до окончания Великой Отечественной войны.

Материал и методы. Исследование осуществлялось на основе информационной и отчетной документации комитетов КП(б)Б, содержащейся в Государственном архиве Витебской области и Национальном архиве Республики Беларусь.

Результаты и их обсуждение. Анализ архивных источников свидетельствует о значительных изменениях в демографическом и социальном составе населения: сокращении числа жителей региона, уменьшении удельного веса горожан, резкой диспропорции полов и значительном перевесе женского трудоспособного населения над мужским. Положение жителей области, переживших оккупацию, было крайне тяжелым. Советские органы и местные партийные организации принимали меры по удовлетворению материально-бытовых нужд населения и оказанию социальной поддержки.

Заключение. Преодоление бытовой неустроенности в ситуации повсеместной разрухи и всеобщего дефицита стало одной из главных составляющих повседневности всех социальных групп населения послеоккупационного военного периода как Витебской области, так и Беларуси в целом.

Ключевые слова: повседневность, война, оккупация, восстановление, социальные группы.

(Ученые записки. – 2014. – Том 17. – С. 109–114)

Everyday Life of the Great Patriotic War Post-Occupation Period: Experience of Different Social Groups (on the Example of Vitebsk Region)

Nikolayeva I.V.

Educational establishment “Vitebsk State P.M. Masherov University”, Vitebsk

Increase in the research interest in the history of “man in war” determines the topicality of the analysis of the role of military factor in everyday life of Belarusian society and its impact on the position of different social groups.

The purpose of the work is to analyze changes in the demographic and social composition of the population of Vitebsk Region after Nazi occupation and to characterize material and household conditions of the life of urban and rural population of the Region, state of women and children after the liberation of the Region territory and up to the end of the Great Patriotic War.

Material and methods. The study is based on the information and reporting documents of Communist Party Committees, which is stored in the State Archive of Vitebsk Region and the National Archive of the Republic of Belarus.

Findings and their discussion. Analysis of archive sources testifies to considerable changes in the demographic and social composition of the population: reduction of the number of the Region residents, reduction of the proportion of urban residents, sharp disproportion of sexes and considerable overweight of female work force over male. State of the Region residents who survived occupation was extremely hard. Soviet bodies as well as local Party Organizations took measures to satisfy material and household needs of the population and to render social assistance.

Адрес для корреспонденции: e-mail: 210041, г. Витебск, ул. ген. Маргелова, д. 1, кв. 110 –
И.В. Николаева

Conclusion. *Overcoming household inconveniences in the situation of all round destruction and total shortages became one of the main components of everyday life of all social groups of the population during the post occupation war period both in Vitebsk Region and the whole Belarus.*

Key words: *everyday life, war, occupation, restoration, social groups.*

(Scientific notes. – 2014. – Vol. 17. – P. 109–114)

Утвердившийся в современных исследованиях подход к освещению истории Великой Отечественной войны через призму человеческого фактора определил необходимость и актуальность осмысления минувших событий с позиции опыта различных социально-демографических групп и создал дополнительные возможности интерпретации военной истории. В то же время исследовательское внимание к истории белорусского общества послеоккупационного военного времени в современной отечественной историографии, за исключением отдельных социальных слоев (крестьянства, интеллигенции), представляется недостаточным. Тогда как кризисная ситуация перехода от войны к миру для большинства советских граждан оказалась не менее сложной – к послеоккупационной военной действительности и тяжелым материальным условиям новой повседневности пришлось приспособляться и фактически выживать всем социальным группам населения. Цель данной статьи – проанализировать изменения в демографическом и социальном составе жителей Витебщины после нацистской оккупации и охарактеризовать материально-бытовые условия жизни городского и сельского населения региона, положение женщин и детей после освобождения территории области и до окончания Великой Отечественной войны.

Материал и методы. Исследование осуществлялось на основе содержащейся в Государственном архиве Витебской области и Национальном архиве Республики Беларусь информационной и отчетной документации комитетов КП(б)Б, которая освещает различные аспекты социально-экономической региональной послеоккупационной ситуации. В работе были использованы историко-описательный, историко-сравнительный, историко-системный и статистический методы, которые позволили представить особенности развития военных процессов в белорусском обществе в целом и проследить влияние военного фактора на положение различных социальных групп населения после освобождения от нацистской оккупации.

Результаты и их обсуждение. Архивные источники свидетельствуют о значительных

изменениях в демографическом и социальном составе населения Витебской области за время оккупации. Накануне войны здесь проживало около 1 млн 281 тыс. человек. Согласно статистическим данным, представленным районами после освобождения на 1 августа 1944 г., население области сократилось до 499 088 человек [1, д. 42, л. 54].

В общем составе населения значительно уменьшился удельный вес городских жителей, который в 1944 г. составил менее 10%, против почти 30% в довоенный период [1, д. 42, л. 54]. В условиях острой нехватки продовольствия обработка земли стала важнейшим источником существования, кроме того в деревне в период оккупации было не только легче с продовольствием, но и спокойней. Положение городского населения, пережившего трехлетнюю нацистскую оккупацию, было крайне тяжелым, многие остались без крова и средств существования. По городу Витебску сохранившиеся дома коммунального хозяйства, заводского и частного сектора составляли 12,8% к довоенному времени. Значительная часть горожан проживала в бункерах [1, д. 40, л. 27]. Первоочередным мероприятием по восстановлению мирной жизни освобожденных территорий стала организация обеспечения населения самыми необходимыми промтоварами, так как многие люди лишились верхней одежды, обуви, белья. Согласно постановлению созданного еще в прифронтовой полосе бюро Витебского горкома партии «Об неотложных мероприятиях по восстановлению города» от 8 декабря 1943 г., сразу после освобождения ставилась задача организации торговли и налаживания работы артелей бытового обслуживания, прежде всего сапожных и швейных [2, д. 7, л. 8]. С первых дней в освобожденных городах вводилось нормированное обеспечение промышленными товарами первой необходимости и продуктами по карточкам. Однако, как свидетельствуют архивные документы, обеспечение продуктами рабочих и служащих проходило с большими перебоями, отпускаемые фонды далеко не обеспечивали снабжение по установленным нормам. Из-за недостаточности фондов хлеба практиковалась выдача на-

селению ржи для самостоятельного размола и выпечки [3, д. 8, л. 17; 4, д. 14, л. 110]. Одним из способов приспособления и выживания городского населения в чрезвычайных обстоятельствах стала продажа на рынке остатков материальных ценностей и обмен их на продукты питания и одежду.

Преодоление, прежде всего, социально-экономических последствий войны и выживание в тяжелых материально-бытовых условиях стали в послеоккупационный военный период повседневной действительностью и для сельских жителей, которые составляли преобладающую часть населения. Жители сожженных и разрушенных деревень ютились в шалашах и землянках [1, д. 20, л. 84]. Особенно тяжелая ситуация сложилась в восточных районах, территория которых была партизанским краем. Как свидетельствуют архивные документы, «ведя неоднократные экспедиции против партизан, немецкие захватчики жестоко расправлялись с мирным населением в партизанских районах, которые, спасая свою жизнь, уходили в леса к партизанам, бросая имущество: хлеб, одежду, скот, последнее сжигалось или увозилось немцами» [3, д. 21, л. 51]. Так, в Освейском, Рассонском, Ушачском, Полоцком, Дриссенском, Ветринском районах население не имело возможности произвести посевы озимых и яровых культур под урожай 1944 г. как на приусадебных участках, так и на колхозных полях. Во многих колхозах необходимые продукты на трудодни не распределялись. В поисках хлеба началось массовое перемещение жителей восточных районов в Латвию, Литву, западные районы БССР (т.н. «отходничество») [3, д. 21, л. 53]. Докладные записки и сообщения по ситуации в районах констатировали, что большинство населения нуждается в одежде и обуви, «ходит в лохмотьях, этими же лохмотьями прикрывается» [1, д. 19, л. 6; 3, д. 21, л. 99]. В сельской местности распространенной стала практика возвращения к домотканой одежде и самодельной обуви.

В исключительно тяжелом материальном положении оказались представители сельской интеллигенции – учителя, врачи. Руководство районов сообщало в область об имевших место случаях, когда в отсутствие приусадебных участков, не получая установленные нормы продуктов (500 г хлеба в день, 600 г сахара на квартал и др.) и промтоваров (на 500 рублей в квартал), учителя «ходят по колхозам и собирают милостыню, просят одежду и обувь у колхозников» [1, д. 135, л. 27].

Освобожденная территория лишилась большей части трудоспособного населения, прежде всего мужчин, основную группу населения составляли женщины, дети и старики. Война и оккупация привели к резкой диспропорции полов, особенно перевес женского населения над мужским сказывался в сельской местности. Так, среди сельского населения Витебской области на 1 августа 1944 г. женщины составляли 68% от всех жителей. При этом наибольшим перевес женщин был в возрастной группе от 16 до 55 лет, которая составляла наиболее дееспособную часть населения: если мужчин в данном возрасте насчитывалось 29797, то женщин – 121435 или 80% от общей численности тех, кто являлся основной трудоспособной частью послевоенного общества [1, д. 42, л. 54].

Женщины стали основой рабочей силы на селе, они работали во вновь созданных колхозах и на личных подсобных хозяйствах. В ситуации повсеместной разрухи, когда технические возможности сельского хозяйства страны были минимальны, большую часть работ крестьянам приходилось выполнять вручную. В связи с недостатком мужской рабочей силы женщины в условиях отсутствия транспорта переносили на себе семена и продукты, ручную вскапывали общественные посевы в колхозах, а также широко привлекались к ручной косьбе [5, д. 1, л. 49]. Вовлечение уже в первые месяцы послеоккупационного периода в сельскохозяйственное производство большого числа новых кадров из числа женщин поставило задачу их обучения. При этом, как свидетельствуют документы обкомов и райкомов КП(б)Б, осуществлявших управление на местах в послеоккупационный военный период, комплектование курсов по подготовке счетоводов, трактористов-механиков и прочих необходимых специалистов обеспечивалось главным образом из числа женщин-крестьянок [1, д. 19, л. 2, 46].

Несмотря на то, что женщины составляли основную рабочую силу в колхозах, их представительство на руководящей работе в сельском хозяйстве было незначительно. Так, среди 323 председателей сельсоветов Витебской области по состоянию на август 1944 г. было только 6, а из 2565 председателей колхозов только 124 женщины [1, д. 101, л. 36–37]. Характерным в этом плане является объяснение такого положения дел осенью 1944 г. секретаря по кадрам Сиротинского райкома КП(б)Б, который, анализируя подход к расстановке

кадров, отметил, что «особой нужды в укомплектовании руководящих кадров за счет женщин не было, т.к. хватает мужчин» [1, д. 101, л. 89]. Как свидетельствуют архивные документы, вопрос «О недооценке выдвижения женщин на руководящие работы» неоднократно становился предметом специального обсуждения высших, а также местных партийных органов [1, д. 101, л. 90; 3, д. 18, л. 56–57].

В условиях борьбы с разрухой, когда ощущался большой дефицит в рабочих кадрах, женщины сыграли огромную роль в восстановлении разрушенных фабрик и заводов. Наибольший приток женского труда в промышленность наблюдался сразу после освобождения территории Беларуси от оккупации, на многих предприятиях женщины составляли преобладающую часть кадров. Так, на 1 апреля 1944 г. среди рабочих и служащих Витебской области женщины составляли 61% в промышленности, 75% в строительстве, 69% в связи [1, д. 4, л. 24, 27].

В условиях массового вовлечения женщин в производство и сельское хозяйство одной из задач местных органов власти стало восстановление сети детских садов и яслей. К концу 1944 г. в г. Витебске было восстановлено 6 детских садов с количеством детей 540 и одни детские ясли, а также действовал 1 детсад в г. Орша и 12 – в районах области [6]. В сельской местности органы власти пытались решить вопросы присмотра за детьми колхозниц, организуя уже весной 1944 г. детские ясли и детские площадки на время полевых работ [1, д. 19, л. 101]. Несмотря на дальнейший рост сети детских учреждений на протяжении послеоккупационного восстановительного периода, существующее количество детских учреждений не удовлетворяло запросов матерей, которые вынуждены были брать детей с собой на работу или оставлять их дома без присмотра [7, д. 32, л. 142–143]. Как свидетельствуют аналитические отчеты, представленные в местные и республиканские органы власти, основная часть женщин-колхозниц, привлекавшихся к ответственности из-за невыполнения обязательного минимума трудовой, – это матери-одиночки, имеющие на иждивении малолетних детей [7, д. 31, л. 150–151].

Архивные документы свидетельствуют, что власти также учитывали важность восстановления в освобожденных районах системы охраны материнства и детства. Среди мероприятий, направленных в условиях войны на

охрану матери и ребенка, следует отметить выполнение Указа Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г. «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении почетного звания «Матери-героиня», учреждении ордена «Материнская слава» и медали «Медаль материнства». Государственная помощь предоставлялась матерям, которые имели двоих детей, при рождении третьего и каждого последующего ребенка. Также предусматривалась выплата пособия одиноким, не состоящим в браке матерям на содержание и воспитание ребенка, родившегося после издания Указа, до 12-летнего возраста [7, д. 30, л. 158–159]. Указ установил увеличение вдвое нормы дополнительного продовольственного пайка беременным женщинам, начиная с шестого месяца беременности и кормящим матерям в течение четырех месяцев кормления. Кроме того, указ обязал руководителей предприятий и учреждений выдавать дополнительно беременным женщинам и кормящим матерям продукты из подсобных хозяйств. Рабочим и служащим увеличивался оплачиваемый отпуск по беременности и родам с 63 до 77 дней [7, д. 13, л. 18]. Что касалось крестьянок, которые составляли основную часть женского населения, то специальные льготы для беременных и кормящих предусматривались Уставом сельскохозяйственной артели (утвержденным в 1935 г.) для женщин-колхозниц, которым должны были поручаться более легкие работы. За месяц до родов и за месяц после родов колхозницы должны были освобождаться от работы с сохранением за ними содержания на эти 2 месяца в половинном размере средней выработки или трудовой [7, д. 29, л. 159].

Организация точного учета многодетных и одиноких матерей с последующей выплатой им пособий, открытие магазинов для беременных женщин и кормящих матерей стали в послеоккупационный период одной из задач местных органов власти. Также началось восстановление женско-детских консультаций, при которых специально выделялось оборудование молочных кухонь [1, д. 21, л. 191; 3, д. 540, л. 58]. Вместе с тем, необходимо отметить, что на местах, как со стороны финансовых органов, так и торгующих организаций, имелся ряд недостатков в выполнении Указа: в частности, прецеденты, когда при выплате матерям госпособий погашали недоимки по

разным налогам, числящимся за их хозяйствами [7, д. 16, л. 10]. В то же время, имевшее место несвоевременное оформление документов на получение госпособия многодетным и одиноким матерям, случаи невыдачи продуктов питания торгующими организациями пайка беременным и кормящим в ситуации повсеместной разрухи зачастую имели объективные причины, связанные с нехваткой людей, транспорта, товаров и продуктов на местах.

В своем большинстве женщины продолжали быть основными кормилицами семей, приняв на себя и мужские хозяйственные обязанности по дому. Во время войны во многих семьях произошла смена главы семьи, которым, главным образом, стала женщина-вдова, чей муж погиб [8, с. 124]. Одной из задач местных органов власти стала помощь семьям мобилизованных в Красную Армию и партизан, которым выплачивались пенсии и пособия, в первую очередь предоставлялось жилье, приусадебные участки, осуществлялось их трудоустройство. В соответствии с постановлением ЦК КП(б)Б от 12 октября 1943 г. на территории республики по мере освобождения ее от немецких захватчиков при областном и районных исполкомах создавались отделы по государственному обеспечению и бытовому устройству семей военнослужащих и партизан (на июль 1944 г. по Витебской области было организовано 27 таких отделов) [1, д. 26, л. 2]. Однако в условиях всеобщего послевоенного дефицита, решить все материально-бытовые проблемы не представлялось возможным по объективным причинам.

Тяжесть потерь, материальные лишения, переживаемые в послеоккупационный период за малым исключением всеми жителями республики, усугублялись в преимущественно женском обществе дополнительными трудностями психологического характера, связанными с проблемой личной неустроенности, женского одиночества, невозможности для многих женщин создать семью из-за резкого сокращения мужского населения [9, с. 25–26]. Именно на женщин, оставшихся без мужей, легла ответственность за их детей. Дети, наименее социально защищенная часть населения, – особая проблема общества, вышедшего из войны. Согласно статистическим данным, представленным районами после освобождения на 1 августа 1944 г., дети до 14 лет (191333 человека) составляли около 42% сельского населения области, почти 10% (4196) жителей городов приходилось на мальчиков и

девочек до 12 лет [1, д. 42, л. 54]. Они, пережившие за годы трехлетней нацистской оккупации голод и холод, потерю близких, вместе со взрослыми разделили тяжелые материальные условия послеоккупационной военной действительности, выживая в экстремальных ситуациях недоедания и болезней.

Практически во всех районах сложилась критическая медико-эпидемиологическая ситуация, материалы архива свидетельствуют о значительной пораженности населения инфекционными заболеваниями (сыпной тиф, чесотка, дизентерия и т.д.), в том числе имевшими смертельный исход для детей [2, д. 16, л. 37; 3, д. 21, л. 40]. Уничтожение большей части медицинских учреждений (медицинская лечебно-профилактическая сеть по городам области была разрушена на 75%, по районам – на 82%), низкий уровень медико-санитарного обслуживания населения и платная медикаментозная помощь в период оккупации привели к высокой заболеваемости и широкому распространению инфекционных заболеваний среди местных жителей и в послеоккупационный период [1, д. 44, л. 184]. Ситуацию усугубляло плохое питание населения, скученное проживание в сырых землянках.

На протяжении всего послеоккупационного периода трагическими последствиями в первую очередь для детей продолжала откликаться война в виде оставшихся неразминированных полей, а также обнаруживавшихся в земле неразорвавшихся бомб и гранат. Отчеты военных отделов свидетельствуют, что главным образом дети до 12 лет получали травмы в результате игр с оружием и гибели, подрываясь на минах [1, д. 26, л. 14].

Своеобразным наследием войны стало целое поколение детей, которые выросли в неполной семье или вообще потеряли обоих родителей. Утрата близких и сиротство стали тяжелой психологической травмой для многих из них. Страшным последствием военных лет стала детская беспризорность. В соответствии со специальным постановлением СНК БССР и ЦК КП(б)Б «Об устройстве детей, оставшихся без родителей» от 12 октября 1943 г. первые шаги по социальной защите детей-сирот были предприняты сразу после освобождения территории от нацистской оккупации. Всего по Витебской области на сентябрь 1944 г. было учтено детей-сирот и оставшихся без родителей 5607 человек, которые были устроены на патронирование, отданы под опеку родственникам или знакомым, а

также 2328 детей определены в восстановленные 23 детских дома [1, д. 135, л. 31]. Проблемами детей занимались государственные и общественные организации (комсомол, профсоюзы, Красный Крест), решением бюро Витебского горкома КП(б)Б от 26 апреля 1945 г. при Отделе народного образования был организован женсовет из общественниц для оказания помощи детям-сиротам [2, д. 12, л. 69]. Власти делали максимально возможным обеспечение детских домов продуктами питания и промтоварами, но в тяжелых материальных условиях по всей стране докладные записки и сообщения по ситуации в детдомах и домах младенца сообщают о случаях несвоевременной и неполной выдачи продуктов питания торгующими организациями, нехватке одежды, обуви, постельных принадлежностей, недостаточном оборудовании (отсутствие кроватей, столов, стульев) [1, д. 19, л. 156; 2, д. 16, л. 37].

По мере освобождения области от оккупации местные власти предпринимали усилия по восстановлению и системы общеобразовательных школ, для которых приспособлялись избы, землянки, другие уцелевшие строения. Параллельно областное руководство приказывало организовать в районах артели по производству школьной мебели, классных досок, ремонту школьной одежды и обуви [1, д. 20, л. 12–13; 3, д. 21, л. 4]. В г. Витебске в марте 1945 г. действовало 10 школ, в которых обучалось 5019 детей, при этом основными причинами, по которым определенная часть ребят не посещала школы, в отчетах инспекторов отдела образования назывались плохое материальное обеспечение (отсутствие одежды и обуви) и занятость на работе [2, д. 21, л. 177]. Аналогичная картина наблюдалась повсеместно. Несмотря на запрет республиканского руководства привлекать школьников к сельскохозяйственным работам в колхозах во время школьных занятий, подростки в условиях нехватки рабочих рук все равно вместе с женщинами и стариками работали в поле, строительных бригадах, многие заменили отцов на производстве.

Заключение. Таким образом, преодоление бытовой неустроенности в ситуации повсеместной разрухи и всеобщего дефицита – это одна из составляющих повседневности всех социальных групп белорусского общества послеоккупационного военного периода в целом, в том числе Витебской области. Утрата близких, вы-

живание в экстремальных ситуациях недоедания, жилищной неустроенности, борьбы с болезнями стали повседневной действительностью горожан и сельского населения, страшным жизненным испытанием как для взрослых, так и детей. Советские органы и местные партийные организации пытались решить вопросы по удовлетворению материально-бытовых нужд населения, социальной поддержке, прилагали усилия по восстановлению мирной жизни, но повсеместный дефицит, нехватка средств не позволяли оказать практическую помощь всем нуждающимся и быстро победить разруху. В результате трехлетней оккупации произошли значительные изменения в демографическом и социальном составе населения области: сокращение числа жителей региона, уменьшение удельного веса горожан, резкая диспропорция полов. Освобожденная Витебщина лишилась большей части трудоспособных жителей, прежде всего мужчин, основную группу населения составляли женщины, которые, несмотря на все трудности и потери, стремились самоотверженным трудом приблизить по-настоящему мирную жизнь, выживая сами и помогая решать основные задачи восстановления страны.

Статья выполнена в рамках НИР «Повседневность населения Витебщины в послеоккупационный период Великой Отечественной войны (лето 1944 – весна 1945 г.)» (договор с БРФФИ № Г13М-164 от 16.04.2013 г.; номер государственной регистрации 20131560 от 17.07.2013)

Литература

1. Государственный архив Витебской области (далее – ГАВО). – Фонд 1-п. – Оп. 1.
2. ГАВО. – Фонд 102-п. – Оп. 3.
3. ГАВО. – Фонд 10060-п. – Оп. 1.
4. ГАВО. – Фонд 7044-п. – Оп. 1.
5. ГАВО. – Фонд 45-п. – Оп. 1.
6. Витебский областной краеведческий музей. – Фонд НВ 7711.
7. Национальный архив Республики Беларусь. – Фонд 4-п. – Оп. 49.
8. Залескі, А.І. Аб некаторых з’явах у пасляваенным сямейным быцце беларускіх калгаснікаў / А.І. Залескі // Беларускі этнаграфічны зборнік. – Мінск, 1958. – Т. 1, вып. 1. – С. 122–140.
9. Зубкова, Е.Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953 / Е.Ю. Зубкова. – М.: РОССПЭН, 1999. – 229 с.

Поступила в редакцию 09.06.2014 г.

Принята в печать 21.07.2014 г.

ФИЛОСОФИЯ

УДК 316.422.42

Постмодернизм о проблемах и противоречиях концепта социального прогресса

Александрова И.Н.

Учреждение образования «Витебский государственный университет
имени П.М. Машиерова», Витебск

Постмодернизм как идейное течение сформировался посредством пересмотра ключевых идей модернизма. К числу последних принадлежит концепт социального прогресса.

Цель исследования – эксплицировать положения, которые определяются постмодернистами как причины, по которым понятие социального прогресса утратило свое былое мировоззренческое значение и стало восприниматься как утопическое понятие.

Материал и методы. *Объект исследования – постмодернистские рефлексии понятия о социальном прогрессе. Исследование основано на трудах М. Фуко, Ж. Бодрийара, Дж. Ваттимо, Ж. Батая, П. Вирильо, П. Бурдьё, В. Вельша. В статье использован метод текстологического анализа.*

Результаты и их обсуждение. *Ряд положений постмодернистской критики понятия социального прогресса можно обобщенно выразить в следующих тезисах. Понятие социального прогресса не получило достаточной теоретической разработки и обоснования. Представление о техническом прогрессе экстраполируется на сферу социального прогресса, смешивается с понятием изобилия потребительских благ. Социальный прогресс – это не совершающийся в реальности процесс, а европоцентристский постулат мыслителей эпохи модерна. Идея социального прогресса, представленная как общественный идеал, использовалась для оправдания насилия, войн, революций.*

Заключение. *Постмодернизм обнажил проблемные аспекты концепта социального прогресса. Постмодернизм не отрицает значимости социального прогресса, он лишь указывает на явные несоответствия, возникшие между теорией социального прогресса и действительностью. Разрушает чрезмерную уверенность в разумности человеческих действий и вызывает чувство опасности перед все новыми проблемами, содействует осознанию ответственности за каждый поступок.*

Ключевые слова: *социальный прогресс, постмодернизм, концепт, противоречия, проблемы.*

(Ученые записки. – 2014. – Том 17. – С. 116–120)

Postmodernism on the Problems and Contradictions of the Concept of Social Progress

Alexandrova I.N.

Educational establishment “Vitebsk State P.M. Masherov University”, Vitebsk

Postmodernism as an ideological trend was shaped by means of reconsideration of the key ideas of modernism. Among the latter is the concept of social progress.

The purpose of the study is to single out points which are defined by postmodernists as reasons why the concept of social progress lost its former world outlook meaning and was perceived as a utopic concept.

Material and methods. *The object of the study is postmodernist reflexions of the concept of social progress. The study is based on works by M. Foucot, J. Bodriair, J. Vattimo, J. Batai, P. Viriglio, P. Burdier, V. Velsh. The method of text analysis is used in the article.*

Findings and their discussion. *A number of points of postmodernist critics of the concept of social progress can be generalized in the following. The concept of social progress was not sufficiently developed theoretically. The idea of technical progress is extrapolated onto the sphere of social progress, it is mixed up with the notion of abundance of consuming things. Social progress is not the process going on in reality but a Europe-centered postulate by the thinkers of the epoch of modernism. The idea of social progress, which is presented as a social ideal, was used to justify violence, wars, revolutions.*

Conclusion. *Postmodernism revealed problem aspects of the concept of social progress. Postmodernism does not deny the significance of social progress, it only points out apparent discrepancies between the theory of social progress and the reality. It destroys exceeding assurance in purposefulness of human actions and causes the feeling of danger in front of new problems, promotes understanding the responsibility for every action.*

Key words: *social progress, postmodernism, concept, contradictions, problems.*

(Scientific notes. – 2014. – Vol. 17. – P. 116–120)

Адрес для корреспонденции: e-mail: mailto:parchyto@yandex.ru – И.Н. Александрова

Постмодернизм как идейное течение сформировался посредством пересмотра ключевых идей модернизма. К числу последних, без сомнения, принадлежит концепт социального прогресса. Представители постмодернизма не отрицают концепт социального прогресса, а лишь указывают на проблемы и противоречия в его реализации, возникшие в предыдущие полутора столетия.

Цель нашего исследования – эксплицировать положения, которые определяются постмодернистами как причины, по которым понятие социального прогресса утратило свое былое мировоззренческое значение и стало восприниматься как утопическое.

Материал и методы. Объектом исследования выступают постмодернистские рефлексии понятия о социальном прогрессе. Данное исследование основано на трудах М. Фуко, Ж. Бодрийара, Дж. Ваттимо, Ж. Батая, П. Вирильо, П. Бурдьё, В. Вельша. В нем использован метод текстологического анализа, который нацелен на исследование постмодернистских концепций, вычленение суждений о социальном прогрессе. Также были использованы логические методы – анализ и синтез.

Результаты и их обсуждение. Идея социального прогресса с момента своего возникновения была тесно связана с концепцией линейного исторического процесса. Линейность и поступательность рассматривались как неотъемлемые характеристики прогрессивного развития. Прогресс не мыслился вне линейного восприятия времени. Дж. Ваттимо полагает, что именно с момента появления нелинейных теорий исторического процесса и начинается критика социального прогресса [1, с. 9]. Поэтому чаще всего постмодернисты констатируют, что с утратой линейного восприятия времени исчезает главное основание модернистского проекта социального прогресса. А значит, сама теория социального прогресса утрачивает свою убедительность и мировоззренческую функциональность. Схема линейного восприятия истории начала подвергаться сомнению еще в конце XIX века, а в XX веке была уже основательно подорвана [2, с. 177]. Идейными предпосылками для пересмотра концепций социального прогресса стала критика «европоцентризма» в воззрениях на всемирную историю, выявление иных путей цивилизационного развития и вариантов социальной организации. Эта тема была затронута в трудах Ж. Делеза, Ж. Дерриды, Дж. Ваттимо. Но наиболее подробно излагается в рабо-

тах М. Фуко, который полагает, что причины пересмотра идеи историчности и прогресса носят политический и социальный характер [3, с. 387]. Как замечает М. Фуко: «У человека нет больше истории: точнее, поскольку он говорит, трудится и живет, бытие его оказывается сплетением многих историй, которые ему чужды и не подвластны» [3, с. 387].

М. Фуко обращает внимание на еще один проблемный момент в теории прогресса. Суть прогресса, как она была определена в XVIII веке, предполагала фундаментальную соотношенность пространства и языка [3, с. 147]. Язык, именуя события, упорядочивая пространства, позволил ввести понятие прогресса в порядок человеческой деятельности. Идея прогресса начала экстраполироваться на реальные события, внедряться в исторические тексты и приобрела видимость реального существования. Но в XX веке, когда были переосмыслены статус и функции языка, когда была выявлена роль текста в конституировании реальности, идея прогресса наряду с прочими подобными идеями стала подвергаться сомнению. В связи с указанными изменениями, история стала пониматься в двух значениях – как прошлое и как текст, созданный человеком. Это способствовало формированию скептического, а порой и крайне критического отношения к истории, к ее идеалам. Пересмотру подверглись истинность и достоверность, доказуемость и однозначность. Плюрализм мнений и оценок привел к расщеплению единого исторического пространства. С одной стороны, это способствовало иллюстрированию множества позиций и субъектов исторического процесса, с другой – исчезла историческая «истина», а ее место заняли релятивизм и скептицизм.

К указанным причинам стоит добавить и трагические события, произошедшие в XX веке. Проблемы, которые приобрели общемировой масштаб, способствовали формированию сомнения в человеческих способностях находить выход в сложных ситуациях. Миллионные жертвы стали символом дискредитации социального прогресса по ряду критериев. Как справедливо заметил Ж. Батай, «в сознании все большего числа людей малопомалу стало внедряться чувство приниженности перед лицом неизбежных проблем» [4, с. 199]. Данная мысль была дополнена Ж. Бодрийаром: «Мы остаемся утопистами, тоскующими по идеалу, но, в сущности, испытывающими отвращение к его реализации,

признавая, что все возможно, но никогда не признавая, что все осуществлено» [5, с. 92]. Ж. Бодрийар утверждает, что ценности модернизма исчезли раньше, чем были осуществлены. Разочарование в модернистских идеалах способствовало тому, что идею социального прогресса стали считать одной из причин многочисленных социальных катастроф XX века. Точнее не саму идею, а уверенность, которую данная идея формировала в умонастроениях миллионов. Мировые войны, революции, насилие оправдывались в угоду достижения лучшего будущего.

Еще одной проблемой, которую постмодернизм определяет как препятствие на пути реализации социального прогресса, является массовизация общества. Эта тема раскрыта в произведениях Ж. Бодрийара, он указывает на видимые успехи в становлении новых форм социальной организации. С другой стороны, автор акцентирует внимание на склонности масс к разрушению социальных конструкций [6, с. 53]. Ж. Бодрийар также отмечает подмену понятий в определении социального прогресса. Анализируя общественное развитие, мыслитель считает, что нет оснований «принимать за объективный общественный прогресс то, что является прогрессом капиталистической системы» [6, с. 84]. В капиталистических обществах принято в качестве критериев социального прогресса выделять изобилие и потребление. Ж. Бодрийар констатирует, что данные критерии создают лишь видимость социальных улучшений, на самом деле все остается по-прежнему, за исключением того факта, что вдобавок ко всем изменениям формируется новая мораль [6, с. 113]. «Объективно говоря, это не прогресс, это просто что-то другое», – резюмирует Ж. Бодрийар [6, с. 222].

С позицией Ж. Бодрийара созвучны идеи, которые высказывает Ж. Батай. Он отмечает двуликость человеческой сути, борьбу природного и социального начал. Постоянное опровержение самого себя, крайности в поступках и целях. Ж. Батай поднимает вопрос об энергии, которую человек неизбежно обязан потратить, вопрос заключается в том, на что ее можно потратить и как научиться это делать с пользой для социума [7, с. 148].

Следующую проблемную точку обозначает П. Вирильо. Прогресс достаточно давно воспринимается в двух вариантах – технический и социальный. Многие указывали на явное несоответствие темпов и результатов технического и социального прогрессов. П. Вирильо к этой мысли добавил следующее: «прогресс

технический не совпадает с социальным, более того, первый оказывает непосредственное влияние на структуру общества, на самосознание индивидов» [8, с. 237]. Тем самым мыслитель указывает на диспропорцию в развитии человечества, техника и технологии стремительно вырываются вперед, но развитие социальных отношений и их качественное улучшение мы не можем назвать динамичным. Также если техника имеет свойство глобального распространения, в силу расширения рынков сбыта, то социальный прогресс носит очаговый, зональный характер. Порой социальные завоевания сменяются регрессом, в то время как техника стремительно, со все возрастающей силой совершенствуется. И чем больше прогрессирует техника, тем сильнее она меняет социальные связи, способы коммуникации, мировоззрение. Это не способствует социальному прогрессу, а также создает новые социальные проблемы, требующие незамедлительного решения. Социальный прогресс возник как концепция осознанного человеческого самосовершенствования. А значит, он требовал рефлексивного отношения к действительности, строгого соблюдения условий теории и конструктивной деятельности. С расширением технологического прогресса это становится невыполнимым по той причине, что игра превращается в центральный, базисный элемент социальных отношений [8, с. 237]. В игре социальный прогресс теряет свои основополагающие элементы – требовательность, целеустремленность, необходимость серьезного отношения к жизни социума.

То, что было описано выше, можно отнести скорее к внешним причинам, которые нанесли удар по значимости концепта социального прогресса в структуре мировоззрения. Представители постмодернизма указывают и на внутренние проблемы, противоречия, которые не способствовали привлекательности как самого концепта социального прогресса, так и некоторых последствий его практической реализации. Прежде всего, концепт социального прогресса был утвержден модернизмом в качестве ценности наряду с такими понятиями, как Разум, Техника, Свобода, из обычного понятия превратился в идеал, базовый компонент мировоззрения. Ж. Бодрийар отмечает: «Ведь даже если изобилие делается повседневным и банальным, оно проявляется не как произведенное, вырванное, завоеванное в результате исторического и общественного усилия, а как розданное благотельной

мифологической инстанцией, законными наследниками которой мы являемся: Техникой, Прогрессом, Ростом и т.д.» [6, с. 14].

Социальный прогресс начал восприниматься как что-то обособленное, самостоятельное, а значит из концепта, созданного человеком, превратился в некий механизм социальной жизни. Это способствовало формированию представления об обособленном от человеческой деятельности механизме, производном процессе, не связанном с действиями людей. Признав социальный прогресс самостоятельным явлением, человек утратил восприятие прогресса в качестве собственного свершения, цели и продукта собственных усилий. Поэтому социальная ответственность каждого члена общества в реализации общественного прогресса стала перекладываться на прогресс как самопроизвольный фактор исторического процесса. В такой ситуации человек снимает с себя ответственность за неудачи, провалы и обвиняет во всем несостоятельность социального прогресса.

В качестве еще одной внутренней проблемы постмодернизм называет сложности, которые проявляются в социальных науках. Очевидно, что последние столетия отмечены бурным развитием социальных наук, казалось бы, это обстоятельство должно содействовать разворачиванию социального прогресса, его утверждению и реализации. Развитие массовой медиа должно способствовать транслированию научного образа общества, стимулировать расширение прогрессивных тенденций. Но это всего лишь желаемый образ, в действительности средства коммуникации являются лишь средствами нового информационного рынка, где действуют прежние устои. Данная проблема была озвучена Дж. Ваттимо в книге «Прозрачное общество»: «похоже, что интенсивное развитие гуманитарных наук и усиление социальной коммуникации в целом вовсе не приводит к увеличению самопрозрачности общества, но, очевидным образом, даже противодействует ему и приводит к противоположным последствиям» [1, с. 30].

Тема социальных наук была продолжена в творчестве П. Бурдьё. Ученый отмечает, что социальные науки не только описывают общественное устройство, но и конструируют социальную реальность посредством моделей, созданных ими [9, с. 45]. В этом смысле можно полагать, что концепту социального прогресса недостает теоретического обоснования, социальный прогресс в модернистской трактовке

лишь констатируется как существующий, но не анализируется и не проектируется. Мы не можем назвать социальной доктрины, которая не только изображала бы социальный прогресс, но и теоретически моделировала бы его. Социальный прогресс представлен как общая идея, идеал, но не как стройная социальная доктрина.

Изложенные выше проблемы и противоречия, как в самом концепте социального прогресса, так и в способах его реализации, действительно формируют представление об исчерпанности и дальнейшей бесперспективности данного концепта. Критика и сомнение в идеях и идеалах прошлых эпох являются сутью и содержанием постмодернизма. Негативистская доминанта постмодернизма вызывает негативное отношение к нему самому. Правда, большинство адептов постмодернизма приписывают своему негативизму исключительно положительную функцию. Так, например, полагает Дж. Ваттимо: «Философы-нигилисты пытаются сообщить нам способность улавливать этот опыт колебания мира постмодерна, видеть в нем шанс нового способа быть гуманным. Они показывают, что бытие не обязательно совпадает со стабильным, неизменным, постоянным, но связано с событием, согласием, диалогом, интерпретацией» [1, с. 18]. Еще более оптимистические ноты звучат у В. Вельша, когда мыслитель разводит такие понятия, как «постистуар» и «постмодернизм». Если постистуар утверждает, «что в дальнейшем нет оснований ожидать каких-либо инноваций, то «постмодерн» трансформировался в решительное провозглашение новых возможностей» [10, с. 116].

Новые возможности, обозначенные постмодернизмом относительно концепта социального прогресса, заключаются, прежде всего, в активной дискуссии, которую он провоцирует своей критикой. Постмодернизм обнажил проблемные аспекты концепта социального прогресса. Постмодернизм не отрицает значимости социального прогресса, он лишь указывает на явные несоответствия, возникшие между теорией социального прогресса и действительностью. Разрушает чрезмерную уверенность в разумности человеческих действий и вызывает чувство опасности перед все новыми проблемами, содействует осознанию ответственности за каждый поступок.

Заключение. Постмодернизм критически относится к концепту социального прогресса. Ряд положений постмодернистской критики понятия социального прогресса можно обоб-

шенно выразить в следующих тезисах. Само понятие социального прогресса не получило достаточной теоретической разработки и обоснования. Социальный прогресс – это не совершающийся в реальности процесс, а европоцентристский постулат мыслителей эпохи модерна. Представление о техническом прогрессе, наличие которого не вызывает особых сомнений, без достаточных оснований экстраполируется на сферу социального прогресса. Понятие социального прогресса смешивается с понятием изобилия потребительских благ. Все это указывает на необходимость дальнейших теоретических исследований концепта социального прогресса.

Литература

1. Ваттимо, Дж. Прозрачное общество / Дж. Ваттимо; пер. с ит. Дм. Новикова. – М.: Изд-во «Логос», 2002. – 128 с.
2. Кемеров, В.Е. История / В.Е. Кемеров // Новая философская энциклопедия: в 4 т. / Ин-т философии РАН, Нац. общ.-науч. фонд; науч.-ред. совет: предс. В.С. Степин. – М.: Мысль, 2010. – С. 177–180.
3. Фуко, М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / М. Фуко; пер. с фр. В.П. Визгина, Н.С. Автономовой; вступ. ст. Н.С. Автономовой. – СПб.: А-сad, 1994. – 406 с.
4. Батай, Ж. «Проклятая часть»: Сакральная социология / Ж. Батай; пер. с фр. / сост. С.Н. Зенкин. – М.: Ладомир, 2006. – 742 с.
5. Бодрийар, Ж. Америка / Ж. Бодрийар. – СПб.: Владимир Даль, 2000. – 206 с.
6. Бодрийар, Ж. В тени молчаливого большинства, или конец социального / Ж. Бодрийар; пер. с фр. Н.В. Суслова. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. – 95 с.
7. Батай, Ж. История эротизма / Ж. Батай; пер. с фр. Б. Скуратова. – М.: Логос: Европейские изд., 2007. – 198 с.
8. Вирильо, П. Низвержение в пустоту / П. Вирильо // Кризис сознания: сборник работ по «философии кризиса». – М.: Алгоритм, 2009. – 275 с.
9. Бурдьё, П. Социология социального пространства / П. Бурдьё; пер. с фр.; отв. ред. пер. Н.А. Шматко. – М.: Ин-т эксперимент. социологии; СПб.: Алетейя, 2007. – 288 с.
10. Вельш, В. «Постмодерн». Генеалогия и значение одного спорного понятия / В. Вельш // Путь. – 1992. – № 1. – С. 109–136.

Поступила в редакцию 15.04.2014 г.

Принята в печать 21.07.2014 г.

УДК 101.1:316

Тенденции и перспективы развития института государства, выбор средств оптимизации его функционирования

Адамович С.В.

Учреждение образования «Гродненский государственный университет
имени Я. Купалы», Гродно

Статья посвящена выявлению основных тенденций и анализу перспектив развития института государства в формирующейся глобальной среде. Отмечено многоаспектное воздействие внешней среды на государство, под воздействием которого происходит коррекция его ролей и функций. На основе результатов концептуального анализа воздействия глобализационных процессов на государственный институт автором выделены наиболее характерные, но вместе с тем противоречивые тенденции развития института государства. Дана характеристика альтернативным формам государственности и постгосударственным образованиям. Показано, что по-прежнему государство служит центральной осью глобальной международно-политической системы и выступает главным инструментом обеспечения цивилизационного разнообразия и прогрессивного развития мирового сообщества. Определены средства оптимизации функционирования государственного института. Особое внимание уделено процессам формирования региональных центров политического, экономического и культурно-цивилизационного характера.

Ключевые слова: государство, глобализация, цивилизация, корпорация-государство, регион-государство, империя.

(Ученые записки. – 2014. – Том 17. – С. 121–127)

Trends and Prospects of Development of the Institution of State, Choice of Tools to Optimize its Operation

Adamovich S.V.

Educational establishment “Grodno State Yanka Kupala University”, Grodno

The article is devoted to the analysis of the main trends and prospects of the development of the institution of state in the emerging global environment, the most typical, but at the same time contradictory developments of this institution. Multifaceted impact of the outer environment on the state is pointed out, under the influence of which correction of its roles and functions takes place. On the basis of the conceptual analysis of the impact of globalization processes on the institution of state, the author highlights most typical, but at the same time contradictory developments of the institution of state. Characteristics of alternative forms of statehood as well as poststate formations are given. It is shown that the state is still the central axis of the global international political system and the main instrument to ensure the diversity of civilization and the progressive development of the world community. Means of optimizing the operation of state institutions are identified. Particular attention is given to the formation of regional centers of political, economic, cultural and civilizational character.

Key words: state, globalization, civilization, corporation-state, region-state, empire.

(Scientific notes. – 2014. – Vol. 17. – P. 121–127)

Проблема государства имеет давнюю историю осмысления, различные аспекты этого вопроса всегда привлекали внимание отечественных и зарубежных мыслителей, правоведов, политологов, философов. В частности, определенные аспекты государства и управления были отражены в трудах классиков социально-философской мысли, таких, как Аристотель, Ж.-Ж. Руссо, Ж. Боден, Гегель и др. В контексте национально-культурной самобытности

государство и его суверенитет исследовали И. Волоцкий, Н. Бердяев, И. Ильин, Н. Алексеев, А. Панарин и др. Следует также отметить работы современных белорусских авторов, в которых сформированы социально-правовой и институциональный подходы к анализу проблемы государства в современных условиях, – Е. Бабосова, С. Кизимы, В. Старикова, С. Решетникова, Е. Сапелкина и других авторов.

Адрес для корреспонденции: e-mail: angst111@tut.by – С.В. Адамович

Анализ трудов вышеназванных ученых позволяет изучить различные парадигмы и точки зрения, а также многие аспекты, относящиеся к проблеме государства, но в целом тема нуждается в дальнейшей разработке.

Цель данного исследования – социально-философский анализ роли государства в регулировании социальной, политической, экономической и культурной сфер на современном этапе; определение степени влияния процессов глобализации и интеграции на государственный суверенитет; рассмотрение современных проблем и новых вызовов, с которыми сталкивается институт государства в новых геополитических реалиях.

Для реализации вышестоящих целей проведен анализ распространенных теорий изменения суверенной сущности государства в современных международных отношениях. Дается оценка возможности защиты и реализации национальных интересов государства в мировом сообществе при эволюции его суверенитета. Обозначены основные средства оптимизации функционирования государственного института.

Материал и методы. В качестве источников научной информации использовались отечественные и зарубежные монографические исследования, научные статьи и доклады на научных конференциях по теории международных отношений и концепциям нового миропорядка в условиях глобализации. Работа над статьей потребовала обращения к международно-правовым актам, конституциям и законодательствам зарубежных стран, нормативно-правовым актам РБ и материалам периодической печати в сети Интернет.

Методологической основой научной статьи послужила базирующаяся на применении всеобщих принципов научного познания (объективности, всесторонности, полноты исследования) и общенаучных методов (анализ, синтез, индукция и пр.). Широко использовался диалектический метод (при изучении проблем сущности, причин и следствий социально-политических процессов, позволил ответить не только на вопрос «как?», но и на вопрос «почему?») и метод сравнительного анализа (для понимания современных теорий изменения суверенитета государства).

Результаты и их обсуждение. Целый ряд процессов, соотносимых с глобализацией, сегодня все чаще оценивается как вызов современности, прежде всего угрожающий реконструкцией институциональных основ полити-

ческих и правовых систем и исторически сложившегося образа жизни большинства народов. На основе результатов концептуального анализа воздействия данных процессов на государственный институт, можно выделить наиболее характерные, но вместе с тем противоречивые тенденции развития института государства.

Во-первых, нужно отметить, что на фоне растущей взаимозависимости мира, с интенсификацией процессов интернационализации и универсализации появляются новые факторы мировой политики и наднациональные структуры, ограничивающие полномочия и реальные возможности государственного суверенитета (транснациональные корпорации, международные общественные, религиозные и преступные организации). Они конкурируют с суверенным государством во многих областях: экономической, финансовой, политической, военной. В противовес этой тенденции наблюдается переход к новым формам соотношения политической, экономической, военной мощи и стремления многих стран к возрождению многополярности.

Во-вторых, многоаспектное воздействие внешней среды оказывает огромное влияние на государство, происходит коррекция его ролей и функций. Однако, по-прежнему, государство служит центральной осью глобальной международно-политической системы и выступает главным инструментом обеспечения цивилизационного разнообразия и прогрессивного развития мирового сообщества.

Важнейшим фактором стабильности для государственного института выступает правильная, адекватная интерпретация рисков, вызовов и угроз, которые несет для современного института государства внешняя среда в целом и следование по пути западного глобализационного проекта в частности. Ряд мифов в отношении глобализации, не соответствующих реальному положению дел, внушаемых руководителям и элитам незападных государств, выделил белорусский ученый С. Кизима:

- о ее неуправляемости;
- о необходимости радикального сокращения ВПК (военно-промышленного комплекса);
- о необходимости разукрупнения больших предприятий, в силу их декларируемой неэффективности;
- о нарастании разрушительных процессов сепаратизма, требующих обращения к защите США, как центру однополярного мира;

- о «всецело» рыночном регулировании процессов глобализации в западных странах, чему надлежит подражать и незападным странам;
- о поощрении развития «гражданского общества» (которое в действительности в условиях незрелой демократии трансформируется в корыстный сговор групп интересов и групп давления) [1, с. 68].

Следование этим мифам ведет к неизбежному ослаблению государства. Становится все более очевидным – слабое государство необходимо творцам глобального мира для установления бесконтрольной власти над ним. Именно в этом контексте становятся понятными все нападки на национальное государство как средство защиты своих государственных интересов, связанных с производительной экономикой и справедливым самостоятельным распределением ее продукта [2, с. 509].

Вышеуказанные факторы влияния на институт государства стимулируют в дискуссиях последнего времени интерес к проблеме перспективы и оптимизации института государства. Наблюдается разброс мнений – между полной убежденностью в отмирании этого института и не менее твердой уверенностью в том, что влияние государств на исторический прогресс человечества будет только возрастать. Активно обсуждаются возможные сценарии трансформации традиционного государства и формирование постгосударственных образований. Альтернативные классическому национальному государству формы организации и управления.

Так, в научной литературе последних лет постепенно освещается теория нового регионализма, феномена регион-государства и регион-экономики (К. Омаэ, Е. Пономарева, А. Харин, М. Китинг и др.). На данном этапе эти термины пока довольно неопределенные в силу своей дифференцированности, используются в различных смыслах и могут обозначать различные феномены.

Однако несмотря на то что многочисленные определения региона не только не всегда совпадают, но и могут противоречить друг другу, в контексте большинства исследований феномен регион-государство можно понимать в двух смыслах. Во-первых, это объединение нескольких государств или регионов, прежде всего, в экономических целях, активно выступающее в качестве самостоятельного субъекта на международной арене и преследующее, прежде всего, экономические интересы. Во-вторых, под регионом-государством можно

понимать отдельный регион страны, становящийся в силу внешнеэкономической деятельности все более самостоятельным [3, с. 161]. Функционирование данного феномена определяется экономическим императивом.

Критерии соотношения уровней суверенного государства и региона в различных концепциях также варьируются. Одна концепция считает регионы включенными в национальные экономическую, социальную и политическую системы. Многие исследования регионализма использовали перспективу центра-периферии для анализа этих отношений, считая регионы зависимыми от доминирующего центра или подчиненными ему. Другие концепции помещают регион в рамки континентальной системы и глобального рынка или даже понимают его как нечто, что ставит под сомнение государство как структуру идентичности и деятельности [4, с. 75]. Так, европейский политолог М. Китинг считает регион-государство не только экономическим явлением и обосновывает тезис о том, что регионы, как и другие территориальные единицы, состоят из более или менее связанных между собой различных элементов.

В своей концепции он выделяет также уровни регионализма. Там, где элементы географии, экономического единства, культурной идентичности, административного аппарата, народной идентичности и территориальной мобилизации совпадают, мы сталкиваемся, по его мнению, с сильным регионализмом. В остальных случаях определения регионального пространства оспариваются либо регионализм выражается в различных формах посредством экономического, культурного и политического измерений. В то же время, из-за неопределенности региональных границ и различных типов систем, к которым принадлежат регионы, он предлагает рассматривать регион-государство как открытую систему, а не самостоятельное общество [4, с. 77].

Тем не менее, несмотря на вариативность концепций, не отрицается влияние регионов на деятельность государств. А сам феномен регион-государства позиционируется большинством исследователей как временное образование, которое может при определенных условиях трансформироваться в нечто иное (например, в цивилизацию или империю) либо прекратить свое существование в результате удовлетворения экономических интересов.

Наряду с термином «регион-государства» российский историк, академик А. Фурсов

вводит и более узкое понятие «регион-экономика», которое характеризуется сугубо экономическими факторами и отождествляется с понятием «корпорация-государство». Теория «корпорации-государства» также находит отклик в научной литературе последних лет (А. Окара, Е. Пономарева).

В науке, в широком смысле, под корпорацией-государством понимают организацию, которая замещает собой органы государственного управления, при этом на первый план выходят экономические интересы и корпоративные выгоды определенного круга лиц. Образование данного феномена происходит на фоне постепенного размывания государственного суверенитета. Государственные интересы в таком государстве будут сводиться к интересам данной корпорации и иметь преимущественно коммерческий характер. Идеальными условиями для возникновения корпорации-государства должны стать те, в которых все высшие нравственные и духовные ценности будут отодвинуты потребительскими.

Однако, говоря о потенциальном формировании корпорации-государства, нужно учитывать, что пока внутри отдельных стран многое зависит от соотношения власти, капитала и общества. Немаловажно и наличие в некоторых странах третьего мира национально ориентированных элит, не желающих превращения своих государств в сырьевые придатки «золотого миллиарда». К тому же, по мнению российского исследователя А. Харина, корпорации-государству мешают образованные люди, в первую очередь гуманитарии, для которых материальное является вторичным по сравнению с духовным [5, с. 78]. Соответственно, предупреждает он, корпорация-государство будет заинтересована в сокращении гуманитарной интеллигенции и гуманитарных циклов во всех системах образования. А также социум сам по себе является единой целостной системой, у которой есть свои интересы, порой стоящие выше индивидуальных и групповых.

Исходя из вышесказанного становится очевидным, что говорить о формировании в ближайшей перспективе института, основанного преимущественно на экономических интересах, который сможет противостоять или заменить традиционный государственный, пока сложно. Одного экономического интереса, как показывает историческая практика, обычно недостаточно. Но логика развития современного мира все же вынуждает традиционные государства искать пути самоиден-

тификации в мире, а технологические и иные изменения подталкивают страны к поиску оптимальных путей сотрудничества в различных сферах жизнедеятельности. Этот аспект выступает важнейшим фактором эволюции тех же корпораций – и регион-государств в империи либо цивилизации, где круг системообразующих начал расширяется за счет политических, культурно-исторических, религиозных и других интересов и тем самым может привести к образованию новой, качественно более устойчивой единицы власти.

В связи с этим не теряет своей актуальности и методология цивилизационного подхода в осмыслении будущих перспектив государственного института, сквозь призму которого мир выступает как совокупность социокультурных систем – локальных цивилизаций. Еще в рамках концепций А. Тойнби («локальные цивилизации») и Н. Данилевского («культурно-исторические типы») цивилизация рассматривается как особый социальный организм, имеющий специфическое взаимодействие с природой, определенные социальные связи и культурные традиции.

Однако критерии к определению цивилизации и ее системообразующие характеристики разнятся. Исследователи называют ядром цивилизации мировые религии (А. Панарин и С. Хантингтон), народы (В. Цымбурский) либо территорию (С. Хатунцев). А. Дугин сплочающим фактором выделяет культуру, в то же время А.О. Шпенглер и Н. Бердяев жестко разграничивают понятия культуры и цивилизации.

Таким образом, на основе изучения отдельных теорий можно говорить о том, что «цивилизация» – это весьма сложное, многоуровневое образование, имеющее социокультурную и ценностную основу и занимающее, как правило, значительную территорию.

Соотнося понятия государства и цивилизации, необходимо отметить, что они не являются взаимоисключающими. «Из множества социокультурных явлений можно выделить цивилизации как крупные системы, реально функционирующие и имеющие свои особенности, не сводящиеся к тем, что присущи государствам, нациям или социальным группам» [2, с. 302]. В свою очередь, рамки цивилизации могут совпадать как с одним государством (Китай), так и группой государств (исламская цивилизация). Таким образом, цивилизация всегда стремится к политической институционализации, а в идеале – к образованию единого государства.

И тут особое внимание нужно уделить имперскому дискурсу. Сегодня тема империи актуализировалась, однако единого подхода к концепции империи не сложилось. Тема так и не получила в науке достаточно формализованного теоретического описания. Различные научные круги видят феномен империи по-разному (сетевые круги, сверхдержавы, федерации).

Термин «империя» вызывает у многих либерально настроенных исследователей сугубо негативное отношение. Вместо серьезного, вдумчивого размышления над основаниями имперской идеи ее превратили в ярлык, – констатирует белорусский философ О. Романов, – навешиваемый на политических конкурентов (имперские амбиции, «империя зла» и пр.). Поэтому перед наукой стоит задача рессемонтировать понятие Империя, придать ему строгий теоретический смысл и на этой основе оценить реальные перспективы имперского возрождения. Сущностной характеристикой Империи является универсализм ее духовной и политической системы. Империя – это неэтническое, наднациональное образование, организованное на основе ряда высших начал, тяготеющих к Абсолюту [2 с. 513]. В философском смысле, империя – это скорее органическое неразрывное единство природы-народов-государства-культуры.

В последнее время в современной общественно-политической мысли наблюдается появление «неимперских концепций» и интеллектуальных проектов, обосновывающих необходимость и призывающих к возрождению империи.

В частности, на постсоветском пространстве идея империи и империализма всплывает как непосредственная необходимость, пришедшая из тяжелого постсоветского периода. Исторически так сложилось, что распад крупнейших империй или государств становился для народов тяжелым экономическим и духовно-нравственным потрясением.

Таким образом, рассмотрев ряд вариантов перспектив эволюции государства, можно заключить, что данный спектр достаточно широк и имеет тенденцию увеличиваться. Футурологические аналитики уже пишут и о плавающих городах-государствах, «мега-городах» и космических платформах.

Попытки определить и дать характеристику альтернативным формам государственности и постгосударственным образованиям делаются рядом научных течений и школ, т.к.

очевидно, что эволюция государства происходила и будет происходить в отношении его как внешних форм, так и внутренних составляющих.

Мы привыкли воспринимать государство как некую данность, как «объективную и не зависящую от нас реальность». Хотя философская традиция уже на протяжении двух с половиной тысячелетий как раз говорит нам, что это не так. Сегодня особенно чувствуется потребность в качественной интеллектуальной рефлексии всех аспектов современной государственности. Ведь многие из ее оснований остаются непроясненными [6, с. 100]. Так, классический либерализм XIX века отводил государству чисто служебные функции контроля над соблюдением законов и допускал необходимость насилия для их исполнения. Однако к началу XXI века – вопреки процессам глобализации и глокализации – роль государства заметно усилилась, а его функции существенно разнообразились. На повестке дня стоит формирование сильных государств, способных обеспечить суверенность и сохранить порядок в глобальном мире [7, с. 83]. Для достижения независимости и могущества необходимо укреплять и усиливать государство.

К тому же вектор развития экономической, политической, да и в целом социокультурной жизни в наше время повернулся в сторону создания «больших пространств». Раньше было не так. В древности и в средние века развитие экономики и технологических укладов не требовало «больших пространств». Поэтому, несмотря на различные военно-политические объединения, союзы, завоевания и т.д., имела место тенденция к раздробленности, к созданию независимых образований в виде отдельных небольших княжеств, герцогств и т.п. Позже, с развитием заводского и фабричного производства, возникла объективная потребность в формировании общенационального рынка, в возникновении крупных национальных государств. Как свидетельствуют факты истории, процесс образования национальных государств был весьма сложным, противоречивым и длительным. Со второй половины XX в. (особенно последней его четверти) ситуация изменилась. Экономика, новые технологии потребовали для своего более успешного функционирования еще «больших пространств». То есть, если для предшествующего этапа развития было характерно создание крупных национальных

государств, то сегодня наблюдается тенденция выхода экономических систем за рамки национально-территориальных образований [8, с. 182]. Это все говорит в пользу того, что безопасность государства не может быть обеспечена вне контекста как регионального, так и глобального уровней. Соответственно, встает вопрос о формировании своего цивилизационного пространства.

Осмысление перспектив развития государственности восточнославянских народов должно происходить с учетом основных тенденций мирового социально-политического развития, в контексте которых – усиление государства, выступающего наиболее продуктивным вектором динамики.

Этот тезис находит подтверждение в теоретических положениях синергетики, согласно которым общественная система, испытывающая мощное внешнее давление, может сохранить свою целостность только при сильной централизованной власти, способной различными принудительными мерами сдерживать возникающие социальные противоречия [2, с. 478].

Сильное государство в ойкумене восточнославянских народов требуется не только по причинам духовного порядка, но и в силу специфики геополитических условий. Восточные славяне, в отличие от своих западных и южных собратьев, смогли создать мощную государственность, способную выживать в крайне жесткой геополитической среде, постоянно осаждаемой со всех сторон Евразийского континента. Этатизм русского и белорусского народов является плодом выстраданного горького опыта: как только государство ослабевает, в тот же момент пробуждаются силы внутренней анархии и внешней агрессии, начинают бушевать амбиции местных «князьков», готовых бесконечно делить и резать по-живому единое евразийское пространство. Те, кто призывает к минимизации государства в наших условиях, не ведают, что творят (если, конечно, исключить возможность сознательного умысла). В тот самый момент, когда восточнославянская государственность как политический и культурный синтез рухнет, огромная часть ойкумены превратится в арену безудержного и беззастенчивого гегемонизма и националистических диктатур [2, с. 485]. Из вышесказанного можно заключить – роль восточнославянской государственности на мировой политической арене напрямую зависит от интеграционного

процесса на постсоветском пространстве во всем многообразии его форм.

В сложившейся ситуации актуальными становятся исследования в области самобытного исторического опыта и органического пути развития. Чужеродная форма правления чаще всего оказывается неосуществимой или неустойчивой в новых условиях. Для восточных славян «нормальным, естественным состоянием является социально ориентированное индустриальное общество, а главным механизмом адаптации – сильное, хорошо вооруженное государство» [2, с. 519].

Поэтому следующим шагом в осмыслении источников и перспектив возникновения сильной восточнославянской государственности должна стать опора на ее духовные основания. Самый главный стратегический ресурс, которым обладают восточнославянские народы, – это исторически сложившееся чувство взаимного учета интересов и осознание ответственности за судьбы мира.

Таким образом, очевидно, что только на основе глубокого комплексного, системного исследования условий и тенденций развития института государства в условиях глобализации и регионализации мира возможен поиск наиболее оптимального, органического пути развития.

Заключение. Подводя итог, отметим, что в ближайшем будущем вероятно появление новых форм международных отношений, не отвергающих государственный суверенитет. Степень серьезности в изменении конфигурации института государства и потенциальное влияние внешней среды на него в научных кругах оцениваются по-разному. Ряд исследователей полагает, что на смену традиционной государственности придет мировое правительство, другие – локальные цивилизации или империи, третьи – регион либо корпорации-государства. Однако говорить о том, что на смену суверенным государствам придет некое экономоцентричное либо глобальное общество без территории – преждевременно, как и о том, что в перспективе – небольшие, ослабленные внешним глобализационным воздействием, факторы мировой политики смогут в современных условиях сохранить «status quo».

Литература

1. Кизима, С.А. Вызовы западного глобализационного проекта и национальное государство:

-
- монография / С.А. Кизима. – Минск: Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2008. – 267 с.
2. Бабосов, Е.М. Современный социум: характер и направленность развития / Е.М. Бабосов, Ч.С. Кирвель, О.А. Романов. – Минск: «Четыре четверти», 2013. – 728 с.
 3. Харин, А. Регион-государство: тенденции и реальность / А. Харин // Власть. – 2013. – № 1. – С. 159–165.
 4. Китинг, М. Новый регионализм в Западной Европе / М. Китинг [Электронный ресурс]. – 2012. – Режим доступа: http://www.modernanacija.lv/wp-content/uploads/2011/02/Kiting_Novij-regionalizm-Europi_gramata2.pdf. – Дата доступа: 03.01.2013.
 5. Харин, А. Корпорация-государство как альтернатива современному государству / А. Харин // Власть. – 2012. – № 9. – С. 76–79.
 6. Назарчук, А.В. Государство в пространстве глобальных коммуникаций / А.В. Назарчук // Сократ. – 2011. – № 3. – С. 50–55.
 7. Колпаков, В. Капитализм и государство западной цивилизации / В. Колпаков // Золотой Лев. – 2007. – № 8. – С. 82–85.
 8. Кирвель, Ч.С. Современные глобальные трансформации и проблема исторического самоопределения восточнославянских народов: монография / Ч.С. Кирвель [и др.]; под науч. ред. Ч.С. Кирвеля. – 2-е изд., перераб. и доп. – Гродно: ГрГУ, 2009. – 547 с.

Поступила в редакцию 14.04.2014 г.

Принята в печать 21.07.2014 г.

УДК 130.123

СОЦИАЛЬНЫЙ КОНФЛИКТ КАК ОБЪЕКТ ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Лисовский П.Н.

*Институт социальных наук и самоуправления
Межрегиональной академии управления персоналом, Киев*

Исследованы конфликтогенные факторы социальных отношений современного человека с учетом жизненно важных отраслей и социальных институтов в обществе. Выделены социально-психологические составляющие теории конфликта. Акцентирование на них в классическом направлении теории социального конфликта сегодня вполне оправданно и имеет продуктивный характер.

Обозначен вопрос информационного обеспечения социального конфликта в условиях современного кризиса. При этом рассмотрены иррациональные и рациональные компоненты сознания человека в обществе. Вытекает необходимость разработки ценностно-нормативного формата самоорганизующихся процессов в динамическом характере реальных структур социальных отношений. Это определяет эффективное прогнозирование наблюдаемого события как распознавание его истинности или ложности намерения. Метод прогнозирования выражается в способности упредительно организовать человеческую деятельность относительно нежелательных конфликтных событий в будущем.

Ключевые слова: теория конфликта, потребности, интересы, синергетика, метод прогнозирования.

(Ученые записки. – 2014. – Том 17. – С. 128–133)

Search of the Methodological Foundations of the Theory of Social Conflict

Lisovsky P.N.

*Institute of Social Sciences and Self-Government
of Interregional Academy of Personnel Management, Kiev*

Conflict-generating factors of social relations of modern man are investigated taking into account the vital branches and social institutions in the society. Social-psychological makings of the theory of conflict are selected. Their accenting in the classic direction of the theory of social conflict today is fully justified and is of productive character.

The issue of information security of social conflict in conditions of current crisis is pointed out. Irrational and rational components of human consciousness in the society are also considered. Methodologically, the work in this regard is a synergistic approach as a paradigm innovation. Hence, it is necessary to develop a system of value-normative format of self-organizing processes of in the dynamic nature of real structures of social relations.

This determines the effective prediction of the observed event as recognition of its truth or falsity intentions. The method of forecasting is expressed in the ability to organize human activity concerning protection from not desirable conflict events in the future.

Key words: conflict theory, requirement, interests, synergetics, forecasting method.

(Scientific notes. – 2014. – Vol. 17. – P. 128–133)

Современная социальная практика показала, что переход общества от тоталитаризма к демократии ослабил действие патриотизма, основанного на любви к своей родной земле и отчизне, на которой живет человек. При этом глубоко упали моральные ценности человека и образовался новый тип организации социальной реальности. Таким образом,

усилилось действие конфликтогенных факторов, что сегодня является актуальным для мирового сообщества во всех без исключения жизненно важных сферах и социальных институтах общества: политике, экономике, международных, межнациональных, семейных и бытовых отношениях, а также науке, образовании и воспитании.

Адрес для корреспонденции: e-mail: lisovsky-pm@i.ua – П.Н. Лисовский

Эту проблему рассматривали такие современные ученые, как: Алейникова С.М., Михальченко Н.И., Отрешко Н.Б., Слемнев М.А., Сурмин Ю.П. и другие.

В силу этих условий перечень «проблемных плоскостей» обуславливает целевой поиск механизмов, способных обеспечить надежный и эффективный контроль за регулированием и разрешением разного рода конфликтных явлений, возникающих в различных областях коммуникативного поведения.

Центральными для всех исследователей конфликтов являются вопросы происхождения конфликтных факторов, определения параметров оценки и типологизации конфликтных ситуаций. По-прежнему значимыми остаются выявление путей предотвращения конфликтов с применением насилия и овладение цивилизованными формами разрешения конфликтных ситуаций. Феномен конфликта в рамках социально-философского похода связан со стратификацией, интенсивностью доминирования, ресурсами, позволяющими группам организоваться (или препятствующими этому). Открытые конфликты случаются нечасто, поскольку исторический опыт свидетельствует о том, что даже военные столкновения являются конкретными действиями, направленными на освобождение от организационных оков, нежели на настоящее физическое разрушение.

Теория конфликта не отрицает теории социальной солидарности. Индивиды могут доминировать в иерархиях, а группы могут формироваться для участия в нормированном конфликте главным образом благодаря распределению материальных и организационных условий, определяющих социальные идеалы, моральные чувства и т.д. Теоретики конфликта выявляют условия, при которых генерируются идеи и идеалы, выясняют, как и когда эти условия продуцируют солидарность. Возникшее изучаемое социальное явление нуждается в социально-философском переосмыслении.

Цель статьи – расширение границ методологической основы теории социального конфликта, а также упределительных методов относительно нежелательных конфликтных событий в будущем.

Материал и методы. Проведен социально-философский анализ для определения методологических основ теории конфликта. Исследованы новейшие разработки специалистов в области социальной философии и фи-

лософии истории по освещаемой теме. В работе рассмотрены основные принципы диалектического развития социально обусловленных конфликтных явлений, объективности их рассмотрения и целенаправленности объекта исследования при изучении теории социального конфликта.

Результаты и их обсуждение. Классическим направлением теории социального конфликта являются научные труды К. Маркса, М. Вебера, Р. Дарендорфа, Г. Зиммеля. В частности, для Маркса социальный конфликт – это способ разрешения главного противоречия капиталистического (индустриального) общества – между общественным характером производства и частнокапиталистической формой присвоения. Фундамент теории классов Маркса образует трудовая теория стоимости, согласно которой труд создает не только стоимость, но и прибавочную стоимость. Монопольное присвоение прибавочной стоимости одним из участников производства определяет эксплуатацию, ведет к неравенству, формирует антагонистические, неизбежно вступающие в конфликт интересы и, главное, инициирует и поддерживает процесс классового образования – формирование класса собственников (капиталистов) и класса несобственников (пролетариата, рабочего класса) [1].

На примере взаимоотношений основных классов общества второй половины XIX века Маркс проследил динамику развертывания классового конфликта. При этом фиксируются следующие этапы: осознание рабочим классом своих интересов как противоположных интересам класса буржуазии, групповая идентификация, создание политической организации угнетенного класса, развитие собственной идеологии и революция как открытое столкновение пролетариата с классом эксплуататоров, освобождение от власти последних и открытие пути к изменениям социальной системы.

Заметим, что существенную роль в развитии теории конфликта сыграла разработка *теории организации*, поскольку именно в организациях воплощены стороны конфликта. Значительный шаг вперед сделал М. Вебер, разработав теорию форм организации. Кроме того, необходимо отметить, что теория конфликта была разработана в конце 50-х годов прошлого века Р. Дарендорфом. Эта теория основывалась на обобщении модели организационного конфликта. Дарендорф считал, что общество имеет «два лица» – всеобщего

согласия и конфликта. Социальный конфликт Дарендорф, как и его предшественники Маркс и Зиммель, называет огромной творческой силой, поскольку феномен конфликта имеет как положительные черты, так и отрицательные – в зависимости от конкретной парадигмы в обществе. Дарендорф решительно выступил против подавления конфликтов. То есть, конфликты можно регулировать, канализировать и контролировать, но «ни король философов, ни современный диктатор не в состоянии устранить их раз и навсегда» [2]. Подобно Марксу, ученый признает, что в XIX веке определяющей сферой общественной жизни была промышленность. Поэтому именно здесь зарождается главный конфликт капиталистического общества между двумя основными классами – предпринимателями и рабочими.

При этом конфликты, подчеркивает Дарендорф, ни в коем случае не должны разрешаться насильственными способами. По формам проявления они могут быть как латентными, так и легитимными, относительно мирными или резкими или напряженными. По Дарендорфу, социальный конфликт всегда был и будет присущ любому обществу в силу неизбежного различия интересов. «Однако в постиндустриальном обществе основное противоречие социальных систем перемещается, по его мнению, из экономической плоскости, из сферы отношений собственности в область отношений господства – подчинения, и основной конфликт оказывается связан с перераспределением власти» [3]. В современной социальной философии принято рассматривать онтологические, гносеологические и аксиологические аспекты. В силу многозначности и лексико-семантической размытости понятия «конфликт» дать его обобщенную характеристику затруднительно. В данной связи необходимо сосредоточить усилия на социогносеологическом алгоритме методологической основы теории конфликта. В такой последовательности и проведем ее изучение.

1. Важную роль в развитии теории конфликта, выяснении его причин и особенностей в современном западном обществе играет *теория коммуникации* Ю. Хабермаса. Она освещает пути не только разрешения наиболее острых конфликтов, но и предотвращения их. Эта теория охватывает также технологию достижения консенсуса как на межличностном, так и на межгрупповом уровне. Отрицая насильственные формы социального влияния

политических структур на индивидуальное сознание, ученый обосновывает возможность и необходимость компромиссно-консенсусных подходов.

На наш взгляд, *интерсубъективное* содержание коммуникативных актов в теории Хабермаса, инициирует рациональный характер коммуникативной практики взаимопонимания, основанной на доброумышленном намерении. Такая рациональность конструктивного мышления является дискурсионным содержанием. Обязательным условием дискурса важно отметить его прозрачность и открытость, социальное партнерство всех участников.

Хабермас отмечает, что в развитых западных обществах в последнее время возникли конфликты, существенно отличающиеся от традиционных, связанных с распределением экономических благ. Эти конфликты возникают в сфере культурного воспроизводства, социальной интеграции и социализации в доинституциональных формах. В развитых капиталистических странах социальный конфликт институционализирован и смягчен, во все не означает исчезновения конфликтного потенциала, поскольку «...новые конфликты вспыхивают не в сфере проблем распределения, а в связи с вопросами грамматики форм жизни» [4].

По мнению Хабермаса, критика нелегитимного господства и замаскированного насилия ставит в центр внимания те условия коммуникации, которые делают возможной веру в институты разумной самоорганизации общества свободных и равноправных граждан.

В этом контексте задача преодоления кризисных явлений современного западного общества – деформации ценностно-нормативной сферы, дисбаланса между трудом и интеракцией, жизненным миром и системной интеграцией, что должно перемещаться в социокультурную сферу и связываться с развитием сознания (в ее иррациональности и рациональности). Именно консенсуально-коммуникативные формы разрешения конфликтов являются приоритетными направлениями антикризисных преобразований.

2. Современный немецкий исследователь У. Бек в своей концепции «*общество риска*» рассматривает современное западное общество как накопление соответствующих общественных противоречий и их диалектическую взаимосвязь. Бек считает, что такое общество оказалось в ситуации разлома внутри модерна и теряет контуры классического индустриаль-

ного общества, приобретая новые очертания – «общества риска». «При этом необходимо сбалансировать противоречия между непрерывностью развития модерна и разрывами в этом развитии – противоречия, в которых отражается антагонизм между модерном и индустриальным обществом, между индустриальным обществом и обществом риска» [5].

Постмодернистское общество столкнулось с неожиданными последствиями своего функционирования. В нем подрываются и исчезают важнейшие его основания: основные классовые различия, ориентация на производительный труд и увеличение богатства. Вместо этого преобладают чувства опасности, неуверенности, страха. «Устойчивые конфликтные линии все чаще возникают на основе «врожденных» признаков – расы, цвета кожи, пола, этнической принадлежности (иностранные рабочие), возраста, телесных изъянов» [5].

Поэтому в управлении конфликтными ситуациями важна система выбора оптимизации эффективных решений. Ведь современное социальное неравенство как неустойчивое равновесие социальной парадигмальной инновации, что образует *синергетика*, является матрицей для равномерного распределения жизненных ресурсов, поскольку в экологическом поле «бедствия» биосфера в определенной степени исчерпывает свои ресурсы. На этом этапе формируются основополагающие принципы феномена конфликта.

В этом феномене важно отметить *образ жизни* людей как методологическую матрицу в системе конфликта. Такое расширение границ понятия «образ жизни людей» действительно органически связано с общественными условиями. Именно материально-производственная сфера общества, общественные отношения, социальные институты, поведение людей, воспитание, уровень духовной культуры существенно влияет на социоантропогенез конфликта. При этом образ жизни наследует, впитывает в себя элементы общественных условий в реконструированном виде. Условия, «поглощенные», «употребленные» образом жизни, в определенном отношении.

Понятие способа необходимо для анализа структуры сложного объекта, для исследования взаимодействия содержания и формы, поскольку способ – это существенный момент такого взаимодействия.

Известно, что в процессе исторического развития и конкретизации категории формы от нее отпочковываются новые понятия (на-

пример, понятие структуры), которые «посвоему» объясняют те или иные моменты всеобщей связи явлений. Таким отпочковывающимся от категории формы понятием и является понятие способа, что в методологической основе актуально для феномена конфликта.

Семантика способа довольно продуктивна для выяснения особенностей той или иной формации, эпохи или общественного строя. Понятие способа жизни дает возможность ответить на вопросы, как, каким образом живут, работают, отдыхают люди в соответствующем обществе, как они распределяют и потребляют продукты своей деятельности, мыслят, совершенствуются и т.д. В этом случае целесообразно введение такого термина, который фиксировал бы комплекс условий общественной жизни и набор общественных форм. Категория образа жизни соответственно фиксирует социогенное влияние конфликта в обществе как важный способ взаимоотношения между людьми.

Таким образом, в контексте феномена конфликта, характеризуя труд как отчуждение человека к человеку в условиях капитализма, К. Маркс пишет: «...рабочий только вне труда чувствует себя самим собой, а в процессе труда он чувствует себя оторванным от самого себя... В силу этого труд его не добровольный, а вынужденный; это – принудительный труд. Это не удовлетворение потребности в труде, а только средство для удовлетворения других потребностей, но не потребности в труде. Отчужденность труда ясно сказывается в том, что, как только прекращается физическое или иное принуждение к труду, от труда бегут, как от чумы» [6].

В экономическо-философских рукописях 1857–1859 годов К. Маркс подверг решительной критике представление о труде как о некой «жертве», которую человек при всех исторических обстоятельствах должен принести, чтобы взамен получить «счастье и свободу». Характеризуя взгляды на труд А. Смита, К. Маркс отмечал: «Да будешь ты трудиться в поте лица своего!» – таково было проклятие Иеговы, обрушенное им на Адама. И А. Смит рассматривает труд именно как проклятие. «Покой» выступает у него как адекватное состояние, тождественное «свободе» и «счастью» [6]. В этой связи использование и потребление созданных посредством труда жизненных благ для поддержания и воспроизводства жизни, и средства также приобрело значение и цели жизни, и средства к жизни.

3. Вопрос диалектического взаимодействия потребностей и интересов является условием решения проблемы конфликта в обществе. В этом отношении Ю. Хабермас обогатил социальную философию новыми подходами к изучению конфликтогенных факторов и преодолению их в современном обществе. Проблема насилия и ненасилия в межличностной коммуникации является антропоцентрической для Хабермаса. Перестройку социума на основе модели коммуникативной рациональности, построенной на принципах субъект-субъектного взаимодействия, он считает важнейшей задачей современности. Духовность в данном контексте выступает скорее как форма существования традиции. Такое противопоставление ставит под сомнение целесообразность и ценность в принципе какого-либо развития, поскольку ориентировано не на развитие и устремление вперед, а возврат и статичное пребывание в состоянии «идеального прошлого». Об этом свидетельствуют и устойчивые словосочетания «возрождение духовности», «духовное возрождение (не развитие)» [7].

Сегодня информационное общество переживает этап перехода к рыночным отношениям и демократии. Как свидетельствует мировой опыт, этот период характеризуется повышением конфликтности во всех сферах общественной жизни. Поэтому изучение теоретических достижений и практики мировых стран приобретает особое значение для устранения причин, обуславливающих насильственные конфликты. Кроме того, анализируя социодетерминанты конфликтности в обществе, необходимо обратить внимание на деформации и нарушения коммуникации на всех уровнях взаимодействия людей. В силу этого совершается «атомизация» духовного мира личностей, замыкание его в кругу интересов собственного благополучия и обывательского равнодушия ко всему, что не касается этого благополучия. Отсюда неизбежное оскудение духовных запросов и гражданских интересов. Такой обывательский индивид вполне довольствуется современной низкопробной «массовой культурой» с ее культом секса, ужасов и силы, навязываемой ему современным обществом.

Безусловно, для каждой эпохи характерны свои доминирующие формы геополитического противоборства, которые выражаются то в вооруженной агрессии (территориальная экспансия), то в политическом диктате или экономическом закабалении, то в навязывании

определенного образа жизни (например, вестернизация), иммиграции (демографическая экспансия), информационном воздействии.

В этом отношении информационная зависимость современных государств ведет к необходимости институализации и создания специализированных информационных служб, в частности Украины. Они должны в социальных реалиях осуществлять прогностические функции, функции сбора, систематизирования информации и обеспечения эффективного обмена между соответствующими органами и организациями.

При этом необходимо диагностикой «умного сердца» истреблять соответствующие «болезни» в обществе. Для этого методология как таковая в XXI веке неизбежно должна претерпеть кардинальные изменения. На предстоящие кардинальные методологические перемены обращают внимание В. Бакиров, В. Ильин, В. Кохановский, Н. Моисеев и др. Основные изменения в методологической матрице «обычно связывают с ее гуманизацией, сближением естествознания и социально-гуманитарных наук, сближением противоположных концептуально-методологических подходов, расширением применения системного подхода и синергетики, статистически-вероятностных и квантово-релятивистских методов познания, углублением методологической рефлексии в самих науках...» [8].

На наш взгляд, именно *метод прогнозирования* как наблюдаемое событие должно однозначно определить его истинность или ложность намерения, что очень важно в конфликтогенных ситуациях. При этом необходимо отметить, что представления человека о будущем времени возникли в процессе длительного развития цивилизации и гораздо позже, чем их представления о настоящем и прошлом. На них влияли циклические и катастрофические процессы. Стремление людей хотя бы чуть приоткрыть окно в будущее и разглядеть свою судьбу приводило к тому, что предвидение приобретало институциональный характер. В этом отношении достоверной является мысль белорусского философа М.А. Слемнева, что «*принцип простоты* в его концептуальном измерении можно расценить как своеобразное «селективное сито», которое дает возможность выбирать из множества конкурирующих гипотетических воззрений наиболее перспективное. Насколько такой выбор будет удачным способны показать лишь дальнейшие экспериментальные и тео-

ретические изыскания» [9]. Поэтому роль прогнозов в теории конфликта имеет социальную значимость, поскольку прогнозы позволяют либо эффективнее организовать деятельность по достижению желаемого будущего, либо *упредить наступление нежелательных конфликтных событий* в перспективном будущем.

Заключение. В силу вышесказанного именно расширение лексико-семантического поля сознания с гуманными намерениями предотвращает конфликт в обществе. Такие социальные условия необходимо осуществлять на практике прежде всего через духовный образ жизни, в основе которого должны быть потребности и интересы как детерминирующая сила общества. Именно такой образ жизни должен впитывать в себя все прогрессивные черты. При этом должно быть усиление превентивного механизма социального управления, контроля национального государства; снижение социальной стабильности на рынке труда; повышение чувства социальной ответственности в ценностях глобального общества.

Литература

1. Макеев, С. Классовый анализ в современной социологии [Текст] / С. Макеев // Социология: теория, методы, маркетинг. – 2001. – № 3. – С. 5–22.
2. Дарендорф, Р. Тропы из утопии [Текст] / Р. Дарендорф. – М.: Мысль, 2002. – 234 с.
3. Социология: энцикл. [Текст] / сост. А.А. Грицанов и [др.]. – Минск: Книжный Дом, 2003. – 1312 с.
4. Хабермас, Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие [Текст]: Ю. Хабермас. – СПб., 2001. – 654 с.
5. Бек, У. Общество риска. На пути к другому модерну [Текст] / У. Бек. – М., 2000. – 236 с.
6. Маркс, К. Экономическо-философские рукописи 1844 года [Текст] / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч. – Т. 42. – С. 90–91.
7. Алейникова, С.М. «Духовность»: идеал, процесс или миф? [Текст] / С.М. Алейникова // Социально-психологические проблемы современного общества и человека: пути решения: сб. науч. ст. / сост. : Г.А. Качан, С.Д. Матюшкова; под науч. ред. А.П. Орловой; отв. за вып. С.А. Моторов. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2013. – С. 40.
8. Сурмин, Ю.П. Социальная методология: структура, функции, тенденции развития [Текст] / Ю.П. Сурмин. – Днепрпетровск: НГАУ, 1999. – С. 134.
9. Слемнев, М.А. Простое и сложное в природе и познании [Текст] / М.А. Слемнев. – Минск: Наука и техника, 1976. – 144 с.
10. Отрешко, Н.Б. Криза ідеології сучасної держави в глобальному суспільстві та перспективі розвитку. Соціальна робота в Україні: теорія і практика [Текст] / Н.Б. Отрешко // Наук.-метод. журнал. – 2013. – № 1–2. – 230 с.
11. Шинкарук, В.І. Діалектика розвитку соціалістичного способу життя [Текст] / В.І. Шинкарук // Філософська думка. – 1977. – № 5. – С. 24.

Поступила в редакцию 20.03.2014 г.

Принята в печать 21.07.2014 г.

ФИЛОЛОГИЯ

УДК [821.161.1+821.161.3]-31.09

Бездомность как социальная и экзистенциальная трагедия в прозе В. Астафьева и В. Козько

Крикливец Е.В.

**Учреждение образования «Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова», Витебск**

В статье предпринята попытка выявить специфику раскрытия проблемы бездомности в художественной прозе В. Астафьева и В. Козько. В произведениях писателей категория бездомности коррелирует с социальным аспектом топоса дома. Бездомность осмысливается и русскими, и белорусскими авторами как важная общественная проблема. Отсутствие одной из моделей дома (дома-семьи, дома-родины, внутреннего дома) нарушает гармоничное развитие личности, затрудняет адаптацию человека в социуме, становится причиной эмоциональных переживаний. В раннем творчестве писателей тема бездомности носит автобиографический характер и помогает преодолеть каноны нормативной эстетики. В зрелых произведениях В. Астафьева бездомность рассматривается как явление социальное, возникающее при разрушении благополучных семейных отношений. В. Козько исследует экзистенциальную составляющую проблемы, связанную с отсутствием у героя внутреннего дома.

Ключевые слова: бездомность, дом, модели дома, художественный мир, повесть, русская литература, белорусская литература.

(Ученые записки. – 2014. – Том 17. – С. 135–140)

Homelessness as Social and Existential Tragedy in the Prose by V. Astafiev and V. Kozko

Kriklivets E.V.

Educational establishment “Vitebsk State P.M. Masherov University”, Vitebsk

The article attempts to reveal the specificity of the disclosure of the issue of homelessness in the prose by V. Astafiev and V. Kozko. In the works by the writers homelessness category correlates with the social aspect of the topos of the home. Homelessness is interpreted both by the Russian and the Belarusian authors as an important social problem. Absence of one of the models of home (home-family home-country, inner home) infringes harmonious development of the personality, makes it difficult to adapt to human society, causes emotional distress. In the early work of the writers the topic of homelessness is autobiographical in nature and helps to overcome the canons of normative aesthetics. In the mature works by V. Astafiev homelessness is seen as a social phenomenon, which occurs when the destruction of prosperous family relations takes place. V. Kozko explores the existential component of the issue associated with the lack of internal character of home.

Key words: homelessness, home, models of home, artistic world, narrative, Russian literature, Belarusian literature.

(Scientific notes. – 2014. – Vol. 17. – P. 135–140)

В центре внимания данного исследования – сравнительный анализ художественной прозы В. Астафьева и В. Козько – представителей русской и белорусской литератур, занимающих ключевое место в литературном процессе последней трети XX века. Проблематика и поэтика произведений этих писателей имеют общие точки соприкосновения, обусловленные социокультурным пространством двух государств, общей картиной славянского мира, мировоззрением художников, их авторским мышлением в создании художественной концепции универсума. Сохраняя творческую индивидуальность, они демонстрируют национальную ментальность и общечеловеческую позицию. Данный ракурс позволяет сделать вывод о прочных взаимосвязях русской и белорусской литератур, их общих и особых чертах в отражении мира и человека.

Цель нашей статьи – выявление специфики раскрытия проблемы бездомности в художественной прозе В. Астафьева и В. Козько.

Материал и методы. Методологическую базу исследования составляют работы белорусских и российских литературоведов, посвященные изучению творческого наследия В. Астафьева и В. Козько, а также традициям толкования топоса. В качестве объекта исследования выступает художественная проза В. Астафьева и В. Козько. В статье использованы культурно-исторический и сравнительно-типологический методы анализа.

Результаты и их обсуждение. Одним из ключевых топосов, организующих художественные модели мира, созданные в прозе В. Астафьева и В. Козько, выступает топос дома, поскольку его можно считать основополагающим как для русской, так и для белорусской культурной традиции.

М.И. Мещерякова рассматривает целостность художественной структуры произведения как единство четырех уровней: концептуального, уровня организации произведения как художественного целого, уровня «внутренней формы», уровня внешней формы [1]. Можно предположить, что на концептуальном уровне писателями-современниками решаются одни и те же вопросы, очевидна общая гуманистическая направленность их произведений, схожая аксиологическая ориентация. Однако сопоставительный анализ творчества В. Астафьева и В. Козько позволяет не только отметить общность их произведений на кон-

цептуальном уровне, но и специфику организации уровня «внутренней формы», что подчеркивает уникальность каждого писателя как творческой личности. Следовательно, топос дома, функционируя в произведениях В. Астафьева и В. Козько, не только помогает решать общие морально-этические вопросы, размышлять о роли и месте человека в жизни, но и свидетельствует о литературном новаторстве, творческом поиске, художественном мастерстве каждого из писателей, которые проявляются в особенностях пространственно-временной организации их произведений.

В связи с этим данное исследование базируется на комплексном подходе к анализу выделенного топоса в прозе В. Астафьева и В. Козько, предполагает его рассмотрение на всех уровнях внутренней структуры. Так, функционируя на реальном уровне, топос дома будет актуализировать значения места пребывания героя, места жительства семьи, места действия. Очевидно, что наиболее интересными для анализа представляются перцептуальный и концептуальный уровни. Можно предположить, что на перцептуальном уровне топос дома реализуется в социальном и экологическом аспектах, символизируя социальное окружение героя, пространство природы, в котором он пребывает и которое воспринимается (или не воспринимается) им как дом. На наиболее глубинном, концептуальном уровне топос дома реализуется в мифологическом аспекте, функционируя как сакральное пространство, апеллируя к генетическим кодам культуры.

Рассматривая топос как элемент пространственно-временной организации произведения, следует учитывать, что для топоса дома в прозе В. Астафьева и В. Козько основополагающими будут пространственные характеристики, поскольку конституирующий признак дома – стабильность, постоянство, минимальная подверженность изменениям.

В прозе В. Астафьева и В. Козько категория бездомности связана с социальным аспектом топоса дома. Данную проблему в творчестве писателей можно назвать автобиографической: и В. Астафьев, и В. Козько воспитывались в детском доме, оба прошли через нелегкие испытания военного времени.

Впервые тема бездомности возникает в ранних произведениях В. Астафьева и В. Козько, относящихся к первому периоду творчества писателей. На этапе становления

эстетические системы обоих прозаиков преодолевают каноны соцреалистического метода. В. Астафьев в духе официальной эстетики пишет роман о преобразовании отсталого колхоза – «Тают снега»; в русскоязычных произведениях В. Козько «Темный лес – тайга густая», «Здравствуй и прощай» использован хронотоп Сибири, что, тем не менее, не помогло автору встать в один ряд с писателями-сибиряками.

Однако в наиболее удачных произведениях раннего периода элементы будущего художественного метода намечены более отчетливо. Эволюция топоса дома в прозе писателей позволяет утверждать, что уже в «пермский» период творчества В. Астафьева, равно как и в «сибирский» период творчества В. Козько происходит переход от нормативной эстетики к классической реалистической парадигме художественности.

В произведениях писателей ключевыми моделями дома являются дом-семья, внутренний дом, мир нации (родина). Отсутствие одной из этих моделей (или всех одновременно) приводит к бездомности.

Данная проблема становится центральной в повести В. Астафьева «Кража» и «Повести о беспризорной любви» В. Козько, написанных на автобиографической основе. В произведении В. Астафьева изображен детский дом 1930-х годов, в повести В. Козько – детприемник послевоенного времени. Причины бездомности их обитателей преимущественно социальные: неблагополучные семьи, раскулачивание, война. Эти причины приводят, в первую очередь, к разрушению (отсутствию) дома-семьи. Герои-подростки оказываются лишены родительского внимания, положительно-го примера внутрисемейных отношений.

Отметим, что в результате социальных потрясений некоторые герои названных повестей потеряли не только дом-семью, но и родину. Так, заведующий краесветским детским домом Валериан Иванович Репнин в прошлом – белый офицер, своей родиной считавший дореволюционную Россию, – теперь вынужден жить в условиях, диктуемых новым временем, и обретает семью только в лице своих воспитанников. Тоскует по родине кавказец Ибрагимка, лишенный в Краесветске даже своего настоящего имени. Тамара-грузинка из «Повести о беспризорной любви», ни разу не видевшая Грузии, испытывает безотчетную тягу к родине, которая мыслится залогом счастья: «Она не ждала ничего от ро-

дины и не потребовала бы от нее ничего. Хотелось только на каменистый берег горного ручья. Сесть на берегу и омыть в ручье ноги. И тогда, казалось, она сразу станет счастливой» [2, с. 263].

Мечта о доме, тоска по дому присущи всем героям «Кражи» и «Повести о беспризорной любви». Значимость дома-семьи трудно переоценить, тем более, для героя-подростка. Именно в доме происходит формирование личности, усвоение основных жизненных ценностей, моделируются семейные взаимоотношения. Все это подросткам-беспризорникам приходится искать в детском доме. Примечательно, что детский дом не становится для своих обитателей антидомом, а, напротив, выполняет многие функции дома.

Так, дом осознается как «свое», обжитое пространство, противопоставленное «чужому», враждебному. Следовательно, по отношению к дому люди также делятся на «своих» и «чужих». В повести В. Астафьева «Кража» детский дом «отвергает» героев, не вписывающихся в его пространство, не принимающих его правил. «Чужой» является для детского дома воспитательница Маргарита Савельевна, которая попала «из почти никем не посещаемой избы-читальни в содомное заведение, к шумному и дерзкому народу» и «как перепугалась еще в первый день своей новой работы, так и боится ее до сих пор» [3, с. 10]. «Чужим» становится и Лешка Деменков, который предпочел воровской мир детдомовскому распорядку.

Еще одна значимая функция дома – защитная. Детприемник защищает Андрея Разорку («Повесть о беспризорной любви») от воспоминаний о гибели родителей, о пребывании в концлагере; краесветский детский дом пытается защитить ребят от страшного прошлого, исковеркавшего их жизни: «Здесь... было осатанелое лицо маленького человека, пережившего когда-то страшное потрясение, сделавшее его сиротой. Это потрясение осело в глубину, но не умерло и никогда не умрет. На самом дне души сироты, как затонувший корабль, всю жизнь лежит оно» [3, с. 8].

В фольклорно-мифологической традиции центром дома, объединяющим его обитателей, всегда выступала печь. Детские дома, изображенные в повестях русского и белорусского писателей, также имеют свои «сакральные» места. Воспитанники краесветского детского дома любят собираться на кухне у поварихи тети Ули: там воспоминания о прошлом

уже не кажутся им такими трагическими, а безалаберные родители зачастую идеализируются. Герои повести В. Козько Андрей и Тамара находят приют за печкой, тепло которой заменяет им тепло родного очага и расставание с которой ощущается как расставание с домом: «Жизни она желает печке. Долгой и беспечальной жизни. Пусть для нее всегда будут отборные дрова. Пусть у нее всегда будет заботливый и любящий хозяин. Пусть никогда не гаснет ее огонь. А она всегда будет поминать эту печку добрым словом. Может, солнце как раз и пыталось сказать ей, что у нее в этой жизни есть печка. Печка, от которой она может танцевать дальше» [2, с. 365].

В родительском доме ребенок получает имя. Функцию имянаречения в ранних повестях В. Астафьева и В. Козько также выполняет детский дом. Изувеченный подросток по кличке Паралитик впервые получает имя и фамилию, которая придумывается самими детдомовцами, – Игорь Краесветский. Грузинка, не знавшая своих родителей, получает в детском доме имя Тамара.

Отметим, что детский дом формирует и модель межличностных отношений. Подростки взаимодействуют друг с другом, с младшими детьми, с воспитателями. Зачастую это взаимодействие далеко от идеального, но опыт приводит ребят к самоопределению и взрослению. Яркий пример – духовная эволюция Толи Мазова, героя повести В. Астафьева «Кража».

Детский дом становится определенной микромоделью социума со всеми его проявлениями. В детском доме ребята сталкиваются со смертью и, возможно, впервые пытаются осмыслить потерю: умирает Гошка Воробьев в повести В. Астафьева «Кража», умирает Колька Летечка в первой белорусскоязычной повести В. Козько «Суд у Слабазе». Примечательно, что сцены похорон в обеих повестях практически идентичны.

В детском доме подростки впервые испытывают светлое чувство влюбленности: тянутся друг к другу Зина Кондакова и Толя Мазов, наперекор всем жизненным обстоятельствам настаивает «беспризорная любовь» Тамару и Андрея Разорку: «Мы начинались в детприемниках, среди дорог, вшей и развалин. И никогда не должны забывать об этом. Иначе же нас проклянут наши дети. А они должны знать, что среди вшей и развалин, в детприемниках, в детдомах и колониях жила любовь. Жила. Любили друг друга беспризорник-

белорус Андрей и беспризорница-грузинка Тамара. Все это было, было» [2, с. 318].

Однако и русский, и белорусский писатели подчеркивают, что понятия детского дома и дома не тождественны. Само место расположения детского дома в обеих повестях выбрано не случайно. Местом действия в повести В. Астафьева «Кража» становится город Краесветск. Говорящее название города указывает на то, что населенный пункт возник на «краю света» спонтанно: основу его жителей составляют ссыльные и спецпереселенцы. Детприемник, в который убегает от своего прошлого Андрей Разорка, находится на небольшой станции между Клинском и Москвой. Города, встречающиеся мальчику на пути следования, все как один напоминают родной и пугающий Клинок; отличие только в том, что в одном из них есть детприемник, где ждет его Тамара.

Многие обитатели детского дома помнят свою прежнюю жизнь в родительском доме. Большинство из них осознают временность, непостоянство своего нынешнего положения. Подростки испытывают страх перед будущим, чувствуют свою несостоятельность перед лицом взрослой, самостоятельной жизни, в которой придется выбирать свой путь и нести ответственность за свои поступки: «Они могут жить с родителями, те их вырастят, определят на работу. Поддержат, когда трудно. А тут отчаливай на все ветры со справкой на жительство, начинай с заботы о том, чего завтра пожрать... Как жить? Что они знают о людях? Что люди знают о них? Как трудно и сложно все!» [3, с. 216–217].

Следовательно, в ранних повестях В. Астафьева и В. Козько детский дом выступает своего рода «точкой отсчета» жизненного пути героев, которым только предстоит открыть для себя мир, «а открывши – жить в нем» [1, с. 245]. Критерием оценки духовной состоятельности героев в более поздних произведениях В. Астафьева станет способность «построить» свой дом, создать семью, основанную на гармоничных взаимоотношениях, умение нести ответственность за родных людей. В. Козько заставит героев своих произведений вернуться в прошлое, осознать его, найти себя в нем. Так, Колька Летечка, воспитанник детского дома в Слободе («Суд у Слабазе»), совершит нелегкий путь в свое прошлое, чтобы ценой жизни ответить на вопрос «Адкуль я ёсць і пайшоў?» [4, с. 137].

Последующие периоды творчества русского и белорусского авторов указывают на то,

что бездомность имеет разную природу, но всегда осмысливается как величайшая трагедия. В произведениях В. Астафьева бездомность и в дальнейшем будет осмысливаться как явление исключительно социальное, возникающее не тогда, когда рядом с героем нет родных людей или он далеко от дома, а когда у героя отсутствует модель благополучных семейных отношений. Писатель отчетливо осознает социальную девиантность бездомности, приводящей к разрушению как отдельной личности, так и общества в целом, поскольку бездомный герой, по В. Астафьеву, не способен создать полноценную семью и найти свою нишу в социуме.

Так, в романе «Печальный детектив» в ряду других социальных проблем поднимается и проблема отсутствия нормального семейного воспитания: «...осталась Юлька при родителях, считай что, сиротой, на руках великого педагога – бабки Тугышихи, которая материла внуку за отставание в учебе, гонялась за ней с полотенцем, если та не слушалась ее» [5, с. 42].

Проблема бездомности лежит в основе рассказа «Людочка», где трагическая судьба героини, покончившей с собой, связана с тем, что в жизни девушки не оказалось близкого человека, способного понять и поддержать в трудную минуту. Мать, занятая хлопотами о переезде и мыслями о рождении второго ребенка, оставляет дочь один на один со своей бедой.

Мотив бездомности является сюжетообразующим и в рассказе «Пролетный гусь». Примечательно, что представление о бездомности претерпевает в этом произведении В. Астафьева определенную трансформацию. В начале рассказа пережившие войну молодые люди хоть и ощущают себя бездомными, но полны оптимизма, веры в будущее, способны преодолеть одиночество и почувствовать себя дома даже в незнакомом провинциальном городке Чуфырино. В конце рассказа бездомность и одиночество, приведшие Марину к самоубийству, обусловлены не только отсутствием своего угла, но и потерей смысла жизни в связи со смертью мужа и сына. Однако В. Астафьев дает понять, что бездомность его героев не является только их личной бедой. Это проблема всего послевоенного общества, когда поколение молодых ребят, вернувшихся с войны, не имеющих ни жилья, ни образования, оказалось брошенным на произвол судьбы, а точнее, на произвол таких чиновников, как чета Мукомоловых.

Следовательно, в прозе В. Астафьева бездомность раскрывается не только как проблема отдельно взятого человека (герой вообще может не осознавать истинных механизмов того, что с ним происходит), но, прежде всего, как причина и следствие негативных социальных явлений, то есть писатель идет от частного к общему. С проблемой бездомности герой не может справиться самостоятельно: для ее преодоления необходимо менять привычное социальное устройство, сознание всего общества.

В. Козько, напротив, приходит от общего к частному. Причиной бездомности в зрелом творчестве писателя по-прежнему выступают социальные катастрофы: война («Хроніка дзетдомаўскага саду»), «Суд у Слабадзе»), чернобыльская авария («Бунт незапатрабаванага праху»), «Выратуй і памілуй нас, чорны бусел»), бездумная мелиорация Полесья («Неруш»). Однако, вне зависимости от причины, бездомность осмысливается белорусским автором как проблема глубоко экзистенциальная, связанная, в первую очередь, с отсутствием у героя внутреннего дома.

Еще раз подчеркнем, что в жизни Кольки Летечки функцию утраченной семьи выполняет детский дом и выполняет, надо сказать, довольно успешно: у мальчика складываются теплые отношения и с воспитанниками, и с администрацией. Но на протяжении всей повести герой страдает от бездомности (отсутствия памяти о доме) и за возможность обрести внутренний дом платит жизнью.

В романе «Хроніка дзетдомаўскага саду» герой-повествователь испытывает муки совести не столько от того, что помещение бывшего детского дома оказывается разрушенным, сколько от того, что эта разруха становится символом утраченной памяти, утраченного внутреннего дома.

Мотив бездомности выступает логическим продолжением мотива трансформации дома в антидом в романе «Бунт незапатрабаванага праху». Герой не может выстроить семейные отношения, сохранить семью до тех пор, пока не обретает внутренний дом (до этого момента он ощущает себя бездомным и по сути является им).

В отличие от произведений В. Астафьева, где отдельная личность оказывается не в состоянии преодолеть бездомность как социальное явление, герои В. Козько с экзистенциальной проблемой бездомности вполне могут справиться. Переживание собственной бездомности становится для них отправной

точкой, откуда начинается движение к поискам выхода из сложившейся ситуации, к поискам внутреннего дома.

Заключение. Таким образом, проблема бездомности осмысливается и русским, и белорусским прозаиками как одна из важных общественных проблем. Отсутствие одной из моделей дома нарушает гармоничное развитие личности, затрудняет адаптацию человека в социуме, становится причиной глубоких эмоциональных переживаний. Бездомность – итог разрушения или утраты дома. Обращение к данной проблеме на раннем этапе творчества позволило и В. Астафьеву, и В. Козько уйти в область межличностных отношений, «обойти» вопросы идеологии и справиться с влиянием соцреалистических клише. В произведениях писателей более позднего периода проблема бездомности не носит ярко выраженного автобиографического характера и находит различное эстетическое воплощение. С конца 1980-х гг. писатели работают в русле

разных литературных направлений. Творчество В. Астафьева усвоило и обогатило парадигму классического реалистического искусства, а художественная система В. Козько по сей день открыта в современную реальность и подвержена влиянию модернистских тенденций.

Литература

1. Мещерякова, М.И. Литература в таблицах и схемах / М.И. Мещерякова. – М.: Айрис-пресс, 2009. – 219 с. – (Домашний репетитор).
2. Козько, В.А. Судный день / В.А. Козько. – М.: Молодая гвардия, 1988. – 525 с.
3. Астафьев, В.П. Кража: Повести и рассказы / В.П. Астафьев. – Минск: Юнацтва, 1995. – 333 с.
4. Козько, В.А. Судный день / В.А. Козько. – Минск: Мастацкая літаратура, 1998. – 480 с.
5. Астафьев, В.П. Печальный детектив / В.П. Астафьев // Роман-газета. – 1987. – № 5. – С. 1–47.

Поступила в редакцию 31.03.2014 г.

Принята в печать 21.07.2014 г.

УДК 316:005:81'42

Дискурсообразующие концепты управленческого дискурса

Щербин В.К.

Национальная академия наук Беларуси, Минск

В статье анализируются управленческие структуры Республики Беларусь и утверждается, что важно не только подготовить нужное количество управленцев, но и регулярно проводить мониторинг мировой управленческой практики, чтобы учесть его достижения в нашей стране, чтобы устранять отрицательные проявления в системах управления. Выявляются важнейшие характеристики управленческого дискурса, который включает в себя политический, деловой, финансовый, медийный и другие виды, а также показана возможность выделения ключевых концептов в управленческом дискурсе. Нужно описать все их типы и подтипы, а также эксплицирующие их дискурсивные практики, жанры и стили.

Автор считает, что только комплексный подход к рассмотрению проблемы укрепления государственного управления Беларуси позволит существенно продвинуться в ее решении.

Ключевые слова: управленческие структуры, управленческий дискурс, политический, деловой, финансовый, медийный дискурсы, концепт.

(Ученые записки. – 2014. – Том 17. – С. 141–146)

Discourse Forming Concepts of the Administrative Discourse

Shcherbin V.K.

National Academy of Sciences of Belarus, Minsk

Administration structures of the Republic of Belarus are analyzed in the article and it is stated that it is important not only to train the necessary number of officials but also to regularly monitor world administration practice so as to take into account its achievements in our country and to remove negative manifestations in the administrative systems.

Most important characteristics of the administrative discourse, which includes political, business, financial, media and other types, are singled out in the article; possibility to identify key concepts in the administrative discourse is presented as well. All their types and subtypes, as well as their explicit discourse practices, genres and styles, should be described.

The author believes that only complex approach to the task of strengthening state management of Belarus will make it possible to considerably promote its solution.

Key words: administration structures, administrative discourse, political, business, financial, media, discourses, concept.

(Scientific notes. – 2014. – Vol. 17. – P. 141–146)

На наших глазах современный мир стремительно усложняется (дифференцируется на все большее количество составляющих его частей), а для управления этой растущей сложностью требуется все большее количество профессиональных менеджеров. По мнению известного американского социолога и футуролога Э. Тоффлера, «именно острая нужда в объединении частей в одно целое вызывает неуклонный рост больших правительств в любом обществе» [1]. В полной мере с данной тенденцией (ростом общего количества уп-

равленцев) столкнулись и страны СНГ, затеявшие весьма непростую перестройку самих основ своего социально-политического строя, в ходе которой на протяжении многих лет элементы старого, уходящего образа жизни будут «совмещаться», сосуществовать с элементами нового, нарождающегося строя. Чтобы справиться с непростой задачей по объединению, совмещению разносистемных элементов и частей, общее количество управленцев во всех без исключения государствах Содружества практически удвоилось.

Более того, спрос на услуги профессиональных управленцев в странах СНГ постоянно растет. Для удовлетворения этого спроса в Республике Беларусь немало уже сделано в области подготовки высококвалифицированных менеджеров. В частности, «завершается формирование всех элементов системы подготовки управленческой элиты. Первичным ее звеном является подготовка студентов по специальностям управления, которая осуществляется в 20 государственных и 5 частных вузах. Общее число лиц, обучаемых по специальностям «государственное управление», «бизнес-управление», «экономика и управление», составляет около 118 тыс. человек» [2]. Иными словами, каждый четвертый белорусский студент готовится стать профессиональным менеджером.

Цель статьи – выявление важнейших характеристик управленческого дискурса, показ возможности выделения ключевых концептов в нем.

Материал и методы. Но только ли подготовкой необходимого количества управленческих кадров исчерпывается проблема совершенствования государственного управления Беларуси? На наш взгляд, указанная проблема, наряду с кадровым аспектом, включает и другие, не менее важные аспекты:

1) проведение регулярного мониторинга мировой управленческой практики на предмет выявления и последующего учета тенденций, формирующихся в сфере менеджмента;

2) устранение отрицательных ментальных проявлений в системах управления. К числу таких проявлений белорусский исследователь В.С. Селицкий относит порочный, неправильный стиль управления (спонтанный, непрогнозируемый, милитаристский, садистский и т.п.); практику круговой поруки; игнорирование нормативных актов; родственные, приятельские и коррупционные связи; высокую конфликтность; девиантную корпоративную культуру [3];

3) всестороннее изучение сферы управленческих коммуникаций: выявление сложившихся в ней типов управленческого дискурса (политического, делового, финансового, медийного и прочих), а также связанных с ними других видов дискурсов; описание эксплицирующих их дискурсивных практик, жанров и стилей; определение концептуальной структуры каждого типа управленческого дискурса, а также связанной с ним дискурсивной практики, и т.д.;

4) постоянное совершенствование понятийного аппарата современного менеджмента.

Результаты и их обсуждение. На наш взгляд, только такой комплексный подход к рассмотрению проблемы укрепления государственного управления Беларуси позволит существенно продвинуться в ее решении. В частности, чтобы «оздоровить» современную управленческую практику, в рамках которой широко используются ключевые понятия (концепты) самых разных наук и областей профессиональных знаний (политологии, социологии, экономики, истории, менеджмента, теории и практики публичных рилейшнз и др.), требуется безотлагательное проведение интеллектуального «лечения» ее понятийного аппарата. На наш взгляд, совершенствование понятийного аппарата современного менеджмента сегодня может осуществляться по двум основным направлениям: а) путем выявления и определения центральных, дискурсообразующих концептов, употребляемых при описании междисциплинарных феноменов управленческой сферы; б) путем уточнения понятийного содержания ключевых концептов конкретных наук (политологии, социологии, экономики и др.), которые широко используются в рамках управленческого дискурса.

Что касается первого направления совершенствования понятийного аппарата современного менеджмента, то здесь дела обстоят неважно. Российский исследователь А.А. Касьянов даже попытался объяснить, почему до сих пор не выработаны и однозначно не определены центральные, дискурсообразующие концепты, употребляемые при описании междисциплинарных феноменов управленческой сферы: «Как правило, в книгах, изданных в разные годы, одно и то же слово, понятие, категория имеет разный смысл, значение. Разговаривая об одном и том же предмете, факте, явлении, событии, люди разных возрастов употребляют одни и те же слова, понятия, категории, но вкладывают в них разный смысл. Почему? Оказывается, за последние 100 лет у нас минимум семь раз меняли понятийный аппарат вместе с книгами (после Николая II; при Ленине полностью; во времена Сталина частично; после Сталина полностью; после Хрущева частично; после Брежнева частично; после Горбачева полностью; после Ельцина частично). Поэтому в обществе люди разных поколений, употребляя одинаковые слова, вкладывают в них разный смысл... Отсюда разрыв понимания у родителей и детей. Причина взаимного непонимания – они учились по разным учебникам,

читали разные словари, справочники и энциклопедии» [4].

Имеются немалые трудности и с определением понятийного содержания ключевых концептов конкретных наук, используемых в рамках управленческого дискурса. Как справедливо отмечают российские исследователи О.В. Тальвинский, И.Н. Бородина и С.В. Бухтояров, «очень часто авторы, пишущие на тему управления, не эксплицируют онтологические основания своих теорий. Между тем, именно онтологические основания, тот или иной способ видения устройства мира, изначально задают результаты теоретического рассмотрения проблем управления» [5].

Окончательно снять вопросы с корректным использованием дискурсообразующих и прочих концептов управленцами может только изучение различных типов управленческого дискурса и эксплицирующих их дискурсивных практик, жанров и стилей. Данное изучение будет способствовать прояснению онтологических оснований описываемой с помощью данных концептов управленческой практики. При этом начинать такое изучение следует с определения ключевых понятий, используемых в процессе его проведения. Наш взгляд, к числу ключевых для данного исследования относятся понятия *дискурс*, *управленческий дискурс* и *дискурсообразующий концепт*.

В частности, относительно определения первого из указанных понятий основатель критического дискурс-анализа Т. ван Дейк пишет следующее: «Понятие «дискурс» так же сложно, как и многие другие понятия в науках, например, «язык», «коммуникация», «сознание», «мозг», «общество» или «власть». И многие другие. В зависимости от того, какой аспект нас интересует, дискурс можно определить как «использование языка», «форму коммуникации», «форму социального взаимодействия», «речевой акт», «текст», «разговор» и так далее. С точки зрения лингвистики, дискурс – это связная последовательность письменных предложений или устных высказываний, выраженных в определенной коммуникативной ситуации с целью передачи информации или выполнения других социальных действий» [6]. Обоснованность приведенного выше определения понятия *дискурс* подтверждается исключительным многообразием интерпретаций указанного понятия, представленных в отечественной дискурсивной практике. Достаточно полный

обзор отличающихся интерпретаций понятия *дискурс* представлен нами в журнале Белгосуниверситета «Социология» [7], поэтому в данном докладе мы не будем их анализировать.

Однако заметим, что отмеченное выше многообразие существующих интерпретаций общенаучного понятия *дискурс* обусловило наличие столь же пестрого набора определений понятия *управленческий дискурс* в отечественной научной литературе, посвященной изучению данного вида дискурса. К примеру, в монографии российской исследовательницы Т.А. Ширяевой под управленческим дискурсом понимается процесс творческого следования норме, которая диктуется и познается через сложную и многомерную «профессиональную» картину мира, актуализированную через базисные понятия управленческой культуры, профессионально направленные идеи и концепты, нормы институционального и межличностного поведения, детерминирующие деловое общение, ценностные ориентации; схемы, фреймы стереотипных ситуаций, формулы; специальный тезаурус [8].

В свою очередь, российской исследовательницей О.Л. Юдиной под управленческим дискурсом понимается, во-первых, «жанровый корпус текстов, который развернут в пространстве и времени»; во-вторых, «способ передачи когнитивного содержания, вкладываемого адресантом, адресату через текст в его языковой реализации и заложенные в нем определенные стратегии подачи информации»; в-третьих, «специфический образ мышления» [9].

Наконец, российской исследовательницей Ю.В. Данюшиной «под управленческим интернет-дискурсом... понимается общение топ-менеджеров в профильных блогах, на специализированных сайтах и форумах (в конкретном случае в качестве материала был использован англоязычный дискурс, формируемый в сети преимущественно американскими и британскими бизнес-лидерами и управленцами)» [10].

Таким образом, даже из уже приведенных выше определений понятия *управленческий дискурс* можно сделать вывод о том, что дать единую, унифицированную интерпретацию данному понятию вряд ли возможно по следующим причинам: 1) исследователи указанного вида дискурса по-разному понимают понятие *управленческий дискурс*; 2) в зависимости от сферы применения данного понятия (политическая сфера, социальная сфера, деловая сфера, медиа-сфера и т.д.) выделяются разные типы управленческого дискурса, до-

вольно заметно отличающиеся между собой по своему понятийному содержанию.

К примеру, в диссертационном исследовании Н.В. Даржаевой различные типы управленческого дискурса описываются следующим образом: «Управленческий дискурс является типом институционального **статусно-ориентированного дискурса**. При исследовании дискурса в сфере организационной коммуникации выделяются бизнес-дискурс, деловой дискурс, групповой профессиональный дискурс корпоративного типа, дискурс бизнес-плана, дискурс переговоров. Если бизнес-дискурс и деловой дискурс охватывают все категории организационной коммуникации, дискурс бизнес-плана относится к письменным текстам, а переговоры – к устным, то управленческий дискурс реализуется как в тех, так и в других. Корпоративный дискурс отличается от управленческого дискурса тем, что реализуется в такой категории организационной коммуникации, как межличностное общение» [11].

В свою очередь, Ю.В. Данюшина считает, что «с началом острой стадии глобального финансово-экономического кризиса (примерно с лета 2008 г.) западные аксиологические доминанты при обсуждении деловых управленческих проблем начали претерпевать изменения. Все чаще (особенно в демократическом Интернете) стали говорить о неспособности свободного рынка к эффективной саморегуляции и о злоупотреблениях «жирных финансовых котлов» в отсутствие жесткого общественного/государственного контроля. Фактически началось формирование нового, неолиберального, **социально-ориентированного управленческого дискурса**» [10].

Иными словами, если статусно-ориентированный управленческий дискурс носит институциональный характер, поскольку ориентируется на те или иные формальные характеристики элитных сообществ, то в основе социально-ориентированного управленческого дискурса лежат менее очевидные и более замаскированные властные отношения. К примеру, такой подтип статусно-ориентированного типа управленческого дискурса, как президентский дискурс, опирается в России на целый ряд формально выраженных дискурсивных практик и жанров – послание Федеральному собранию, торжественная речь при вступлении в должность президента, прощальная речь президента, блог президента и др.

В свою очередь, социально-ориентированный тип управленческого дискурса ба-

зируется на интроспективных практиках и жанрах проявления властных отношений. Интроспективный подход помогает усвоить когнитивную природу феномена власти, показать укорененные в сознании формы подчинения и доминирования. Через интроспективную практику можно увидеть даже замаскированную тотальность властных отношений, когда маскировка – это защитная реакция нашего сознания.

При этом из приведенных выше высказываний видно, что конститутивным свойством любого типа управленческого дискурса (статусно-ориентированного или социально-ориентированного), а также репрезентирующих его дискурсивных практик, жанров и стилей, «является манипулятивность, которая здесь воплощается широко и системно, в целом спектре аргументативно-манипулятивных речевых технологий, что позволяет говорить о ее трансформации в единую систему коммуникативного идеологического менеджмента (КИМ), в область которого, помимо управленческого, делового дискурсов, входят и политические, и масс-медийные дискурсы» [10]. При этом взаимосвязи между различными типами управленческого дискурса и иными видами дискурсов (институциональным, неолиберальным, политическим, научным, экономическим, деловым и прочими) сегодня реализуются через взаимообмен дискурсообразующими и ключевыми узкодисциплинарными концептами.

К примеру, ключевые концепты бизнес-дискурса (*деньги, потребление, собственность*) сегодня активно используются в собственно управленческом и политическом дискурсах, и наоборот, ключевые концепты политического дискурса (*власть, управление, информация*) широко представлены в современном бизнес-дискурсе. Более того, Ю.В. Данюшина считает, что основные идеологемы управленческого дискурса – это «сложный имплицатурно-эксплицатурный смысловой комплекс составляющих глобальной системы производства, распределения и контроля материальных благ и ресурсов, воплощающийся в базовой понятийной диаде – «человек-материальные блага», которая отражается и в его семантической макроструктуре, а также напрямую обуславливает его концептно-аксиологическую систему: основными ценностями и приоритетами сетевого бизнес-дискурса – а значит, и его дискурсообразующими концептами – являются «материальные

блага (деньги, потребление, собственность)», которые в сочетании с «информацией (технологией, коммуникацией)» ведут к «успеху и власти» [10].

Какое же понятийное содержание вкладывается исследователями управленческого дискурса в понятие *дискурсообразующий концепт*? Если делить все концепты на ведущие и второстепенные, то дискурсообразующие концепты управленческого дискурса следует относить к числу ведущих. При этом, как показала российская исследовательница Е.И. Шейгал, «каждому типу институционального дискурса присущи специфические концепты, которые можно назвать дискурсообразующими. Эти концепты актуализируются в его ключевых знаках, составляют содержательно-тематическое ядро, формируют семиотическую модель и жанровую структуру того или иного типа дискурса» [11].

Если с учетом приведенных выше определений понятия *дискурсообразующий концепт* взглянуть на структуру современного управленческого дискурса, то в самых общих чертах ее можно представить следующим образом: **ядро** управленческого дискурса репрезентируют собственно управленческие (или дискурсообразующие) концепты, которые представляют его основную деятельность – *организацию, планирование, решение задач, контроль*. В частности, по наблюдениям Н.В. Даржаевой, в рамках жанра интервью менеджера около 25% высказываний построено вокруг этих дискурсообразующих концептов [12].

В свою очередь, **зону** управленческого дискурса составляют общенаучные и социальные концепты (*власть, общество, религия, семья, социальные практики* и др.), которые широко используются в различных видах дискурсов (управленческом, политическом, социологическом, экономическом и др.). К примеру, британский исследователь Н. Фэрклоу считает, что концепт *социальные практики* является центральным, если рассматривать социальную жизнь как сеть взаимосвязанных социальных практик. В свою очередь, по наблюдению академика РАН Ю.С. Степанова, редактора и автора вступительной статьи к «Словарю индоевропейских социальных терминов» Э. Бенвениста, речь в нем «идет о социальных явлениях (принадлежащих к кругу семьи, хозяйства, власти, религии и т.д.), которые одновременно и социально осознаны, и зачастую даже «терминологизированы» естественным образом в языке» [13].

Наконец, к **периферии** управленческого дискурса будут относиться периодически используемые в его рамках узкодисциплинарные концепты самых разных наук и областей профессиональных знаний (политологии, социологии, экономики, истории, менеджмента, теории и практики публичных отношений и др.). Достаточно широкий спектр таких узкодисциплинарных концептов разных наук, наряду с собственно управленческими и общенаучными социальными концептами, отражен в существующих словарях и энциклопедиях для руководителей.

Заключение. Таким образом, результаты проведенного нами исследования демонстрируют острую необходимость интеллектуального «лечения» понятийно-категориального аппарата современного менеджмента. Сделать это можно только в том случае, если в рамках отечественного управленческого дискурса будут выявлены и описаны все его типы и подтипы, а также эксплицирующие их дискурсивные практики, жанры и стили. Начать эту работу следует с выявления и описания дискурсообразующих (собственно управленческих), общенаучных и конкретнонаучных концептов разных направлений социогуманитарной науки, поскольку именно из концептов перечисленных выше типов и видов складывается концептуальная структура управленческого дискурса. В дальнейшем выявленные дискурсообразующие и прочие концепты управленческого дискурса можно классифицировать при помощи составленных на их материале концептуариев двух основных типов: 1) кратких (до 100 реестровых единиц) словарей концептов для каждого типа, подтипа и жанра управленческого дискурса. В качестве удачного примера таких кратких концептуариев можно назвать «Словарь текущей политики. Навигатор по Посланиям Президента РФ 2004–2005 гг.» (2005), созданный для описания ключевых концептов такого жанра президентского дискурса, как послание Федеральному собранию; 2) максимально полных (сводных) словарей концептов управленческого дискурса, посредством которых будут описываться наиболее сложные, комплексные, междисциплинарные явления дискурсивной практики управления. В качестве удачного примера такого сводного словаря концептов управленческого дискурса можно назвать «Словарь-справочник руководителя (Основные управленческие понятия в государственной, социально-экономической и по-

литической жизни)» А.А. Касьянова (2007). Главным девизом перечисленных выше работ по совершенствованию понятийно-категориального аппарата современного менеджмента должны стать слова великого российско-американского социолога Питирима Сорокина: «Больше знаний, больше науки, больше понятий – остальное все приложится».

Литература

1. Тоффлер, Э. Третья волна / Э. Тоффлер; пер. с англ. – М., 2002. – С. 122.
2. Медведев, Р. Александр Лукашенко. Контуры белорусской модели / Р. Медведев. – М., 2010. – С. 299.
3. Кириенко, В.В. Менталитет славян в контексте интеграционных процессов (хроника) / В.В. Кириенко, А.Ю. Савенко // Социология. – 2011. – № 2. – С. 142.
4. Касьянов, А.А. Словарь-справочник руководителя (Основные управленческие понятия в государственной, социально-экономической и политической жизни) / А.А. Касьянов. – Ростов н/Д, 2007. – С. 22.
5. Тульвинский, О.В. Концептуализация управления / О.В. Тульвинский, И.Н. Бородина, С.В. Бухтояров // Изв. Томск. политехн. ун-та. – 2010. – Т. 316, № 6. – С. 98.
6. Тен ван Дейк. О трендах в дискурсном подавлении, европейском национализме и гуманитарной ядерной бомбе (Интервью брали Я. Тяжлов и Е. Кожемякин) // Современный дискурс-анализ. – 2013. – Вып. 9. (Электронный журнал: [www/discourseanalysis.org](http://www.discourseanalysis.org)). – С. 4–5.
7. Щербин, В.К. Социальные концепты в структуре управленческого дискурса / В.К. Щербин // Социология. – 2013. – № 4. – С. 57–58.
8. Ширяева, Т.А. Когнитивная модель делового дискурса: монография / Т.А. Ширяева. – Пятигорск, 2006. – С. 49–55.
9. Юдина, О.Л. Метафоры и метафорические модели в российском и англо-американском управленческом дискурсе: параллели и взаимодействие: автореф. дис. ... канд. филол. наук / О.Л. Юдина. – Екатеринбург, 2012. – С. 9, 22.
10. Данюшина, Ю.В. Идеология и аксиология управленческого дискурса в интернете как проявление коммуникативного идеологического менеджмента / Ю.В. Данюшина // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Сер. гуманитар. наук. – 2011. – № 1. – С. 1–3.
11. Шейгал, Е.И. Культурные концепты политического дискурса / Е.И. Шейгал // Коммуникация: теория и практика в различных социальных контекстах: материалы междунар. науч.-практ. конф. «Коммуникация–2002». – Пятигорск, 2002. – С. 24.
12. Даржаева, Н.В. Управленческий дискурс в жанре интервью менеджера: функционально-прагматический аспект (на материале английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н.В. Даржаева. – Улан-Удэ, 2009. – С. 5–6.
13. Степанов, С.Ю. «Слова», «понятия», «вещи». К новому синтезу в науке о культуре / С.Ю. Степанов // Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов: пер. с фр. / общ. ред. и вступ. ст. Ю.С. Степанова. – М., 1995. – С. 5.

Поступила в редакцию 04.03.2014 г.

Принята в печать 21.07.2014 г.

УДК 811.161.1'42'373.23

Номинации лиц в художественном дискурсе как хранилище социокультурной информации

Шеверина О.В.

*Учреждение образования «Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова», Витебск*

Актуальность исследования обусловлена активизацией интереса лингвистов к особенностям функционирования литературных антропонимов и апеллятивов в художественном тексте и их способности характеризовать социальную принадлежность персонажа, передавать национальный и местный колорит благодаря актуализации коннотативных и ассоциативных значений.

В статье рассматривается социокультурная составляющая прагматического компонента семантики номинаций лиц в художественном дискурсе. Выбор номинации лиц в качестве объекта исследования определяется фактом соотношения человека в сознании и культуре народа с ядром социокультурного контекста. Доказывается, что литературные антропонимы, апеллятивная лексика и вариативные формулы номинации лиц в художественном дискурсе способны образовывать единую номинативную систему персонажей, которая отражает реальные модели именования, принятые в обществе, детерминированные взаимодействием человека с другими людьми, и представляет собой центральное звено в накоплении и передаче социокультурной информации.

Ключевые слова: номинация лиц, литературный антропоним, апеллятив, художественный дискурс, прагматический компонент, социокультурная информация.

(Ученые записки. – 2014. – Том 17. – С. 147–152)

Nomination of Persons in Literary Discourse as Storage of Social and Cultural Information

Sheverinova O.V.

Educational establishment “Vitebsk State P.M. Masherov University”, Vitebsk

The research is relevant due to the increase of linguists' interest in the features and functions of literary anthroponyms and appellatives in the literary text and their ability to characterize the social class character, to transfer national and local flavor thanks to the updated connotative and associative values.

The article deals with the social and cultural factor of the pragmatic component in the semantics of personal nominations in literary discourse. The choice of personal nomination as the object of the study is determined by the fact that human consciousness and national culture correlate with the core of social and cultural context. It is proved that literary anthroponyms, appellative lexicon and divergent formulas of personal nomination in the literary discourse are capable of forming a unified system of nominative characters that reflects actual naming models, adopted in society and determined by the interaction with the other people, and is a central element in the accumulation and transmission of social and cultural information.

Key words: nomination of persons, literary anthroponym, appellative, literary discourse, pragmatic component, social and cultural information.

(Scientific notes. – 2014. – Vol. 17. – P. 147–152)

Адрес для корреспонденции: e-mail: olsheverinova@yandex.ru – **О.В. Шеверина**

Выбор именованья человека определяется не только лингвистическими, но и экстралингвистическими факторами в силу того, что человек, являясь центром социокультурного контекста, может быть обозначен множественством имен (не только собственных, но и нарицательных) в зависимости от того, какую социальную позицию он занимает, к какому социальному слою он принадлежит, как он поступает, в каких отношениях состоит с другими людьми, какими личностными и внешними чертами обладает и т.д.

Социальная природа имени человека отмечалась многими учеными. Особое место в лингвистическом учении о теории имени занимают работы таких выдающихся философских мыслителей, как П.А. Флоренский и А.Ф. Лосев. В своих трудах они размышляют об имени во взаимосвязи с сущностью человека, отмечая, что имя – это нечто большее, чем сам человек. Имя, по мнению П.А. Флоренского, выступает как особый, самозамкнутый мир, как категория бытия, социальный императив [1]. А.Ф. Лосев, разрабатывая систему логической конструкции имени с диалектических позиций, писал: «Имя есть жизнь, ...только в имени обоснована вся глубочайшая природа социальности во всех бесконечных формах ее проявления» [2, с. 33].

Наиболее детальную разработку положение о социальности личного имени получило в труде российского лингвиста В.А. Никонова «Имя и общество» [3]. Ученый соотносит личное имя с социальным знаком, паролем, обозначающим принадлежность носителя к тому или иному общественному кругу. Имя, по его мнению, не только разделяет, но и вводит в ряд, связывая носителя с другими носителями того же имени и с той группой общества, в которой они приняты.

М.В. Горбаневский в своих исследованиях наряду с именем подчеркивает и социальную значимость фамилии, которой принято дорожить, так как в «истории существует много примеров, когда лишение фамильного имени сопровождалось и лишением определенных социальных прав» [4, с. 140].

По мнению Б.О. Унбегауна, имена для окружающих «оказываются значимыми постольку, поскольку отражают определенную традицию наименования, принятую в той или иной социальной среде. Соответственно, имя может выступать как социальный знак, как социальная характеристика человека – это относится как к личному, так и к фамильному

имени» [5, с. 336]. Социальными причинами обусловлено и существование параллельных систем личных имен (официальное именование, разговорные формы, псевдонимы и т.д.).

Таким образом, можно говорить о том, что система имен в реальной жизни испытывает на себе влияние многих социальных факторов в ходе исторического развития социума и, следовательно, кодифицирует и сохраняет различные грани отношений человека к обществу и место в нем человека.

Говоря о художественном дискурсе и функционировании в нем системы имен лиц, необходимо отметить, что текст занимает в его пространстве особое место, так как признается коммуникативной единицей высшего уровня и отражает действительность, которая становится как бы вторичной в силу влияния индивидуального авторского замысла, стиля и целенаправленного подбора имен для героев произведений. В силу этого возникает вопрос о том, способна ли система именованья персонажей так же, как и имена людей, функционирующих в реальной действительности, актуализировать в прагматическом компоненте семантической структуры определенную социокультурную информацию и служить тем самым хранилищем и способом выражения экстралингвистических социокультурных отношений между людьми.

Целью данной статьи является установление особенностей функционирования номинаций лиц в художественном дискурсе с выделением социокультурной составляющей в их прагматическом компоненте.

Материал и методы. Материалом для исследования послужили контекстные единицы, представленные антропонимами и апеллятивными именованиями лиц в повести В.П. Астафьева «Последний поклон». Общий объем проанализированного материала составил 530 номинативных единиц (общее количество употреблений – более 5500 тысяч).

Методологическая база исследования сформирована статистическим, качественно-количественным методами, методом сплошной выборки, систематизации и каталогизации материала, этимологического и контекстуального анализов.

Результаты и их обсуждение. Литературные имена, как полагает Г.О. Винокур, – это «особый модус ономастической действительности» [6, с. 245], т.к. система имен лиц формируется в соотношении как с антропонимической системой, современной автору, так и с

историческим периодом, отраженным в произведении. Ю.Н. Тынянов отмечает, что «каждое имя, названное в произведении, есть уже обозначение, играющее всеми красками, на которое оно способно» [7, с. 27]. В силу этого литературные персонажи получают способность заключать в себе своеобразные сигналы, которые указывают на внутренний мир, взаимоотношения, социальный статус, культурный уровень героев, а в своей совокупности выполняют функцию социальной и культурной памяти, концептуализируя и определенным образом окрашивая информацию о реальной действительности.

Докажем это на основе анализа собственных и апеллятивных именовании в творчестве В.П. Астафьева. Ядро художественной системы писателя и процесс ее развития определяют такие основные произведения, как «Последний поклон», «Царь-рыба», «Прокляты и убиты». «Последний поклон» – это автобиографическая проза о детстве, включающая 32 рассказа, в которых создается коллективный образ крестьянского мира сибирской деревни Овсянка (родная деревня В.П. Астафьева). В рассказах выявляется около 150 действующих лиц. В качестве личных имен героев в повести используются они-мы, которые были распространены на территории Сибири и соответствуют временному периоду, отраженному в произведении. Сами формы личных имен вводят в социальную среду произведения, передают специфику речи, уровень образования, социальные связи и роли, взаимные отношения жителей деревни: *Гутя (Августа), Дуня, Дунька (Евдокия), Агашика (Агафья), Акульша (Акулина), Васеня (Василиса), Катька (Екатерина), Капалина (Капитолина), Ксюха (Ксения), Лийка (Лия), Полька (Полина), Ванька (Иван), Вихторь (Виктор), Сенофонт (Ксенофонт), Левонтий (Леонтий), Митрий (Дмитрий), Митроха (Митрофан), Федоран (Федор)* и под.

Варьирование формами имен и моделями именовании разной структурной организации по отношению к действующим лицам в повести указывает на их социальные статусы и социальные роли и служит для выражения разнообразных субъективных оценочных отношений к героям. Как правило, модели именовании «личное имя + отчество», «фамилия + личное имя + отчество» свидетельствуют о достигнутом высоком социальном статусе героев. Такой герой, как представитель большой социальной группы, занимает в социальной иерархии более высокое положение во взаимоотношениях

с другими членами данной группы: 1. *Главный механик Астафьев Николай Васильевич, вас просит зайти...* [8] 2. *Алексей Алексеевич, – обратился профессор к пожилому врачу...* [8] 3. *Мастер у нас – Виктор Иванович Плохих* [8] 4. *Виктор Петрович, ты у нас человек большой, грамотный, подскажи ты нам насчет оркестра* [8] 5. *Уже работая над этой книгой, я узнал, что звали наших учителей Евгений Николаевич и Евгения Николаевна* [9].

Модели именовании «личное имя (в полной форме или гипокористическом варианте)», «отчество», «фамилия», «фамилия + имя (в полной форме или гипокористическом варианте)» служат для указания на личный статус, т.е. на положение индивида в малой группе (семья, соседская общность, бригада и т.д.). Форма именовании зависит от того, как оценивают героя члены данной группы в соответствии с его личными качествами, что привносит в имя эмоционально-модальный оттенок для выражения личного отношения субъекта к называемому лицу: 1. *Васька, Вовка и Люба росли сами собой* [9]. 2. *До войны на красноярском стадионе «Локомотив» свирепствовали все большие братья: то Бочковы, то Зыковы, то Чертеняки...* [8] 3. *Я узнавал по голосам Нюру Сидоровскую, Катю и Нюру Бобровых, Нину Шахматову, Лену Юшкову, Тоню Вычужанину...* [9] 4. *Я, Петровна, слободу люблю!* [9]

Нейтральная по субъективной оценке модель «личное имя + отчество», используемая при общении в малых группах, благодаря авторским преобразованиям в повести довольно часто приобретает положительные или отрицательные эмоционально-оценочные коннотации: 1. *Крупному, молчаливому человеку, земному в деяниях и помыслах, Илье Евграфовичу противостоял чернявый, вспльщивый, легкий на ногу, руку и мысль, одноглазый дед Павел* [9]. 2. *А вот и жена моя, Васеня, Василиса Семеновна!* [9] 3. *Какая-то свояченица под названием Капитолина Васильевна прибыла из Игарки* [8]. Как видно из приведенных примеров, контекст и подбор автором соответствующих характеристик героев создают семантическое поле разнообразных коннотаций, передающих отношение окружающих к герою: в первом случае – уважительное, во втором – добродушно-ироническое, в третьем – пренебрежительное.

Особым образом именуются члены семьи честного и работающего рода Потылицыных, который на протяжении всей повести противо-

поставляется «гулевому» роду прадеда главного героя Якову Максимовичу Астафьеву по прозвищу Мазов, «где жили по присловью: ни к чему в доме соха, была бы балалайка!» [8, с. 335]. Имена представителей рода Потылицыных практически всегда несут положительные коннотации. Так, например, употребление вариантов официальной модели именования и различных форм имени Лидия (*Лидия, Лида, Лидинька, Лидия Ильинична, Лидия Ильинична Потылицына*) с только положительной экспрессией однозначно определяет положение героини Лидии Ильиничны в обществе и передает неопределимую значимость, какую она занимала в сердцах родных и жителей деревни: 1. *Восемнадцать лет его женили на Лидии Ильиничне Потылицыной, девушке доброй, домовитой, из большой семьи, которая держалась своим трудом на земле, жила землею, как говорила с гордостью бабушка моя Катерина Петровна* [9]. 2. *При слове «Лидинька» у меня закипело в груди, слезы начали подниматься к глазам, и я хотел их, слез-то, утешения какого-нибудь хотел...* [9].

Такую же тенденцию мы наблюдаем и при анализе номинационных рядов других членов этой семьи: *Катерина, Петровна, Катерина Петровна, Катерина Петровна Потылицына; Ваня, Ванюха, Иван Ильич, Иван Ильич Потылицын; Василий, Вася, Василий Ильич; Маня, Маня-Манечка* и т.д.

Для героев, которые появляются в тексте редко, именование осуществляется в зависимости от специфики ситуации и принадлежности к той или иной социальной группе.

Высокой частотностью употребления в повести (39% от мужских личных имен и 32% от женских) характеризуются личные имена, образованные от полной или краткой формы имени с помощью уменьшительного суффикса -к(а). Такие качественные формы имен часто свидетельствуют о достаточно юном возрасте названных лиц по сравнению с главным героем и его друзьями и, соответственно, определяют место в социальной иерархии в кругу подростков: *По-щенячьи взвизгивая, чего-то крича в бестолковом восторге, хватаясь за старших сестер, несясь слепо девчонки помладше: Лидка Боброва, Люба Верикова, Шурка Юшкова, Танька дяди Левонтия, скоковские и верехтинские. И не зная никаких игр и забав сестренки с топотом, вроссыть бросались по углам...* [9] Такие формы могут также указывать на дружеские, доверительные отношения: 1. *Забравши удочки, мы с Алешкой сделали вид,*

будто отправились удить к покотине, и бабушка отпустила нас, не подозревая тайного умысла [9]. 2. *Я бегаю глазами по фотографии: вот Васька Юшков, вот Витька Касьянов, вот Коляка-хохол, вот Ванька Сидоров, вот Нинка Шахматовская, ее брат Саня...* [9].

Однако суффикс -к(а) в системе русского языка имеет не только уменьшительно-ласкательное, но и уничижительное значение, что в полной мере проявляется и в разговорных формах имен. Положительные или отрицательные коннотации, возникающие при этом у читателя, зависят от образа, раскрывающегося в повести, от контекста, отношений героя с другими персонажами и т.д. Например: 1. *Летом бабушка с другими старухами выйдет на завалинку, и вот они судят, вот они судят: и дядю Левонтия, и тетку Васеню, и Авдотьину девицу Агаишку, которая принесла дорогой маме подарочек в подоле* [9]. 2. *Апронька бегает, дрищет да копейку зашибает* [8].

В повести существуют действующие лица, для именования которых используется только одна форма имени, включающая в себя противоположные прагматические значения. Так, например, Васина и Любы дочь на протяжении всего повествования зовется только Катенькой. Уменьшительно-ласкательная форма имени используется для передачи положительной субъективной оценки этой героини, поведение которой вызывает у окружающих симпатию и умиление: *Катенька взобралась на крыльцо, будто на сцену... Подхалимский стишок произвел такое впечатление на всех собравшихся и особенно на бабушку, что я не могу этого и описать. ...Со щедрой отчаянностью она высыпала все до единой конфетки в карманчик Катенькиной матроски, всю ее исцеловала, а дядья и тетки так хвалили Катеньку, такие о ней хорошие слова говорили, что чуть было и меня не проняли* [9]. При этом та же самая форма имени в отношении Катеньки используется детьми-подростками с ироничным, язвительно-насмешливым оттенком: *Катенька... Они тоже терпеть не могли, чтобы девчонки держали в чем-нибудь верх и пуще них глянулись бабушке* [9].

Следует отметить, что в некоторых случаях автор сам объясняет, почему его героя или героиню называют именно так, а не иначе. Например: 1. *Звали ее Авдотьей, но на селе знали как Дуню, потому что до взрослого бабьего звания она здесь не дотянула* [8]. 2. *Без жень, тихой, терпеливой, умевшей укрощать*

смирением даже такой пылкий характер, каков был у ее муженька, а главное, вести хозяйство, сводить концы с концами, – *Шимка* одичал и запил ... из Ефима превратился в Шимку, да с тем званием и дни свои кончил [9]. 3. Между тем сам большевик Болтухин и его жена *Екатерина*, *Катькой* все привычно ее кликали, жили как ни в чем не бывало [8]. 4. «*Порченный*», – решили мы единогласно, и такое ему прозвище от нас и прилипло [8].

Все перечисленные выше особенности имен свидетельствуют о создании автором определенного рода знаковой системы, особого авторского кода, который не только воплощает авторские замыслы, имеет идейно-эстетическое наполнение, но и является социосемантическим объектом, хранящим и передающим информацию о социальном пространстве, времени и определяющим человеческое поведение и взаимодействие.

Однако мы считаем, что текст художественного произведения способен актуализировать определенные компоненты плана содержания не только антропонимов, но и апеллятивов, в результате чего возникают также ассоциации, тесно взаимосвязанные с социальной и культурной сферами реальной действительности.

В повести В.П. Астафьева «Последний поклон» только количественный анализ апеллятивных именованных выявляет социокультурные ценности жителей описываемой деревни. Единично встречаются и, тем не менее, характеризуют жизнь и эпоху такие номинации, как *колхозник*, *конвоир*, *каторжанин*, *комиссар*, *кровопивцы*, *уполномоченный*, *коммунист*, *ликвидаторы*, *активист*, *грамотей* и под. Важно отметить значение лексемы *ликвидаторы*, которое у современного читателя ассоциируется с ликвидаторами Чернобыльской аварии, т.е. имеет абсолютно положительную коннотацию, но в повести жители деревни ликвидаторами называют тех, кто раскулачивает зажиточных крестьян. Как точно найдено автором (или самими людьми) слово, отражающее суть раскулачивания (что в стране поняли только десятилетия спустя): ликвидировать настоящий трудовой элемент деревни, уничтожить их традиции труда, а не пьянства, их семьи, их трудом нажитое благосостояние, их свободу и очень часто – жизнь.

В.П. Астафьев описывает быт трех крестьянских семей – Потылицыных, Астафьевых, Левонтьевских. Главная социальная связь людей деревни – семья, что доказывает количественный анализ апеллятивных именованных темати-

ческого поля «Семья»: лексемы *мама*, *мамка*, *матушка*, *мать* встречаются в повести 84 раза, *семья*, *семейство* – 44, *баба*, *бабушка* – 589 (!), *дедушка* – 72, *дети*, *детка*, *детоньки*, *деточки*, *дитенок*, *дитя*, *дитятко*, *дите* – 56.

При описании семьи Потылицыных преобладают апеллятивные номинации тематического субполя «Родство» с положительной коннотацией: *бабушка*, *дед*, *дедушка*, *внук(и)*, *сестра(ы)*, *дядя*, *дядья*, *племянницы*, *детка*, *деточки* и т.д., что подчеркивает значимость и уважительность родственных взаимоотношений в этой семье. Для изображения «гулевой» семьи Астафьевых используются апеллятивы разных тематических полей, но объединенных отрицательной экспрессией «осуждение»: *мироед*, *деваха*, *девка*, *красавчик*, *плясун*, *хвастун* и т.д. Семью Левонтьевских характеризуют номинации, указывающие на «боевой» нрав семейства, члены которого «умели пропитаться «от земли», ели все, что Бог пошлет, ничем не брезговали и оттого были краснорожие, сильные, ловкие» [9, с. 62]: *орлы*, *охломон*, *мятежник*, *лиходеи*, *заливало* и т.д.

Апеллятивные номинации могут играть важную роль в раскрытии образов героев. Так, например, в повести 4 раза встречается лексема *генерал* в отношении бабушки Екатерины Петровны Потылицыной. В словаре под редакцией Т.Ф. Ефремовой мы находим следующие значения данной лексемы: 1) воинское звание или чин высшего командного состава в армии; 2) лицо, имеющее такое звание или чин; 3) перен. разг. *тот, кто играет ведущую роль в какой-л. области деятельности* [10, с. 301]. Бабушка – волевой человек, пользующийся авторитетом в силу своего возраста и жизненного опыта не только среди родственников, но и среди всех жителей деревни: *Ей некогда все. Родню надо обойти. Указать всем. Генерал!* [9] Однако зачастую люди генеральского склада вызывают у других скрытую зависть в силу ощущения превосходства над ними: – *Поднимется ни свет ни заря и никому спать не дает. Ей чё! Ей дай покомандовать!* – *поддакнула Апроня.*

– *Генерал!* – *вставила Августа* [9].

Интересно использование в повести апеллятивов *астид*, *кровопивцы*, *жиган*, *дурачок*, *окаанный*, *одер*. При использовании данных лексем с изначально отрицательной семантикой в речи бабушки при обращении к внукам, которых она очень любит, происходят своеобразные модификации значения, за счет которых на первый план выступают положительные ассоциативные

значения, связанные с образами непослушных детей, но очень дорогих бабушке: 1. *Как тебя, аспид, занесло туда? – услышал я над собой крик бабушки. Это он, штабы бабушке досадить* [9]? 2. *Она коло него, аспид, вьюном вьется, а он, видали, какие благодарствия бабушке* [9]! 3. *Токо кровопивец этот за порог, оно так и заньло, так и заньло* [9]. 4. *Ну не аспид, не кровопивец* [9]? 5. *Постой-ко, это ведь ты, жиган, сманил его на увал-то! – осенило бабушку* [9]. 5. *Дурачок ты мой, дурачок* [9]! Однако весь контекст их употребления и собственно бабушкина речь создают не только образ ребенка, который стремится быть самостоятельным во всем, несмотря на запреты бабушки, но и образ самой бабушки: как будто слышишь ее мягкие интонации, видишь любовь в глазах, доброту в скрываемой улыбке.

Необходимо отметить, что помимо номинаций отдельных героев, автор создает коллективный образ крестьянского мира сибирской деревни Овсянка, который реализуется в основном через гиперонимические номинации *жители, семейство, молодняк, ватага, компания, люди, людишки, народ, бригада, земляки, селяне* и т.д. или апеллятивизированные онимы *сидоровские, левонтьевские, бобровские, домненские* и т.д.

Как видим, за счет авторского преобразования апеллятивные именованья получают множество специфических семантических коннотаций и, как следствие, порождают ассоциации, тесно взаимосвязанные с социальной и культурной областями реальной действительности, т.е. апеллятивные единицы наряду с ономастическими являются ключевыми словами художественного текста.

Возникшая оппозиция антропоним/апеллятив определяет идею о взаимозаменяемости в речевой цепи и в номинативном ряду относительно одного и того же лица антропонимных и апеллятивных номинаций. Следовательно, можно говорить о том, что литературный образ персонажа формируется при тесном взаимодействии коннотативных и ассоциативных значений как антропонимов, так и апеллятивов, в результате чего номинативные единицы, с помощью которых обозначается персонаж, могут быть способны аккумулировать, кодифицировать и концептуализировать социокультурные феномены, а также «отображать ценностные

ориентиры личности в реальном пространстве языка и культуры» [11, с. 85].

Заключение. Антропонимы, апеллятивная лексика и вариативные формулы номинации лиц в художественном дискурсе образуют единую номинативную систему персонажей, которая является отражением реальных моделей именования, принятых в определенном обществе и детерминированных взаимодействием человека с другими людьми. Такая номинативная система представляет собой центральное звено в накоплении и передаче социокультурной информации, что предопределяет ее исключительную значимость для исследования.

Литература

1. Флоренский, П.А. Имена / П.А. Флоренский. – М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2001. – 333 с.
2. Лосев, А.Ф. Философия имени / А.Ф. Лосев // Самое само: сочинения. – М.: ЭКСМО-Пресс, 1999. – С. 29–204.
3. Никонов, В.А. Имя и общество / В.А. Никонов. – М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1974. – 278 с.
4. Горбаневский, М.В. В мире имен и названий / М.В. Горбаневский. – М.: Знание, 1987. – 208 с.
5. Унбегаун, Б.О. Русские фамилии: пер. с англ. / Б.О. Унбегаун. – 2-е изд., испр. – М.: Прогресс. Универс, 1995. – 448 с.
6. Винокур, Г.О. Избранные работы по русскому языку / Г.О. Винокур. – М.: Учпедгиз, 1959. – 492 с.
7. Тынянов, Ю.Н. Архаисты и новаторы / Ю.Н. Тынянов. – Л.: Прибой, 1929. – 595 с.
8. Астафьев, В.П. Собрание сочинений: в 15 т. / В.П. Астафьев. – Красноярск: Офсет, 1997. – Т. 4: Последний поклон: повесть в рассказах: кн. 3. – 384 с.
9. Астафьев, В.П. Собрание сочинений: в 15 т. / В.П. Астафьев. – Красноярск: Офсет, 1997. – Т. 4: Последний поклон: повесть в рассказах: кн. 1–2. – 464 с.
10. Ефремова, Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный / Т.Ф. Ефремова. – 2-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 2001. – Т. 1: А – О. – 1232 с.
11. Калинин, В.М. От литературной ономастики к поэтонимологии / В.М. Калинин // Логос ономастики [Электронный ресурс]. – 2006. – № 1. – С. 81–88. Режим доступа: http://www.nbu.gov.ua/portal/Soc_Gum/Onomn/2006_1/L1_PDF/Kalinkin1.pdf. – Дата доступа: 03.04.2014.

Поступила в редакцию 26.04.2014 г.

Принята в печать 21.07.2014 г.

УДК 81'271

Медиаконцепт «Витебск» в региональном газетном дискурсе

Лавицкий А.А.

*Учреждение образования «Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова», Витебск*

В современной лингвистической науке язык рассматривается уже не только как средство коммуникации, но и особый социокультурный феномен. В сознании каждого человека выстраивается особая языковая картина мира (ЯКМ), которая является одной из основ определения социальной идентичности. Важнейшее значение в изучении ЯКМ принадлежит понятию «концепт». В представленной статье рассматриваются теоретические и практические аспекты функционирования в региональном газетном пространстве концепта «Витебск», который идентифицируется как медиаконцепт. Теоретическая часть работы посвящена описанию особенностей содержания и структуры медиаконцепта. В практической части статьи на материале крупнейших газетных изданий Витебщины представлено описание медиаконцепта «Витебск». Предложенная для этого авторская методика включает выделение коннотативных сегментов концепта, а также лексем-репрезентантов, определяющих их смыслодержательное наполнение.

Ключевые слова: концепт, медиаконцепт, коннотативный сегмент, лексема-репрезентант, газетный дискурс.

(Ученые записки. – 2014. – Том 17. – С. 153–160)

The Media Concept of Vitebsk in the Regional Newspaper Discourse

Lavitskiy A.A.

Educational establishment “Vitebsk State P.M. Masherov University”, Vitebsk

In modern linguistic science a language is examined already not only as a means of communication but also as a special social and cultural phenomenon. In the consciousness of each person a special language picture of the world (LPW) which is one of bases of determination of social identity is built. The extreme importance in studying of LPW belongs to the notion of concept. In the presented article theoretical and practical aspects of functioning in regional newspaper space of a concept of Vitebsk which is identified as a media concept, are considered. The theoretical part of the work is devoted to the description of features of the contents and structure of the media concept. In the practical part of the article, on the material of the largest newspapers of Vitebsk Region, the description of the media concept of Vitebsk is submitted. The author's method offered for this purpose includes allocation of connotative segments of the concept, and also the representative lexemes defining their meaning and content filling.

Key words: concept, media concept, connotative segment, representative lexemes, newspaper discourse.

(Scientific notes. – 2014. – Vol. 17. – P. 153–160)

В современных лингвистических работах заметно смещение исследовательских предпочтений в сторону изучения региональных аспектов языкового пространства. Это обусловлено тем, что языковые различия характерны не только для межнационального уровня, «не менее глубоки различия, сосуществующие в рамках одного языка и находящие свое отражение в семантике языковых единиц, используемых в подязыках, обслуживающих соответствующие системы» [1, с. 15]. Исходя из данного утверждения, исследователи считают, что региональный язык – «это вторая по значимости (после литературного языка) форма национального языка, которая является средством общения значительной части населения страны» [2, с. 45].

Адрес для корреспонденции: e-mail: anton_lavitski@mail.ru – А.А. Лавицкий

Наличие региональных особенностей функционирования языковой системы, проявляющихся на различных ее уровнях (фонетическом, лексическом, синтаксическом и т.д.), позволяет говорить о феномене региональной языковой картины мира (РЯКМ) как параллельном варианте ее национальной модели. Исходя из концепции РЯКМ, логичными и актуальными представляются исследования последних лет, посвященные изучению региональной языковой личности (РЯЛ) (А.С. Зубцов, И.И. Просвиркина, Т.П. Тарасенко и др.), а также региональной маркированности различных концептов (Е.Г. Малышева, И.И. Бабенко). Наша работа посвящена исследованию и реконструкции концептов, имеющих не только особое региональное значение, но и происхождение.

Однако, несмотря на несомненный приоритет, изучение региональной специфики структуры и функционирования концептов требует затраты значительного количества времени. Так, до сих пор полностью не рассмотрены все концепты ни одного национального языка, как впрочем не решены и проблемы их количественного состава, определения единой методики их описания и т.д.

Различия в понимании и функционировании концептов на национальном и региональном уровнях обнаруживаются в практическом языковом материале. Несомненно, что одним из ключевых источников могут служить региональные СМИ, так как они не только подготовлены местными журналистами, то есть представителями РЯЛ, но и являются средствами интерпретации РЯКМ, ориентированными на различные социальные группы РЯЛ. Кроме этого, концепты, описанные посредством изучения языкового материала СМИ, логично рассматривать как особый вид – медиаконцепты, что, естественно, требует дополнительного теоретического осмысления данного вопроса в концептологии.

Основываясь на теоретико-методологических исследованиях по концептологии таких ученых, как Н.Д. Аругюнова, А.П. Бабушкин, А. Вежицкая, Ю.Н. Караулов, В.И. Карасик, В.А. Маслова, М.В. Пименова, И.А. Стерин и др., в данной статье мы ставим следующие цели: рассмотреть и разграничить понятия «концепт» и «медиаконцепт», уточнить специфику последнего, представить авторскую методику и описать медиаконцепт «Витебск». Решение поставленных целей позволит расширить теоретическую базу совре-

менной концептологии, а также будет содействовать дальнейшей исследовательской деятельности, связанной с практическим описанием региональных концептов, в том числе и особенностей их репрезентации в региональном медиaprостранстве.

Материал и методы. В качестве практического материала исследования нами выбраны публикации самых многотиражных периодических печатных изданий Витебщины за 2009–2013 гг.: «Витебский рабочий» (ВР) и «Народное слово» (НС) (с июля 2013 г. объединенные в одно издание «Витебские вести» (ВВ)), а также «Витьбичи» (В). В процессе работы были использованы различные методы лингвистических исследований, такие, как изучение корпуса газетных текстов методом сплошной выборки языкового материала и его анализа с помощью сравнительного, контекстуального, структурно-смыслового, контент- и дискурс-анализа. В практической части исследования мы использовали также математические методы, в частности метод моделирования.

Результаты и их обсуждение. Для решения комплекса поставленных задач нами был разработан алгоритм исследовательской деятельности, который включает три этапа: 1) теоретический: осмысление различий между концептом и медиаконцептом, сравнительный анализ структуры их формирования и специфики функционирования медиаконцепта в коммуникативном пространстве печатных СМИ; 2) разработка методики описания медиаконцепта; 3) практический, включающий а) изучение временных особенностей обращения печатных изданий Витебщины к медиаконцепту «Витебск» и б) непосредственное описание особенностей репрезентации выбранного медиаконцепта на материале витебских региональных периодических печатных изданий.

Следуя разработанному плану, постараемся описать отличия понятия «медиаконцепт» от понятия «концепт» (на примере печатных газетных СМИ). С нашей точки зрения, медиаконцепт – это не просто модель соответствующего концепта, вербализованная в языковом пространстве медиаизданий, но и особый социокультурный феномен, формирование которого в сознании языковой личности (ЯЛ) происходит во многом благодаря усиленному вниманию к нему со стороны СМИ. По нашим представлениям, существует два способа формирования концепта в сознании человека: естественный и целенаправленный. Для кон-

цепта характерна двусторонняя концептуализация, представляющая собой интегративный динамический процесс, соединяющий собственную активность психики субъекта, опирающуюся на индивидуальный опыт, имеющиеся знания об объекте, и влияние целенаправленных внешних воздействий. При формировании медиаконцепта приоритетным является процесс целенаправленного воздействия на субъекта (читателя) посредством восприятия им медиатекста. Таким образом, функционирование медиаконцепта ограничивается коммуникативным пространством СМИ, которое выступает ключевым внешним фактором в многолетнем процессе аккумуляции медиаконцептом культурно значимых коннотаций. Однако вне публицистического текста смысло-содержательное наполнение, приобретенное концептом в медиапространстве, не теряется, а лишь дополняет значение, закрепляющее его в качестве отдельного сегмента коллективной концептосферы. Иными словами, синтез отдельных смысловых единиц концепта в ментальный комплекс коммуникативного сознания ЯЛ генерируется и в медиапространстве.

Различие между концептом и медиаконцептом видится и в особенностях их структуры. Так, З.Д. Попова и И.А. Стернин считают, что концепт формируется в сознании человека из: а) его непосредственного чувственного опыта – восприятия мира органами чувств; б) предметной деятельности; в) мыслительных операций с уже существующими в его сознании концептами; г) из языкового общения (концепт может быть сообщен, разъяснен человеку в языковой форме); д) путем сознательного познания языковых единиц [3, с. 40]. Применительно к понятию медиаконцепт предложенная структура заметно сужается: в чувственное восприятие не входят осязание, обоняние, вкус – в печатных медиаизданиях может реализовываться только зрительное восприятие. Предметная деятельность человека в процессе формирования содержательных представлений концепта заметно ограничена также самими печатными изданиями как предметами материального мира. Процесс языкового общения при формировании концептуальных представлений человека в медиапространстве является опосредованным, так как публицистический текст медиаизданий ориентирован не на конкретного человека, а на некий образ читателя. Чаще всего данный образ соотносится с определенной социаль-

ной группой, для которой данный медиаматериал имеет приоритетное значение. Актом коммуникации можно, конечно, считать материалы интервью, однако и в этих газетных текстах участники диалога (интервьюер и интервьюируемый) имплицитно ориентированы также на массовую аудиторию. Обратная связь адресата (читателя) с адресантом (журналистом) происходит очень редко (например, публикация отзыва читателя на материал). Четвертый вариант формирования медиаконцепта – сознательное изучение языковых единиц – может быть реализован только в случае целенаправленного воздействия на читателя путем предложения ему определенного вида публицистического материала.

Следующим этапом проводимого исследования является разработка методики описания функционирующего в печатном тексте газеты медиаконцепта, которая, с нашей точки зрения, имеет некоторые отличия от существующих методик описания концепта. В медиапространстве понимание медиаконцепта личностью происходит на уровне отражения в его языковом сознании *коннотативных сегментов*, представляющих собой элементы, ассоциативно наполняющие содержательную структуру медиаконцепта. Иными словами, коннотативные сегменты – это базовые элементы осмысления, возникающие у человека при обращении к определенному явлению (медиаконцепту). В зависимости от личного опыта, особенностей восприятия окружающей реальности коннотативные сегменты индивидуальны, однако в совокупности понимаются как единое и общее субстанцирование медиаконцепта в рамках определенной культурной и духовной общности. Так, например, в газете «Витьбичи» в материале блиц-опроса, посвященного дню рождению города, на вопрос о том, что изменилось в родном городе за последние годы, жители отвечают: А) *«Появилось столько новых и красивых мест для отдыха и развлечений. <...> с удовольствием семьей ходим в новый парк «Победителей», гуляем в старом городе, катаемся на теплоходе <...>»; Б) «<...> появился новый жилой микрорайон «Медцентр», заметно приросло и «Билево»»; В) «<...> сейчас каждый выход в город – это какой-то «культпоход» (смеется). Каждый раз новые концерты, выставки, конкурсы, ярмарки». На второй вопрос о том, на что градоначальству нужно обратить первоочередное внимание, горожане дают такие ответы: А) «<...> как не стараются наши власти, а вопросы ЖКХ, по-моему, остаются самыми на-*

сущными»; Б) «Побольше бы внимания к торговле <...>»; В) «Хотелось бы, чтобы жилья в городе строилось гораздо больше»; Г) «<...> внимательнее относиться к жалобам и обращениям граждан».

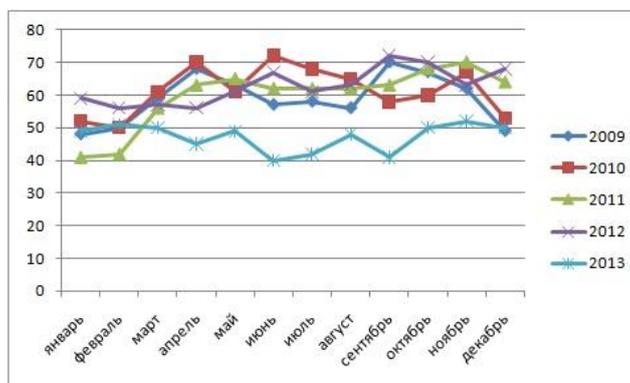
По нашему мнению, контекстуальное содержание приведенных примеров дает возможность довольно четко выделить в структуре медиаконцепта «Витебск» важнейшие коннотативные сегменты, которые способны отразить особенности его смысло-содержательной репрезентации в сознании РЯЛ. К таковым можно отнести жилищную инфраструктуру, достопримечательности (культурно-исторические объекты), власть.

Контекстуальная среда печатных газетных текстов дает возможность не только выделить коннотативные сегменты, но и раскрыть их смысл. Ключевое значение здесь имеют лексемы-репрезентанты, образующие общую поле-вую структуру коннотативной сегментации медиаконцепта. Лексемные элементы представляют собой не только совокупность слов, имеющих ярко выраженное эмоционально-оценочное значение, но и словосочетания, крылатые выражения, фразеологизмы и другие языковые единицы, позволяющие определить чувственно-содержательное наполнение коннотативного сегмента, а соответственно, и общее восприятие медиаконцепта в языковом сознании личности. Репрезентирующие лексемы создают особые интерпретационно-ассоциативные точки, формирующие для отдельных коннотативных сегментов содержательные стержни выражения личностных отношений к отдельным элементам окружающего мира. Функционально они способны не просто построить коммуникативно-ориентационную среду общего восприятия медиаконцепта в коллективном

языковом сознании, но и указать на отдельные эмоционально-психологические особенности репрезентации концептосферы, так как включают в себя языковые единицы со значениями как положительной, так и отрицательной или нейтральной коннотации.

Первым этапом практической части нашего исследования стало рассмотрение временных особенностей обращения региональных СМИ к изучаемому медиаконцепту. Актуальность предпринятого анализа позволяет не только выявить публицистическую активность региональных журналистов, связанную с медиаконцептом «Витебск», но и установить динамику изменения этой активности в диахронии. С нашей точки зрения, изучение указанных временных характеристик медиаконцепта дает возможность определить его значение в печатном пространстве газетных изданий, которые отражают информационные запросы массовой аудитории. Таким образом, темпоральная зависимость отображает актуальность медиаконцепта для РЯЛ и активность ее обращения к соответствующей тематике.

Используя для этой части работы метод математического моделирования, обратимся к установлению частотности публикаций, содержательно связанных с медиаконцептом «Витебск», в ведущих газетных изданиях Витебщины. В качестве рабочей гипотезы было принято предположение об отсутствии темпоральной зависимости обращения печатных СМИ к изучаемому медиаконцепту. Выборка практического материала за пять лет позволяет выстроить диаграмму, содержащую количественные показатели публикаций, контекстуально связанных с Витебском, в течение каждого месяца:

Предпринятый анализ в синхроническом и диахроническом аспектах показывает отсутствие явной временной зависимости обращения к выбранному медиаконцепту в газетных изданиях Витебщины в течение года. Наличие небольшого спада числа публикаций в начале года мы объясняем уменьшением общего количества информационных печатных полос газетных изданий и увеличением объема рекламных текстов-поздравлений.

Реализация следующего подпункта выстроенного исследовательского алгоритма заключается в описании содержательного наполнения медиаконцепта «Витебск», отраженного в смысловой структуре коннотативных сегментов. Выделение коннотативных сегментов следует проводить по принципу частотности к их обращению в публикуемых материалах. Именно поэтому, на наш взгляд, обязательным является количественный анализ корпуса газетных публикаций, соотнесенных с определенным коннотативным сегментом, за несколько лет. Проведенный анализ синхронизации контекстуального содержания газетных медиатекстов показал, что выделенные ранее коннотативные сегменты (*жилищная инфраструктура, достопримечательности (культурно-исторические объекты), власть*) следует дополнить *социальной инфраструктурой, промышленностью, событиями и мероприятиями культурной жизни*. Кроме этого, можно выделить еще не менее пяти коннотативных сегментов изучаемого медиаконцепта, однако количественные показатели обращения к ним дают основания считать их второстепенными. Интересным представляется тот факт, что вопросы экономического развития города не имели приоритетного значения в изучаемых изданиях, поэтому не рассматриваются нами в числе важнейших коннотативных сегментов медиаконцепта «Витебск».

В качестве примера для описания содержательного наполнения коннотативных сегментов, а следовательно, и самого медиаконцепта мы выбрали *социальную инфраструктуру и власть*. Коннотативный сегмент «Социальная инфраструктура» представлен в региональной прессе публикациями, тематически связанными с состоянием, особенностями функционирования социальной сферы города, к которой относятся учреждения образования и здравоохранения, объекты общественного питания и торговли, бытового обслуживания, благоустройство территорий, работа объектов

бытового обслуживания, транспортная система и т.д. В исследуемом корпусе газетных материалов описание указанного сегмента имеет содержательно как положительную (чаще), так и отрицательную (реже) коннотацию: А) «*Появились новые маршруты городских автобусов. Буквально через несколько месяцев будет открыт троллейбусный маршрут в микрорайон «Медцентр», а к началу нового учебного года там откроется детский сад*» (НС); Б) «*<...> были прекрасные асфальтированные дорожки с освещением, теперь кругом грязь, не предусмотрено даже малейшее освещение между проходом около домов*» (В); В) «*Не мало потрудиться предстоит на реконструируемых объектах: Концертный зал «Витебск», библиотека им. М. Горького, детская поликлиника по ул. Чкалова, терапевтический корпус больницы скорой медицинской помощи*» (ВР); Г) «*До сих пор остаются проблемными бордюры, остановки общественного транспорта, неправильно установленные пандусы или их отсутствие. На данный момент ремонту с учетом этих нюансов подлежат областная клиническая больница, терапевтический корпус больницы скорой медицинской помощи, готовится к реконструкции 1-я городская больница*» (ВВ).

Стоит отметить, что положительный имидж социальных объектов города создается в основном в журналистских текстах: А) «*Витебск с каждым днем становится краше*» (ВР); Б) «*Теперь по качеству сервиса и технологиям железнодорожный вокзал ничем не уступает европейским аналогам. Строителям удалось сохранить примечательный облик здания, полностью модернизировав его изнутри*» (НС); В) «*<...> Витебск обретает новое лицо красивого, чистого, уютного города*» (В); Г) «*Аттракционы находятся в хорошем техническом состоянии. Некоторые из них предназначены только для детей, на остальных можно развлекаться всей семьей*» (ВВ). В то же время материалы, подготовленные на основе бесед и интервью с жителями города, содержательно более негативны: А) «*С. Зверев обеспокоен санитарным состоянием улиц в Клиническом поселке: водосточные канавы возле домов засыпаны мусором, сообщает витебчанин, возле дорог лежат строительные материалы, которые мешают проехать на автомобиле*» (В); Б) «*<...> на работу приходится ехать в переполненных автобусах, интервалы между маршрутами очень большие. <...> Порой*

приходится с детьми мерзнуть на остановках часами» (НС); В) «Казалось бы, элементарная для обычного человека вещь – добраться до медучреждения. Для людей с ограниченными возможностями это настоящая проблема» (ВВ); Г) «А вот в пригородных зонах, в местах отдыха несанкционированные свалки сплошь и рядом» (ВВ).

Как отмечалось ранее, общее смысловое наполнение коннотативных элементов отражается в контекстуальной структуре публицистического материала, где ключевое значение имеют лексемы-репрезентанты. В описании коннотативного сегмента «социальная инфраструктура» они представлены широким спектром различных языковых единиц. К самым распространенным относятся существительные (*уборка, ремонт, дефицит, объект, план, маршрут* и др.), в том числе специальные строительные и дорожные термины (*термореновация, конструкция, рельеф, изоляция, реконструкция, монтаж, подрядчик, дорожная сеть (полотно, покрытие)* и др.), отглагольные существительные (*отсутствие, строительство, облагораживание, планирование, модернизация, устройство, благоустройство, перепрофилирование, устранение*), а также краткие прилагательные (*красиво, удобно, уютно, современно, темно, сложно* и т.д.). Кроме этого, высокой частотностью употребления отличается группа прилагательных, имеющих эмоционально положительное значение, с примыкающими к ним существительными, называющими организации и объекты инфраструктуры: *современные школы, детские сады, поликлиники; отремонтированные кафе, рестораны; уютные парки, скверы, кафе, зоны отдыха; отреставрированные фасады, здания, сооружения* и др. Самое большое распространение в публицистических материалах, посвященных социальной инфраструктуре Витебска, получили безличные конструкции с краткими причастиями (*решено провести, произведено обследование, выполнено решение, получено разрешение, необходимо устранить, вынесено предупреждение, разработан план* и др.). Нами отмечена также высокая частотность использования в публицистических текстах местных СМИ группы существительных, имеющих семантически подобные значения с отрицательной смысловой коннотацией: *жалоба, нарекание, недовольство, недостаток, ущерб*.

Выбор в качестве практического анализа репрезентации медиаконцепта «Витебск» в материалах местных газетных изданий коннотативного сегмента «Власть» обусловлен не-

сколькими факторами. Во-первых, это частотность обращения региональных печатных медиаизданий к указанной теме, что подтверждается наличием специальных рубрик в изучаемых изданиях: «Власть» (В), «Власть и люди» (НС, ВВ). Во-вторых, особую исследовательскую актуальность изучаемый коннотативный сегмент приобретает в связи с наличием в публикациях, связанных с работой органов городского управления, правоохранительных органов, руководства предприятий и организаций города, большого количества интервью и материалов, подготовленных на основе интервью, бесед с жителями Витебска. С нашей точки зрения, это позволит наиболее адекватно оценить понимание сегмента в сознании РЯЛ, так как данные газетные тексты в большей степени отражают экстралингвистические – прагматические, социокультурные, психологические, эмоциональные и другие факторы языковой деятельности. В-третьих, публицистические тексты, раскрывающие содержание сегмента «власть», часто пересекаются с описанием других, выделенных нами коннотативных сегментов. Обратимся к примерам, отражающим эмоциональное отношение жителей города к местным властям: А) «С такими властями жить нельзя» (ВР); Б) «Руководство <...> никогда не обходит нас вниманием, всегда с пониманием относится ко всем просьбам» (В); В) «Хорошо хоть в городском руководстве нашлись порядочные люди <...>» (В); Г) «<...> разве можно после этого верить таким властям?» (ВР); Д) «<...> специалисты только обещают <...>» (НС). Анализ корпуса газетных текстов показал, что негативная оценка деятельности власти со стороны читателей печатных медиаизданий с каждым годом снижается. В то же время журналистские тексты чаще всего направлены на положительное описание деятельности управленческих органов: А) «Успехи в работе городских чиновников говорят сами за себя» (НС); Б) «Положительная оценка дана исходя из результатов работы местных администраций» (В); В) «Победа в конкурсе в номинации «Лучший город для бизнеса Беларуси-2013» сами за себя характеризуют работу чиновников на местах» (ВР); Г) «Городские власти всегда с самым пристальным вниманием относятся к обращениям горожан» (ВВ); Д) «На «прямую линию» к председателю облисполкома дозвонились 33 человека, однако реальную помощь получит значительно больше людей» (ВР); Е) «Судебная власть должна олицетворять справедливость» (ВР).

Стоит отметить, что отрицательная коннотация сегмента «Власть» представлена в авторских публикациях журналистов с более яркой эмоциональной окраской: А) «*“Только бездушье губит нас...” Слова известной и любимой в народе песни достоверно иллюстрируют отношение некоторых чиновников*» (ВР); Б) «*<...> а то, что главная наша ценность – люди в администрации помнят не всегда*» (В); В) «*Напряженному труду – достойная зарплата*» – лозунг актуальный в любые времена. Но из-за бездействия некоторых чиновников за достойный труд люди получают только «напряженку» в зарплате» (В); Г) «*“Чинуши” на местах не подведут*» (ВВ). Кроме того, в газетных текстах, описывающих неудовлетворительную работу различных органов власти, повсеместно распространены лозунги типа «*Ответ за властью!*», «*Следующий ход за властью!*», «*Власть – к ответу!*» и др.

Среди лексем-репрезентантов, наполняющих содержательное значение рассматриваемого коннотационного сегмента, доминирующее значение имеет лексика, в большей степени соотносимая с официально деловым стилем. Реже встречаются разговорные слова и выражения (*отписки, приписки, чинуша, болтовня, чесать языком, пускать пыль в глаза, наводить марафет* и др.). Наибольшее распространение имеют лексические единицы с ярко выраженным отрицательным значением, в основном существительные: *проблема, критика, недостатки, дефицит, изъяны, несовершенство, хамство* и др., а также глагольные словосочетания с ними: *подвергать критике, выявлять недостатки, заниматься отписками (приписками), отмечать недостатки, указывать на несовершенства, видеть изъяны, создавать проблемы* и др. Среди положительно окрашенной лексики наибольшее распространение получили также глагольные словосочетания: *уделять пристальное внимание, поддерживать начинания, решать проблемы (вопросы), привлекать к ответственности, относиться внимательно (с пониманием), способствовать решению* и др. Хорошее отношение к власти со стороны жителей города часто выражается следующими лексическими единицами: *поблагодарить, высказать одобрение, остаться удовлетворенным, искренне понадеяться* и т.д.

Комплекс проведенных исследований дает возможность сделать несколько общетеоретических выводов:

– концепт как ключевое явление национальной ЯКМ имеет регионально маркированную специфику, отраженную в особенностях языкового сознания членов административно-территориального объединения;

– материалы региональных газетных изданий не только репрезентируют концепты, но и в значительной степени влияют на их восприятие;

– специфической формой концептов, функционирующих в медиапространстве печатных СМИ, являются медиаконцепты;

– медиаконцепты представляют собой особый социокультурный феномен, формирующийся в медиапространстве и отражающийся в языковом сознании посредством регулярного обращения к публицистическим текстам и их восприятия;

– значение медиаконцепта отражается в системе коннотативных сегментов и репрезентирующих их лексем, представляющих собой базовые элементы смыслового содержания.

К выводам, сделанным на основе практического анализа значения медиаконцепта «Витебск», следует отнести следующие:

– синхронический и диахронический анализ активности обращения местных журналистов к изучаемому медиаконцепту показывает значимость и актуальность темы Витебска для редакций газетных изданий, следовательно, и для представителей регионального языкового пространства;

– в дискурсивном пространстве витебских газетных изданий рассматриваемый медиаконцепт репрезентуется посредством различных коннотативных сегментов (*жилищная инфраструктура, достопримечательности (культурно-исторические объекты), власть, социальная инфраструктура, промышленность, события и мероприятия культурной жизни*), выделение которых зависит от контекстуального наполнения и частотности обращения в публицистических материалах. Коннотативные сегменты являются основными категориями концептов и способны отразить общую систему эмоционально-оценочного восприятия отдельных элементов окружающего мира;

– в содержательном наполнении публицистических текстов отсутствует явное доминирование определенной оценочности в описании выбранных коннотативных сегментов медиаконцепта «Витебск». Так, если сегмент «Социальная инфраструктура» чаще репрезентует положительный имидж северо-

восточного центра Беларуси, то коннотация власти имеет в большей степени негативное значение, которое создается в основном в интервью, беседах с жителями города и материалах, подготовленных на основе указанных методов журналистской деятельности;

– в формировании эмоционального содержания восприятия медиаконцепта «Витебск» в понимании значения коннотативных сегментов «Социальная инфраструктура» и «Власть» ключевое значение имеют лексемы-репрезентанты, представленные в основном существительными и глагольными словосочетаниями, часто соотносимыми с официально-

деловым стилем и специальной терминологией.

Литература

1. Шмелев, А.Д. Русский язык и внеязыковая действительность / А.Д. Шмелев. – М.: Языки славян. культуры, 2002. – 493 с.
2. Блинова, О.И. Введение в современную региональную лексикологию: учеб. пособие / О.И. Блинова. – Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1973. – 257 с.
3. Попова, З.Д. Очерки по когнитивной лингвистике / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2001. – 191 с.

Поступила в редакцию 29.05.2014 г.

Принята в печать 21.07.2014 г.

ПЕРВЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ОНОМАСТИЧЕСКОЙ ПЕРЕПИСИ СМОЛЕНСКОГО КРАЯ

Рецензия на словарь: Максимчук Н.А. Шумячское Порубежье в именах и названиях. – Смоленск: Маджента, 2012. – Часть 1: Материалы к ономастическому лингвокраеведческому словарю. – 280 с.

Ономастический лингвокраеведческий словарь «Шумячское Порубежье в именах и названиях» Н.А. Максимчук, вышедший в Смоленске в издательстве «Маджента» в 2012 г., явился первой книгой в реализации проекта «Ономастическая перепись Смоленского края», предполагающего сплошную перепись и всестороннее описание региональных имен собственных, характеризующих Смоленский край в его прошлом и настоящем.

Имена людей, географических объектов, событий, созданных человеком предметов и др. – это неотъемлемая часть повседневной жизни любого гражданина нашего общества. Вместе с тем имена и названия – это еще и факты языка, введение в научный обиход которых имеет огромное лингвокультурологическое значение. Они хранят память о далеком прошлом, различных ярких исторических событиях, ремеслах, промыслах и традиционных занятиях населения, отличительных особенностях живой и неживой природы родного края, о своих соотечественниках, особенностях местного языка, обычаев, быта и т.д. Имена собственные представляют собой стройно организованную и достаточно устойчивую систему, подверженную различным воздействиям и изменениям в течение продолжительного времени своего функционирования. При этом региональные имена, как отмечено самим автором рецензируемого словаря в предисловии, «обычно знакомы более узкому языковому коллективу, распространены на территории отдельной области, района, села и существуют преимущественно в устной форме. Время жизни многих из таких имен и названий ограничено». Поэтому их фиксация и детальное лингвистическое изучение весьма актуально. В этом смысле словарь профессора Н.А. Максимчук, известного русского исследователя, исключительно важен и необходим не только научной общественности, но и широкому кругу людей, не безразличных к истории и культуре своей родины.

В книге подробно и квалифицированно представлены топонимы и микротопонимы Шумячского района Смоленщины. Прежде всего в работе важно и ценно то, что впервые столь системно, глубоко, подробно и достаточно полно собран и предложен научной общественности большой фактический материал (около 2700 топонимных единиц), ранее ей неизвестный.

Словарь формируют словарные статьи двух типов – базовые и отсылочные.

Детально продумана оптимальная структура словарной статьи. В ней выделяется три зоны: зона предметных сведений, зона лингвокраеведческих сведений и зона языковых сведений.

Первая из них включает описание объекта, обозначенного топонимом, с указанием места расположения и сведений об исторических и культурных характеристиках называемого объекта: ср. *Авдóтьин хутор* – место бывшего хутора в окрестностях деревни Бычки.

Зона лингвокраеведческих сведений (зона ассоциативно-культурного фона) содержит сведения об объекте, не относящиеся к его основным характеристикам, а также текстовые иллюстрации. Именно в этой зоне использован материал, собранный в полевых условиях с привлечением материалов информантов, фамилии которых нередко указываются после конкретных текстовых иллюстраций. Ср.: *Авдóтьин хутор*... «Авдотья была инвалидом. Жила беднее всех в деревне. Избёнка у неё была маленькая, но дети любили собираться по вечерам в её доме. На столе у неё всегда лежала гора соевых блинов. Играя, дети съедали все блины, но она ни разу никому не попеняла. С тех пор я понял, что можно быть бедным и не скупым» (Д.А. Костенич).

Зона языковых сведений содержит грамматическую характеристику названия (ср.: **Краснопо́лье**... *Род.* Краснопо́ль|я, *ср.*); словообразовательное гнездо с указанием прилагательного, образованного от топонима, и существительного, обозначающего жителей населенного пункта (|| *прил.* **краснопо́льск|ий**; *жит.* **краснопо́льц|ы**, -ц|ев.); сведения о происхождении названия, его этимологии (ср.: **Дедёловка**... *Этим.* На лугу росла трава деделя (борщевик), откуда название).

Особенно хотелось бы отметить впечатляюще большой объем проделанной автором работы в процессе подготовки данного издания. Н.А. Максимчук довелось привлечь к сбору топонимов и микротопонимов более четырехсот человек, так или иначе связанных с Шумячским районом, и прежде всего жителей почти всех населенных пунктов района, как существующих сегодня, так и исчезнувших, чтобы подготовить такой необходимый широкому кругу людей словарь.

Безусловно, облегчают ориентацию в предложенном топонимиконе многочисленные отсылки. Например: **Стрека́йлы (Стрека́йлово)** – место бывшей деревни у реки Остёр, к востоку от деревни Зимонино. *См. Полохово* (с. 239). При этом не совсем корректными выглядят формулировки отсылок *см. выше*; *см. ниже*: **Стрека́йлово** – поселок в километре от деревни **Стрека́йлово** и в четырех километрах к юго-востоку от **Шумяч**. Исчез в 1970 году. *Этим.* *См. выше.*

Дополнительную ценность словарю придает список литературы, включивший значительное число новейших топонимических публикаций 2000-х годов (с. 21–23), так или иначе связанных с описываемым регионом. Но в нем, к сожалению, почему-то не нашли своего места материалы международного методического семинара «Витебщина и Смоленщина в языковых и культурных контактах: история и современное состояние» (Смоленск: СмолГУ, 2010 (вып. 1); 2011 (вып. 2)).

Важным представляется и включение в словарь раздела «Шумячское Порубежье: к истории понятия», раскрывающего содержание этого понятия и его историю.

Рецензируемая работа профессора Н.А. Максимчук «Шумячское Порубежье в именах и названиях» – ценное, важное и необходимое для общественности Смоленского края и приграничья Беларуси издание. Убеждены, что оно будет полезно не только филологам, но и краеведам, историкам, всем читателям, интересующимся прошлым и настоящим Смоленщины.

Научное издание

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
УО «ВГУ им. П.М. Машерова»

Сборник научных трудов

Том 17

Компьютерный дизайн

Л.Р. Жигунова

Корректор

Л.В. Моложавая

Подписано в печать 21.07.2014. Формат 60x84¹/₈. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 16,21. Уч.-изд. л. 19,41. Тираж 100 экз. Заказ 95.

Издатель и полиграфическое исполнение – учреждение образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».

Свидетельство о государственной регистрации в качестве издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий
№ 1/255 от 31.03.2014 г.

Отпечатано на ризографе учреждения образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».
210038, г. Витебск, Московский проспект, 33.